

БИБЛИОТЕКА
ВСЕМИРНОЙ
ИСТОРИИ



А. Ю. ПРОКОПЬЕВ

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»



БИБЛИОТЕКА
ВСЕМИРНОЙ
ИСТОРИИ

А. Ю. ПРОКОПЬЕВ

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Санкт-Петербург
«Наука»
2020

УДК 94(100)“654”
ББК 63.3(0)5
П78

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ»

*А. И. Алексеев, Д. Д. Беляев, Д. М. Бондаренко, И. О. Ермаченко,
А. А. Исэров, А. Ю. Карачинский (ученый секретарь),
Н. Н. Крадин, Т. В. Куш, А. А. Немировский, П. С. Стефанович,
П. Ю. Уваров (председатель), А. К. Шагинян,
В. В. Шишкин (заместитель председателя)*

Рецензенты:

доктор исторических наук *В. А. Ушаков*

доктор исторических наук *М. А. Юсим*

Прокопьев А. Ю. Тридцатилетняя война. — СПб.: Наука, 2020. — 385 с.

ISBN 978-5-02-040527-1

1618 год стал началом самой кровавой войны раннего Нового времени. В бою сошлись крупнейшие державы Западной и Восточной Европы — Германская империя и германские княжества, Франция, Испания, Швеция, воевавшие за веру и политическое первенство. На полях сражений проявили себя виднейшие полководцы той эпохи — шведский король Густав Адольф, Валленштейн и Тилли, в своих кабинетах исхода баталий ждали знаменитые государственные деятели XVII в. — кардинал Ришелье и канцлер Оксенштирна. Но почему эпицентром войны стали земли Германии и Империи, и что заставило принести в жертву почти шесть миллионов жизней? Почему столетия спустя так неохотно вспоминают ее немецкие корни, а война перестала быть «немецкой»? Можно ли найти альтернативу старым трактовкам, рожденным под влиянием мировоззренческой конъюнктуры и политических постулатов? Можно ли, наконец, попытаться взглянуть на события из их гущи и объяснить трагедию мнением и логикой ее современников? Книга А. Ю. Прокопьева (Институт истории СПбГУ) отвечает на эти и другие вопросы.

© Прокопьев А. Ю., 2020

© Издательство «Наука», серия «Библиотека всемирной истории» (разработка, оформление), 2016 (год основания), 2020

© Палей П., оформление, 2020

ISBN 978-5-02-040527-1

ВВЕДЕНИЕ ОТ НАЦИОНАЛЬНОГО МИФА К МИФУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Четыре века назад в Праге случились события, развязавшие один из самых кровавых и длительных конфликтов в истории Европы. Участники Пражской дефенестрации, вожди протестантского дворянства, ворвавшиеся в королевскую канцелярию в Градчанах, едва ли подозревали, какой костер они разожгли в тот день. Поначалу многое указывало на то, что выступление в чешской столице едва ли способно стать толчком к настоящему апокалипсису. Надежды на скорый мир были, но они быстро исчезли в трагичном водовороте событий.

Круглая дата — еще один повод посмотреть на события тех лет взглядом из мира, столь непохожего на тот, в котором обрелись современники 1618 г.

Память давно уже стала предметом исследовательских споров. Феномен «мемории» Тридцатилетней войны как раз дает прекрасный материал для анатомии представлений о давно ушедшем прошлом. У него есть своя история: каждое новое поколение, каждая новая эпоха пытались смоделировать свое видение событий. Историк обречен чувствовать идеи своего времени, и он вольно или невольно пытается сопоставить их с картинами прошлых столетий.

Сегодня Европа переживает удивительную эпоху: с небывалой силой с конца минувшего века в ней обозначились процессы интеграции, породившие Европейский союз. Сбои и шатания, кажется, лишь оттеняют невозможность возврата к былому множеству суверенных держав, основанных на мифе национал-государственной идентичности. На рубеже столетий его сменил другой миф — глобализация. Не случайно европейцы стали восприимчивы к историческому опыту наднациональ-

ных крупных образований, будь то рождение и трансформация Римской империи, держава Каролингов или Священная Римская империя, просуществовавшая вплоть до Нового времени.

Новые подходы в самой исторической науке, рождение и успехи исторической антропологии, «атомизация» структурного метода, опыт междисциплинарных штудий резко расширили горизонты.

Новые идеи затронули и «меморию» Тридцатилетней войны. Ее истоки, ход и результаты сегодня принято рассматривать преимущественно в общеевропейском контексте. Среди европейских коллег, особенно не немецких, считается не совсем корректным видеть причины войны лишь в сплетении обстоятельств в одном историческом регионе или возлагать ответственность за развязывание войны только на одно событие, связывать его с национальной почвой или социальными структурами отдельной страны. Мы видим очевидное желание вытеснить «национальную», или «государственную», ответственность либо специфику, очистив место для обширных параллелей. Сегодня Тридцатилетняя война все больше связывается с глобальными цивилизационными процессами, которые, как полагают, протекали в недрах европейского сообщества в раннее Новое время. Взгляд на войну, родиной которой, главным театром и главной страдалицей стала Германия, а точнее, земли Священной Римской империи (или как часто пишут наши немецкие коллеги — Старой империи, в отличие от второй Вильгельмовской, основанной в 1870 г.), весьма популярен, отчасти даже агрессивен.

«Европейский» взгляд на эту войну все больше вытесняет «немецкий». Ей давно уже навешан ярлык общеевропейской, хотя даже по формальному признаку далеко не все монархии находились в те годы в состоянии войны, а многие конфликты начались задолго до 1618 г. и продолжались вне прямой зависимости от Тридцатилетней войны. Еще шаг — и события 1618—1648 гг. рискуют быть объявленными «первой мировой войной», на что уже намекали в свое время ведущие европейские политики. Дело доходит до самых решительных суждений. В 1988 г. немецкий историк Гюнтер Барудио увидел в самом длительном конфликте XVII в. схватку «протолиберальных

сил» и диктатуры. Антигабсбургская коалиция предстала в его изображении защитницей предтеч современных демократий, коллективным борцом за толерантность, в то время как «абсолютистский» режим немецких и испанских Габсбургов воплощал мрачную тиранию уходящего Средневековья.¹ Шведский король Густав Адольф, павший на полях Лютцена, — светлая жертва, принесенная на алтарь европейских свобод.²

Другой немецкий исследователь — политолог и военный эксперт Херфрид Мюнклер — считает Тридцатилетнюю войну даже первым опытом «асимметричной» войны в истории: тактика, стратегия, формы организации, комбинация религиозных и материальных факторов придавали ей поразительную эклектику, о которой стоит вспомнить в нынешнее время, когда «традиционные» войны, основанные на четком разграничении военных и невоенных сфер, все больше уходят в прошлое.³

Чего здесь больше? Политической конъюнктуры или неодолимого желания увидеть современность в прошлом? И насколько актуализация этого прошлого способна приблизить нас к его пониманию?

Глава 1

ТЕРМИН

Влияет ли имя на судьбу его носителя? Для историка «археология» термина чрезвычайно важна, поскольку позволяет понять его осмысление современниками. Между тем наша наука «история» как системное понятие стало продуктом эпохи Просвещения и общественных дебатов XIX в. Цели и задачи исторической науки как светского предмета, отделенного от истории Откровения и Творения, формулировались временем, по отношению к которому XVII в. выступал уже состоявшимся прошлым. И вполне логично, что историки XIX в. пытались навязать своему прошлому идеи и мифологемы, коими жили сами. Потому термины, связанные с грандиозным конфликтом первой половины XVII в., истолковывались в категориях, свойственных Европе времен Французской революции, Реставрации и политических схваток середины и второй половины XIX столетия. Едва ли минувший XX в. привнес какие-то радикальные отличия и стал менее субъективным, отнюдь нет.

Современники Тридцатилетней войны стали употреблять числительное для ее определения уже начиная с 20-х гг. XVII в. Согласно исследованию Конрада Репгена, впервые слова «война» и «тридцать лет» соединились весной 1648 г., в разгар вестфальских переговоров. Тогда в дипломатической корреспонденции прозвучали слова об ужасах и тяготах войны, «бушующей вот уже как тридцать лет». Сам же термин впервые появился 1 ноября 1648 г., спустя всего неделю после заключения Вестфальского мира. В заметках на полях газеты «Европейский еженедельник», издававшейся в Гамбурге, анонимный автор дал краткий, неточный и неполный обзор военных событий

с 1618 г. Однако и позже еще часто говорили о «тридцати годах минувшей войны», «о войне, длившейся тридцать лет».¹

Очевидна разница в смысле. Сам термин «Тридцатилетняя война» предполагает целокупное и законченное событие, характеризующееся состоянием конфликта. Несколько иное значение обретает словосочетание «тридцать лет войны». Здесь выделяется ограниченный временем фрагмент явления, само по себе могущего простираться и за указанными пределами. Впрочем, еще чаще после 1648 г. говорили о «немецкой войне», и даже в запале еще не успевшей остыть религиозной конфронтации — о «Лютеровой войне». По подсчетам Репгена, прекрасно исследовавшего вопрос, именно «немецкая война» доминировала в статистике терминов вплоть до начала XVIII в.² Название выдавало очевидные приоритеты: где и вокруг чего, собственно, вращалась первопричина и суть конфликта, основной театр военных действий. То были имперско-немецкие земли и в первую очередь проблемы немецкого общества, помещенного в структуры Священной Римской империи.

В XVI—XVII вв. «национальная» принадлежность все больше ощущалась на горизонтальном срезе, охватывая отдельные исторические регионы Германии, владетельные массивы династий и побуждая видеть тамошнее население частью общей родины, общего отечества «немецкой нации». Конечно, речь еще не шла о современном восприятии, но вектор развития был очевиден: предтечей будущего национального мифа стал миф идентичности, восходивший еще к кануну Реформации, к воззрениям швабско-эльзасских гуманистов.

О «немецкой войне» писали и говорили и уроженцы Германии, и иноземцы. Причем само определение отнюдь не могло считаться новым в 1648 г. Немецкий публицист Фридрих Хортледер, состоявший на службе тюрингских Эрнестинов, в начале XVII в. опубликовал внушительный массив документов по истории знаменитой Шмалькальденской войны 1546—1547 гг. — первого крупного военного противостояния между протестантами и католиками в Священной Римской империи. Его он называл также «немецкой войной».³ Аналогия очевидна: и здесь и там речь шла об общих критериях — причины, ход и развязка роднились общей немецкой почвой, рамками Свя-

щенной Римской империи, ядро которой составляли собственно немецкие земли. Германия как субъект, породивший войну и ее окончивший, в сочинении Хортледера вполне соотносилась с Германией как первопричиной и главным театром войны тридцатилетней.

Соединение числительного с «войной» было открытием европейской мысли XVI—XVII вв. Слово «война» исключительно редко фигурировало на страницах средневековых хроник и часто — в идейном звучании как священная война с язычниками, или нехристианами, или как противостояние с силами зла, с сатаной. Термин встречался преимущественно в трактатах богословов и монастырских аскетов. И это было вполне в соответствии с христианской доктриной, с XI в. понимавшей под войной лишь одну форму — форму «священной войны» за веру, каковая установилась в ходе крестовых походов. В отношении нелегкой европейской повседневности, полной смут и распрей, чаще предпочитали говорить о «походах», «экспедициях», «стычках», «спорах», «волнениях». Лишь с позднего Средневековья слово «война» стало расхожим элементом понятийного арсенала. Но привязывание к нему хронологических границ — по сути, явление следующего века. Объяснением тому служит, вероятно, то, что в начале Нового времени длительные конфликты между монархами и элитами внутри монархий становятся нормой повседневности. Недаром многие ученые считают переход к Новому времени эпохой смут, постоянных социальных брожений — как на западе, так и на востоке Европы. Причем к этому добавлялось еще постоянное и сильное давление со стороны нехристианского мира — Османской империи.⁴

Свой вклад внесло и реформационное движение. Реформация как обновление духовной жизни и Церкви виделась протестантам — лютеранам и кальвинистам — кануном Второго пришествия, Судного дня. Сам Мартин Лютер полагал себя отнюдь не преобразователем, а лишь последним пророком перед концом времен. Впереди — Армагеддон, решающая схватка с сатаной, с силами зла. Слово «война» обретало масштабный оттенок как событие, по размаху и напряжению резко отличное от «походов» и «неурядиц». Так, выступления крестьян в 1524—1525 гг. под пером современников — и католиков, и

протестантов, потрясенных размахом и кровопролитием, — явились собственно «крестьянской войной». Общество все больше рефлексировало оппозицией: мир — война. «Мир» воспринимался не только общественной совокупностью и состоянием «согласия», но отсутствием конфликта в прямом понимании. Обе категории стали предметом обсуждений в литературно-публицистических кругах, среди юристов, духовенства и сильных мира сего.

Наконец, весьма важным было влияние идей Ренессанса и барокко. Это была своеобразная идейная мода. В ходу были произведения античных классиков, сочинения римских и греческих писателей и философов. Их изучали, их языку старались подражать представители интеллектуальных элит разных стран. В продолжение ренессансной традиции (а барокко наследовало Ренессансу) на стыке XVI—XVII вв. и особенно в XVII в. росло увлечение античной дидактикой, прежде всего произведениями Тацита. Морализаторство, взгляд на человеческую жизнь как на трагедию в духе Тацита получили большую популярность. Не случайно современные исследователи именуют подобный стиль «тацианством». На войну смотрели как на театр, подобно тому как сама земная жизнь выступала огромными подмостками в драме Всевышнего.

Эффект трагичности усиливался указанием на конкретные даты сообразно с античной традицией, исчислявшей войну Троянскую и Пелопоннесскую. Цифры подчеркивали накал борьбы и ее размеры, выпадавшие за нормы «мира». Таковы были правила античной риторики. И ее смело перенесли на XVII в. «Немецкая война» стала «войной в тридцать лет», или просто «Тридцатилетней». Окончательной формулой мы, таким образом, обязаны гуманистической трактовке писателей, оказавшихся под влиянием «тацианства». Впрочем, подражание стилю и знаменитостям прошлого не обманывало в масштабах трагедии. Скорбная риторика вполне согласовывалась с тем, что довелось пережить миллионам современников.⁵

Глава 2

ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ: ЭТАПЫ ОСМЫСЛЕНИЯ

Барокко и пиетизм. Поражает исключительно слабый, фрагментарный интерес к войне у авторов конца XVII и первой половины XVIII в. Поздние современники 1648 г., их дети и внуки почти не писали о ней свои «истории». Тем более — за пределами немецких земель: при дворах Парижа, Мадрида, Стокгольма и итальянских княжеств война упоминалась лишь как часть собственной династической истории. Между датой подписания Вестфальского мира и, условно говоря, выходом в свет «Истории Тридцатилетней войны» Фридриха Шиллера (1791—1793) попадаются лишь единичные трактаты, посвященные войне как цельному событию. Ни о каком общеевропейском интересе речь не шла.

Впрочем, отсутствие «историй» не означало забвения. Из поколения в поколение война воспринималась кровавым кошмаром, неслыханной катастрофой — в проповедях, политических трактатах, прозе и поэтических творениях. Были и свои особенности. В протестантской, особенно лютеранской, публицистике война рассматривалась как тяжкое испытание на верность св. Евангелию, как проба на прочность всей евангелической Германии, счастливо выдержанная в 1648 г.¹ Здесь еще ощущались следы острого религиозного противостояния, нотки гордости за срыв намерений «папистского» Рима покончить с прибежищем св. Евангелия. Не отставали и католики. Они истолковывали плоды 1648 г. по той же схеме, но на свой лад: еретики, одержимые дьяволом, тщетно подступали к апостольской твердыни. Рим и империя, св. Церковь и корона Габсбур-

гов счастливо пережили тяжкие удары.² Тех и других примиряла скорбь по утратам и радость желанного мира.

Позже на рубеже XVII—XVIII вв., когда на смену лютеранской ортодоксии явился пиетизм и полемическая ярость потихоньку сошла на убыль, усилилась дидактика: ненависть не приближает к Христу, война случилась по грехам людского рода. Ближе к середине XVIII в. смесь идей Просвещения и тревог за судьбы слабеющей империи все больше побуждала апеллировать к достоинствам Вестфальского мира, видеть в нем фундамент стабильности для всех подданных короны и всех европейских держав. Но поминался лишь мир. Тридцать лет, ему предшествовавших, виделись только кровавым пьедесталом для общего согласия.

Примечательно и другое: 1648 г. для немецких писателей и правоведов значил реставрацию старого порядка. Возвращалась былая гармония, а с ней — и надежда на будущее. И чем больше славословились вестфальские трактаты, тем сильнее оттенялась сама война как безумный рывок к хаосу и тотальной разрухе. Величие мира, гарантировавшего согласие и право, и ужас войны, грозившей растоптать общественные ценности! И тем сильнее звучала привычная риторика «тацианства»: сплетение событий лишь помогало обозначить глубины добра и зла, противоречия людской природы, поединок нравственных сил.³

Шиллер и Просвещение. «История Тридцатилетней войны» Фридриха Шиллера резко меняла угол зрения. К своему творчеству писатель подходил с мерками философии Просвещения: историк — лишь жалкий собиратель фактов, ремесленник, любующийся деталями. Ему не дано увидеть за чередой событий целое. Миссию обобщения может выполнить лишь философ. Главная же задача философа — не только придать целостность материалу, но и насытить его эстетическим смыслом, увидеть сами события и их героев в красоте форм, в гармонии движения. Потому картина войны под пером Шиллера предстала не столько как описание, сколько вереница вопросов и противоречий. Он постоянно дает двойственные портреты, двойственные оценки событиям. Если в первых разделах шведский король Густав Адольф предстает ревнителем веры, бескорыстным борцом за св. Евангелие, то после гибели он — уже

политик, далеко не чуждый эгоизму и голому расчету. Еще ярче в этом смысле образ Валленштейна. В одном месте он — коварный изменник, готовивший почву для предательского удара в спину Габсбургов, в другом — жертва наветов и тирании, вина которого не доказана. Сама история — «арканум», тайна прошлого, прочесть которую можно лишь заглянув в души ее героев, действовавших в знаковых эстетических формах. Расшифровать их и одновременно наслаждаться ими и есть предмет истинной философии. Ключевые герои, знаменовавшие смысл и энергетику борьбы — шведский король и его имперский визави, сходят со сцены к 1634 г. Их уход влечет утрату смысла самого противостояния. Оно становится нелепым, затяжным и кровавым. Заключительному этапу войны Шиллер отводит самый маленький раздел: все силы оставлены им на кульминацию, на битву главных героев 1630—1634 гг. Отказывается он даже от подробностей Вестфальского мира и с легкостью переадресует его описание «отдельному перу».⁴

Поразительно, но схема изложения, набросанная Шиллером, оставалась почти неизменной вплоть до XX в. Франко-шведский период занимал подчиненное, временами даже маргинальное место в общих работах. Кульминацией виделось шведское вторжение и противостояние титанов политики и стратегии — Густава Адольфа, Валленштейна и стоявшего до поры до времени за кулисами Ришелье.

Кроме того, следует помнить: «История» Шиллера была написана в годы Французской революции. Это не означало, что Шиллер преподносил категории «нации» и «патриотизма» в новом смысле, отнюдь нет. Его термины еще всецело восходили к духу Просвещения. Однако новое поколение немецких писателей препарировали идеи его «Истории» на новый, «национальный» лад.

Пробуждение и XIX в. Двойственность и противоречивость суждений великого писателя дали свежую пищу историкам, чьи труды рождались под впечатлением 1813 г. и Освободительной войны.

Имелся, впрочем, «немецкий акцент»: в целом решительно отторгая республиканские идеи Французской революции, немецкая общественность и властная элита оказались тем не ме-

нее восприимчивы к мифу «нации» и «национального государства», порожденного революцией. Мифу, актуальному вдвойне, ибо после упразднения Священной Римской империи в 1806 г. остро встал вопрос о политическом будущем немецких земель. Началась затяжная борьба за гегемонию между католической Веной и протестантским Берлином, Австрией и Пруссией. Немецкое общество бурлило в предвкушении политического единства. Национальные и государственные приоритеты были жестко вмонтированы в философию истории в духе так называемого классического историзма, одним из творцов которого стал знаменитый Леопольд фон Ранке. Обозначились и две историографические традиции: австрийская, католическая (или «великогерманская»), и прусская, протестантская (или «малогерманская», часто именуемая «барусской»). Тридцатилетняя война беспощадно «разрывалась» между «малогерманцами» и сторонниками австрийской гегемонии. Католические, ориентированные на Вену, историки считали ее неудачной попыткой объединения немецких земель под властью короны. Эгоизм, мелочность протестантских князей в купе с иноземным вмешательством навлекли большую беду на немецкий народ. Габсбурги занимали лишь оборонительные позиции, действовали всецело в правовом поле сложившихся имперских порядков, и их постоянно провоцировали радикалы из протестантского лагеря. Об этом писали Фридрих Хуртер и Онно Клопп, представители поколения «великогерманцев» с австрийскими (Хуртер) и западнонемецкими, «вельфскими» (Клопп) корнями.⁵ Им жестко оппонировали коллеги из лагеря «малогерманцев»: борьба, по их убеждению, шла во имя свободы сословий, национальной консолидации против Рима и слабеющей короны Габсбургов. Будущее принадлежало не умиравшей Старой империи, а ведущим региональным силам, прежде всего Бранденбургу-Пруссии, нашедшему силы восстать из пепла после 1648 г. и под державной десницей Гогенцоллернов столетие спустя сплотить немецкие земли.

Идеи прусских историков блестяще отразились в творчестве отца и сына — знаменитого Иоганна Густава Дройзена-старшего (1808—1884), известного своими увлечениями в области античной истории, и Густава Дройзена-младшего (1838—1908),

руководителя семинара по истории Тридцатилетней войны в Университете Галле. Дройзен-старший стал автором много-томной «Истории прусской политики», где в разделах о XVII в. сформулировал взгляд на Тридцатилетнюю войну и ее последствия для Бранденбурга. Сын же приобрел известность главным образом биографией Густава Адольфа, в которой впервые последовательно подчеркнул роль автономных политических интересов в действиях участников тридцатилетней драмы.⁶

Однако при всех различиях между этими двумя направлениями было много общего. Сторонников Вены и Берлина объединяли национально-политические критерии. Война стала трагедией для немецкого народа не только в силу материальных утрат, не удалось само национальное объединение. Вестфальский мир впервые предстал не «благословенным», «целительным» и «счастливым» актом, а общей трагедией для всех немцев, ибо надолго закрепил религиозно-политическую разобщенность. 1648 г. открыл дорогу в Германию иноземцам, прежде всего французам. Мазарини и «король-солнце» возвели Францию на вершину европейского Олимпа — на немецкой крови и немецком пепелище. 1813 г. воздал справедливое возмездие за столетия унижений и насилий. Немцы наконец обрели шанс сплотиться в едином политическом теле. 1870 г. для «малогерманцев», таких как Генрих фон Тройчке, стал реваншем и пересмотром 1648 г. Миф государственной идентичности, всемогущего единства общества и власти смело проецировался на прошлое.

Так итоги 1648 г. надолго окрасились в черные цвета. Они обозначали глубочайшую точку падения в истории великого народа, бессилие и несостоятельность политики перед лицом глобальной катастрофы. Уже много позже после Первого объединения историк из Бонна, католик Мориц Риттер (1848—1923), создаст великолепный трехтомный компендиум, подробно излагающий путь к национальной катастрофе 1648 г. Вполне в духе классического историзма он насыщает свою трилогию обильным фактическим материалом, подчеркнуто избегая религиозных пристрастий. Звучит современная автору политико-правовая лексика. И неизменен эпилог: Вестфальский мир развеял иллюзии и превратил Германию в руины.⁷

1648 г. как мотив и призыв к реваншу. Позже, в огне Первой мировой войны, память о лихолетье XVII в. послужила вновь — для ободрения сердец во имя победы над общим врагом. По иронии судьбы поражение Германской империи совпало с очередным юбилеем 1618 г., и об этом предпочитали не писать разочарованные, патриотически настроенные историки.

Повод для торжеств нашелся — правда, двадцать лет спустя: разгром Франции в весеннюю кампанию 1940 г. позволил провести широкие пропагандистские параллели с Тридцатилетней войной. Былые суждения повторялись с новой силой: наследники Ришелье, злейшего врага немецкого народа в XVII в., должны быть низвергнуты и растоптаны. Итоги Вестфальского мира отныне будут кардинально пересмотрены, черные дни нации и государства сменялись светлым триумфом. Примерно в таком ключе сразу же после победы 1940 г. развернулась подготовка к грядущему юбилею Вестфальского мира 1948 г. Ведущие нацистские пропагандисты и не последние научные авторитеты были призваны, дабы придать особую публичность и дидактику давно минувшей истории. Режим не дожил до 1948 г., но Европа в тот год все же вспоминала Вестфальский мир, правда, уже под иным углом зрения.

Официальная пропаганда нацизма лишь усиливала, доводила до абсолюта национал-политические конструкты XIX в. Притом, однако, апелляция к «социальному государству», к новому режиму как продукту «национальной революции» открывала путь к изучению общественной истории, или, как тогда называли ее нацисты, «народной истории» (Volksgeschichte). Она вписывалась в общее направление изучения общественных групп и структур вне зависимости от современных политико-государственных критериев. Первичность нации отодвигала на задний план традиционный интерес к политическим институтам, подчиняла их духовному и общественному прошлому самой нации. Подобно большевикам в Советской России, последовательно внедрявшим классово-формационную историю и уничтожавшим классический историзм и либеральные концепты, для нацистов актуальной задачей явилось изучение общественного прошлого нации, за которую они были в ответе. Тридцатилетняя война здесь стала полем для относительно

короткого эксперимента: в год победы над Францией историк Гюнтер Франц выпустил свою книгу «Тридцатилетняя война и немецкий народ». Она являла собой не столько исследовательскую монографию, сколько очерк-манифест, сжато излагавший последствия войны именно для широких слоев населения, главным образом для крестьянства. При всех своих идеологических издержках этот труд стал знаменем новых подходов к изучению XVII в. — не проекции современных политических координат, а анализа внутренних процессов в общественных низах.⁸

Поразительно, но к тому времени Тридцатилетняя война все еще оставалась предметом изучения и споров преимущественно немецких историков. Лишь единичные работы вышли за авторством их зарубежных коллег. Причем большей частью в тех странах, чье участие в самой войне было знаковым и важным для собственного будущего (Дания, Швеция, лишь в малой степени Нидерланды, Франция и Италия), и в значительной мере под духовным влиянием немецкого историзма.⁹

Перелом. Война перестает быть немецкой. Середина столетия сместила акценты. Дискуссия наконец обрела интернациональный характер. Уже в первые послевоенные десятилетия голоса немецких историков стали постепенно стихать, они отнюдь уже не были ведущими.

Что же явилось тому причиной? Несомненно, новые политические реалии и новые научные воззрения, постепенно, но уверенно прокладывая себе путь. К исходному толчку оказались причастны и большие политики. Новый лидер Франции генерал де Голль, вспоминая годы двух мировых войн, объединил их в собирательный образ «новой тридцатилетней войны». Вторила ему и другая знаменитость. Уинстон Черчилль в тот самый юбилейный год, мыслившийся нацистами годом реванша за печальное прошлое, возглашал: мир должен осознать, он пережил новую Тридцатилетнюю войну. Задача послевоенной Европы — создать для себя эффективно работающую новую вестфальскую систему. Термины смелые и неточные: между цепочкой конфликтов 1914—1945 гг. не было столь ясной преемственности и тесной связи, как между 1618—1648 гг. Но важен был манифест, образ. Он уже нес в себе представления о новом

единстве Европы и необходимости его сохранения вопреки новому расколу и созданию блоковых систем.

Политика не ушла из истории, сама история очередным разом приспособлялась к политике. «Мемория» войны решительно озвучивалась на новый лад. Торжества 1948 г. виделись ее участникам, лидерам Западной Европы, символом нового порядка, новых гарантий и новой безопасности. Фриц Дикманн, почти тогда же опубликовавший свое исследование, до последних лет оставшееся самым обстоятельным опытом изучения Вестфальского мира, хотя все еще и оперировал национальными категориями, но склонен был видеть 1648 г. уже не в столь печальном свете, в каком его представляли историки до той поры. С концом войны открывалась пусть тяжелая, но реальная перспектива относительного благополучия, в котором старой Империи и разобщенному немецкому народу удалось просуществовать вплоть до XIX в.¹⁰

Дискуссии 1950—1960-х гг. З. Г. Штейнберг и К. Репген. Инициатива крупных системных переосмыслений теперь исходила от ученых, находившихся за пределами двух Германий. Самыми острыми оказались публикации английского коллеги с немецкими корнями Зигфрида Генриха Штейнберга, попытавшегося радикально переосмыслить ход войны и ее итоги. Первая его статья увидела свет в канун юбилея 1948 г. и позже была развернута в монографию. Штейнберг, пожалуй, был вторым, после Веджвуд, кто гораздо последовательней использовал широкий общеевропейский контекст.¹¹ Для него события 1618—1648 гг. не формируют отдельное целое, они были слишком сильно интегрированы в цепочку войн и конфликтов, крупных и малых, начавшихся задолго до Пражской дефестрации и окончившихся уже после заключения Вестфальского мира. Рождение термина и понимаемого под ним события связано, по его мнению, заведомым натяжкам немецких придворных историографов и особенно националистической традиции последующих столетий. С этим же автор связывал, как он полагал, преднамеренное сгущение красок в оценках последствия войны для немецких земель. Прусские историки сознательно искажали картину, дабы на фоне мифических утрат в выгодном свете представить заслуги нового поколения курфюрстов

и королей — миротворцев и созидателей. Несомненно, столь очевидная крайность провоцировала опровержения. Но она же способствовала более широким перспективам: одновременно со Штейнбергом англо-американские ученые все чаще говорили о европейском кризисе XVII в. Он виделся масштабным общественным явлением, проявлявшимся бурными процессами, восстаниями и войнами.

Взгляды Штейнберга подтолкнули к ответу его немецких коллег, причем как из Западной, так и из Восточной Германии. Последовательную критику идеи английского специалиста встретили у Конрада Репгена, одного из лучших знатоков эпохи. Репген тщательно реконструировал процесс рождения термина «Тридцатилетняя война» и его понимание современниками, которые считали ее цельным событием. Название войны не было выдумкой потомков, а целиком восходило к позднегуманистической традиции немецкой литературы, оно вполне исторично.

В то же время корифеи аграрной истории — уже упомянутый Гюнтер Франц и его коллега Вильгельм Абель — неоднократно пытались развеять сомнения в реальности людских и материальных утрат. Война не могла стать трагической страницей и отпечататься в памяти потомков исключительно по прихоти придворных летописцев и властителей. Статистика и анализ по регионам подтверждают, хотя и дифференцируют, общую картину потерь.¹² Откликнулись и коллеги из ГДР: в первом томе своей «Истории быта немецкого народа» Юрген Кучински (правда, с марксистских позиций) резко критиковал положения английского ученого.¹³

Свой, и немалый, вклад в глобализацию дискурса внесли марксистские историки. Формационная теория в меньшей мере, хотя и с опорой на иную теоретическую основу, утверждала общеевропейский угол зрения. По мнению ее сторонников, события 1618—1648 гг. отражали глубинные противоречия между нарождавшимся миром «буржуазных государств» во главе с Нидерландами и реакционными силами уходящего в прошлое феодализма, главными защитниками которого была старая Церковь (Рим) и австро-испанские Габсбурги. Победа антигабсбургской коалиции была частью слома старой феодальной формации, важным «политическим» рубежом в переходном периоде от фео-

дализма к капитализму.¹⁴ Впрочем, опыт формационного толкования оказался слишком ограничен судьбой советского восточного блока и к тому же явно страдал чересчур смелыми обобщениями, на поверку далеко не всегда находившими подспорье в изучаемых процессах. Сюда же добавлялось желание под покровом формационного взгляда протолкнуть идеи «национально-государственной причастности» России к трагедии 1618 г.¹⁵

И все же формационный подход оказался весьма показательным для второй половины XX в. Сегодня он, скорее, достояние прошлого. Отечественная германистика все заметней концентрируется на актуальном русле научного дискурса, появились многочисленные наработки, с разных сторон освещающие войну и общество, пробуждается интерес и к проблемам «немецкой идентичности».¹⁶ Вышедшая в 2015 г. (первая!) коллективная монография российских и немецких историков, посвященная Тридцатилетней войне, стала, бесспорно, крупным событием и прекрасно показала возможности отечественных специалистов как на теоретическом уровне, так и в аспектах локальных штудий.¹⁷

Война сквозь призму структурализма. Системный охват рано или поздно должен был увенчаться «структурным» распадом. С конца 70-х гг. центр тяжести исследований все больше смещался в сторону отдельных социальных групп и институтов власти. Внимание все больше привлекали и предметы, давно не интересовавшие ученых по причине их кажущейся архаичности: персональные связи, способы коммуникаций. Итогом стала «реабилитация» самой Старой империи как сложной системы, развивавшейся по правилам сословного общества, которые не могут быть адекватно истолкованы простым наложением критериев государственности XIX в.

Тридцатилетняя война теперь предстала выражением системного кризиса Империи, осложненного внешним вмешательством. Участники кровавой драмы и отдельные события оценивались теперь не столько территориально-государственными перспективами, сколько, казалось, давно забытыми имперскими. Вроде бы через «реабилитацию» Империи стало возможным вернуть «немецкую точку зрения» на войну. Два историка конца XX в. хорошо показали пограничность ситуации: предпо-

дававший в Тюбингене профессор Фолькер Пресс и его ученик Георг Шмидт. Пресс видел Империю резервуаром возможностей, ее механизм — весьма эластичным, а кризисы XVII в. — экзаменом на прочность, который она с честью выдержала и дожила до 1806 г. Вестфальский мир спас Империю, как когда-то спас ее Аугсбургский религиозный мир в 1555 г.¹⁸ Но Пресс предпочитал все же не акцентировать «немецкое ядро». Зато его ученик сосредоточился именно на немецкой перспективе. Война, по мнению Шмидта, обнажила трагичные «ножницы» между «политической» и «культурной» нацией, когда под покровом Империи сосуществовало и прошлое, и будущее нагромождение традиционных институтов и пробуждающаяся мифология нации. Конъюнктура позволила в конечном счете актуализировать «национальный дискурс».¹⁹ Но очень быстро автору указали на границы: коллеги по цеху и даже политическая общественность увидели здесь опасность возрождения старых иллюзий, хотя именно их и пытался преодолеть Шмидт. Его опыт остался весьма одиноким для рубежа столетий. Он не подходил модным направлениям.

Война и конфессионализация. Столь же глобальным размахом явилась и концепция конфессионализации, сформулированная немецкими историками 1950—1980 гг. В. Цееденом, В. Райнхардом и Х. Шиллингом. Она основывается на отказе видеть в религиозном расколе и борьбе протестантов с католиками лишь противостояние прогрессивных и консервативных начал, антinationального или национального. Не было Реформации и Контрреформации как отдельных общественно-исторических этапов. Речь идет о глубоком процессе трансформации европейской христианской цивилизации под влиянием раскола, вызванного выступлением Лютера. Он привел к рождению конкурирующих религиозно-культурных сообществ — католиков, лютеран и кальвинистов. Все они опирались на типологически схожие структуры сословного мира и развивались по общим законам становления религиозных сообществ. Борьба за место под солнцем неизбежно должна была достичь наивысшего накала. Она совпала с первой половиной XVII в. Тридцатилетняя война, по мнению авторов концепции, знаменовала пик религиозной борьбы и самой конфессионализации.²⁰

Историко-антропологическая альтернатива? Взгляд из космоса и с земли. Чем дальше, тем больше дискуссия уходит в заоблачные дали цивилизационного масштаба. Под стать человеческому фактору стал привлекаться и природный. Истоки глобального кризиса, поразившего Европу, стали искать в естественных катаклизмах. Так, в 1970—1980-х гг. появилось понятие «малого ледового века», пришедшее из среды американских геологов и гляциологов. Им ныне принято обозначать период резкого похолодания, наступившего на исходе XVI в. и продолжавшегося почти два столетия. Лютые морозы зимой и дождливые летние месяцы, наводнения и участвовавшие циклы морских трансгрессий, наступление альпийских ледников на долины и частые неурожаи — все в совокупности тяжким бременем ложилось на аграрный фундамент европейского мира. Следствием становились голод, высокая смертность, неуверенность в будущем и активный протест. Климатический фон должен был подстегивать и усугублять социальную трагедию.²¹ Казалось, что еще нужно, чтобы окончательно превратить 1618 г. лишь в крохотную точку на горизонте планетарного масштаба? И нужна ли тут анатомия, если вопрос собственно не в ней, а в тектонических подвижках цивилизации и природы?

Поразительно, но именно на рубеже веков свершился замечательный переворот. Если одной своей стороной споры замкнулись глобальными концептами, то другой — «провалилась» вниз и оказалась на этажах антропологических опытов. Собственно здесь не было ничего удивительного: структурализм по природе своей обречен на «атомизацию» изысканий. Под прицелом оказывался индивид, конкретный участник конкретного события, человек и его мысль. Так спустя столетия вновь воскрес интерес к современникам войны, и не только именитым. Своеобразной предтечей, хотя и окрашенной политической риторикой минувших десятилетий, стала книга Голо Манна о Валленштейне, впервые напечатанная в 1972 г. и выдержавшая с тех пор десятков изданий.²² Литературный дар автора оказался слишком блистательным, чтобы подойти с его мерками к другим героям. Но заметно вырос интерес к современникам на страницах так называемых эго-документов — дневниковых записей, писем, мемуаров и эссе, к формам повседневности,

к быту и традициям исторической «мемории». Война как государственно-правовая категория уступила место войне как социокультурному феномену. На смену парадигме «война и государство» пришла другая — «человек и война».²³ Несомненно, большим событием стала публикация записок солдата Петера Хагендорфа, осуществленная неумолимым Яном Петерсом, открывшим в 1988 г. удивительную рукопись в залежах Библиотеки прусского культурного наследия. Дневниковые записи отдельных лиц, «мемуары» публиковались время от времени и раньше. Но принадлежали они большей частью военной и гражданской элите, старшим офицерам, дворянам, купцам и духовенству. Здесь же перед нами впервые предстал рядовой участник событий, солдат, дослужившийся до капрала и 24 года жизни отдавший войне.²⁴ Успешен сегодня и центр по изучению источников военного времени в Йене: на его счету не одно электронное издание средненемецких текстов.²⁵ Что это, скромные, профессиональные усилия по-новому осветить трагедию четырехвековой давности?

Так, в начале нашего века споры о войне приобрели вид впечатляющих ножниц. Одним лезвием они достигли высот глобализации, другим низверглись до глубин размышлений отдельного современника. Можно ли историку попытаться если не свести, то хотя бы соотнести стремительно разбегающийся полет двух планет? Перевес сил у «взгляда из космоса» пока еще велик. Подчас кажется, что вернулись времена Просвещения: лишь философ способен собрать воедино и логично осмыслить антикварную рухлядь историка. На роль философов-титанов сегодня назначены знатоки глобализации. Тридцатилетняя война предстает как большой цивилизационный феномен. Она все меньше напоминает ограниченный в пространстве и времени конфликт. Подобно китайской шкатулке, она раскрывается множеством плоскостей и структурных комбинаций. Какого соблазна здесь больше: прочитать по ним прошлое или приспособить его к современности? Глобализация неизбежно влечет актуализацию, причем, как показывает книга Х. Мюнклера, даже с политических позиций. Но профессиональный историк прекрасно знаком с опасностью осовременить минувшее. И трезвые голоса уже призывают видеть 1618 г. принадлежащим исключительно прошлому.

Все больше тает «немецкое ядро». Авторы большинства монографий пускаются в пространные рассуждения о европейских предпосылках 1618 г. Ими чаще всего предваряется разговор о немецких обстоятельствах. Германии и Империи словно бы уготована роль подмостков грядущей драмы, роль лишь одних из многих «виновниц» в развязке 1618 г. Причины войны, словно квоты, распределяют между будущими ее участниками. Сегодня стало дурным тоном говорить о региональной, или «национальной», идентичности конфликта. Корректным признается лишь общеевропейский взгляд, глобальный охват или, по крайней мере, констатация широты охвата: первая «асимметричная война», противостояние свободы и тирании, толерантности и нетерпимости. Вплоть до ярлыка «первой мировой войны». Сколько ярлыков и сколько усилий!

Несомненно, в крайностях повинно время. Спустя годы, когда преобразуется сама европейская идея, мы обязательно станем свидетелями «другой» истории. Новый взгляд сегодня лишь продолжает бесчисленный ряд «меморий». Окончившись в 1648 г., война породила множество войн «памяти», за которыми все труднее разглядеть взгляды и мотивы современников. Они задавлены междисциплинарными шаблонами и холодными теориями. Голоса прошлого... Можно ли различить их сегодня? Во всяком случае, они заслуживают того, чтобы новое поколение историков их расслышало.

Глава 3

НОВЫЕ ВОЙНЫ ПО СТАРЫМ ПРАВИЛАМ?

Европа охвачена войной. Невозможно отрицать небывалый рост военной активности на рубеже XVI—XVII вв. Войн было много, и они охватывали огромные регионы. Многие из них возникли задолго до 1618 г. и угасли много позже 1648 г.¹ К началу XVII в. в Европе отчетливо вырисовывались четыре переплетенные друг с другом большие зоны напряженности. Несомненно, одним из самых старых и острых было противостояние французских Валуа и испано-германских Габсбургов.

Корни его восходили еще концу XV в., к нерешенному бургундскому вопросу, когда после гибели Карла Смелого на замерзших болотах Нанси в 1477 г. и Империя, и французская корона протянули руки за его наследством. Итальянские войны стали лишь продолжением бургундской проблемы. В 1559 г. по условиям договора в Като-Камбрези Франция, потерпев военное поражение, смирилась с лидерством Габсбургской Испании в северной и южной Италии, в Неаполе и Милане и вдоль верхнего Рейна — так называемом рейнском коридоре, связывавшем через Франш-Конте и Эльзас оба блока габсбургских владений в Нидерландах и северной Италии. Позже, ввергнутая в хаос религиозных войн, Франция надолго утратила способность эффективно для себя вмешиваться в большую европейскую политику. Лишь воцарение первого Бурбона, Генриха IV, и реставрация внутреннего мира реанимировали давление во вне. Сильно нуждаясь в надежных союзниках против Испании, владения которой стягивались почти по периметру наследственных земель французской короны, новая династия предпочла тесную дружбу с протестантскими Нидерландами, Англией и немецки-

ми протестантскими сословиями. Любой противник Испании, где бы он ни находился, становился потенциальным другом первого Бурбона.²

Другой пылающий очаг борьбы разделял Испанию и восставшие Нидерланды. Марксистские и некоторые современные российские историки называют это восстание «нидерландской революцией», сами же голландцы — «восьмидесятилетней войной за независимость», обращая внимание на социальные силы и экономические ресурсы, вовлеченные в борьбу. Война, открывшаяся массовым движением кальвинистских консисторий против Католической церкви, иконоборчеством (название, мягко скрывающее дикое разграбление и уничтожение тысяч памятников, особенно в южных провинциях), привела к расколу собственно исторических Нидерландов. У испанской короны хватило сил взять под контроль южные территории, Брабант, Артуа, большую часть Фландрии, чему немало содействовала сила традиционного уклада, а также таланты герцога Александра Пармского, одного из лучших полководцев Европы. Сменив администрацию менее удачных предшественников, этот природный стратег, не жалея сил, личных средств и искусно лавируя между непрочной коалицией противников, взятием Антверпена в 1585 г. положил предел успехам мятежников на юге. Но север был потерян для Испании: в 1579 г. в Утрехте образовался альянс северных провинций, в структурах которого все очевидней становилось лидерство Голландии с Амстердамом во главе. Избранная к управлению провинциями династия имперских князей Нассау-Оранских вполне справилась с поставленными задачами: военное давление испанцев на север выдохлось, обе стороны, измотанные долгой войной, в конце концов взяли передышку. В 1609 г. было заключено двенадцатилетнее перемирие между Соединенными провинциями и Мадридом.³

К обоим регионам были привязаны и интересы Англии. С момента победы у себя протестантской реформации и начавшегося резкого и последовательного противостояния Испании обе правящие династии — и Тюдоры, и Стюарты — склонны были более или менее решительно поддерживать противников Мадрида на континенте, будь то восставшие Нидерланды,

французские гугеноты или основатель династии Бурбонов король-конвертант Генрих IV. К тому же набиравшую морскую мощь Англию весьма стесняла испанская конкуренция в Атлантике. Там постепенно намечалось настоящее морское соперничество в борьбе за золото, поставляемое из Нового Света на континент.

Еще один очаг вспыхнул на севере. Там в XVI в. развернулось почти двухсотлетнее противостояние, рассыпавшееся на множество локальных войн и именуемое «борьбой за Балтийское море» — *dominium maris baltici*. В схватке сошлись морские державы и соседи Швеция, Ганза, Немецкий орден в Ливонии, Польша (Речь Посполитая), Дания и Московское царство. Название, разумеется, условное, поскольку начало многих из этих конфликтов не было напрямую связано с морскими интересами участников противостояния. Большие и малые сшибки в конце концов вылились в целый ряд длительных и очень тяжелых конфликтов. Они открылись знаменитой Ливонской войной в 1558 г., продолжились Северной семилетней (1563—1570), позже — русско-шведскими (1590—1595 и 1610—1617), польско-шведскими (1600—1629) и датско-шведскими (1611—1613) войнами. Борьба за Балтику изменила местные социальные структуры, в ее горниле исчезли остатки ливонского филиала Немецкого ордена, были перекроены старые границы держав, в то время как участники непременно искали поддержки среди странединоверцев в Европе.⁴

Наконец, на юго-востоке, в бассейне Дуная, в западной Венгрии, пролегал рубеж давнего противостояния христианского мира с Османской Портой. После гибели «второго Рима» — Византии — империя Габсбургов уже давно прикрывала здесь своим щитом подступы к Центральной Европе. Весь XV в. и первую половину XVI в. медленно, но верно этот балканский «фронт» прогибался под колоссальной турецкой мощью. Было оставлено среднее течение Дуная, практически вся Трансильвания и, наконец, восточная Венгрия с Будой и Пештом. В 1529 г. турки впервые оказались в радиусе Вены. На исходе XVI в. император Рудольф II решил наконец возобновить борьбу. Она продлилась почти 13 лет и получила название «долгой турецкой войны». Был момент, когда императорские войска овладе-

ли ключевыми крепостями западной Венгрии, включая Рааб (сегодня Дьёр), и даже Пештом. Но для закрепления успеха не хватило денег и согласия внутри Империи. Протестантские сословия и наследственные земли Габсбургов отказывались финансировать общеимперскую армию, поскольку не получили традиционных гарантий со стороны престола. Турки перебросили на военный театр крымскую конницу Казы-Гирея и вновь завладели инициативой. В конце концов Адрианопольский мир 1606 г. восстановил положение *status quo ante*. Все отнятое возвращалось назад. Над Дунаем повисла зыбкая тишина: обе стороны зорко следили друг за другом, и было ясно, что решение турецкого вопроса откладывалось на неопределенное время. Порта окружила свое европейское приграничье княжествами-сателлитами, такими как Трансильвания, где гарантировались религиозная и социальная самобытность населению, права местным династам и позволялось очень многое в отношениях с соседями. Подобные образования смело использовались для ослабления приграничных держав — Польши и Империи, вынужденных вязнуть в бесчисленных спорах, рискуя разбудить до поры до времени дремавшего гиганта — хозяина этих вассалов Великую Порту.⁵

Действительно, собранные воедино, все эти тлевшие и пылавшие очаги способны возбудить представление о столетии 1550—1650 гг. как об эпохе сплошных войн. Так думаем мы, живущие в условиях непрерывного информационного потока, когда все заметные вооруженные конфликты в мире так или иначе укладываются в формулу противостояния если не лагерей и блоков, то, по крайней мере, ведущих держав и их сателлитов.

Честь, репутация, гегемония и патриотизм. Вопрос, однако, в том, что причины конфликта формировались традиционной средой, нормативами и правовыми представлениями, восходившими еще к Средневековью. Исходный посыл отталкивался от идеи нерушимости христианского мира, его внутреннего единства, заложенного Творцом и символически отраженного в Библии, — от идеи, что монархи Европы — суть одна большая семья защитников веры, поспешествующих Церкви в миссии спасения человеческих душ. Средневековая богословская и

правовая мысль вообще исключала возможность войн между христианскими государями. Речь могла идти лишь о конфликтах, нормированных обычным и ленным правом, целью которых неизменно становилась реставрация утраченной гармонии. Все воюющие сильные мира сего апеллировали, как правило, к нарушению собственных прав, интегрированных в громоздкое сплетение вассально-ленных отношений, что рассматривалось ущемлением совокупного брэнного и духовного тела государя. А поскольку в христианском мире любой «чин» в иерархии был продуктом суверенной воли Творца через Церковь, то его существование признавалось вечным, вплоть до последних дней Второго пришествия. Следовательно, никто из христианских государей или их вассалов не мог своевольно упразднить или ущемить достоинство того или иного «чина» или «сословия», тем более стоящих на одной ступени иерархии. Потому целью конфликтов становилось восстановление ущемленной «чести» и «репутации», поиск компромисса, позволявшего восстановить попранный статус и соответственно репутацию всех замешанных в конфликте «чинов». Отсюда — небывалая для современного мира длительность споров, их подчас крайне равный ритм, комбинация активных и пассивных фаз, замораживание или забвение на определенных этапах и новое возгорание на последующих.

Старые ценности никуда не исчезли с наступлением XVI в. Они оставались и играли все еще важную роль в отношениях между членами христианского сообщества, вплоть до французской революции и Наполеоновских войн.

На пороге 1618 г. ярче всего традиция была заметна в противостоянии французской короны и Габсбургов. Идеология иерархии проступала здесь самым выразительным образом. Мадрид и Вена, Испания и Империя считали себя фундаментом европейского христианского единства. Империя как первая монархия Европы обязана была быть гарантом общехристианского согласия. И в Вене, и в Мадриде настоящий ренессанс переживала доктрина «универсальной монархии» как сообщества христианских владений, собранного под патронажем Габсбургов.⁶ Последние видели себя прямыми наследниками Карла Великого. Французская корона, стоявшая у них на пути, должна

была знать свое место державы «второго порядка». Речь шла не о вмешательстве в суверенные права собственно короля Франции в его владениях, а о его амбициях в Европе, которые нуждались в контроле со стороны именно Габсбургов. Обе стороны еще на рубеже XV—XVI вв. развернули массивную пропаганду своих интересов. Они искали оправдания своей значимости целиком в соответствии с представлениями о знатности самой династии, ее главных частях, как и у всякого дворянина: по древности, родству и добродетельности. Аргументации немало способствовали писатели-гуманисты, охотно апеллировавшие к свидетельствам древних авторов. Набирала ход также риторика «наций» и «патриотизма», все еще далекая от современных категорий и щедро замешанная на античных и христианских представлениях.⁷ Так или иначе, провозглашалась борьба за лидерство в европейском сообществе. «Гегемония» как форма иерархии всегда присутствовала в воззрениях Средневековья, здесь не было ничего нового. Но обеспокоенность ею и устремление к ней говорили о тяжелом кризисе идентичности: кто имеет больше прав венчать иерархию теперь, под грохот пушек и социальных потрясений?

Влияние религиозного раскола? Парадокс: Реформация, казалось бы, обособившая от Рима обширные регионы и обострившая старые конфликты, не только не разрушила фундаментальную идею единства сообщества христианских монархов, но и резко ее актуализировала. Все стороны мечтали о полной победе, о торжестве в рамках единой моноконфессиональной Европы. Здесь прекрасно проступала логика конфессионального универсализма. Но временные компромиссы оказались неизбежными. Опыт поколений после 1555 г. стал в конечном счете опытом взаимодействия разных религиозных полюсов.

И протестанты и католики не склонны были сгущать представления друг о друге, по крайней мере в публичном выражении. Повсюду была заметна риторика «христианского мира», общехристианского согласия. В официальных манифестах, правительственных актах, соглашениях и меморандумах ощущалось то, что тогда называли «диссимуляцией», сокрытием религиозной подоплеки. Так, Испания постоянно позиционировала себя «потерпевшей» стороной, ущемленной в собственном

статусе незаконным мятежом ее подданных в Нидерландах. Риторика королевских дипломатов была насыщена оппозициями «законная — незаконная» власть, «добродетельная королева — коварный мятежный подданный». Той же монетой платили и Соединенные провинции: на переговорах с Мадридом ни словом не поминались конфессиональные различия, речь шла лишь о «прирожденных свободах» сословий, вольных сопротивляться тирании сюзерена. То же касалось и конфликтов внутри самой Империи: официальная публицистика Шмалькальденской войны 1546—1547 гг., первой религиозной войны в Германии, не прибегала к религиозному инструментарию возмездия или борьбы с еретиками или папистами. Подобные мотивы предназначались лишь для внутреннего потребления: для придания стойкости единоверцам.⁸

Раннее Новое время не знало практики объявления войны, разрыва отношений. Большой редкостью были даже публичные вызовы сюзеренов, брошенные друг другу по старинным правилам «божьего суда». Чаще всего публиковались манифесты, призванные оправдать открытие кампании. Вспоминали о давних обидах на почве династических и владетельных прав, о необходимости прийти к согласию ради восстановления старого доброго мира.⁹ Общая семья государей, их подданных, связанных отношениями иерархий и вековым правом, еще не взламывала фундамент средневекового мироздания. Войны велись, их было много, они становились все более длительными, но в мире еще универсальных структур, не разорванных теорией суверенитета в ее самых радикальных выражениях конца XVIII в. И самое важное: бились за восстановление старого порядка. Война не должна была породить новый уклад, ее орудия целились в прошлое.

Старая кухня войны? Все еще обычной оставалась и социальная «подкладка» войны. Размах противостояний сильно ограничивался возможностями, вытекавшими из совокупности прав и династического инструментария сюзеренов и их вассалов. Деньги играли все более важную роль, они становились признанным нервом войны, головной проблемой власти, но добывать их приходилось преимущественно из старого арсенала: сословных квот, доходов с собственных поместий и прав сеньо-

ра. Печальный пример Испании, исчерпавшей в борьбе за лидерство и репутацию свою казну и неоднократно объявлявшей себя банкротом в 1557—1607 гг., говорит сам за себя. Стремление оптимизировать денежный капитал неизбежно требовало перестройки административного аппарата, но делать это можно было лишь в строгих рамках унаследованного от прошлого структур, если не хотели спровоцировать брожение среди самих подданных. И чаще всего эксперименты заканчивались неудачей. Буркхардт, несомненно, прав, говоря о тесной взаимосвязи государственного роста и войны в первые столетия Нового времени. Война подталкивала к поиску новых ресурсов. Но это было лишь начало долгого пути. Придет время и массовые армии революционных лет сметут старые сословные препоны на пути создания единого лагеря — власти, бюрократии и «граждан» — в борьбе с врагом «нации».

До создания постоянных регулярных армий было еще далеко: крупные наемные контингенты стоили дорого, офицерские кадры формировались большей частью старым дворянским ополчением, призыв к вассалам все еще лежал в основе комплектования живой силы. В Нидерландах на исходе XVI в. стараниями Морица Нассау-Оранского развернется большая деятельность по реорганизации вооруженных сил. Современные историки видят в этом существенный прорыв к новым реалиям. Несомненно, реформы Оранских вполне вписываются в давнюю теорию «военной революции» раннего Нового времени, многие страны позже воспользуются опытом Нидерландов.¹⁰ Но так видятся вещи с позиции современности XVII в. Сами же современники и творцы системы исходили, пожалуй, из другого. Им было важно опереться не на нечто принципиально новое, а на традицию, только еще более давнюю, чем доблесть и мощь испанских терций и дворянского ополчения. Такую традицию сыскали в античности, в боевых порядках римских легионов и в античной модели воспитания воина и патриота. Свою роль, бесспорно, сыграли ренессансные и позднегуманистические воззрения теоретиков, хорошо знакомых с античным наследием, усердно штудировавших трактаты об обществе и войне.¹¹ Разумеется, спланировала и религиозная одушевленность, вера в свою избранность и свою догму. Но угол зрения тем не менее

не менялся: одна традиция лишь вытеснялась другой, не менее славной и древней и не менее добродетельной. Военные победы убеждали в своей правоте. Характерный штрих: идеи Оранских быстро распространялись главным образом среди единоверных и родственных династов — в Гессен-Касселе, в Пфальце, среди французских дворян-кальвинистов. Они словно бы формировали новую моду, подражание, в котором воплощалась династическая, сословная репутация — все то, что по своей природе принадлежало седому прошлому и мало в чем походило на суверенные амбиции Нового времени.

Империя вне войны? Сами войны не являли собой единого хронологического потока. В начале XVII в. воцарилось затишье на западе и в центральной части Европы. Закончилась «долгая турецкая война» императора Рудольфа II. В 1609 г. решили договориться мятежные Нидерланды и Испания. Обе стороны были настолько истощены длительным противостоянием, что испанские политики в лице первого министра короля Филиппа III — герцога Лермы — готовы были подписать вечный мир при условии разблокирования устья Шельды, предоставления гарантий католикам в Соединенных провинциях и прекращения атак на морские коммуникации со стороны голландцев. Пойти навстречу была не прочь и часть политической элиты Нидерландов, ведомая знаменитым Ольденбарневельдом. К числу его сторонников принадлежали умеренные кальвинисты, для которых духовная миссия отнюдь не выражалась в постоянной борьбе с носителями католицизма. В 1610 г. произошли драматичные перемены во Франции. Король Генрих IV, бывший не прочь нанести превентивный удар по Габсбургам на берегах Рейна, пал от кинжала Равальяка. Последовавшее за ним регентство вдовы Марии Медичи при малолетнем Людовике XIII разрядило напряженную атмосферу в отношениях с Испанией и венскими Габсбургами. Паразитично, но Тридцатилетняя война началась в момент, когда ведущие монархи Европы вложили клинки в ножны и общество, казалось, вкушало плоды мира и благоденствия!

Но был и еще один парадокс: войны на тот момент уже почти 60 лет обходили стороной обширные регионы Центральной Европы. Собственно, немецкая часть Империи жила в покое до

начала века: конфликт из-за Кельна в 80-х гг. XVI в. был, пожалуй, единственным исключением, а борьба вокруг герцогства Юлих в 1609—1614 гг. не обернулась большим пожаром. «Долгая турецкая война» завершилась в 1606 г., а смуты в наследственных землях Габсбургов улеглись к 1612 г.

Именно к 1618 г. и в Империи, и на ее границах воцарился пусть зыбкий, но мир. И как бы ни хотелось сторонникам глобализации связать воедино трагедию 1618 г. с конфликтными зонами в других уголках Европы, прямые связи провести здесь едва ли удастся.

Глава 4

ПРИЧИНЫ: ИМПЕРИЯ И В ИМПЕРИИ?

Империя как иерархия. Сама Империя в глазах современников, литераторов, публицистов, правоведов и теологов все еще выступала во многом вертикалью иерархии. В этом смысле ее воспринимали не столько как территорию и пространство, сколько как общественную структуру, увенчанную короной Габсбургов.¹ Империя по-прежнему мыслилась первой монархией Европы. Войны и затяжные противостояния не нарушили, так сказать, «центричность» в европейском христианском мире. Более того, венские Габсбурги, пользуясь своим статусом, часто, особенно с середины XVI в., выступали в функции третейских арбитров, миротворцев, посредников, разнимавших жарких соседей. Функции Империи по-прежнему были освящены Церковью и Римом. И хотя императоры из династии Габсбургов после коронации Карла V в Болонье в 1526 г. никогда более не принимали корону из рук апостольских наместников, единство имперской и католической идеи оставалось важнейшей константой даже после заключения Аугсбургского мира 1555 г., закрепившего религиозный раскол. Протестантские правоведы и теологи пытались допустить возможность и легитимность религиозной «модификации» Империи в случае избрания на ее престол протестантского государя. Но эти рассуждения с годами обретали все большую иллюзорность.

К XVI в. в целом завершилось строительство громоздкой лестницы иерархий. Ступенью ниже престола располагались курфюрсты, т. е. имперские князья, которым принадлежало право выбора нового императора. Их было семь: три духовных князя (архиепископы Майнца, Кельна и Трира) и четыре

светских (курфюрсты Саксонии, Бранденбурга, Пфальца и король Богемии как вассал императора). Ниже стояли имперские князья, духовные и светские, представлявшие порядка 100 семейств. Еще дальше — имперские бароны, рыцари, имперские городские общины и множество вассалов, бывших подданными собственно имперских чинов.

Самыми влиятельными, несомненно, были курфюрсты и имперские князья. Они обладали большими правами и хорошо обустроенными наследственными землями, с относительно сильным аппаратом управления и лояльными сословиями. В немецкой науке даже принято называть владения могущественных князей «территориальным государством» (*Territorialstaat*) — разумеется, в специфическом немецком понимании. Все государства так или иначе «территориальны», но здесь подразумевается нижний ярус громадного имперского организма, где до определенных пределов властвовали князья.

Императорам приходилось считаться с интересами мощной княжеской фракции. С большим трудом на исходе Средних веков сложился компромисс — своего рода двухъярусная система управления. Император сохранил за собой важнейшие прерогативы, но и князья добились незыблемости своих старых прав на владения. Кроме того, надо понимать, что речь шла не только о политических лидерах, отдельных личностях. Сословное общество основывалось прежде всего на развитом семейном и родовом самосознании. Князья и, выражаясь современным языком, «элита» представляли интересы отдельных семейств, члены которых находились в тесном родстве. По сути, речь шла о союзе могущественных родов, формировавших собственно верхушку имперской организации.

Пространство Империи охватывало, таким образом, земли, бывшие в прямой или опосредованной зависимости от короны согласно ленному праву, т. е. вертикальной связи. Чем ближе они находились к наследственным землям Габсбургов, тем больше воспринималось имперское подданство тамошних династий. И напротив, по периметру Империи располагались обширные владения, ленные права на которые переплетались и конкурировали с аналогичными со стороны соседних монархов. Здесь мы видим своеобразные плавающие границы, кон-

троль над которыми перекрывали сразу несколько суверенов. Переплетение уз ленного подданства оставалось актуальным и создавало дополнительные каналы к вмешательству. Так, французские Валуа, а позже Бурбоны оспаривали у императоров права на лотарингские епископства Мец, Туль и Верден, а также на саму Лотарингию. Исторические Нидерланды после отречения Карла V от короны в 1556 г. перешли в наследство его сыну Филиппу II, но сохранили за собой покров имперского суверенитета. Короли Дании, принявшие Реформацию, считались подданными императора по своим голштинским владениям, бывших ленами Священной империи. Датские уполномоченные обязаны были посещать имперские рейхстаги, а языком делопроизводства в Дании оставался немецкий. Даже Швейцарская конфедерация сословий, пребывавшая вне всяких институционных связей с Габсбургами, считалась коллективным вассалом Империи. Еще путаней были позиции Чешского королевства. Богемия после 1526 г. оказалась под властью Габсбургов; она считалась частью Империи, но с очень большими оговорками. Были и отдаленные итальянские анклавы, как например великое герцогство Тосканское во главе с Медичи, и лены в Ломбардии. Дальность территорий и, в сущности, полная внутренняя автономия отнюдь не мешали короне Габсбургов эксплуатировать свои верховные права и постоянно поддерживать идею имперского присутствия. Во второй половине XVI в. это приводило к острым спорам с испанскими родственниками, получившими после окончания Итальянских войн Милан, а позже — в ходе самой Тридцатилетней войны к новому витку противостояния с Францией.

Средневековое наследие не исчезло в начале Нового времени; напротив, оно подчас весьма явственно проглядывало сквозь декорации перемен.

Германия и «отечество немецкой нации». Вертикаль Империи соседствовала со своеобразной горизонтальной идентичностью. За пределами удаленных окраин ее земли все больше воспринимались как Германия. Усилиями местных гуманистов, образованных литераторов, перетолковывавших сведения античных авторов, особенно в спорах с ближайшими иноязычными соседями, возникло и развивалось представление о един-

стве территорий, некогда заселенных древними германцами и связанных общим языком и происхождением. Отдельные княжества и исторические земли — Саксония, Бавария, Вюртемберг — считались частями единого целого по признакам принадлежности к одной «германской нации». Огромная «Империя германской нации» словно бы раскраивалась на множество малых родин, формируя идею принадлежности к единому обществу, собственно «нации». Разумеется, в этом мифе раннего Нового времени было еще очень мало общего с «национализмом» XIX в. Но он уже тогда выступал важным подспорьем внешне весьма интернациональной вертикали. Германия воспринималась все больше ядром Империи, ее сердцевиной, важнейшей частью. «Национальная» идентичность, ощущение общих истоков сплачивали вертикаль, союз родов, сообщество династов и владетельных семейств. Империя была не только узаконенным Библией божественным учреждением, не только первой монархией Европы, но и прибежищем «своих» по крови, истокам, языку и добродетелям.

Дискурс, впрочем, тесно связывался с сословной идентичностью, со статусом тех, кого считали потомками германцев времен Тацита. Права сословий, высшей и низшей знати считались не дарованными милостью короны, но унаследованными от добродетельных предков. Они являлись прирожденной собственностью обладателя, в них выражалась его «свобода», его символическое тело. Их нельзя было отнять по произволу или изменить. Император обязан был защищать права всех подданных, т. е. совокупность «свобод», образовывавших собственно Империю. Тем самым поддерживалась ее целостность, нерушимость, а следовательно — и достоинство самой короны. Только на таких условиях считалась возможной лояльность, верная служба престолу.²

Наследие Реформации. Условия Аугсбургского мира. И в этот большой мир Империи-Германии пришла Реформация. Она расколола внутреннее единство. Противостояние между протестантами и католиками неизбежно затронуло и парализовало вертикаль большого организма. Представители всех трех конфессий — лютеране, кальвинисты и католики — мечтали о победе в пределах своего родного дома — в пределах Империи.

И это стало ее главной трагедией. У новых вероисповеданий были, впрочем, разные понятия о природе Империи: лютеране считали ее священной, созданной актом божественного творения в соответствии с пророчествами Даниила из Библии. На этом настаивал еще сам Лютер, и в этом вопросе его последователи сходились с католиками. Кальвинисты, напротив, полагали, что Империя — это результат суверенной воли князей. Они вполне разделяли мысль о ее незыблемости, но считали императора лишь послушным исполнителем воли всех сословий, гарантом их прав. Первые религиозные войны в Германии вели и католики, и протестанты под лозунгом: «За Империю и ее целостность!». Когда же к окончанию Шмалькальденских войн в 1553 г. стало ясно, что победителей не будет, пришлось решать тяжелейшую проблему: как совместить интересы конфессий в одном большом доме?

Так возникли громоздкие, непривычные современному человеку условия Аугсбургского мира, заключенного в сентябре 1555 г. на имперском рейхстаге. Его часто, особенно в современной литературе, называют религиозным, вполне логично акцентируя важнейшую составляющую. Однако название, верное по сути, отражало лишь часть смысла. Для современников 1555 г. он был главным образом имперским религиозным миром, т. е. соглашением в рамках Империи, служащим ее благу. В нем воплотился итог долгих исканий точек соприкосновения между враждебными силами. Главным достижением стало признание неизменности самой имперской организации, ее суверенитета. Не случайно поэтому первые статьи провозглашали восстановление «земского мира» и запрет всяческих междоусобиц. Давалось понять: религиозные конфликты, будоражившие общество, должны быть искоренены. Здесь как никогда воспроизводилась идея Империи именно как вертикали социального мира, а не пространства и особой территории.

Вся последующая история вплоть до 1618 г. так или иначе вращалась вокруг возможности разрешить религиозные противоречия, не нарушая статьи 1555 г. Действительно, сословиям, особенно князьям, подписавшим мир в 1555 г., он виделся если не идеалом, то по крайней мере лучшим выходом из тупика. Уставшие от войны и недоверия лидеры готовы были сесть за

стол переговоров, выслушать друг друга и разработать приемлемую основу для согласия.³

Однако условия мира заключали несколько подводных камней, как бы сказали сегодня, мин замедленного действия, которые взорвались десятилетия спустя. Во-первых, признавалось право на свободу вероисповедания только двух религий: католической и евангелической (т. е. лютеранства). Кальвинисты считались сектой, и подобно прочим сектам они были исключены из статей мира. На них имперский закон не распространялся. Между тем реформация Кальвина на тот момент уже с успехом закрепились в целом ряде швейцарских кантонов и позже победила в Северных Нидерландах и Франции. Идеи Кальвина, кроме того, нашли поддержку в среде немецких ученых, писателей и политиков, первоначально поддерживавших Лютера, но по некоторым вопросам склонявшихся к учению Кальвина. Лидером этой группы считался, в частности, знаменитый богослов и литератор Филипп Меланхтон, главный соратник Лютера. В сущности, уже к моменту подписания Аугсбургского мира внутри евангелического лагеря возник раскол на сторонников и противников Меланхтона и кальвинистов. С большим трудом он был преодолен только в конце века на принципах строгого лютеранства, или «лютеранской ортодоксии». Ее же противники большей частью перешли в стан реформатов.

Во-вторых, право свободного исповедания распространялось только на непосредственных подданных императора, т. е. на тех, кто по иерархии стоял сразу же вслед за престолом: имперские князья (светские и духовные), имперские бароны и рыцари, имперские города и имперские деревни. Подданные обязаны были следовать вере своего господина. Если, например, лютеранский князь вздумал бы поменять веру и вернуться в лоно старой Церкви, он мог потребовать от своих подданных-протестантов также отречься от своей религии. У несогласных оставалось лишь право на вынужденную эмиграцию с сохранением имущества, предусмотренную статьями 1555 г. Кроме того, и протестанты, и католики соглашались «терпеть» в своих владениях инаковерующих, если их общины уже имелись на 1552 г. Этот год был принят точкой отсчета для проведения религиозных границ. Возникла крайне путаная ситуация, по-

скольку доказать наличие тех или иных общин на указанный год было сложно, а имперские чины — и протестанты, и католики — все время сохраняли за собой право насильственных действий по отношению к собственным подданным.

Был и еще один спорный аспект. Католики получили право так называемой духовной оговорки (на латыни: *reservatum ecclesiasticum*). Боялись, что тот или иной католический князь Церкви, поменяв веру, реформирует и все свое княжество — епископство или аббатство, сделав из него протестантский анклав. Поэтому они добились, чтобы в случае религиозного новообращения епископ или аббат могли исповедовать новую веру лишь в качестве частного лица, лишаясь своего сана и, значит, правительственных функций. Вместо него духовная община — монастырский или соборный капитул — обязана была избрать нового главу-католика. Тем самым гарантировался католический статус самого владения.

Протестанты, напуганные отсутствием аналогичных гарантий для своих общин в случае перехода в католицизм князя-протестанта, пытались добиться таких же прав. Но император, пользуясь поддержкой большинства голосов на рейхстаге, ограничился лишь провозглашением так называемой Декларации, клятвенно обещавшей от имени дома Габсбургов соблюдать права инаковерующих в землях католических сословий. Она не стала имперским законом и вошла в историю как «Декларация Фердинанда», т. е. короля Фердинанда, младшего брата царствовавшего тогда императора Карла V (1500—1558), который от его имени руководил работой аугсбургского рейхстага в 1555 г.

Протестантские сословия, естественно, были не слишком рады подобной клятве, но ради скорейшего мира согласились ратифицировать решения рейхстага.

Современники, однако, рассматривали соглашение 1555 г. метафизично: оно было создано навсегда и оттого не подлежало изменениям. Люди раннего Нового времени еще не воспринимали относительность юридических принципов, их гибкость и вариативность в пределах отдельных сфер. Подписавшие статьи имперские чины не были готовы признать, что ситуация может существенно измениться спустя даже несколько лет и потребо-

ст важных правовых корректив. Закон 1555 г. становился нормой Империи, следовательно, столь же вечным, как и сама Империя, — подобно акту «вечного земского мира» 1495 г.

Религиозное развитие после 1555 г. Успехи кальвинизма. Между тем религиозную, как и всякую духовную, жизнь трудно ограничить жестко нормированными рамками. У нее есть собственные законы. Между рождением догмы и становлением новых церквей было много общего. Толкование св. Евангелия и Библии невозможно было ограничить законодательством или социальной системой — так же как и сегодня невозможно, например, запретить исповедание тех или иных радикальных направлений в исламе: закон в состоянии бороться лишь с общественным следствием, но не с догмой. Но закон бессилён там, где речь заходит о симпатиях и антипатиях, о выборе совести.

Разрешенные Аугсбургским миром лютеранство и старая Церковь гарантировали себе свободный внутренний рост. Но, как уже говорилось, не было полной ясности, кого, собственно, следовало относить к приверженцам «аугсбургского исповедания» — главной формулы веры немецких лютеран. Между тем сторонники Кальвина, чья проповедь запрещалась законом, часто скрывались за маской приверженцев этой формулы. Их было не так много — это были преимущественно ученые, литераторы и богословы, почитавшие Меланхтона. Но они нашли прибежище на периферии Империи, получили поддержку от зарубежных единоверцев, главным образом из Нидерландов и Швейцарии, и укрепились в целом ряде княжеств, завоевав доверие тамошних властителей. Центром стал Пфальц, курфюрст которого, Фридрих III, в 1563 г. перешел в реформатскую веру и издал в Гейдельберге новый катехизис. Он мало чем отличался от Женевского катехизиса Кальвина. В Пфальце последовали масштабные церковные преобразования. Император и многие католические и лютеранские князья видели в этом нарушение условий 1555 г. Однако из-за страха новой войны они побоялись наложить опалу на пфальцкого курфюрста. Так, кальвинизм негласно оказался терпимым и в землях Империи.

Конфессионализация. Развитие всех трех вероисповеданий шло одинаковым путем. Выработка догмы сменилась утверж-

дением социальных нормативов, форм повседневной жизни. «Реформа веры» переросла в «реформу жизни». Человек, рожденный в лоне той или иной конфессии, вне зависимости от положения в обществе обязан был соизмерять свое мировоззрение, каждый свой шаг с требованиями веры. Отказавшись от одного вероисповедания и приняв другое, мирянин должен был словно бы заново становиться христианином, проходить воцерковление. Возникла уникальная ситуация. Внутри единой Империи вызревали новые религиозные сообщества — процесс, напоминавший христианизацию раннего Средневековья. Немецкие историки, подметившие это сходство еще во второй половине XX в., назвали его «конфессионализацией», т. е. постепенным, в нескольких поколениях, воцерковлением человека. Оно охватывало догму, обрядность, философию, мораль, этику, литературу, изобразительное искусство и, разумеется, структуры новых церквей.⁴

Конфессионализация шла по нарастающей, постепенно формируя религиозно-культурные сообщества лютеран, кальвинистов и католиков. Они не только пополнялись новыми неофитами, но все решительней боролись за свое место под солнцем. С каждым новым поколением росла и духовная идентичность. И если современники 1555 г., постигшие горький опыт междоусобиц, были готовы идти навстречу друг другу ради общего согласия, то на рубеже нового века их дети и внуки гораздо больше ощущали свое родство с верой, в которой родились и выросли. Они не собирались отступать. Можно употребить аналогию: на останках некогда большого организма возникло множество малых, быстро разросшихся и вступивших в смертельную схватку за лидерство.

Империи становилось все тяжелей совмещать интересы враждебных сообществ. Конфессиональные процессы разрушали внутренний баланс, влекли системный кризис.

Поэтому мы считаем методически неверным саму постановку вопроса, виноват ли в развязывании войны в первую очередь религиозный или социальный фактор. Так принято думать людям современного мира, ученым, привыкшим к системному мышлению и отделяющим духовную сферу от общественной. Но конфессии были слишком прочно вплетены в Империю как

систему. Противоречия между ними неизбежно влекли кризис всей системы. А поскольку Империя все больше ассоциировалась главным образом с Германией, то можно заключить, что причиной войны были имперские и (одновременно) немецкие обстоятельства.

Кризис согласия. По горизонтали конфессионализация расщепляла прежде всего веками налаженные связи между могущественными семьями Империи. Натягивались и лопались привычные нити родства. Католические династы предпочитали держаться подальше от родственников, перешедших в протестантизм. Те же не горели желанием отдавать замуж «папистам» своих дочерей. С каждым новым поколением росла характерная региональная изоляция: протестантские анклавы охватывали главным образом северные, отчасти центральные земли Германии. Тамошняя владетельная знать все больше ориентировалась в брачной стратегии на ближайших именитых единоверцев. Так, семья дрезденских курфюрстов из династии Веттинов, «позабыв» старинное родство с Габсбургами и баварскими Виттельсбахами, теперь искала брачные партии среди балтийских евангелических династий Померании, Мекленбурга, Голштинии и скандинавских королевств. В свою очередь католические династии юга переориентировались на средиземноморский католический мир, на итальянских, французских, лотарингских партнеров. Несколько поколений католических герцогов Баварии роднились с Габсбургами и лотарингскими князьями. Кальвинистские курфюрсты Пфальца тесней сближались с Нидерландами, с правившим там в качестве наместников домом Нассау-Оранских, имевших имперские корни и подданство, с именитыми семьями французских гугенотов, с ближайшими соседями-единоверцами.

Подобного рода перестройка влекла за собой изоляцию, размежевание вплоть до угасания личных контактов — столь важного механизма в регулировании отношений в условиях, когда еще не существовало «государственных институтов», привычных современному человеку. Недоверие и отчуждение воцарились на княжеском Олимпе.⁵

Вместе с тем все отчетливей проступали контуры структур конфессиональных сообществ. Признанными лидерами лю-

теранских сословий выступали курфюрсты Саксонии из дома Веттинов. Они занимали доминирующие позиции в центре Империи и семейными узами были связаны с большинством северных единоверных княжеств, включая курфюршество Бранденбург. Географически крайним оплотом лютеранства на юго-западе стало герцогство Вюртемберг, где во второй половине XVI в. сложились прочные основы новой церковной организации. В свою очередь кальвинистский Пфальц предстал цитаделью для своих единоверцев, группируя вокруг себя весьма обширную россыпь владетельных династов, дальним отпочкованием которой выступало ландграфство Гессен-Кассель, находящееся почти в сердце немецких земель. Католический блок охватывал преимущественно юг и имел две главные точки опоры — в Баварии и Австрии, в лице баварских герцогов и собственно Габсбургов. Верность Старой церкви хранили также многие семьи имперских рыцарей и графов по берегам верхнего Дуная, во Франконии и Швабии. Сюда же следует отнести большие и малые церковные общины, архиепископства, епископства и аббатства, выстоявшие в борьбе с реформационным движением.

Творцы Аугсбургского мира были не в силах «заморозить» границы конфессиональных анклавов. Естественный ход религиозной жизни взламывал предначертанные рубежи. Протестантская Реформация, в сущности, продолжалась и после 1555 г., захватывая все новые владения преимущественно на юго-западе и в центре, отторгая от католицизма, вопреки «духовной оговорке», целые общины, княжества и города. В свою очередь католики стремились во что бы то ни стало сохранить контроль над крупнейшими духовными курфюршествами на берегах Рейна, консолидировать силы и средства для гарантий религиозной чистоты светских владений. Так, в католических землях проходила своя собственная «католическая Реформация», вдохновленная решениями Тридентского собора (1545—1563), важнейшей ассамблеи старой Церкви раннего Нового времени. К началу XVII в. преобразования в духе «тридентского католицизма» вкупе с контрреформационными мероприятиями решительным образом осуществлялись в Баварии и части австрийских владений Габсбургов.

Паралич институтов. Удар пришелся и по вертикали имперских учреждений. Ее ядро, как и прежде, формировал рейхстаг — главный форум непосредственных подданных короны. Спорные же вопросы между подданными разных конфессий подлежали компетенции двух высших судебных инстанций: имперского палатного (камерального) суда и надворного совета при особе императора. Камеральный суд располагался в городе Шпейере на берегах Рейна, он представлял интересы крупных имперских сословий, и реальные полномочия престола в нем были ограничены. Работа суда контролировалась особой ревизионной комиссией, состоявшей из равного числа князей-католиков и протестантов. Она должна была проверять правильность вынесенных вердиктов. Совет же собирался в Вене, и состав его определялся волей монарха.

Для гарантии «вечного земского мира» еще на исходе XV в. был создан имперский суд вместе с особыми судебными округами, на которые были разбиты земли Империи и которые объединяли, как правило, владения сразу нескольких имперских князей. Теперь этот суд вместе с надворным судом императора становился важным инструментом разрешения конфликтов. И в первые десятилетия после 1555 г. работа его была вполне эффективной, решения редко когда обжаловались истцами. Положение изменилось с началом 1580-х гг., когда один из протестантских князей из дома Гогенцоллернов возглавил архиепископство Магдебург. Новый «администратор» (у протестантов нет священства сана) не пожелал сложить регалии согласно требованиям «духовной оговорки». В ответ католическая сторона отказала ему в праве иметь голос на рейхстаге и быть членом ревизионной комиссии. Подвергшись бойкоту, комиссия перестала собираться. Тем самым блокировалась и работа камерального суда: принятые постановления лежали без движения, ибо лишились санкции комиссии. Обе стороны — и католики, и протестанты — прекрасно понимали возможные последствия, но никто не хотел уступать. Все же после долгих дебатов решили частично передать функции суда имперскому совету. Однако протестанты не доверяли ему, поскольку большинство в нем формировали католики. К тому же с воцарением на имперском престоле Рудольфа II (1576—1612), вполне надежного католи-

ка, позиции короны все более обретали публичную пристрастность при обсуждении спорных вопросов.

Итогом стал затяжной кризис. Единственным органом, который все еще был в состоянии принимать компромиссные решения, оставался рейхстаг. Но возложенная на него ноша оказалась чересчур тяжелой. С конца XVI в. на его сессиях все трудней становилось договориться. К тому же по числу голосов большинство и здесь принадлежало католикам. Между тем группа протестантских сословий, главным образом кальвинисты во главе с Пфальцем, развила бурную деятельность: она требовала отмены «духовной оговорки», дискриминировавшей протестантов, и полной свободы вероисповедания. Ее представители формировали своего рода радикальное крыло немецкого протестантизма. Католики же, в свою очередь, настаивали на строгом соблюдении статей религиозного мира 1555 г. и возвращения назад всех церковных территорий, которые оказались под контролем протестантов в ходе «ползучей» Реформации во второй половине XVI в.

Спор вокруг Донауверта. Уния и Лига (1608—1609). Началом нового кризиса стал спор, вспыхнувший вокруг города Донауверта, расположенного на юге Германии близ баварских земель, в 1606 г. Поскольку город был имперским, то в нем одинаковыми правами пользовались и католическая, и протестантская общины. Причем католики составляли меньшинство. В апреле 1606 г. в день Св. Марка монахи бенедиктинского монастыря Св. Креста возвращались через город из соседней деревни с пением и развернутыми хоругвями. Горожане-протестанты возмутились шествием, которое не устраивалось вот уже много лет, и заперли ворота. Перепалка переросла в драку. Католики пожаловались императору на нарушение своих прав. Тот, когда история повторилась год спустя, поторопился обвинить протестантскую общину в нарушении «земского мира», наказал город и главным исполнителем приговора (на языке того времени — «имперским экзекутором») назначил католика герцога Максимилиана Баварского. Герцог ввел в город баварские войска и изгнал протестантов, по сути осуществив католическую реставрацию. Чуть позже император и вовсе передал Донауверт Баварии в счет возмещения военных издержек

на экзекуцию. Город, таким образом, лишился и имперского статуса.

История с Донаувертом привела в ярость протестантов-радикалов. Они считали, что император дважды грубо нарушил закон: Донауверт принадлежал швабскому судебному округу, главой которого был протестантский герцог Вюртемберга, следовательно, экзекуцию надлежало исполнять ему, а не герцогу Баварии. И кроме того, Рудольф не имел права отчуждать без санкции сословий имперскую собственность, т. е. собственно город Донауверт, в пользу местного государя. Когда в 1607 г. собрался очередной рейхстаг в Регенсбурге, вопрос об опальном городе оказался центральным. Разгорелись жаркие дебаты, быстро переросшие во взаимные обвинения. Видя, что католики не желают уступать, часть представителей протестантских сословий во главе с уполномоченными Пфальца в апреле 1608 г. демонстративно покинула рейхстаг. Кворум был сорван и работа ассамблеи была заблокирована.⁶ Новая попытка создать ее в 1613 г. окончилась безрезультатно. Последний форум, на котором еще можно было договариваться, прекратил свое существование. Возродится он лишь в конце Тридцатилетней войны.

Так, в Империи возник опасный вакуум центральных институтов. Он сразу же был восполнен инициативой «снизу», — сценарий, удивительно точно соответствовавший политическим кризисам всех времен и народов.

Вслед за роспуском рейхстага весной 1608 г. посланцы Пфальца в городке Агаузен, неподалеку от Донауверта, сумели договориться со своими союзниками о создании объединения протестантских сословий. Оно получило название Евангелической унии и объединяло в своих рядах как лютеран, так и кальвинистов — княжества и городские общины. Душой союза был, естественно, Пфальц, самое крупное княжество на юго-западе в ранге курфюршества. Помимо него в Унию вступили герцог Вюртемберга, ландграф Гессен-Касселя и множество мелких династов и городских общин, таких как Ульм и Нюрнберг. Уния мыслилась как всеимперское объединение, потому двери в нее были открыты и для лютеран.

Католики не заставили себя долго ждать с ответом. В мае 1609 г. энергичными стараниями Максимилиана Баварского

была образована Католическая лига — союз, охватывавший помимо Баварии большую часть церковных княжеств западной и южной Германии, включая архиепископства Майнц, Трир, Кельн и множество мелких епископств и аббатств в землях Швабии и Франконии. Была создана окружная система, т. е. участники Лиги были разбиты на отдельные округа, центром же и главной направляющей силой стала Бавария — самое сильное католическое княжество в Германии на тот момент.

И Уния и Лига обзавелись собственной кассой, состоящей из взносов участников, и создали собственные вооруженные силы. В финансовом и военном отношении Лига, пожалуй, выглядела предпочтительней, ибо здесь все покоилось на сравнительно больших ресурсах Баварии. К тому же в 1606 г. Максимилиан провел военную реформу и приступил к организации собственно баварской армии. По тем временам создание местных вооруженных сил было делом нелегким, оно требовало больших денег и было по плечу лишь самым могущественным, богатым князьям.

Стать во главе баварской армии был приглашен граф Иоганн Черклас Тилли (1559—1632), валлонец, ревностный католик, имевший за плечами нелегкую школу нидерландской войны. Тилли в совершенстве владел испанской тактикой ведения боя, к тому же был очень удобен для герцога: он всегда сторонился большой политики и был вполне управляем.⁷ Пфальц же испытывал в те годы острый финансовый кризис; географически он был скроен из отдельных островков, не обладавших крупной экономической базой. Потому главную ставку в Гейдельберге делали на привлечение новых участников и активную помощь из-за рубежа.

И уставы Унии и Лиги, и сами участники твердили, что их союзы созданы лишь для блага общего «отечества» Германии и Империи. Создавалась иллюзия, что их целью была помощь престолу в столь тяжелое время. Но было ясно: на место нормированных учреждений заступали альтернативные структуры, не предусмотренные имперским законом. Опасность вероятного взрыва теперь создалась вдвойне: враждебные лагеря обзавелись собственными органами власти. Император все больше утрачивал контроль над ситуацией. Габсбургам не удалось да-

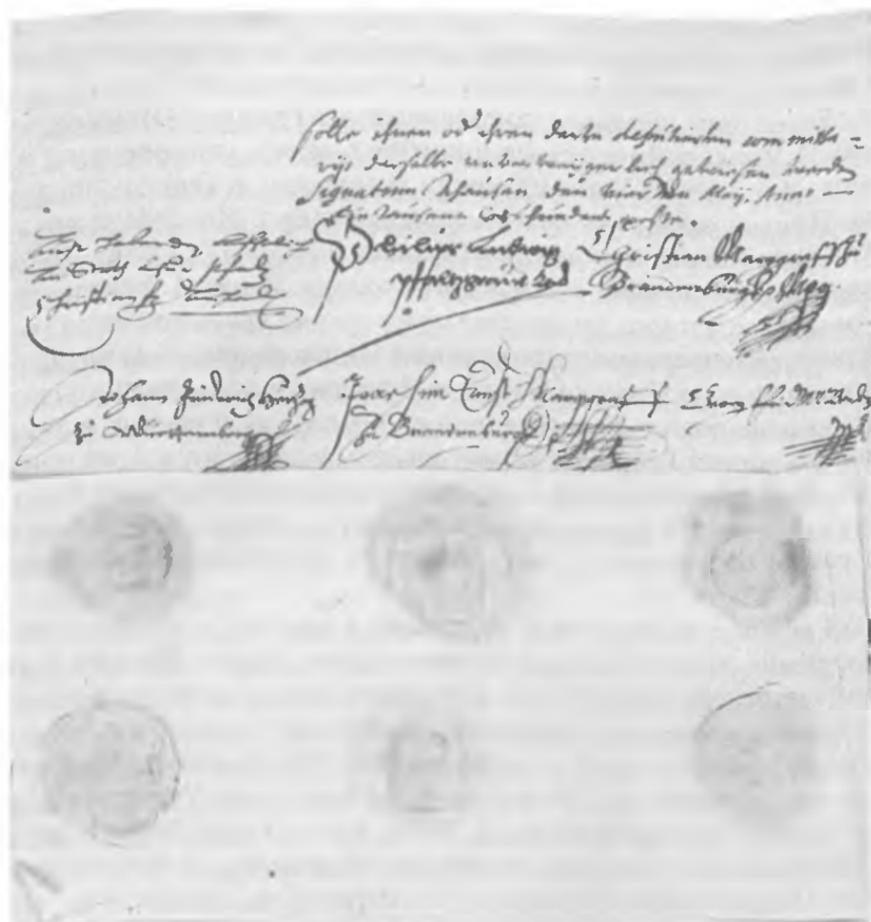
же возглавить Лигу и потеснить позиции герцога Баварии, чтобы контролировать положение дел на юге Германии. Авторитет и сила Максимилиана оказались слишком велики.

Более того, создание союзов вскрыло границы Империи во вне. И Уния, и Лига тотчас принялись искать союзников в Европе. Дипломаты Унии проявили активность в Гааге и Лондоне. Пфальц заключил союзные соглашения с Нидерландами и Англией. Молодой курфюрст Пфальца Фридрих V (1596—1632) женился на дочери английского короля Якова I Елизавете. Кроме того, он уже давно имел родственные связи по линии матери с единоверными правителями Нидерландов — штатгальтерами из рода Нассау-Оранских. Фридрих сильно рассчитывал на помощь родни. Надеялся он и на поддержку Франции в лице нового короля Генриха IV, уже давно вступившего в союз с немецкими протестантами. Генрих мечтал противопоставить Габсбургам мощный фронт по линии Уния — Франция — Англия и разорвать тесную удавку испанских владений вокруг своих границ.

Гибель его от кинжала Равальяка в мае 1610 г. прервала воплощение замысла. Новое правительство Марии Медичи при малолетнем Людовике XIII заморозило старые проекты и предпочло не ссориться с Испанией. Но Пфальц теперь был сильно ангажирован Англией и Нидерландами. Двумя ключевыми фигурами дипломатии Унии в те годы был князь Христиан Ангальтский (из кальвинистской ветви Ангальт-Бернбургов), друг и ближайший советник курфюрста Фридриха, и Бенджамин фон Бувингхаузен-Вальмероде, состоявший на службе у герцога Вюртемберга. Оба сумели подготовить добротную почву для сближения с Гаагой и Лондоном.

Бурную деятельность развернула и Лига. Главными ее партнерами в Европе стали Испания и папа. Кроме того, после гибели Генриха IV Бавария пыталась договориться с французским двором, наметилось даже определенное сближение с Парижем.

«Распря братьев» и династический кризис Габсбургов. Паралич центральных учреждений отягощался неурядицами в семье Габсбургов. Первые императоры после 1555 г. старались еще соблюдать компромисс в отношениях с противополож-



Акт о создании Евангелической унии 1608 г. с подписями и печатями его участников. Баварский государственный архив, Мюнхен.

ными лагерями, но при императоре Рудольфе II ситуация изменилась. Рудольф с годами все больше ориентировался на католических радикалов и вызывал разочарование среди протестантов. В довершении ко всему он рассорился с собственной родней. Его младший брат эрцгерцог Матфей мечтал о солидном наследстве и обвинял Рудольфа в неспособности сохранить мир. К тому же император был бездетен, и это требовало ско-

рейшего решения вопроса о преемнике. В ожесточенной расправе Матфей отнял у брата австрийские владения и корону Венгрии. Рудольф пытался добиться поддержки своих чешских подданных и спасти для себя хотя бы Богемию. Каскад драматичных событий получил у современников название «распри братьев» и свидетельствовал о глубоком кризисе на вершине имперской пирамиды.

Рудольф пытался заручиться поддержкой подданных против Матфея. В мае 1609 г. он даровал чешским сословиям так называемую грамоту величества — внушительный свод привилегий и гарантий, очень выгодный протестантам и особенно дворянству. Протестантское вероисповедание фактически гарантировал сам король, а для защиты религиозных прав был даже создан особый совет так называемых дефензоров, защитников привилегий. Они обязаны были строго следить за соблюдением статей грамоты и собираться в любой момент, дабы пресечь возможные нарушения. Богемские сословия получили гарантии, не сопоставимые с правами протестантов в других землях Империи, бывших во власти католических государей. И хотя непосредственно дарование «грамоты величества» не повлияло на рост напряженности в Империи, тем не менее Богемия превратилась в мощный плацдарм сторонников протестантизма, что обеспечивало дополнительные выгоды радикалам-протестантам. Так оформился один из очагов будущей войны.

Впрочем, даже столь большие привилегии для иноверцев не спасли императора. Для защиты Праги от Матфея Рудольф призвал войска своего племянника эрцгерцога Леопольда Тирольского. Но плохо организованные отряды, появившись на улицах столиц, до крайности возмутили чехов своими насилиями. Их частью истребили, частью прогнали, а Рудольф окончательно лишился доверия своих подданных. Матфей казался для них меньшим злом, чем правящий государь. В 1611 г. Рудольф отрекся и от короны св. Венцеля. Он уединился в Градчанах, где и встретил свою смерть в январе 1612 г. Победил Матфей, ставший императором, но цена этого была слишком дорога: вместо сплоченного блока наследственных земель он получил настоящие автономные анклавы с большими полномочиями. Из «распри братьев» династия выходила с расшатанными устоями.⁸

Рост напряженности и слабость «умеренных» сил. Наконец, резко возросла общая напряженность в отношениях между враждебными конфессиональными лагерями. В начале XVII в. на подмостки истории вышли дети и внуки творцов Аугсбургской системы. Они ощущали себя не только ответственными за судьбы собственной церкви и веры, но и готовыми дать решительный отпор явным и мнимым покушениям на родной мир единоверцев. Сообщества протестантов и католиков выросли до размеров ведущих общественных факторов. Их лидеры все больше проникались идеей скорого триумфа своей веры и церкви. Здесь важно понять: они не требовали пересмотра самой имперской системы, но были уверены в необходимости аутентичного соответствия реалий начала XVII в. положению на 1555 г. Глубоко религиозное сознание видело в имперском праве лишь неизменную традицию. В отличие от политиков сегодняшнего дня, привыкших различать «новое» и «старое» в государственно-правовых сферах, католические и протестантские князья, богословы и правоведы тех лет видели и в Империи, и в ее законах вечность, которую необходимо всемерно поддерживать в соответствии с философией, этикой и моралью своих конфессий.

Отчетливо обозначились фигуры вождей радикальных сил. На стороне католиков, несомненно, авторитетом и энергией выделялись герцог Баварии Максимилиан и молодой Габсбург, властитель Штирийского герцогства и с 1617 г. богемской короны — Фердинанд. Роль первой скрипки в кальвинистской партии играл Пфальц во главе с новым (с 1610 г.) курфюрстом Фридрихом V.

В канун 1618 г. вражда и неприкрытая ненависть пронизывали все, как бы мы сказали сегодня, информационное пространство. Взаимные упреки, обвинения, оскорбления наполняли листовки, брошюры, богословские и политические памфлеты. Использовался любой повод. Одним из них стало празднование в 1617 г. лютеранами столетия Реформации. В тот год на головы и католикам, и их оппонентам обрушилась целая лавина пропагандистской грязи. Не случайно наш немецкий коллега Йоханнес Буркхардт полагает, что именно «публицистический залп» 1617 г. послужил прологом к развязыванию войны: небывалый

эмоциональный подъем был причастен ко всякого рода провокациям, к разрыву и без того зыбких связей между католическими и протестантскими дворами.⁹

Разумеется, существовали и центростремительные силы. Вождем умеренных лютеран был курфюрст Саксонии Иоганн Георг I (1611—1656). Он был воспитан в строгих традициях лютеранской ортодоксии, почтения к Империи и императору и неприятия кальвинизма. К тому же исторически владения курфюрстов располагались вблизи наследственных земель императора, вдоль границ Богемии и Лаузица. И для саксонских Веттинов, и для короны всегда была важна взаимоподдержка, стабильное партнерство.¹⁰ Имперскую лояльность исповедовал и курфюрст Бранденбургский Георг Вильгельм (1614—1640), несмотря на то что он был кальвинистом в лютеранской земле.¹¹ Были свои умеренные и в стане католиков. Немало усилий ради стабильности и примирения предпринимал архиепископ и курфюрст Майнцкий Иоганн Швайкхардт фон Кронберг. Но посредничество между враждебными силами становилось все трудней.

Конечно же, важную роль играл и новый государь со своим окружением. После кончины бездетного Рудольфа II в 1612 г. им стал его брат и заклятый враг Матфей, успевший завладеть в 1611 г. еще и короной Богемии. Матфей, царствовавший до 1619 г., был также бездетен. Но он готов был к переговорам с лидерами противостоящих блоков. Его главным советником стал директор Тайного совета кардинал и архиепископ Вены Мельхиор Клезль — верный католик, в конце минувшего века возглавивший работу знаменитой Реформационной комиссии в Австрии, которая боролась с протестантами. В новых условиях и при новом властителе он выбрал путь переговоров с протестантами и немало содействовал сохранению баланса сил вплоть до 1618 г. Характерно, что одним из первых шагов католических радикалов в Вене после начала чешского восстания стал арест и устранение Клезля. Он слишком мешал и связывал руки.¹²

Можно предположить, что сил у умеренных было вполне достаточно, чтобы и дальше поддерживать мирный диалог, не случись 1618 г. И даже позже, на первых этапах войны, они бу-

дут играть весьма серьезную сдерживающую роль. Но трагедия заключалась именно в том, что чем дальше — тем больше эта роль становилась все менее эффективной, зависимой от внешних условий. Саму же вспышку 1618 г. со всеми ее последствиями предвидеть никто не мог.

Историк Аксель Готтхард справедливо отмечает распад традиционных связей, прекращение веками нормированных контактов между лидерами сословного общества. Росла изоляция, взаимное недоверие — в условиях, когда личные связи значили еще очень многое в управленческой сфере.¹³ Йоханнес Буркхардт подчеркивает провокационную роль празднования юбилея Реформации в 1617 г.: ожесточенная полемика в тот год между протестантами и католиками внесла свой вклад в разлад системы. Лига и Уния все больше формировались в милитаризованные сообщества «снизу», утверждая двоевластие в единой системе.

Все указанные факторы, безусловно, содействовали катастрофе. Но еще раз отметим: они были лишь следствием системных причин, завязанных в чересчур тугий узел. Трагедию породила сама Империя со всеми своими особенностями. И на него никак не влияли войны и кризисы в других уголках Европы. Повторимся: главной причиной трагедии 1618 г. были имперско-немецкие обстоятельства.

Война неизбежна? Насколько неизбежным было падение в пропасть? Профессиональных историков этот вопрос побуждает внимательней изучать канун 1618 г., последнее предвоенное десятилетие. Что если отказаться от привычного взгляда на неизбежность катастрофы и попытаться перестать смотреть на май 1618 г. как на необратимый процесс? Никто не желал войны, и все конфликты, временами вспыхивавшие в структурах Империи, хотя и с большими хлопотами удавалось гасить до 1618 г. Так было в схватке за Кельнское архиепископство в 1583 г. между протестантскими и католическими династиями. Так случилось и в 1609—1614 гг. в борьбе за наследство герцогства Юлих-Берг. Тогда столкнулись интересы Габсбургов и протестантских князей с участием иноземных держав Нидерландов и Испании. Споры улаживались, и даже радикалы обеих партий боялись порвать все нити мирного сосуществования имен-

но в силу эффекта «взаимонакладки»: акция наталкивалась на контракцию, угрожавшую парализовать исходный удар. Они не были уверены в конечном успехе: бездействовали центральные учреждения, рассчитывать приходилось лишь на союзников, реакция же всего сословного сообщества Империи была непредсказуемой. Росло беспокойство, а с ним и страх проиграть начатую партию. Потому предпочитали все же не переступить последнюю черту. Не случайно историки сегодня видят именно страх, завладевший широкими слоями общества, двигателем противоречивых комбинаций: он побуждал к объединениям во спасение, но он же удерживал от шага в пропасть.¹⁴

И Фридрих Пфальцский с его сателлитами и советниками, и герцог Максимилиан Баварский понимали, что необходимо всемерно укреплять подконтрольные им союзные и территориальные структуры, не только не порывая с имперской ориентацией, но всемерно демонстрируя лояльность короне. Иное дело — разница в акцентах. Католики отстаивали священство тысячелетней Империи во главе с католическим государем. Протестанты же, особенно члены Унии, предпочитали взывать к «свободам» сословий и «патриотизму», к верности «любезному отечеству немецкой нации». Под ней тогда понимали отнюдь не общность «народа и страны», столь понятную в XIX—XX вв., а сообщество «вольных» сословий, объединенных немецкими землями и Империей. Превозносились «прирожденные свободы», над коими никто из иноземцев и даже собственный монарх не властен. А коль скоро выбор веры и легитимация лютеранства стали имперским законом в 1555 г. и, следовательно, правом сословий, то любая угроза вере тотчас воспринималась как угроза статусу, «свободам» князей и имперских общин.

Парадокс: раскол прогрессировал и разъединял, но все еще сохранялись силы интеграции. Поляризация лагерей соседствовала с внутренней разобщенностью враждебных альянсов. Когда в 1609—1610 гг., тотчас вслед за созданием Унии, Пфальц попытался подтолкнуть Генриха IV Французского к решительному вмешательству на берегах Рейна, периферийные союзники Гейдельберга отказались блокироваться с курфюрстом, осознавая все риски и чуждость задуманного предприятия соб-

ственным интересам. Чем более радикальным становился курс Гейдельберга, тем больше в нем разочаровывались партнеры, совсем не склонные ставить на карту пусть худой, но все же мир. И то же самое наблюдалось в рядах Лиги. Максимилиан, все время мечтавший возглавить детище, им порожденное, плохо переносил конкуренцию царственных родственников и слишком сильно ориентировал на Баварию собственных союзников. Его амбиции весьма раздражали «рейнский округ» Лиги и главного тамошнего резидента — курфюрста Майнцского Иоганна Швайкхардта фон Кронберга. Будучи эрцканцлером Империи, он требовал соблюдения баланса интересов между Лигой и короной. Более того, он не исключал возможности вхождения в Лигу лидеров протестантов, главным образом курфюрста Саксонии, на том основании, что Лига мыслилась с самого начала не как партийное объединение, а как блок всех, кто заинтересован в стабильности.

Сопrotивление союзников нервировало баварца, и он подумывал даже выйти из альянса. Возник острый кризис, и лишь с большим трудом к 1617 г. единство было восстановлено. Лигу пришлось создавать практически заново. Удивительно, но в канун 1618 г. громоздкие имперские структуры еще были в состоянии поддерживать равновесие. Более того, видимые испытания, как Юлих-Бергский конфликт или распря в доме Габсбургов, ушли в прошлое. А вблизи имперских рубежей воцарился пусть хрупкий, но мир. Иное дело, что обрушение институционального стержня и прогрессирующий паралич согласия лишали диалог устойчивой почвы.

Если использовать медицинскую терминологию, то Империя напоминала больной организм с «абсолютной толерантностью»: опасными должны были быть вспышки поблизости, способные вызвать цепную реакцию. Так, очагом войны стала Богемия: страна, связанная ленными узами с Империей, но с самобытным религиозным и общественным укладом. Эпицентр трагедии словно бы указывал на приоритеты имперских обстоятельств. Именно это побуждает нас окинуть ход войны взглядом не из Европы в Империю, а наоборот, из Империи.

Давно уже ставшая привычной периодизация войны дробит ее на четыре фазы по внешнему показателю, участникам,

вмешавшимся извне: датскую, шведскую и франко-шведскую. Исключение, пожалуй, даруется лишь первой, ее именуют чешско-пфальцской или, упрощенно, просто чешской.

Кристоф Кампманн верно подметил: названия фаз указывали на врагов императора, с которыми тот вынужден был сражаться, они восходили к мнению самих современников.¹⁵ Но они же очень хорошо отражали точку зрения из глубин самой Империи, ее имперско-немецкую ипостась. Историография последних столетий радикально исказила этот взгляд — сегодня названия этапов призваны лишь увековечить европейский характер самой войны.

Глава 5

ОТ ПРАГИ ДО РЕГЕНСБУРГА: 1618—1630 гг.

I. Восстание в Богемии

Истоки движения 1618 г. Фердинанд — король Богемии.

Утром 23 мая 1618 г. жители Праги стали свидетелями тревожного зрелища: большая возбужденная толпа направлялась от Карлова университета к мосту через Влтаву и оттуда — в Мала Страну к королевскому дворцу. Как сильно напоминала она о смутах минувших лет! Среди идущих мелькали весьма важные персоны — первые лица богемского дворянства: братья Кинские, граф Генрих фон Турн, Колонна фон Фельс, граф Шлик и множество других. Своего намерения они не скрывали: добраться до резиденции и там потребовать от королевских советников отчет о категоричном запрете императора Матфея, как короля Богемии, всяких несанкционированных волей короны сословных собраний.

Выступление это, столь обстоятельно и красочно обыгранное потом долгой исторической «меморией», было следствием целого каскада событий. Летом 1617 г. Богемия получила нового монарха. Им стал двоюродный брат Матфея герцог Штирийский Фердинанд, образцовый семьянин и католик. Бездетный Матфей должен был во что бы то ни стало сохранить престол за австрийской ветвью Габсбургов. Но этому мешал семейный договор, заключенный с Мадридом еще в XVI в. В случае пресечения мужского колена либо в Испании, либо в Империи осиротевшие земли отходили уцелевшей линии. Между тем двоюродный брат Матфея, эрцгерцог Штирии Фердинанд, имел многочисленное потомство от двух браков. К тому же он был

абсолютно предан интересам Церкви: еще в молодости он не жалел сил для очищения родного герцогства от протестантов. Было ясно: Фердинанд — единственная кандидатура, устраивавшая все стороны, в том числе Рим. Мадрид дал согласие, взамен попросив передать ему имперские земли в Эльзасе — так называемый эльзасский коридор, имевший стратегическое значение: он связывал северную Италию и испанские Нидерланды. Император одобрил проект, и договор был заключен. В историю он вошел как «договор Оньяте» — по имени испанского посла в Вене, игравшего одну из ключевых ролей в начавшейся войне.

Но мало было подписать договор. Нужно было, чтобы Фердинанд, согласно имперскому обычаю, предварительно получил короны Венгрии и Богемии, иными словами, в будущем на выборах предстал уже коронованным кандидатом. В 1617 г. он венчался богемской короной св. Венцеля, а весной 1618 г. — венгерской св. Стефана. Так Матфей гарантировал, что престол останется за австрийской родней.

Понятно, однако, что чешские подданные видели в Фердинанде последовательного защитника католических интересов. Едва ли у местного протестантского дворянства были какие-либо иллюзии на этот счет. Потому неизбежность будущих конфликтов была вполне реальной, хотя уже и до этого, в 1615—1616 гг., имелось много причин жаловаться Матфею на несоблюдение пунктов «грамоты» 1609 г. Публичные протесты уже звучали в июне 1617 г. на ландтаге в Праге, когда обсуждалась кандидатура Фердинанда. Тогда, вопреки мнению большинства коронных чинов, граф Турн, Колонна фон Фельс и несколько других высокопоставленных слуг короны нашли смелость ясно указать на недопустимость замены выборов монарха его признанием сословиями, особенно в условиях, когда на ландтаге не были представлены интересы «инкорпорированных» земель (имелись в виду сословия Моравии, Силезии и обоих Лаузицев, бывших ленниками чешской короны). Замечания Турна не имели больших последствий, протестанты промолчали, а сам он уже в октябре того же года лишился весьма почетного титула бургграфа Карлштейна, отданного Фердинандом Ярославу Боржиге Мартиницу, одному из лидеров католической фракции.

Король, впрочем, предоставил «компенсацию»: взамен Турну даровали «ради пособления» пост старшего коронного судьи при ленном дворе. Кадровые перестановки, однако, не должны были удивлять: любой монарх обязан соблюдать выгодный для себя баланс сил и опираться на группу преданных выдвиженцев. В условиях сословного общества соотношение интересов «старой» и «новой» знати играло исключительно важную роль. Здесь же ко всему этому добавлялся еще стратегический вопрос религиозной принадлежности.

Внешнее приличие было, впрочем, соблюдено: Фердинанда провозгласили законным государем Богемии, сам он любезно принял «оппозицию» и даже выпрашивал того же Турна, чем он, их новый монарх, столь не нравится графу и его единоверцам. Судьбе было угодно свести в вечер коронации за одним столом всех главных героев будущих событий: в последний раз вместе бражничали лидеры противоположных партий — Турн и Славата, Кинский и Ярослав Боржита Мартиниц.

Браунау и Клостерграб. То, что можно назвать поводом к майскому восстанию, было во многом и его причиной: новые споры на религиозной почве, имевшие вполне конкретные обстоятельства. Речь шла о конфликте вокруг двух моленных домов протестантов в городке Браунау и местечке Клостерграб.¹ Браунау (не следует путать с одноименным городком в Австрии, здесь речь идет о современном Брумове на севере Чехии, на границе с Польшей) считался «вассальным» городом и не принадлежал к разряду собственно королевских общин, прямо подчиненных государю. Земля же, на которой он располагался, была подотчетна королевской казне. К началу века большинство горожан уже исповедовало протестантизм. Но местное аббатство бенедиктинцев оказалось с 1602 г. в руках энергичного католика Вольфганга Селендера из Прошовиц, принявшего тотчас действовать в интересах старой Церкви. Селендер очистил ряды братии от ненадежных лиц и тайных приверженцев протестантизма, потребовал от горожан строгого соблюдения католической обрядности, а когда строптивные жители стали выказывать совершенное невнимание к пастырским наставлениям — санкционировал практические меры. Так, в 1603 г. духовенство запретило погребение супруги одного местно-

го суконщика Иоганна Буркхардта на католическом кладбище под предлогом, что погребальная процессия сопровождалась пением протестантских гимнов. Вопреки давлению аббата горожане в 1609 г. решились построить собственный молельный дом, сильно не утруждая себя исследованием, кому, собственно, принадлежит земля, взятая под постройку, и полагаясь всецело на поддержку местной протестантской консистории и сословий. Селендер немедленно обжаловал их действия у короны. Матфей после некоторых колебаний взял сторону прелата, заключив, что городская община есть коллективный вассал аббатства, а земля, на которой возводится церковь, принадлежит ему же. И коль скоро по чешскому праву церковные земли не входили в пределы королевской юрисдикции, то слушаться горожане должны были всецело своего сюзерена — аббата. Протестанты тем не менее игнорировали королевскую волю, завершили строительство и открыли церковь для богослужения. В конце концов к ней были посланы уполномоченные короны, потребовавшие ее закрытия. Но их встретили вооруженные горожане, и приказ остался невыполненным — вопреки часто встречающимся утверждениям о якобы насильственном закрытии церкви. Службы в ней справлялись вплоть до 1620 г., т. е. до белогорской катастрофы и окончательной рекатолизации Богемии.

Схожая драма разыгралась и на юго-западе — в отрогах Рудных гор близ маленького городка Клостерграб (ныне Хроб на границе с Германией). Он располагался на землях пражского архиепископства. Тамошние горожане, как и их коллеги из Браунау полагавшие, что их город является непосредственным подданным короны, принялись в 1611 г. за строительство своего молельного дома. Иного мнения оказался, однако, архиепископ Праги Иоганн Логелиус — яркий представитель тридентских прелатов. Считая общину Клостерграба епископской, он объявил горожан возмутителями спокойствия и бунтовщиками. Те в ответ принялись доказывать свои старинные привилегии, якобы дарованные еще Карлом IV. Но когда королевские наместники в 1616 г. потребовали показать оригиналы документов, горожане ничего представить не смогли. Еще раньше, в 1614 г., молельный дом был закрыт и опечатан.

Скандал между тем получил большую огласку. Матфей вновь был вынужден сам исследовать вопрос, в дело вмешались и «дефензоры», в том числе и Турн. Тем не менее, как и в случае с Браунау, престол поддержал архиепископа. Вассальный статус Клостерграба был подтвержден, к церкви явилась рота королевских солдат, и за три декабрьских дня 1617 г. от нее не осталось камня на камне.

«Дефенстрация» 23 мая. Собравшиеся в Праге «дефензоры» сочли действия властей полным произволом и в марте 1618 г., минуя персону нового короля, направили официальную жалобу Матфею. В ответе императора, весьма строгом, возбранялись всякие прошения в обход законного государя Чехии Фердинанда и указывалось на недопустимость произвольных собраний сословий, не санкционированных монаршей волей. Говорилось о необходимости дождаться личного присутствия государя и, по крайней мере, отсрочить созыв ассамблеи. Обнародование ответа Матфея привело к взрыву недовольства: «дефензоры» усмотрели в нем нарушение «грамоты величества» и ущемление своих прав на самостоятельный созыв ассамблеи, посвященной вопросам веры.

21 мая «дефензоры» собрались в Пражском университете. Само собрание не могло считаться серьезным с точки зрения представительности: городские депутаты Праги из предосторожности на него не явились. Главное, что волновало протестантов, — не приложили ли к ответу императора свою руку сидевшие в Градчанах королевские наместники.

В отсутствие Фердинанда, занятого коронационными торжествами в Прессбурге, они исполняли роль высшего административного органа короны. От них потребовали предоставить копии императорской корреспонденции. Позже в Мала Стране, рядом с Градчанами, в доме Смержицких, одних из самых горячих сторонников движения, состоялось еще одно собрание, на котором был составлен сценарий диалога с властью и, видимо, обговорено употребление «дефенстрации» как законного ответа на беззаконие властей. Утром 23 мая по прибытии в Градчаны толпа собралась в знаменитом Владиславовом зале королевского дворца — старинном месте собрания королевского совета и сословий. Было определено, что глашатаем

общественного мнения будет Павел из Ржичан. В канцелярии, занимавшей «людовиково» крыло дворца, в тот день находились пятеро наместников: старший бургграф короны Адам фон Штернберг, великий приор ордена Св. Иоанна Матфей Диппольд фон Лобкович, старший судья короны Вильгельм Славата, бургграф Карлштейна Ярослав Боржита Мартиниц и секретарь канцелярии Филипп Фабрициус — внук известного писателя-гуманиста.

Все случившееся затем запечатлелось в поздних воспоминаниях главных действующих лиц. Они содержат печать резкой пристрастности, расходятся в мотивах, оценках и деталях и потому позволяют реконструировать лишь общую картину. Точка зрения пострадавших наместников изложена в записках Мартиница и знаменитых «воспоминаниях» Вильгельма Славаты, мнение протестантов — в «Апологии» мятежников и памфлете Турна, изданного много лет спустя, в 1636 г., целью которого было отвести подозрения в своекорыстии служению шведской короны (Турн с 1630 г. фактически состоял на шведской службе).²

«Дефензоры», видимо, пытались придать диалогу торжественное начало. Павел из Ржичан зачитал заранее подготовленное послание, содержащее упреки и подозрения относительно образа действия наместников: не они ли пытались сорвать ассамблею 21 мая и не они ли причастны к ответу императора? Наместники отвечали, что действовали, сообразуясь со своими полномочиями, и никак не могли влиять на высочайшую волю. Ссылались они и на отсутствие по причине болезни своего шестого коллеги Адама фон Вальдштайна: без его мнения коллективный ответ на петицию сословий был бы невозможен. Протестанты стали требовать отчета по остальным делам, касавшимся конфликтов по вопросам веры, припомнили даже давние — со времен издания «грамоты величества».

Атмосфера явно накалялась, диалог был скомкан, и стороны перешли к открытым нападка. Турн, никогда не говоривший по-чешски, выждал минуту и озвучил по-немецки, видимо, заранее подготовленное решение: выбросить, согласно старочешскому обычаю, недостойных слуг короля и сословий из окон. Старика Лобковича и Штернберга из уважения к сану и возра-

сту просто вытолкали из канцелярии, остальных же по очереди подтащили к распахнутому окну. Историки вслед за современниками обычно называют все произошедшее «дефенестрацией», хотя путаются в ее номере, часто называя «второй» — по аналогии с расправой над сторонниками короля у Новой ратуши в 1419 г. Между тем еще одно «низвержение» состоялось в 1483 г., когда на копьях пражан повисли городские советники, подозревавшиеся в сговоре с католиками. Скорей всего, событиям 1618 г. стоит присвоить третий номер из четырех возможных: под четвертой «дефенестрацией» иногда понимают загадочное падение из окна министра иностранных дел Второй республики Яна Масарика, бывшего в 1948 г. единственным некоммунистом из членов правительства.

Первым выбросили из окна Мартиница. За ним последовал Славата. Он отчаянно цеплялся за свинцовый переплет. Рукоять кинжала ему раздробили пальцы, и человек кубарем полетел вниз. Минутой спустя под столом нашли прятавшегося там Фабрициуса. Он бы, возможно, остался незамеченным в суматохе, но его выдали собственные жалобные стоны. Несчастного секретаря отправили вслед за двумя предыдущими лицами.

На удивление все остались живы. Сильно расшиб голову лишь Славата: сперва он ударился о карниз, а уже на земле налетел на камни. Наместник лишился сознания, но к нему вовремя подполз Мартиниц. Несмотря на рану от собственного кинжала, на который напоролся при падении, верный соратник перевязал другу голову и привел его в чувство. Вдвоем, и при помощи Фабрициуса, они выбрались из рва и пустились бежать в единственное прибежище поблизости: в дом Поликсены фон Лобкович, родственницы Славаты и ревностной католички. Со слов самих жертв, смутьяны, выглядывавшие из окон, были столь поражены чудным спасением, что от бессильной злобы принялись стрелять по несчастным жертвам и даже отправили в ров своих слуг — добить наверняка.

В доме Поликсены Мартиниц не выдержал и дал волю страху. Он повелел привести духовника и исповедался, приняв вид смертельно больного. Вскоре у дворца появились бунтовщики. Поликсена, отличавшаяся большим мужеством, наотрез отказалась выдать спасенных. Ничего не добившись, смутьяны ушли.

Славата с сильно разбитой головой остался, Мартиниц бежал кружным путем через Баварию в Австрию. Славату отправили под домашний арест, но больших насилий не чинили. Уже в 1619 г., воспользовавшись дозволенной ему поездкой на воды в Теплиц, он тайно перебрался в Саксонию и через нее окольными путями в Вену. Еще будучи под арестом, Славата начал писать свою знаменитую «Историю», которая позже перерастет в грандиозный многотомный труд — взгляд истинного католика на прошлое и нынешнее положение дел в Богемии. До сих пор это сочинение является важнейшим источником знаний о событиях 1618 г.

История с падением быстро обросла легендами. Протестанты утверждали, что жертвам помогла спастись куча навоза под окнами канцелярии, католики приписывали спасение заступничеству Св. Девы. Но скорее всего, выброшенным из окна помогли пологий откос стены, игравший роль своеобразного контрфорса, а также плотная длинная одежда, смягчившая удар: май тогда выдался на редкость холодным.

Император щедро вознаградил всех троих титулами и поместьями. Мартиниц к тому же получил приставку к дворянской фамилии «Высокопадный» — von Hohenfall.

Никто из участников событий — с той и другой стороны — не воспринимал их началом некой войны. Для них «дефенестрация» никак не могла стать прологом к глобальной катастрофе. Из воспоминаний пострадавших и обильной публицистики обоих лагерей отчетливо видно, что главной мыслью всех авторов было показать мятежный дух противников, выставить их поступки неприкрытым мятежом либо результатом тайных махинаций. Для Вены то был незаконный бунт. Бунт нуждается в укрощении, но он не порождает войну. Бунт не может быть войной, ибо он не порожден конфликтом между равными сюзеренами. Оппозиция столь же последовательно оправдывалась желанием восстановить попранную справедливость, законные права сословий, — император и король пока еще не виделись публичными тиранами. Тридцатилетняя война вспыхнула тогда, когда сами ее участники не думали воевать и не судили свои поступки категориями войны. Те события которые мы сегодня называем войной, никак не считались таковыми в

те времена, никто не желал ее начинать. И даже позже, по прошествии лет, когда уже в конфликт вмешались иноземные суверены и театром войны стала сама Германия, пражским событиям отказывали быть точкой отсчета. Да, о 1618 г. говорили как о начале катастрофы, но только в неожиданном для нас и привычном для современников смысле: знаменитая комета, появившаяся на вечернем небосводе Центральной Европы осенью того года, была верным знаком, пророчившим погибель.³

Так, к хронологии войны оказались причастны страхи, ожидания и тайные знаки: все, чем так бурлило раннее Новое время.

Характер движения и реакция в Германии. Движение 23 мая не было «народным» — в том смысле, который вкладывался в это понятие в два минувших столетия. Более того, оно не было всеобщим и тем более «национальным», хотя чешским историкам XIX—XX вв. очень хотелось видеть в нем национальные мотивы, пробуждающееся самосознание целого народа. Далеко не все сословные группы Богемии в тот момент были готовы примкнуть к бунтовщикам и разделять их позицию. Главными участниками драмы стали дворяне, подданные короля Богемии. Многие из них имели иноземные корни, такие как Турн или Колонна фон Фельс, многие были отпрысками смешанных чешских и немецких семейств. Но Прага смолчала, и это молчание позволило заявить о победе.

Основной причиной стало ущемление именно сословных прав: нарушение религиозных свобод в чешских условиях автоматически означало и ущемление правового статуса их гарантов, т. е. местной знати. И здесь религиозные и социальные мотивы пересеклись в едином измерении. К тому же Фердинанда недолюбливали с самого начала: в глазах общества он был несомненным проводником католических интересов и гонителем св. Евангелия. Потому сегодня историки предпочитают говорить о 1618 г. как о «восстании сословий». Термин этот восприняла и новая чешская историография.⁴

Итак, в землях, тесно связанных с Германией и бывших, хотя и с оговорками, частью Империи, разразился кризис. Казалось бы, здесь не было ничего неожиданного: мало ли бунтов и движений было на памяти современников, включая и распря в рядах правящей династии. Показательной оказалась и пер-



Пражская «дефенестрация» 23 мая 1618 г. Современная гравюра.

вая реакция со стороны потенциально дружеских сил. Когда на съезде Унии сообщили о пражских событиях, ее участники лишь приняли их к сведению, не более того. Главное, что волновало Гейдельберг и его сателлитов, — строительство трирским архиепископом Филиппом Христофором фон Зеттерном крепости подле пфальцских владений в местечке Уденхайм, позже претенциозно названной по имени владельца Филиппсбургом. С этим начинанием решено было бороться в первую очередь. До конца июня войска Унии уничтожали свежестроенные укрепления, давая понять, кто в регионе хозяин. Столь же неспешной была и реакция лютеранского Дрездена. Сам Фердинанд, казалось, не торопился с ответными мерами — он дождался окончания церемоний в Прессбурге и лишь по возвращении в Вену вплотную занялся чешскими делами. События развивались постепенно, поэтапно вовлекая региональные структуры. Но именно в неспешности следствий таилась наибольшая угроза. То, что в наше время можно познать за считанные сутки, в XVII в. протекало по иным часам.

Первые шаги «директории». Акт конфедерации 1619 г. Уже на следующий день оппозиция сформировала так называемую «директорию», своего рода временное правительство, включавшее «дефензоров» и представлявшего по десять уполномоченных от трех сословий. С точки зрения права, хотя и с натяжкой, ее создание можно было бы оправдать полномочиями сословий, вытекавшими из «грамоты величества». Сама «директория» на первых порах не ставила целью низложение Фердинанда, хотя республиканское (условно) крыло повстанцев с самого начала пыталось апеллировать к нидерландской модели, настаивая на полной автономии. Лишь год спустя Фердинанд Габсбург был лишен престола, но сам престол и не думали оставлять вакантным: начались усердные поиски кандидатов на него.

Медленно продвигалось дело и с вовлечением инкорпорированных земель. Там — в Моравии, Силезии и Лаузице — не наблюдалось большого воодушевления. С трудом подтолкнули к союзу моравские сословия: понадобилась военная демонстрация под Иглау в начале 1619 г., чтобы указать соседям «правильный» путь. Несколько бо́льшую активность проявили протестантские сословия верхней Австрии и Лаузица. В конце июля 1619 г. был принят знаменитый «Акт конфедераций» составших сословий, повторявший многие положения «грамоты величества» и провозглашавший принцип выборности короля, власть которого отныне сильно ограничивалась мнением сословий. Евангелическое вероисповедание де-факто превращалось в ведущую конфессию короны. По сути, весьма объемный документ лишь фиксировал многоукладность инкорпорированных земель, принцип верховенства сословного мнения. Только после его принятия Фердинанд был провозглашен лишенным престола. Повторялся сценарий, весьма похожий на историю смут в наследственных землях Габсбургов в 1605—1610 гг.

Равновесие сил и поиск союзников. Положение для обеих сторон, однако, осложнялось отсутствием возможностей добиться быстрой и решительной победы. Возник эффект своего рода равновесия сил, точнее, бессилия: ни у Габсбургов, ни у сословий не было достаточных людских и денежных ресурсов. Обе стороны обрекались на поиск скорой поддержки — в близком

(имперско-немецком) и дальнем (европейском) пространстве. Вполне возможно, что ход борьбы не принял бы размеров общеимперской трагедии, если бы мятежники сумели быстро навязать свою волю династии или, напротив, Габсбурги смогли бы надежно заблокировать Прагу и подавить движение. На деле же возникло трудное единоборство с последующей цепной реакцией, с каждым новым звеном которой взламывались, казалось бы, локальные границы конфликта. Так постепенно рождалось восприятие событий именно как войны.

Командующими силами мятежников стали Турн и позже граф Гогенлоэ, назначенные генерал-лейтенантами (в те времена то был не чин, а лишь должность, буквально означавшая заместителя короля как верховного главнокомандующего). Леонард Колонна фон Фельс получил должность фельдмаршала сословий, т. е. полевого командира, находящегося в подчинении у первых двух деятелей. Турн, человек удивительной и трагичной судьбы, был самым опытным среди них: за его плечами были годы нелегкой службы на турецком фронте и командование относительно крупными тактическими единицами.

Но общих сил для крупных операций было явно мало, их число не достигало и 10 000 человек. Примерно равным, если не меньшим, контингентом располагала и Вена. На момент восстания у императора не было вообще сколь-нибудь пригодных войск. Дело спас случай: только что закончился спор Габсбургов с Венецией в землях Фриуле и действовавшие там, еще не распущенные императорские войска были срочно отозваны в Австрию. Командовал ими граф Анри Дюваль Дампьер, опытный офицер, но войско, которое он привел под Вену, не превышало и 3000 человек. Не большим числом располагал и другой военачальник — Шарль Бонавентура Бюкуа, прибывший из Нидерландов и спешно назначенный в том же 1618 г. главнокомандующим всеми войсками императора. На первых порах военные действия велись исключительно мелкими, часто распыленными силами, не обещавшими никакого крупного стратегического успеха. Турн пытался наладить связи с отрядами протестантов верхней Австрии, Бюкуа и Дампьер намеревались прикрыть оставшиеся под контролем короны крупные центры на юге Чехии, главным образом Будвайс и Крумау, на-

селение которых, преимущественно немецкое, с опаской относилось к «директории», вспоминая давние кровавые походы гуситов. Мало что изменило и прибытие графа Петра Эрнста Мансфельда с горсткой людей, отпущенного со службы в помощь Праге герцогом Савойским, питавшим симпатии к мятежникам. Мансфельд принудил к сдаче Пльзень, но то был хотя и важный, но частный успех.⁵

Чем туманнее становились перспективы, тем настойчивее обе стороны стремились обрести опору на стороне. Восставшие рады были заручиться поддержкой на востоке, со стороны Трансильвании, — ее властитель, кальвинист Бетлен Габор, вассал Османской Порты, хотел прибрать к рукам западную Венгрию и потому охотно протянул руку помощи. Порта ни тогда, ни позже не решилась открыто поддержать своего ленника — риски новой «долгой войны» вполне просчитывались в Константинополе. Однако и прямого запрета на вмешательство Бетлена Габора она не накладывала. На западе пражские дипломаты искали союзников как в Империи (Уния и Саксония), так и в далекой Италии — у двора герцога Савойского, тяготившегося чрезмерным давлением со стороны Испании. Уния, на словах поддерживая «директорию», мало что дала на деле: тут еще раз отчетливо проступили различия в подходах между Гейдельбергом и его союзниками. Если курфюрст Фридрих готов был рискнуть крупной военно-политической комбинацией, то совершенно не желали этого его сателлиты: перспективы неконтролируемого хаоса они вполне осознавали. Саксония, властитель которой, Иоганн Георг, последовательно защищал интересы единоверцев вблизи собственных границ, также не собиралась обострять ситуацию своим вмешательством во внутренние дела династии. Тем более, что в глазах лютеранских ортодоксов и самого курфюрста пражские события напоминали скорее мятеж против законной власти, нежели борьбу за «свободу» сословий. Иоганн Георг все больше укреплялся в роли лидера нейтральных сил, отчетливо предугадывая все последствия затяжного и столь опасного на пространстве Империи кризиса. Впрочем, его попытка собрать заинтересованные имперские чины на переговорах в Эгере в феврале 1619 г. провалилась.⁶

Фридрих Пфальцкий — король Богемии. Мятеж становится имперским конфликтом. Неразрешенный конфликт и неопределенность положения побуждали «директорию» ко все более решительным шагам. Вслед за детронизацией Фердинанда и еще до нее шли усиленные поиски возможных кандидатов на вакантную корону. Ее предлагали и курфюрсту Саксонии, и герцогу Савойскому, и лидеру Унии Фридриху V. И только последний после некоторых раздумий согласился ее принять — вновь вопреки пожеланиям соратников по союзу. Автоматически это означало вовлечение в конфликт теперь уже непосредственно имперские структуры — Унию и Пфальц. Не случайно некоторые историки считают именно согласие Фридриха точкой невозврата.⁷ Сугубо региональная схватка превращалась в имперскую войну. Принимая чешскую корону, Фридрих немедленно становился вождем мятежа и подлежал наказанию по букве имперского права. Едва ли приходилось сомневаться в ответных шагах Габсбургов.

Те, в свою очередь, не менее основательно готовили почву для реванша. Прежде всего Фердинанд избавился от нежелательных элементов из окружения старого императора. 20 июля 1618 г. был арестован и выслан из Вены кардинал Мельхиор Клезль, директор Тайного совета и правая рука Матфея. Клезль не желал предпринимать слишком жестких мер, формировал своего рода параллельный кабинет для будущего наследника престола и становился неприятным конкурентом. По мнению историков, устранение Клезля не означало разрыва с предшествовавшей линией — кардинал отнюдь не был другом протестантов. Речь, скорее, шла о завершении предшествовавшего курса, порожденного династическим кризисом и конкуренцией между родственниками. «Двоевластие» в доме Габсбургов закончилось.⁸

Смерть Матфея в марте 1619 г. расчистила Фердинанду путь к имперскому венцу. Предстояли, конечно, еще выборы во Франкфурте, и они прошли летом под знаком тревожных ожиданий и мелких военных провокаций радикалов из Унии. Но это не помешало консолидированной (в целом) позиции курфюрстов. Даже уполномоченные Пфальца, сильно рассчитывавшие на притязания со стороны Баварии и ожидавшие острой кон-

курентной борьбы, в конце концов высказались за Фердинанда. Габсбург совершил рискованную поездку обратно в Вену, а Фридрих спустя несколько месяцев направился в Прагу вместе с супругой — дочерью Якова Английского Елизаветой.

Наконец Фердинанду удалось договориться и с Лигой. В октябре 1619 г. между новым императором и герцогом Максимилианом был заключен своего рода «пакт о взаимопомощи». Герцог соглашался направить 24 000 пехоты и конницы на богемский театр, а Фердинанд обещал признать его главенство в Лиге, передать до полного возмещения издержек часть собственных земель и — правда, пока в устной форме — даровать курфюршеские права после наложения опалы на курфюрста Пфальцского как нарушителя имперского мира. Так конфликт был вскрыт с еще одной стороны: он становился теперь вдвойне имперским. Мало того, Вена рассчитывала на поддержку родственного Мадрида. Там при дворе Филиппа III боролись две концепции европейской политики: одна группа (ее представлял фаворит короля герцог Лерма) желала заморозить помощь — во избежание чрезмерных материальных трат, а другая — стремилась оказать всемерную помощь союзникам, дабы улучшить исходные позиции перед неизбежным продолжением войны с Нидерландами (подобное мнение разделял глава надворного совета Бальтазар Суньига). Мнение радикалов побеждало, Вене стала поступать крупная денежная помощь, а испанские войска в южных Нидерландах покинули свои квартиры для марша к берегам Рейна и Неккара. Помощь пришла и из единой Польши, где католическая ветвь династии Ваза находилась в тесном родстве с венскими Габсбургами: несколько тысяч казаков на королевской службе отправились на юг. Будучи прирожденными наездниками, они служили надежным подспорьем для борьбы с легкой конницей Бетлена Габора.

Каждая из сторон отвечала демаршем на демарш, и возможность к компромиссу в пределах династического блока исчезла совсем. В апреле 1620 г. был пройден еще один исключительно важный рубеж: император потребовал от курфюрста Фридриха, как вассала Империи, отказаться от чешской короны и покинуть Богемию. В противном случае ему угрожала опала со всеми вытекающими отсюда последствиями, включавши-

ми курфюршеский трибунал, утрату наследственных земель, лишение титула и изгнание. Фридрих промолчал и от короны не отказался. Так стало окончательно очевидным, что развязка конфликта ускорится теперь не только в Богемии, но и в землях Пфальца и его союзников.

Начало конца. Турн под Веной. Заблат (1619 г.). Сумма слагаемых успеха оказалась для восставшей Богемии куда хуже, чем у Габсбургов. Еще летом 1619 г. провалились попытки Турна навязать кампанию в радиусе Вены и подкрепить протестантские сословия верхней и нижней Австрии. Из совместных операций с трансильванской конницей Бетлена Габора мало что вышло, а Турн, не имея тяжелой артиллерии, не мог ничего предпринять для правильной осады Вены.⁹ В конце концов чешский главком вынужден был удалиться в южную Богемию. Почти одновременно Мансфельд при попытке блокировать Будвайс был совершенно разбит при Заблате с потерей почти всего корпуса и обоза (10 июня 1619 г.).

Популярность новоизбранного короля быстро пошла на убыль. Сам убежденный кальвинист и окруженный кальвинистским духовенством, Фридрих по прибытии в Прагу допустил оскорбительные для чешских лютеран оплошности: его духовник Абрахам Скультет потребовал очистить собор Св. Вита от «идолов», т. е. от образов и алтарных ретаблей, вполне терпимых в лютеранской традиции, но немыслимых в реформатской. Вопреки протестам, храм был razoren. Кальвинистский акцент пугал не только новых подданных, но и соседей: курфюрст саксонский, и без того осуждавший вмешательство Пфальца, теперь был вдвойне напуган религиозным расколом близ границ и ширившейся экспансией «богомерзких кальвиниан». И напротив, все попытки Фридриха наладить дипломатическую поддержку даже английской родни и Нидерландов потерпели полное фиаско: сомнительному государю никто не дал ни денег, ни тем более людей. Душа его дипломатии, энергичный князь Христиан Ангальт-Бернбург, много сделавший для консолидации Унии, так и не добился, чтобы его коронованный патрон был признан Европой. Наконец, публицистическая пропаганда Габсбургов, на все лады обыгрывавшая преступность и противозаконность действий бо-

гемских бунтовщиков, потихоньку переигрывала контрпропаганду противников. Информационный поток начала Нового времени все больше становился важным оружием династической борьбы.

Кампания 1620 г. Белая гора (8 ноября 1620 г.). С конца лета 1620 г., обозначился кризис военной кампании. Войска Лиги, предводительствуемые Тилли, соединились с Бюкуа в западной Богемии. Стратегический план союзников был безукоризненно точен: прямым ударом на Прагу постараться закончить операцию до наступления зимы. Почти 40-тысячным имперско-лигистским войскам король мог противопоставить едва ли 25 000 мушкетов и сабель. Решено было не дробить силы второстепенными направлениями, тем более что из борьбы вышел Мансфельд со своим корпусом. Как раз в осенние дни он оставался пассивным, завязал подозрительные переговоры с имперской ставкой и позже даже дал повод говорить о подкупе.

Силы протестантов стягивались к южным пригородам Праги. Молодой государь, небогатый собственными дарованиями, целиком полагался на своих генералов. Он ограничился посещением лагерей и лазаретов, по мере сил поддерживая боевой дух своей пестрой армии. В первых числах ноября Ангальт и Гогенлоэ решились занять позиции на Белой горе — меловых и песчаных высотах, ныне охватывающих часть Праги, район Горни-Либоц. Линия фронта протестантских войск казалась вполне прочной. На правом фланге в парке и замке Звезда — чудном творении чешского Ренессанса — укрепилась моравская пехота, центр и левое крыло располагались непосредственно на плоскогорье, причем линейным порядком по нидерландскому образцу, слегка отодвинувшись от южного спуска и имея венгерскую конницу во второй линии. Шлик командовал правым флангом, Ангальт-младший — центром, Турн возглавлял левое крыло. Было очевидно, что протестанты предпочитали оборону или, по крайней мере, не желали рисковать оставлением столь выгодных позиций без полной уверенности в успехе.

Вечером 7 ноября войска Лиги подошли к болотистому ручью у подножия высот. Генералы оказались перед дилеммой. Бюкуа, незадолго перед тем раненный и вынужденный обзоре-

вать поле боя из коляски, предлагал не торопиться со штурмом, а попытаться обойти казавшиеся ему слишком неприступными высоты правым флангом. Но Тилли свойственным ему врожденным чутьем вмиг уловил возможность успеха: он сделал ставку на массивное фронтальное наступление. Топтаться на болотистом лугу и совершать долгий обходной маневр на глазах противника, давая тому возможность придвинуться к краю горы и расстрелять колонны как мишени, казалось слишком рискованным. Максимилиан, не стеснявшийся прислушиваться к мнению искушенных командиров, поддержал своего генерала.

Ранним утром 8 ноября лигеры перешли через топкую низину, развернулись в атакующие квадраты и тотчас пошли на штурм. Возможно, исход дела был бы иным, если бы правильное использование линейного строя королевским штабом подкреплялось надежным управлением и солидарностью командиров. Но именно этих качеств не доставало протестантской армии. На правом фланге валлоны, не встречая никакого сопротивления, вскарабкались на возвышенность и легко опрокинули первую линию Турна. Последнему со шпагой в руке пришлось броситься наперерез бегущим и личным примером восстановить порядок. Венгры, выдвинувшись из резервов, сумели оттеснить терции назад. В ту же минуту Ангальт-младший бешено атаковал по центру уже взобравшихся на плато пехоту Бальгазара Марадаса, изрубил и рассеял две терции и уже угрожающе обходил остановившихся под контратакой Турна валлонов. Был момент, когда, казалось, наступит перелом и еще немного — войска лигеров будут сброшены вниз. Однако успех Ангальта не был поддержан соседями, а сам он в разгар горячей кавалерийской схватки попал в плен. Полки и эскадроны королевских генералов держались на удивление пассивно, теряя драгоценное время и позволяя неприятелю закрепиться на плато. Можно лишь догадываться, собирался ли командующий Ангальт-старший заманить массы неприятельских войск на край высот, чтобы опрокинуть их последующим ударом. Во всяком случае, его не последовало, а Тилли быстро подкрепил заколебавшихся было Марадаса и Бюкуа и всей мощью своей баварской пехоты обрушился на правое крыло Ангальта. Баварцы

закрепились на возвышенности и сильной атакой смяли обе линии протестантской армии. Турн тотчас начал отход на своем крыле, фронт сломался в мгновение ока, и отступление превратилось в повальное бегство.

Лигерам пришлось иметь дело лишь с отдельными очагами сопротивления. Остатки моравской пехоты Шлика, укрывшиеся за стенами парка Звезда, подверглись почти поголовному истреблению. Конница герцога Веймарского, поставленная позади парка и лишенная возможности видеть ход битвы, не успела даже развернуться и была изрублена на месте. Венгры, простоявшие почти без дела всю битву, теперь искали спасения в прыти своих лошадей и водах Влтавы, преследуемые по пятам казаками. Весь обоз и вся артиллерия достались победителям. На злополучных для чехов высотах остались лежать почти 7000 человек, из которых 5000 принадлежали к королевской армии.

Победа была полной. Главным призом для триумфаторов становилась Прага, никем уже не защищаемая. Король, посетивший лагерь и ободривший своих солдат накануне, в час битвы принимал английского резидента. Прощаясь с ним, он уже намеревался вновь отправиться к войску, как вдруг у южных ворот повстречал первых вестников катастрофы. Лишь заминка победителей, не решившихся тем же вечером занять столицу, дала Фридриху возможность бежать. Паника при эвакуации не поддавалась описанию: в суматохе чуть было не забыли младшего сына короля, годовалого кронпринца Рупрехта, будущего герцога Кэмберлендского, героя английских смут и знаменитого генерала роялистов. О нем вспомнили лишь в последнюю минуту, услышав жалобные крики, раздававшиеся среди поклажи.

Фридрих, король «на одну зиму», как прозвали его современники, направился кружным путем — сперва на север через Силезию в Бранденбург, где вопреки ожиданиям не получил никакой поддержки от единоверцев Гогенцоллернов, а оттуда на юго-запад в Нидерланды.

Белая гора и историческая память. Битва у Белой горы весьма далека от сцен борьбы «за национальную независимость». Здесь был представлен типичный для эпохи военный

«интернационал»: валлоны, испанцы, баварцы, итальянцы бок о бок сражались в терциях Тилли и Бюкуа, моравы, чехи, немцы, венгры делили места среди боевых порядков королевской армии.

На протяжении последующих четырех веков память о Белой горе может считаться образцовым проявлением сменявших друг друга монархических и национальных мифов. В XVIII в. подле горы будет воздвигнут великолепный барочный ансамбль монастыря Св. Девы Марии Победительницы как символ католического и династического триумфа Габсбургов. После обретения независимости и рождения Первой республики наступили годы «национального реванша». Вечером 8 ноября 1920 г., в четырехсотую годовщину, вдоль ограды охотничьего парка горела лента поминальных свеч. Напротив же, на насыпной клумбе, был воздвигнут каменный обелиск с двумя датами: 1620 и 1920.

Чешской националистической историографии очень хотелось бы видеть битву у Белой горы переломом, началом времени великой тьмы и порабощения. Сегодня былые страсти ушли в прошлое. Историков все больше волнует культурно-исторический феномен сражения, его духовный и ментальный слой. Все больше акцентируется роль религиозного фактора, о котором вскользь и часто пренебрежительно писали прежде. Битва при Белой горе стала одним из символов триумфального тридентского католицизма, образовав дуэт с памятью о сражении при Лепанто (1571). Обе победы весьма содействовали культу Пречистой Девы (Марии Генералиссимы) как покровительницы католического воинства. Изображения Богородицы с Младенцем и во Славе все чаще стали появляться на штандартах и знаменах войск Габсбургов и Лиги. Свою роль в этом сыграла и неутомимая деятельность отца Доминика Иисуса Марии (Dominicus a Jesu Maria), испанского монаха-кармелита, приора конвента в Риме, служившего капелланом у лигеров. В день битвы он нес в руках образ Рождества со св. Семейством, обнаруженный подле Праги и обезображенный протестантами (у св. Иосифа и Богородицы были выколоты глаза). Позже образ будет водружен в церкви кармелитов в Риме, именуемой отныне храмом Марии Победительницы.

Сам же ход сражения можно считать исчерпывающе изученным после выхода в 1879 г. капитального исследования Юлиуса Кребса.¹⁰

Саксонцы в Лаузице. Взятие Бауцена. После занятия Праги судьба Богемии была предreshена. Еще летом курфюрст Саксонии решил поддержать дело Габсбургов и вмешаться в события на севере. Здесь его тревожили судьбы протестантских общин в Силезии и Лаузице, которым грозили вполне возможные жестокие репрессии. Кроме того, курфюрст дополнительно скреплял давнее партнерство с престолом, словно бы подчеркивая свою миссию умиротворителя Империи. Его войска вступили в верхний Лаузиц, защищаемый маркграфом Егерсдорфским как наместником короля Фридриха. Сама экспедиция объявлялась как покровительственное дело курфюрста во благо местных лютеран при крушении мятежной Богемии. Впрочем, Бауцен, столица верхнего Лаузица, сдался лишь после двухнедельной бомбардировки и правильной осады. Нигде более серьезного сопротивления в инкорпорированных землях встречено не было.

Богемия под властью Фердинанда: реставрация католицизма, репрессии и перестройка. Богемия лежала у ног победителя, и в его намерениях сомневаться не приходилось. В 1621—1622 гг. там прошла масштабная конфискация имущества протестантского дворянства, позволившая сосредоточить внушительные богатства в руках королевской казны. Семьи протестантской знати, не пожелавшей перейти в католицизм, не подлежали прощению и отправлялись в изгнание. Около 600 из них оставили родные края. Конфискованные поместья стали стратегическим сырьем Фердинанда, которым он распорядился весьма искусно: раздал их своим клевретам и вассалам, сохранившим верность и помогавшим укрощать бунт. Так, в начале третьего десятилетия XVII в. почти во всех сердцевинных землях чешской короны укоренятся фракции «иноземцев» — итальянцев, испанцев, немцев, фламандцев, служивших династии. Получили свое и старинные чешские фамилии, сохранившие в трудную годину верность престолу. Современные исследователи несколько релятивизируют значение конфискаций и размеры «интернационализации» — иноземцы в немалом чис-

ле появлялись и до 1620 г., а у многих предводителей мятежа были отнюдь не чешские корни, как у Турна или Колонны фон Фельса. В самом же появлении новых фракций не было ничего удивительного и нового для тогдашней Европы. По представлениям тех лет династии всей Европы формировали одну большую семью монархов, а их благородные подданные — единое сообщество знати. Много позже наблюдатели и историки называют Богемию «истинным дворянским раем». С 1620 г. берут начало истории богемских семей Марадасов, Галласов, Дитрихштейнов, Бюкуа и десятков других. Своего рода «социальный переворот» заложил основы стабильности. В условиях языковых и этнических различий наследственных земель умелое конструирование «национальных» фракций при венском дворе позволяло гарантировать бесконфликтное правление. В самом деле, после битвы у Белой горы и до 1848 г. «дунайская империя» Габсбургов не знала внутренних кризисов, подобных тем, которые случились во Франции или Испании на западе или в Речи Посполитой на востоке. Фердинанд II по праву может считаться спасителем громадного наследства. При нем исчезли последние отголоски «распри братьев». Издание знаменитого земского уложения 1627 г. ставило точку в вековых спорах сословий с престолом относительно своих полномочий. Верховные права короны были гарантированы, но и сословные корпорации сохранили свои институты. Компромисса быть не могло лишь в религиозном вопросе: кальвинисты были изгнаны еще в 1621 г., лютеране — в 1622-м.

Казнь 21 июня 1621 г. Заключительным аккордом в истории восстания стал процесс его участников. Некоторым, как Турну, удалось спастись бегством, но многие из воротил движения попали в руки королевского правосудия.

Не все из задержанных смиренно дожидались своей участи: 17 июня прокуратор Мартин Фрювайн (Фробений), один из бывших «директоров», только за год до того возведенный в рыцари изгнанным монархом, выбросился из окна Белой башни в Олений ров. Палач зашил его тело в мешок, бросил в телегу и отвез на Белую гору. Там у покойника изъяли и измельчили внутренности, четвертовали и развезли куски по четырем городским кварталам. Руку же и голову по стародавнему обы-

чаю прикрепили к виселице на Конном рынке в Новом предместье.

19 июня остальным обвиняемым были зачитаны приговоры. Заключение один за другим представляли чинам суда, прокурор зачитывал обвинения на немецком и чешском языках для каждого и просил господ судей об окончательном вердикте. Те же устами доктора Меландера на немецком и доктора Каплержа на чешском сообщали вердикт. Затем двое судей также публично и на двух языках оглашали приговор на Мала Стране.

К осужденным немедленно направились иезуиты, надеясь добиться от них обращения в лоно Католической церкви. Дело, впрочем, закончилось лишь напрасной перепалкой.

Казнь состоялась 21 июня на Староместской площади. Барабанная дробь заглушала последние слова отправленных на эшафот. Из 43 обвиняемых 24 были обезглавлены, трое повешены, остальные приговорены к разным срокам и формам наказания. Казненные представляли весь общественный спектр восстания: трое принадлежали к сословию баронов, семеро — к рыцарству и еще 17 — к горожанам. Среди них был и ректор Пражского университета Ян Ессенский, служивший королю Фридриху во главе дипломатических миссий. Первым вывели графа Шлика, «облаченного в черное платье, с молитвенником в руках, исполненного спокойствия и с сердечной молитвой на устах взошедшего на эшафот... Там слуги обнажили верхнюю половину его тела, после чего граф опустился на колени и с великим спокойствием и чистосердечным воззванием к Всевышнему опустил на плаху голову. После ее усекновения, что случилось чрезвычайно быстро, слуги графа возложили на плаху также и его правую руку, каковую палач отрубил и вместе с головой взял себе. Тело же было завернуто в черное сукно шестью облаченными в черное персонами, кои были, по-видимому, слуги покойного, с черными визирями и черными шляпами, так что их невозможно было опознать, и удалено с *theatro*, таким образом, что палач более не притрагивался к телу. И так было содеяно в отношении всех двадцати четырех за исключением доктора Ессения... Когда же на эшафот взошел Ессенский, помощник палача тотчас связал ему сзади руки и, после того как тот

опустился на колени, вытянул щипцами и отрезал у него язык, а затем обезглавил, что казненный претерпел с превеликим спокойствием и стойкостью...»¹¹

Сикст из Оттердсдорфа получил прощение прямо на эшафоте. Из числа приговоренных к пожизненному заключению четверо — Вильгельм Попель фон Лобкович, Павел из Ржичан, Ян из Востровиц и Феликс Венцель Петипецки — вместо темницы были отправлены в замок Збирог. Приговор был смягчен и некоторым другим. Поэт Симон Ломницкий, своими панегириками встречавший Фридриха Пфальцкого, получил сотню палочных ударов, лишился имущества и до конца жизни побирался на Карловом мосту. Городской секретарь Николай Девис, имевший несчастье приветствовать нового государя от имени общины, простоял порядка двух часов с прибитым к виселице языком, подвергся заключению и позже был изгнан.

Символической казни удостоились и те, кто так и не были задержаны: доски с их именами были подвешены к виселицам.

Сам Фердинанд в тот день молился за души казненных перед чудотворным образом Богородицы в знаменитой базилике Рождества Девы Марии, в штирийской Марицелль.

Откликами стало множество листовок и брошюр, на все лады пересказывавшие драму того дня с нескрываемым пристрастием. Для протестантов она стала символом мученичества за веру и актом тирании, для католиков — справедливым воздаянием за содеянное. Если первые трогательно сообщали детали, то вторые — лишь сухо информировали. «За полчаса перед казнью взошла радуга над горой Св. Лоренца и держалась так почти час, чуть позже пошел дождь, но день в целом выдался чудесным», — читаем мы у Кевенхюллера.¹²

Казнь была бесподобна в истории тогдашней Европы не только потому, что продолжалась без перерыва четыре часа (с 5 до 9 утра), но и что исполнялась силами одной «команды» городского палача Яна Мидларжа (немецкий вариант — Иоганн Зайфенмахер) и его подручных. Для кровавой работы понадобилось сменить четыре меча: клинки тупились о кости. Головы трех казненных и правая рука графа Андрея Шлика, одного из заправил движения 1618 г., были укреплены на зубах Порохо-



Казнь зачинщиков восстания 1618 г. на Староместской площади в Праге 21 июня 1621 г. На эшафоте — Вацлав Будовец из Будовца, один из 30 членов мятежной «директории». Обезглавленное тело графа Шлика, завернутое в черное сукно, уносят его слуги. Слева от эшафота сидят императорские судьи. Современная раскрашенная гравюра на дереве.

вой башни, что над Карловым мостом, — в назидание потомкам. По иронии же судьбы сам палач принадлежал к утраквистской вере.

Новый наместник Богемии Карл фон Дитрихштейн щедро расплатился с вершителем правосудия. Сам Мидларж дожил до глубокой старости и скончался в возрасте 92 лет в 1664 г. там же, в Праге. Женат он был на дочери палача из Слана и ушел «на заслуженный отдых» в 1632 г. Свое ремесло он передал сыну Яну Вацлаву. Так началась династия палачей Мидларжей. Их дом до сих пор можно видеть в пражском Старом городе.

Значение 1620 г. для чешских земель. Вместе с победой 1620 г. в чешские земли пришла культура барокко, иноземцы придали местной архитектуре художественные вкусы своих се-

мейных гнезд. Итальянские архитекторы и живописцы трудились над перестройкой и возведением дворцов и замков, возник поразительный симбиоз стилей, который всегда придавал пленительное очарование Чехии как до, так и после обретения независимости. Прага, искупая свою вину за 1618 г., восполнилась великолепными ансамблями барочных храмов и монастырей. Многие из них до сих пор хранят память о победе 1620 г., как например церковь Девы Марии Победоносной в районе Мала Страна. В ней можно видеть реликвию всего католического мира — чудотворный восковой образ младенца Иисуса (знаменитый Пражский Езулатко), надгробие Балтазара Марадаса и картину за алтарем, изображающую бегство короля Фридриха из Праги.

Немецкий стал обязательным языком образования и общественного поприща. За счет него чешское общество сильнее интегрировалось в большой мир Центральной Европы.

Почему, собственно, говоря о последствиях битвы у Белой горы, нужно лишь иметь в виду трагедию потери независимости, которая тогда еще и вовсе не осознавалась? Был ли скупой на художественные формы протестантский мир лучшей альтернативой? Или всемогущество дворянской элиты лучше, чем контроль со стороны сильного монарха? И почему столь фрондирующее чешское общество не отказалось после обретения независимости ни от католической веры, ни от дворцов и замков «национальных угнетателей»? Богемия в составе Габсбургов просуществовала почти четыреста лет. А две независимые республики не прожили даже одного века на двоих. Урок осмысления 1618—1620 гг. ныне стал уроком терпимости и поводом к размышлению.

II. Битва за Пфальц и крушение Унии

Неизбежность продолжения борьбы? Казалось бы, белогорский триумф давал повод Фердинанду приостановить разбег военной машины. Мятеж был подавлен, наследственные земли усмирены, законная власть восстановлена. Дальнейшее движение неизбежно затрагивало имперскую почву. Разумеется, но-

вый император вполне осознавал ближайшую перспективу. Но как вмешательство в богемские дела по представлениям его самого и курфюрстов должно было рассматриваться спасением Империи и имперского мира, так и та же логика вещей указывала на необходимость продолжения борьбы — теперь уже с Пфальцем. Слишком тесно больной организм Империи соприкоснулся с источником кризиса, с Богемией, и узлы взаимозависимости решительно порвать было невозможно. Логика Фердинанда здесь была безупречно ясной и последовательной: если дело бунтовщиков возглавил его непосредственный подданный, курфюрст, то и наказать его следовало, всецело сообразуясь с правовыми нормами Империи.

Баланс «за» и «против» переноса войны на земли Пфальца именно к концу 1620 г. мог подавать надежду на мягкое решение вопроса: испанцы уже к началу осени блокировали верхнее течение Рейна, а Уния, и без того раздраженная богемской авантюрой своего патрона, совершенно не горела желанием жертвовать своим покоем, тем более без шанса на успех. Ее участники, хотя и выставили квоты в союзные контингенты, явно не собирались подвергать собственные земли опасностям большой войны. Дело ограничилось лишь слабыми демонстрациями: войска Унии все время уклонялись от встреч с противниками, а под Оппенгеймом в конечном счете было достигнуто некое подобие временного перемирия. Что касалось поддержки курфюрста со стороны европейских дворов, то ее размеры, совершенно ничтожные в дни коронационных торжеств Фридриха, могли лишь убедить Фердинанда в их ничтожестве после Белой горы. Тем более что окончание двенадцатилетнего перемирия с Нидерландами лишь гарантировало испанское присутствие на берегах Рейна. Вполне вероятно, императору и не приходила в голову мысль о новой большой войне. Но именно как гарант стабильности он обязан был довести дело до логичного завершения: до опалы Фридриха. Иначе возникал странный и давно уже невиданный прецедент: мятежник из числа высшей знати уходит от всякой правовой ответственности. Наложение опалы в свою очередь обязано было сопровождаться секвестрацией собственности. С учетом же обещаний, уже данных Максимилиану относительно верхнего Пфальца, и прорыва корпуса

Мансфельда из западной Богемии в Пфальц, что, разумеется, указывало на военный вариант решения проблемы, выбор стал очевидным.

Раскол элиты. Был и еще один важный аспект, затмевавший своей значимостью, быть может, все остальные. Речь шла о ширившемся расколе в рядах имперской элиты. На стороне восставшей Праги сражалось немало отпрысков известных протестантских семейств. Если имя Мансфельда стояло здесь особняком, и при всех прочих мотивах желание легитимировать свои позиции перевешивало у него иные причины, то участие эрнестинских Веттинов в лице Вильгельма Веймарского или младших Гогенцоллернов в лице маркграфа Егерсдорфского явно указывало на опасную тенденцию. Возможность дополнительного притока радикалов из знати при возобновлении войны в Империи лишь возрастала.

Уже тогда можно было видеть трещины, разбегавшиеся по пирамиде громоздкой иерархии, дробившие семьи и создававшие опасную перспективу. Если войны XVI в. за рубежами Германии словно магнитом вытягивали из нее беспокойные элементы или же формировали иллюзию единства, как в дни турецкой войны, то теперь пфальцкий театр рисковал стать первым большим внутренним полигоном открытого противостояния.

Просчитывали ли в Вене опасности подобного? Мы склонны дать утвердительный ответ. Жесткая риторика и решительность престола в первые месяцы 1621 г. выдавали ясное осознание дилеммы и перспектив.

Опала Фридриха и паралич Унии. Судьба Пфальца предопределена. 29 января 1621 г. была провозглашена опала на мятежного курфюрста. Ее многостраничный текст очень хорошо отражал мотивы и логику решений Фердинанда: изъяснение причин начиналось издалека, с избрания его законным государем Богемии в 1617 г., с описания подлого мятежа «утраквистов» и преступного вмешательства «пфальцграфа». Богемское восстание не имело ни единого шанса остаться только богемским. Его подавление — борьба за Империю, опала и оккупация наследства Фридриха — борьба за Империю! Тем же актом опала возлагалась и на Христиана Ангальтского. Мансфельд оказал-

ся в ней еще раньше — в 1619 г. Можно сколь угодно упрекать императора в одержимости, в экспансионизме, как то делали наши предшественники, чешские и немецкие протестантские историки XIX в., но по условиям тех месяцев перенос военных действий в Германию представляется совершенно неизбежным. Спорным, однако, стал вопрос о механизме принятия подобного рода решения. Традиционно опала могла быть возложена лишь с согласия курфюрстов. И Уния тотчас показала свое видение проблемы: 6 февраля на съезде в Гейльбронне ее уполномоченные прокомментировали решение императора как противоправное — на том основании, что документ не был согласован со «столпами Империи».

Фердинанд ответил прямой угрозой, и это возымело действие. В начале марта в Майнце генералы Унии и ее вожди на переговорах с испанцами Спинолы заявили о готовности распустить свои силы при условии запрета на оккупацию владений ее членов. Разумеется, испанский командующий охотно пошел навстречу: одним росчерком пера разоружить армию врага! Майнцкий реверс стал, собственно, и последним в истории Унии: союз, с момента своего рождения отягощенный внутренними склоками, тихо прекратил свое существование.

Можно ли было остановиться на этом? Вполне, но почти одновременно баварские войска приступили к занятию верхнего Пфальца, а Фридрих официально нанял Мансфельда с его летучим корпусом на службу. Кроме того, собрав правительство в изгнании, опальный курфюрст и его супруга отчаянно убеждали Нидерланды и своего тестя оказать им всемерную помощь. Переговоры шли долго и без большого успеха. Все, что могли дать Нидерланды, пошло на оплату наемников Мансфельда, а Яков Английский вообще лишь ограничился разрешением для своих подданных оказать добровольную помощь зятю. Явилось в конце концов не более 2000 человек. Эта горстка людей была расквартирована в Маннгейме и Франкентале — двух ключевых крепостях, прикрывавших Гейдельберг. К тому же 1 апреля 1621 г. истек срок перемирия, и Нидерланды вновь вынуждены были сосредоточивать все силы на испанском фронте. Пфальц со стратегической точки зрения, разумеется, оставался по-прежнему важным фактором, оттягивавшим

хотя бы часть наличных испанских сил. Но долгой «занозой в тылу» он едва ли мог стать: безучастность и боязнь членов Унии, слишком небольшие возможности курфюрста-беглеца и географически сильно ограниченный регион его поддержки исключали благоприятные перспективы. Отказ от масштабной помощи Пфальцу со стороны его потенциальных союзников показывал очевидность малых перспектив для радикалов в Империи и вместе с тем — прочность и позиций короны, и внутренней стабильности после битвы у Белой горы.

Единственным из князей, протянувшим руку помощи родственнику в тяжелую минуту, стал старый маркграф Баден-Дурлахский Георг Фридрих — ближайший сосед несчастных жителей нижнего Пфальца на западе. Но и здесь все было сделано почти со множеством предосторожностей и даже с публичным отказом от правления, переданного теперь сыну Фридриху, и с оставлением особого завещания: явное осознание бесперспективности кампании и страха перед опалой не только персональной, но и владетельной.¹³ Действительно, император наложил наказание лишь на отца, пощадив сына и владения, к управлению которыми отрекшийся отец формально более не имел никакого касательства. И вновь перед нами прекрасное свидетельство прочности имперской системы! Даже если «зимний король» мечтал как можно сильнее раскатать Империю в те месяцы, он должен был признать: она все еще не поддавалась спонтанному обвалу. Императору, несомненно, была выгодна молниеносная кампания, подобная чешской. Но условия были таковы, что эта кампания затянулась почти на два года.

Кампания 1621 г. Мансфельд и Христиан Брауншвейгский. Курфюрст-изгнанник прекрасно понимал: без прямой связи с оказавшимися в беде подданными дело его рухнет прежде всех ожиданий. На исходе 1621 г. он решает пробираться на родину. Через Кале, Лотарингию, инкогнито и в мешанском платье, ему удается фантастический вояж: в начале 1622 г. он уже в Гейдельберге и развивает там кипучую деятельность. Цель ее — постараться объединить все имевшиеся в наличии полевые силы. Помимо маркграфа и Мансфельда, уже числившихся на службе у курфюрста в качестве соответственно генерал-лейтенанта и фельдмаршала, появился и третий участник.

Им оказался отпрыск нижнесаксонских Вельфов, младший сын герцога Брауншвейгского Христиан, бывший управляющим секуляризованного епископства Гальберштадт (с чином администратора).¹⁴

Именно сейчас обозначилось то, чего должны были опасаться все центростремительные силы: ширившееся участие княжеской элиты на стороне противников короны. Фигура молодого герцога Брауншвейгского и уже знакомые по богемским событиям лица — братья Вильгельм и Бернгард Веймарские, последний из которых позже станет идолом протестантского дела, — указывали на опасную тенденцию. Еще больше стекалось на юг отпрысков низшей знати. Они охотно возглавляли роты и эскадроны, пополняли средний и низший офицерские корпуса. Война уже к 1621 г. разворошила настоящий улей немецкого дворянства. Пфальц все больше становился ареной вооруженного противостояния элит. Не случайно курфюрст Саксонии столь сурово требовал от веймарской родни сложить оружие, вернуться домой и просить прощения у престола.

По первоначальному плану протестантских генералов решено было соединить силы в южном Пфальце и разблокировать ключевые крепости, на тот момент уже осажденные войсками Лиги и Кордовы. Далее ожидался подход войск Христиана с севера, с берегов Майна, что позволило бы разжать железный обруч испано-лигистских сил, сковавших Пфальц с севера и востока. Тем самым возникала возможность подвижной, маневренной войны, столь любимой энергичным Мансфельдом. Так появился выигрыш во времени, но даже он по зрелом размышлении участников едва ли мог обеспечить благоприятную перспективу: блокированное со всех сторон наследство курфюрста-короля, лишенного помощи от отрезанных войной Нидерландов, а также географически удаленное от сердцевины земель Германии, уподоблялось гнойнику, для вскрытия которого совсем не нужно было прилагать титанических усилий.

Весенняя кампания 1622 г. Вислох — Мингольсхайм (27 апреля). Мансфельд, знавший о приготовлениях маркграфа, вернулся в Эльзасе, нещадно опустошив тамошние католические общины, и готовился перейти Рейн, чтобы соединиться с войсками Георга Фридриха (апрель 1622 г.). Тем временем

Тилли, до той поры не опасавшийся за свой западный и южный сектор, принудил к сдаче Вислох (13 апреля), с кровавой резней овладел Неккаргемюндом (15 апреля) и, притянув к себе полк Фюрстенберга, блокировал 16 апреля Дильсберг — ключ к Гейдельбергу и сильнейшую крепость опального курфюрста. Спустя четыре дня, соорудив против юго-восточного фаса батарею из 6 орудий и 3—4 фальконетов и выпустив почти три сотни зарядов, лигеры стали готовиться к решающему штурму. Комендант Бартоломей Шмидт уже согласился взять три дня на размышление о сдаче, как вдруг тревожные сведения о приближении с юга войск Мансфельда и маркграфа заставили генерала Лиги снять осаду. Тилли поторопился обратно к Вислоху, где и занял позицию фронтом на юг, имея перед собой местечко Мингольсхайм, а западней — замок Кислау и дорогу на Гейдельберг. Как всегда, он был готов нанести удар при первой же возможности.

Действительно, в ночь на 24 апреля пфальцская армия перешла Рейн. К этому времени появился и опальный курфюрст — после своего головокружительного тура через Францию и Лотарингию. В тот же день он вместе с Мансфельдом произвел генеральный смотр войскам близ Русхайма. Туда же приветствовать его прибыли и сыновья маркграфа: Фридрих, Карл и Христофор. Пламенная речь при парадном строе, впрочем, стоила бы больше, привези изгнанный курфюрст вместо слов деньги солдатам и командирам за условленный срок службы. 25 апреля, опередив армию маркграфа на несколько переходов, Мансфельд и курфюрст достигли Брухзала. Высланные вперед эскадроны на следующий день были встречены южнее Вислоха орудиями лигеров. Вечером 26 апреля вся армия Мансфельда и пфальцграфа, имея в авангарде полки Обернтраута, Линстова, Бека и лейб-гвардию, достигла южных окрестностей Мингольсхайма, всего — 45 эскадронов и 60 рот, что составляло в общей сложности 16 000 мушкетов и палашей.

Мансфельд на сей раз не хотел рисковать. Конница его, перейдя Клейнбах, огибавший Мингольсхайм с севера, столкнулась с авангардом Тилли и легко дала себя оттеснить обратно за ручей. Тут баварцы и хорваты были встречены мушкетным огнем подошедшей пехоты и остановлены. Тем временем ос-

новная масса протестантских войск незаметно разворачивалась южнее местечка. Мансфельд, чтобы развязать себе руки, отослал большую часть обоза по дороге в Брухзаль и приказал поджечь крытые соломой дома городка. Тилли, заметив мчавшиеся на юг повозки протестантской армии и не видя из-за дыма их главных позиций, решил, что его визави покидает поле битвы, и со свойственной ему решительностью дал сигнал к немедленной атаке. Но стоило только полкам Шмидта и Фюрстенберга пройти по зыбкому мосту через Клейнбах, как на них тотчас обрушился весь второй эшелон пфальцских войск. Мансфельд и сам Фридрих скакали в первых рядах, ободряя солдат криками. Их эскадроны атаковали с такой яростью, что обратили баварский авангард в паническое бегство. Страшная давка на узком мосту завершила катастрофу: около 2000 лигеров пало под палашиами пфальцской конницы, не знавшей пощады.

Тилли, едва не попавший в плен в сумятице боя, решил отойти на север, и к концу дня обе стороны занимали примерно те же позиции, что и утром. Но, боясь соединения Мансфельда с баденцами, генерал Лиги уже на следующий день оставил свой лагерь. Трофеи протестантов исчислялись 15 пленными офицерами, среди которых фигурировал генерал-аудитор Асфер фон Хильтер. Победителям достались четыре пушки, восемь штандартов и пять знамен. Сами же они потеряли едва две сотни человек.

Успех протестантов был несомненным. Перед возбужденным Фридрихом рисовалась картина полного реванша. Опальный курфюрст излучал оптимизм и был полон неподдельного восторга: впервые он видел ретираду своих злейших врагов! Европейская и русская историография величают эту схватку 27 апреля битвой под Вимпфеном — по месту штаб-квартиры Тилли, немцы же — делом у Мингольсхайма или Оренберга. Спустя четыре века память увековечила и победителей, и проигравших: сегодня в Бад-Мингольсхайме почти соседствуют друг с другом улицы Тилли и Мансфельда.¹⁵

Командующий Лиги, не видя больше возможности держаться в Крайхгау, отступил через Зинсхайм к линии Неккара, спрятав свои войска за лесистыми горами между Вимпфеном

и Неккарсульмом на западном берегу. Там он стал дожидаться Кордову, обещавшего привести ему еще 10 000 мушкетов и палашей. Гейдельберг вздохнул свободно. Спустя несколько дней капитулировал Ладенбург, разрезавший оборонительную линию Пфальца на севере между Гейдельбергом и Франкенталем, что позволяло восстановить сообщение с рейнскими переправами.

Теперь все зависело от решительности действий двух протестантских командиров — Мансфельда и маркграфа. Совместная кампания обещала полный успех: у союзников оказывалось почти 35 тысяч войска против едва 13—14 тысяч у Тилли. И даже прибытие испанцев Кордовы не обещало перелома: численный перевес оставался очевидным. Соединение баденцев с победителями состоялось на следующий день после сражения, но совместный поход продолжался лишь несколько дней. Мансфельд в конце концов предпочел уйти на север. Сегодня, как и тогда, о причинах ухода пфальцских войск можно только гадать. Коренились ли они в вопросах снабжения? Содержать столь внушительную массу войск за счет денег курфюршеских подданных и местного рыцарства было делом едва ли подъемным для Фридриха, мало что получившего от своих зарубежных родственников. К тому же бывший король явно беспокоился за свою главную резиденцию и хотел обеспечить подступы к ней с наиболее угрожаемых, как казалось тогда, северного и северо-западного направлений. Здесь разделение задач выглядело бы вполне разумным: маркграф считал, что в его силах окончательно прогнать баварцев, оставив Мансфельда очищать округу Гейдельберга. Но имелось и еще одно немаловажное соображение. Оно касалось вопросов чести и репутации: Фридрих обладал полным правом претендовать на главное командование союзной армией по титулу; маркграф же, будучи по титулу старше Мансфельда, обрекался играть подчиненную роль. Готов ли был многоопытный Георг Фридрих, вполне осознававший значимость своих войск, составлявших едва ли не половину всех протестантских сил, жертвовать своим положением? Поведение его после 28 апреля свидетельствовало, скорее, об обратном: 2 мая баденские авангарды без согласования с пфальцским союзником выступили правым

флангом на запад, через Гемминген на Швайгерн. Причем они не столько стремились догнать уходящего Тилли, сколько проложить путь главным силам маркграфа, выйдя на гейльброннский тракт правее войск Мансфельда. Если движение это имело вполне осознанную подоплеку, то становится очевидной и его причина: согласно военным воззрениям эпохи, предводительствовать правым крылом считалось самым почетным. Таким образом, на случай генеральной встречи маркграф готовил себе ведущую роль главнокомандующего. Если это так, то Фридрих, конечно же, обязан был реагировать. Не желая раздражать союзника и размышляя об указанных выше выгодах, он попросту расстался с баденцами.

Нам ничего неизвестно о закулисных спорах и тем более о публичном конфликте. 2, 3 и даже 4 мая проходили совместные совещания, последнее — в Швайгерне. Скорее всего, герои решили не мешать друг другу. И это привело к катастрофе. Мансфельд выступил на северо-запад в сторону Ладенбурга. Впрочем, уходя, он отдал маркграфу полторы тысячи тяжелой конницы — лотарингцев (т. е. французов), среди которых, видимо, находилась и горсть англичан — все, что смог в свое время предоставить родственнику его английский тесть.

Вимпфен (6 мая). Гибель Магнуса Вюртембергского. Напротив, Тилли, потеряв 2000—3000 человек при отступлении, не чувствовал себя уверенным и бомбардировал Кордову просьбами о скорейшей поддержке. Испанцы, располагавшиеся западнее Неккарштайнаха, немедленно снялись со своих биваков. Уже 3 мая к баварцам подтянулись первые подкрепления. Основные же силы Кордовы появились прямо на поле битвы ранним утром 6 мая. Товарищеская солидарность одних столь контрастировала с показной самодостаточностью других!

Вечером 5 мая, оставив к юго-востоку от себя Биберах, а к западу — Гейльбронн, 12 500 баденцев перешли у Оберейзесхайма беллингерский ручей и расположились фронтом на север перед Вимпфеном. Сильно рисковали обе стороны. Тилли, если бы был сбит со своих позиций, оказывался прижатым к излучине Неккара: Вимпфен мог бы стать для него настоящей мышеловкой. Маркграф в случае отступления также оказывался у линии Неккара, имея к тому же позади глубокий

овраг с ручьем. Отходя под концентрическим давлением, он нигде не смог бы получить точку опоры вплоть до южных замков Крайхгау.

Впрочем, Георг Фридрих был уверен в успехе предстоящей битвы, мыслившейся ему исключительно оборонительной. Выбранная им позиция напоминала гигантский полумесяц, вытянутый почти на два с половиной километра и слегка вогнутый обеими концами в сторону неприятеля. Линия фронта плавно понижалась на местности от высот Розенберга на левом крыле до Оберейзесхайма, почти в низине, — на правом. В центре за Беллингерским подворьем сосредоточилась почти вся артиллерия, прикрытая полуколыском повозок — импровизированным вагенбургом. Его защищала пехота герцога Веймарского Вильгельма и полки Гольдштейна и Хельмштадта. Справа, в низине у Оберейзесхайма, и напротив Неккарсульма располагалась тяжелая лотарингская конница, слева близ дороги из Бибераха — пехота и конница под началом герцога Магнуса, брата вюртембергского государя, и маркграфа Карла. Тилли разбил ставку под самым Вимпфеном — в Корнелиевой церкви. Центр его и левый фланг, расположенный на высотах, нависал над позициями баденцев и прикрывался орудиями на опушке Дорнатского леса. Правый фланг отдавался испанцам Кордовы.

Стояла нестерпимая жара, май выдался в тот год необычайно теплым. Обе стороны, казалось, доверяли обороне больше, чем наступлению. Остаток 5 мая и утро следующего дня прошло в мелких кавалерийских сшибках и беспорядочном орудином огне с ничтожным результатом. До полудня Тилли не решался атаковать, и причиной тому была не численная слабость (Кордова уже подвел все свои основные силы), а боязнь возможного появления Мансфельда. До последнего неуверенный в уходе пфальцских войск, полководец Лиги ожидал точных известий. Вскоре его наблюдатели с вершины смотровой башни Неккарзульма увидели столб пыли, поднимавшейся с северо-запада. Но то был не Мансфельд, а передовые эскадроны Адама фон Херберсторфа, отозванные Тилли с берегов Леха и теперь спешившие на поле битвы.

Только сейчас союзники решились на фронтальную атаку. Кордова бросил своих испанцев в обход левого крыла баденцев,

пытаясь закрепиться на высотах Розенберга. Им удалось перерезать дорогу на Биберах и даже ворваться в Беллингерское подворье, но здесь их встретили саксонцы герцога Веймарского, которые и отбросили неприятеля обратно за дорогу. Захлебнулось и наступление по центру, терции лигеров попали под шквальный огонь из вагенбурга и смелую атаку баденской конницы.

Было два часа пополудни. Видимо, к этому времени у маркграфа созрело дерзкое решение самому перехватить инициативу. Видя, как вражеские терции сильно вытянулись почти перпендикулярно его центру, он решил нанести мощный разрезающий удар всей массой конницы своего правого крыла. В случае успеха Тилли был бы опрокинут: он разом терял и высоты, и батареи у Дорнатского леса. Эскадроны герцога Магнуса и маркграфа Карла, еще раньше переведенные с левого фланга, разворачивались у Оберейзесхайма, в то время как конница пфальцграфа Биркенфельдского Фридриха должна была подкрепить их атаку со стороны вагенбурга. Вскоре напротив левой оконечности баварских позиций вырос настоящий кулак из кавалерийских полков. Грозной лавиной они взобрались на Дорнатские высоты и обрушились на баварцев. И хотя лотарингцы рассеялись перед самой атакой, удар главного эшелона был ошеломляющим. Баварские рейтары обратилась в бегство, откатившись до моста через Неккар у Вимпфена. Пехотные терции не выдержали и стали в беспорядке отступать. Был момент, когда, казалось, исход битвы был решен. Кордова, бросившийся на помощь со своими испанцами, был смят и чудом избежал плена, укрывшись в каре своей пехоты: позже он приписывал спасение заступничеству св. апостола Иакова. Лишь стойкость мушкетеров, занявших место бежавшей прислуги у брошенных орудий, и поддержка вовремя подоспевшей испанской конницы и немецких эскадронов Эмдена остановила этот ужасающий натиск. Вскоре он иссяк за неимением подкреплений: маркграф не решился покидать свой сильно укрепленный центр. Последние усилия его подчиненных вылились лишь в разрозненные атаки. Тогда же пал храбрый Магнус: почти в одиночку, оторвавшись от собственного лейб-штандарта, он ворвался в неприятельские ряды, где, окруженный со всех сторон, получил несколько ран, упал с лошади и был изрублен.¹⁶

Но даже теперь, высвободив свое левое крыло, Тилли ничего не мог предпринять в центре: до пяти вечера лигеры и испанцы топтались перед повозками баденцев, теряя своих целыми сотнями под пулями и ядрами. Внезапно раздался оглушительный взрыв: то взлетели на воздух пороховые фуры позади вагенбурга. Пехота, его защищавшая, ударилась в панику, решив, что противник обошел с тыла. Не теряя ни минуты, Тилли повел наступление со всей энергией, на которую был только способен. Перед этим двойным ударом — нелепого случая и ярости наступавших — протестанты не могли устоять: оба их фланга поддались под страшным напором. Пелена пыли и дыма ослепляла, и надежное управление отсутствовало. Вагенбург держался до последнего, защищаемый храбрецом полковником Плейкхардом фон Хельмштадтом и его «белым полком». Остатки его прикрывали отступление и последними покинули поле битвы, породив легенду о подвиге «четырёхсот горожан Пфорцгейма». Еще четыре роты, отрезанные и запертые в Оберейсхайме, сложили оружие.

Беглецы двумя беспорядочными потоками стекались к переправе у Беллингерской мельницы, 5000 полегло на поле боя и в водах Неккара, еще свыше тысячи нашли смерть под беспощадными клинками преследователей. Жители Бибераха, не сомневаясь в уготованной им судьбе, бежали с остатками армии. Оставшиеся были почти поголовно истреблены победителями. Все окрестности вплоть до Гейльбронна были совершенно опустошены.

Маркграф, раненный в голову, умчался в Штутгарт и оттуда в свою резиденцию в Карлсбург, надеясь предотвратить жестокую месть наследственным землям. Впрочем, и Тилли, сам потерявший почти 3000 человек, не испытывал желания преследовать врага со своими измотанными полками.

Герцог Вюртембергский Иоганн Фридрих узнал об участии брата от того же гонца, которому было поручено передать Магнусу приказ о немедленном отступлении и возвращении домой. Письмо застало герцога уже во время начавшейся битвы: он наотрез отказался бросать своих, посчитав это не достойным для собственной репутации. Теперь Иоганн Фридрих просил Тилли вернуть его тело. Командующий Лиги охотно пошел на-



*Wirtembergiaca DVX erectus origine Magnus,
Nemine nuper adhuc re quoq; Magnus eram.
Sed Magnos dicunt Marto esse Morte minores,
Causa enim exiit puluere condor humi.*

Герцог Магнус Вюртембергский в гробу. Свою храбрость в битве под Вимпфеном он оплатил 12 ранами и стал для протестантов образцом подвижничества за св. Евангелие. Современная гравюра.

встречу: в письме герцогу он выказал соболезнование, отметил стойкость покойного и храбрость протестантских войск. В ночь на 11 мая мертвого Магнуса доставили в штутгартский замок. На его теле насчитали 12 рубленых, колотых и огнестрельных ран. Судьба несчастного князя окрасила в мрачные тона будущее Вюртемберга: император так и не смог забыть участия его правящей семьи в «мятежном» деле.¹⁷ В 1900 г. герцогу был воздвигнут монумент в одном километре от Оберейзесхайма на Лесной дороге, там, где, как считалось, нашли его тело.

Летняя кампания. Гехст (20 июня). Вимпфен перечеркнул планы протестантских генералов на комбинированный удар, движение северного корпуса Христиана, который лишь в июне смог добраться до Майна, утратило первоначальный смысл. Теперь, после гибели южной армии маркграфа, он мог лишь попытаться создать давление на севере и соединиться с Мансфельдом. Христиан, такой же непостоянный и энергичный как и его товарищ по оружию, в середине июня скорыми маршами достиг Гехста, расположенного на берегу Майна. После отчаянного сопротивления город был взят и разграблен, но спустя несколько дней его войска оказались под ударом стремительно приближавшейся армии Тилли и Кордовы. Попытка зацепиться за северный берег окончилась неудачей. Зажатому железными тисками и поражаемому ядрами и пулями с обеих флангов, Христиану пришлось в беспорядке отходить к переправам через Майн.

Гехсту суждено было стать вторым Вимпфеном — с той лишь разницей, что поражение протестантов на сей раз стало еще чудовищней: тысячи их погибли при переправе. Побоище протекало почти на виду у Франкфурта, отцы которого и община страшились за свою судьбу. До лагеря Мансфельда добрались лишь 4000 человек.¹⁸

Мансфельд и Христиан покидают Пфальц. Флерюс (29 августа 1622 г.). Оба генерала прекрасно понимали бесперспективность борьбы. В конце лета они попросили увольнения с пфальцской службы, Мансфельд не скрывал от курфюрста-изгнанника реального положения вещей и не давал ему никаких надежд. Фридриху ничего не оставалось, как расстаться со своими генералами.

Осенью, приведя в порядок и пополнив сильно расстроенные войска, оба полководца направились к берегам Рейна, чтобы оттуда пробраться в Нидерланды, принявшие их на службу. Штатгальтер Мориц сильно рассчитывал на то, что его новые союзники осуществят диверсию: Амброджо Спинола, этот мастер осадной войны, только что блокировал Берген-оп-Зом, важнейшую крепость голландцев на линии Бреды. Одновременно движение «летучей» армии протестантов встревожило Брюссель. Эрцгерцогиня Изабелла просила генералов сделать все возможное, чтобы не допустить противника к главной резиденции.

Миссия возлагалась, вполне понятно, на Кордову с его 20000 валлонов и испанцев. У Мансфельда и Христиана не оставалась выбора. Бросив обоз в 200 повозок и почти всю артиллерию, оставив позади пехоту и имея в своем распоряжении лишь два полевых фальконета, оба устремились на север и на рассвете 29 августа бешено атаковали Кордову при Флерюсе. Испанцы преграждали им путь на полях, которым суждено было увидеть еще столько кровавых битв. Христиан, несшийся в передних рядах, обрушился на испанцев всей мощью своей конницы. По словам Абелина, герцог был преисполнен столь великой решимости, «будто решил либо пробиться, либо умереть». Правое крыло Кордовы лишь поддалось под его таранным ударом, левое было смято и отброшено. Но терции в центре стояли подобно каменной глыбе. Войска обоих генералов лишь «обтекали» их, не желая терять времени на ближний бой. Прорыв удался, но дорогой ценой: среди павших были лучшие командиры — герцог Веймарский Фридрих и граф Ортенбург. Христиану пуля раздробила левую руку, с которой ему в конце концов пришлось распрощаться под ножом хирурга уже в Нидерландах, — это была рана, ставшая причиной его смерти. Досталось и испанцам: Кордова не решился на преследование, потеряв не менее 2000 человек, столько же, сколько и его враги. Обе стороны приписывали победу себе: испанцы — потому что защитили Брюссель, протестанты — потому что привели остатки своей армии (около 5000 человек) союзникам. При их приближении Спинола снял осаду с Берген-оп-Зома.

Борьба за крепости. Капитуляция Гейдельберга и Франкенталя (октябрь 1622—март 1623 г.). С уходом Мансфель-

да и Христиана у Фридриха остались лишь крепости. Все они последовательно пали в течение осени, зимы и весны 1622—1623 гг. Гейдельберг был едва ли не самым уязвимым пунктом: средневековый город, вытянувшийся вдоль Неккара и прикрытый бастионами лишь с южной стороны, располагался в ущелье, легко становясь добычей осадной артиллерии, особенно с высот Королевского трона — лесистой горы, нависавшей над верхним замком. Мощные орудийные башни, прикрытые толстыми стенами, которые были возведены хлопотами не одного поколения Виттельсбахов, казалось, превращали замок в главный узел обороны. Но безмерная кичливость правящей четы уничтожила все его преимущества: великолепный парк — *Nortus Palatinus*, разбитый с угрожавшей стороны, своими гротами и стенами перекрывал линию огня.

Храбрец ван дер Мервен, командир гарнизона, защищался изо всех сил. 16 сентября, как только Тилли удалось втащить на Королевский трон тяжелые пушки, последовала атака с двух сторон. Хорваты отчаянным броском вплавь переправились через Неккар с правого берега и ворвались в нижний город, а линейные войска штурмом взяли оба западных бастиона. Одновременно ядра словно град сыпались на головы защитникам замка с Королевского трона. У ван дер Мервена теперь не осталось ни одного шанса. Спустя двое суток в восточной стене зазяли громадные бреши. Положение стало невыносимым. 17 сентября к нему от Тилли явился полковник Мортень с предложением сдачи. Мервен, солдаты которого еще держались в Новом дворце и Колокольной башне, отказался сложить оружие без разрешения своего непосредственного начальника, сэра Горация де Вира, командовавшего в Мангейме. Завязалась переписка. Де Вир не стал настаивать, прекрасно понимая всю безнадежность ситуации.¹⁹ 20 сентября был подписан аккорд, позволявший Мервену с честью покинуть разрушенный замок — при развернутых знаменах, с музыкой и оружием. Но лигеры, озлобленные долгим сопротивлением и большими потерями, уже при выходе гарнизона из ворот напали на него, отобрав знамена и мушкеты. Тилли пришлось личным вмешательством спасти жизнь храброго коменданта.

Победители торжествовали. Символическим и репутационным жестом стало ограбление курфюршеской библиотеки — знаменитой Палатины. Почти 3500 средневековых манускриптов и огромное число печатных изданий под заботливым присмотром итальянца Леона Алаччи, хранителя Ватиканской библиотеки, было погружено на две сотни навьюченных мулов и отправлено в декабре того же года через Альпы в Рим: такая была благодарность баварского герцога папе Григорию XV за щедрую поддержку Лиги. Спустя столетия обратно вернутся лишь немецкие рукописи.

Между тем кампания подходила к концу. Вслед за Гейдельбергом сдался Маннгейм. Лишь Франкенталь держался до марта следующего года. Эту дату обычно считают окончанием первого периода войны. Но военные действия не прекратились.

Мансфельд во Фрисландии. Штадлон (август 1623 г.). Борьба на западе Империи вспыхнула вновь уже осенью. Неутомимый Мансфельд не желал задерживаться у своих новых патронов в Нидерландах. С другой стороны, принцу Оранскому все меньше выгод давало управление пестрым и плохо дисциплинированным контингентом новых союзников. Мансфельд давно уже вынашивал планы обретения собственного наследства. Фридрих, еще будучи чешским королем, обещал ему герцогский титул на Геннегау, быстро ставший мифическим. Теперь предприимчивый граф желал получить в наследство восточную Фрисландию — имперскую территорию, пограничную Нидерландам. Графа совершенно не интересовали вопросы статуса и феодальных прав, его волновала лишь выгода конъюнктуры. Нидерланды не возражали против такого плана, втайне желая поднять северонемецких протестантов и, хотя и с риском, получить еще один фронт на северо-востоке. Во всяком случае, опальный граф покинул нидерландскую службу столь же легко, как и перед тем — пфальцскую. С нанятыми полками и вместе со старым товарищем по оружию герцогом Христианом он устремился в глубокий рейд по Фрисландии. Но имперские чины, напуганные неожиданным вторжением, были только рады избавиться от нового соседа.

Тем временем Христиан, вновь набравший свежие войска в нижнесаксонском округе и собиравшийся с ними снова явить-

ся в Нидерланды, был встречен войсками Тилли под Штадлоном и совершенно разбит в августе того же года.

Конец борьбы? Условность хронологии. Кампания 1623 г., и особенно операции Мансфельда и Христиана, указывает на условность хронологии: военные действия, пусть и в затухающем режиме, продолжались. На это обратил внимание Херфрид Мюнклер в своей объемной монографии о Тридцатилетней войне: между чешско-пфальцским и следующим датским периодом истории оставляют совсем небольшой временной зазор, наполненный к тому же демаршами и операциями на западных рубежах Империи. Весьма трудно разглядеть ясное начало второго этапа.

Логика поздних современников, величавших минувшие годы «пфальцской» или «богемской» войной, понятна: судили по основным театрам и главным участникам. Более того, мы, возможно, будем правы, предположив известную «пристрастность» хронологии: окончание пфальцской кампании бросалось в глаза прежде всего за пределами Империи. Эмигрантский двор Фридриха, конечно же, видел падение Франкенталя и передачу титула баварцу концом больших иллюзий: потеря отчих гнезд неизбежно становилась трагичной отметиной. Подобной она должна была быть и в представлении многочисленных эмигрантов и опальных дворян, спасавшихся от имперской юстиции. Едва ли отличным было мнение родственников курфюрста, будь то правительство штатгальтера в Гааге или Якова Английского. Столь же понятной могла быть риторика «этапа» и на противоположном полюсе, в окружении Фердинанда: опала главного бунтовщика свершилась, он был изолирован и выброшен за рамки имперских структур. Но мнения собственно имперских сословий, тех, которые чувствовали себя причастными к трагедии, были совершенно другими: озвучивалась тревога и осознание дурных перспектив. Беспокойство прекрасно отражалось в бесчисленных гратуляциях и «пожеланиях», приуроченных к личным и семейным торжествам, постоянно пульсировало на страницах служебной переписки. «Возвращение мира», «упование на мир», «пожелание мира» в «возлюбленном нашем отечестве немецкой нации» — такие слова писали под новый 1623, 1624 и 1625 г., поздравляя друг друга и родню,

столпы Империи — курфюрсты Саксонии и Бранденбурга на севере. Того же желали родственникам и «всему отечеству» протестантские чины, бывшие члены Унии, на юге — герцог Вюртемберга или молодой наследник опального Георга Фридриха Баденского. И те же слова звучали в письмах герцога Баварского, готовившегося принять новый титул. Предчувствие и осознание надвигающейся катастрофы — гораздо большей, нежели прошедшие смуты, — становились общим местом. Вздых облегчения не вырвался из груди знати по окончании «пфальцской войны».

Промежуточный итог и изменение баланса сил. Разумеется, структурные сдвиги к 1623 г. были очевидны: исчез важнейший элемент «троевластия» в лице Унии. Казалось бы, ослабилась напряженность на вечно неспокойном юго-западе, где с конца минувшего века стараниями пфальцских курфюрстов постоянно зрели всевозможные рискованные для имперского мира комбинации. Покончено было, по крайней мере с точки зрения имперского права, с пфальцскими Виттельсбахами как источником нестабильности. Но сброс одной гири сразу же усиливал противовес — Католическую лигу. Быть может, идеальным решением для Фердинанда уже тогда могло быть параллельное упразднение обоих институтов. Но реалии были таковы, что победа превращала именно Лигу в ближайшего союзника короны. Отныне престол обрекал себя на партнерство с теми, к кому уже давно питал недоверие и ревность.

Максимилиан чувствовал себя одним из главных победителей. В Гейдельберг прибыл его новый наместник Генрих фон Меттерних, в землях рейнского (нижнего) Пфальца повсюду началась рекатолизация.

Фердинанд обязан был оплатить верность обещанной инвеститурой на верхний Пфальц. Она последовала 25 февраля 1623 г., еще до падения Франкенталя: герцог Баварский, будучи имперским исполнителем (эксекутором) опалы, получал титул курфюрста Империи. Верхний Пфальц с Амбергом передавался ему же в качестве имперского лена. Что касается курфюршеских доменов нижнего Пфальца, то здесь на правах опального лена Фердинанд мог распоряжаться только лишь год и один день с последующим наделением его имперским чином — род-

ственным и союзным. Значительная часть этих доменов была отдана в управление католической ветви пфальцских Виттельсбахов в лице Вольфганга Нойбургского, левобережные владения перешли под контроль испанской администрации, что отчасти компенсировало отказ в передаче им эльзасского коридора по условиям договора 1617 г. Владетельные перемены коснулись также мятежных вассалов курфюрста Фридриха: они отчуждались и передавались в качестве лена дворянам на императорской службе. Дробный пейзаж нижнего Пфальца представлял большие возможности к вознаграждению.

Но было очевидно: в военном отношении Фердинанд становился еще большим заложником Лиги, чем накануне битвы у Белой горы. Оба его генерала, столь много сделавшие в дни чешского мятежа — Дампьер и Бюкуа, были уже в могилах: одного пуля настигла в западной Венгрии в 1621 г., второй нелепо погиб при рекогносцировке год спустя. К тому же содержание крупных контингентов оставалось проблематичным для имперской казны. Кроме Тилли — послушного солдата на службе Лиги — не было никого, кто бы мог гарантировать стремительный успех.

Регенсбургский съезд 1623 г. — зеркало раскола. Однако помимо военного имелся и еще один аспект, гораздо более важный: тревожная реакция сословий на баварскую инвестицию. Она дала о себе знать уже при созыве курфюршеского съезда в Регенсбурге осенью 1622 г., на котором, собственно, и свершилась символическая передача лена. Практика подобных ассамблей была вполне легитимна и прописана еще в статьях Аугсбургского мира 1555 г. Актуальной она стала после распада рейхстага, когда иных форумов общения с элитой у короны попросту не осталось. Но в отличие от рейхстага круг приглашенных регулировался самим императором, что позволяло ему использовать съезды в качестве важнейшего проводника своего влияния.

Императорский двор тщательно готовил сценарий переговоров, на съезд были приглашены все курфюрсты-католики и протестанты: Иоганн Георг Саксонский и Георг Вильгельм Бранденбургский, за исключением опального Пфальца и его представителей. Помимо курфюрстов прибыли крупнейшие

имперские светские и духовные князья. Но уже в преддверии съезда стало ясно: согласия не будет. Оба протестантских курфюрста отказались явиться лично и прислали лишь уполномоченных, остальные династы не прислали даже и их. Собственной персоной присутствовал лишь ландграф Гессен-Дармштадта Людвиг V. Так публично предстал решительный протест против инвеституры и крайних действий католической партии. Главным аргументом протестантов был следующий: император нарушал букву закона, даруя инвеституру без санкции курфюршеской коллегии. Фердинанд вынужден был инициировать долгие и трудные переговоры, завершившиеся компромиссом: инвеститура даровалась Максимилиану лишь на срок его жизни, а возможность наследования детьми опального курфюрста не исключалась. Вряд ли можно назвать процедуру такого решения отражением «абсолютистского курса» Фердинанда, как ее представляли историки старшего поколения (Ганс Штурмбергер). Скорее наоборот, ход и итоги съезда говорили об императоре как заложнике системы: он был вынужден лавировать между партиями, а формальное нарушение закона создавало больше выгод для вождя Лиги, нежели для репутации короны. Протестантская половина княжеского Олимпа не скрывала своего разочарования и все более подозрительно смотрела на курс Фердинанда.²⁰

Гессенский вопрос. Весной 1623 г. имперский надворный суд вынес решение в споре о так называемом марбургском наследстве — давнем конфликте между южным и северным Гессеном вокруг принадлежности города Марбурга. Город признавался собственностью властителя Гессен-Дармштадта ландграфа Людвигу V, строгого лютеранина, подобно курфюрсту Саксонии стоявшего на позиции имперской лояльности. Програвшая сторона — ландграф Мориц V, прозванный Ученым, кальвинист и горячий сторонник Унии, — уступая силе, отрекся от престола, подобно маркграфу Баденскому, в пользу своего сына Вильгельма. Но это не спасло его земли от оккупации войсками Лиги. «Временное» правление в них до 1625 г. осуществлял сам победитель — Людвиг V. Так помимо северо-запада Лига получила опорный пункт в центральной Германии и вместе с тем — еще одну семью непримиримых врагов: годы

спустя наследники Морица пополнили ряды радикальной оппозиции и стали опасной занозой.

Осенняя кампания 1623 г. против Христиана эти тревоги лишь усилила: битва под Штадлоном позволила Тилли выдвинуть свои войска далеко на север, вплоть до границ нижнесаксонского округа. Разумеется, говорилось о необходимости поддержания «земского мира» и пресечения аналогичных демаршей бунтовщиков в будущем. Но местные протестантские общины и князья не питали иллюзий: гибель Унии лишала их единственного вооруженного защитника, а возможные насилия, направленные на рекатолизацию, были лишь вопросом времени. Оба шага императора — и дарование инвеституры Максимилиану, и передислокация войск Лиги — формировали почву для дальнейшей эскалации. Намерения и необходимость сплетались здесь воедино, подталкивая Лигу и католиков-радикалов к экспансии.

Умонастроения протестантской знати. Победа католиков не означала полного слома Аугсбургской системы. Но она сдвигала пирамиду власти в пользу одной партии и глубже раскалывала элиту. Владетельное дворянство смотрело на поражение единоверцев типичным корпоративным взглядом: не как на досадную неудачу частной смуты, а как на ущемление статуса и исконных прав всего дворянства. Весьма показательными здесь стали отклики на гибель герцога Магнуса под Вимпфеном. Богатый актовый материал государственного архива Штутгарта содержит внушительное число соболезнований и траурных панегириков, пришедших со всех концов Германии, — случай, явно нежелательный для противной стороны. До той поры кровь наследников и близких родственников княжеской элиты еще не проливалась. Вимпфен стал роковой чертой. Фердинанд и Максимилиан наверняка много бы дали за то, чтобы герцог вернулся домой живым и невредимым. Гневом и скорбью дышали строки соболезнований. Княжеская консистория скорбела и писала, что герцог, лишившись жизни в бою с баварским войском и выказав рыцарскую и героическую статью, стал по Божьей воле примером для всего герцогства и великого дела защиты истинной христианской веры в эти тяжелые и опасные времена.²¹ В том же духе выражались «прелаты и сословия»

Вюртемберга, прося Бога отвратить беду в столь опасные времена, поддержать герцогство при долгом мире, веря, что Господь Всемогущий на Судном дне восставит рыцарски и героически павшего герцога, пример которого будет всему герцогству достоин.²² Бургомистры городов, прося государя принять их соболезнования, зывали к Всевышнему, дабы тот при столь опасных временах и продолжающейся войне спас «общее отечество германской нации» от окончательного падения. Но еще точнее выражали сочувствие коллеги по сословию. Маркграф Бранденбург-Ансбахский Иоахим Эрнст лавиной клишированных речевых оборотов выказывал убежденность, что покойный стяжал «особливую репутацию, аффекцию и бессмертную славу героической, княжеской отвагой и стойкостью во имя возлюбленного отечества, его свободы (*libertet*) и на потребу веры».²³ Ему вторил и его родственник маркграф Христиан: покойный надолго останется в памяти его семейства в силу «героического, мужественного, стойкого немецкого духа, каковой он явил в сии столь опасные времена для нашего возлюбленного отечества».²⁴ Пфальцграф Иоганн говорил о том, сколь много потеряло с гибелью Магнуса «евангелическое дело», и — вновь отсылка к «нынешним печальным временам» и событиям!

Потерпевшая сторона ясно апеллировала к своему статусу, к тому, что являлось системной частью всей имперской организации: герцог Магнус пал за «немецкое отечество» и его свободу. С победой католической партии невозможно смириться, ибо она нарушает вековой порядок. Побежденные не чувствовали себя проигравшими. Они проиграли лишь кампанию, но их веру в справедливость дела сломить было нельзя. Возможности к согласию оставалось все меньше.

III. Датская война и кульминация успехов императора и Лиги

Христиан IV Датский. Итак, в разгроме Унии никто не видел окончания смут: ни престол и Лига, ни побежденные сословия, ни столпы империи — курфюрсты, мечтавшие о стабильности. Слишком много узлов оказалось не распутано к 1623 г.

Особенно тяжелым виделось протестантам положение дел на севере Германии. Хотя Максимилиан и запретил Тилли пересекать границы округа при преследовании разбитых войск Христиана Брауншвейгского, было ясно, что защищать тамошних протестантов в случае нового давления некому.

Все большую заинтересованность в делах единоверцев стал проявлять и самый могущественный сосед на севере — датский король Христиан IV (1577—1649). И на то были веские причины. По голштинским владениям Дания считалась ленницей Империи: еще с конца XV в. земли между Фленсбургом и Килем признавались за северной короной. Ее представители имели право посещать рейхстаг, а официальном языке делопроизводства в Копенгагене был немецкий. Король, безусловно, принадлежал к поколению государей-конфессоров — в том смысле, что он не видел настоящее и будущее своей страны вне устоев Лютеровой веры. Перед нами типичный портрет почти ровесника Фердинанда II, герцога Максимилиана, курфюрста пфальцского или соседа по Скандинавии — Густава Адольфа Шведского. Апокалиптические иллюзии, столь свойственные эпохе, были присущи и ему, равно как и мессианское сознание. Христиан неплохо разбирался в военном деле, торопился возводить крепости, укреплял флот — свое любимое детище — и видел себя ключевой фигурой Северной Европы, готовой изменить ход истории. Дания располагалась в центре его конфессионального макрокосма. Реализация интересов измерялась у него династическими рамками: король давно уже мечтал заполучить для своих детей епископства Ферден и Оснабрюк. Соборный капитул Оснабрюка, однако, под давлением лигеров избрал епископом Эйтеля Фридриха Гогенцоллерна из католической ветви знаменитой семьи. Сын короля Фридрих мог рассчитывать лишь на должность коадьютора, т. е. помощника епископа при отправлении правительственных функций. Император промолчал, что давало повод говорить о том, что престол намерен решительно прервать традицию смотреть сквозь пальцы на секуляризованные после 1552 г. епископства. Раздосадованный король пока еще не видел в этом повода к вооруженному вмешательству, но охотно поддерживал деньгами войска «неистового гальберштадтца», пока тот

состоял на службе нижнесаксонского округа. Уход последнего открыл дверь для прямых переговоров с сословиями округа, тем более что в декабре 1624 г. пост главы округа стал вакантным: его покинул престарелый герцог Люнебургский из дома Вельфов.²⁵

Европейский аспект: Франция, Англия, Нидерланды. Впрочем, возросшее участие Дании указывало лишь на один источник эскалации. Другой находился за западными рубежами Империи — во Франции, Англии и Нидерландах. Все три державы по разным причинам проявляли свою заинтересованность в поддержке протестантского дела после кончины Унии. Правительство Людовика XIII постепенно избавлялось от наследия «испанской дружбы», пропагандируемой в первые годы после гибели Генриха IV. Епископ Люсонский кардинал Ришелье, прибравший к рукам управление страной, все последовательней убеждал короля в пагубности тесной дружбы с Мадридом. Победы испанского оружия на берегах Рейна и желание нового государя, Филиппа IV, наконец взять реванш в войне с Нидерландами рисковали обернуться для французской короны «испанским галстуком», затянутым на всех границах и обрекавшим Париж на роль младшего сателлита. Ришелье все больше хлопотал о поддержании сопротивления католическому блоку в землях Империи. Островная Англия, не желавшая открыто вмешиваться в борьбу с Мадридом, также отчетливо понимала перспективу в случае триумфа католического блока. Брак дочери покойного французского короля Генриетты Марии с наследником короны Стюартов Карлом Уэльским в 1625 г. скреплял стратегическую линию. Кроме того, и Яков I, а затем и Карл I старались поддерживать своих пфальцских родственников в изгнании. Еще более очевидным была заинтересованность Нидерландов: вопреки возобновившейся войне они поддерживали деньгами и людьми вооруженное сопротивление протестантских сословий на своих восточных границах. Стратегический замысел здесь был прост: утверждение войск Лиги в Вестфалии и восточной Фрисландии означало глубокий охват границ по всему северо-востоку с угрозой прямого удара. Наконец, Нидерланды считали себя вправе посредничать и даже подталкивать к решительным действиям северные державы:

почти 70 % товаров на Балтике перевозилось на голландских судах.²⁶

Толчок со стороны побежденных: Мансфельд. Но существовал еще один фактор: энергичная деятельность опальных князей. Изгнанная за пределы Империи элита прилагала невероятные усилия к созданию коалиции. Именно здесь мы встречаем прямое и опасное для короны следствие раскола. Ведущую роль, помимо курфюрста-беглеца, тут играл Петр Эрнст граф Мансфельд. Историк Вальтер Крюссманн обстоятельно показал его историю в 1623—1625 гг. Мы далеки, конечно, от того, чтобы вслед за Крюссманном говорить о деятельности Мансфельда как первопричине нового витка войны, но такая кипучая деятельность с головой выдавала «немецкий корень» ее продолжения.

Летом 1623 г. опальный граф получил заманчивое предложение от Лиги перейти к ней службу. Уже даже планировался театр будущих военных действий: юг и французская граница. Но недостаток средств у католиков лишил переговоры всякого смысла. Мансфельд вновь оказался в Нидерландах, оттуда перебрался в Англию и Францию, в Кале и Париж, завел новые переговоры с главной надеждой радикалов-протестантов на востоке — Бетленом Габором и повсюду убеждал в необходимости действенной помощи ему, курфюрсту Фридриху и единоверцам в северной Германии. То была настоящая дипломатия одного человека, незаурядного во всем — в дни войны и в дни мира. Не случайно Лига и император с таким пристальным вниманием отслеживали все действия Мансфельда и эмигрантов: его имя постоянно упоминалось на страницах официальной переписки тех лет. Приходилось дорого платить за использование сословных нормативов лишь к выгоде одной партии.

Христиан IV и нижнесаксонский округ. Разрыв с Фердинандом. Весной 1625 г. король Дании уже готов был вмешаться. Действовать приходилось, впрочем, с оглядкой на тылы: отношения с Швецией, этой могущественной соседкой, оставляли желать лучшего. Долгая борьба за перераспределение сфер влияния на Балтике завершилась хрупким перемирием, тем более что молодой шведский король сам был ангажирован не-

мецкими обстоятельствами. Трудные переговоры со Стокгольмом в 1624 г. завершились общим согласием признать границы между Готландом и Борнхольмом. И лишь война с Польшей, на тот момент — главное дело Густава Адольфа, мешала ему занять более жесткую позицию. Взяв в 1621 г. Ригу и закрепив за собой Лифляндию, шведы с трудом продвигались в западной Пруссии. Как бы то ни было, Стокгольм предпочел не обострять отношения.

В марте 1625 г. Христиан IV согласился принять главенство над нижнесаксонским округом Империи и сословия провозгласили его протектором. Этому событию предшествовал своего рода конфессиональный манифест: 6 марта король издал эдикт, запрещающий католический культ в его державе. Католическое исповедание отныне влекло за собой уголовное преследование. Принятие протектората означало открытый разрыв: согласно имперскому праву главой судебного округа не мог избираться иностранный суверен. Сословия же, его избравшие, считались нарушителями «земского мира». Фердинанд немедленно призвал подданных к борьбе с попирателем закона его державы и объявил сословия округа бунтовщиками. В свою очередь для вмешательства имелся предлог и у короля: войска Тилли оккупировали Зигский округ, бывший тогда в залоге датской короны. Как это часто бывает, прецеденты накладывались один на другой, образуя трагическую цепочку, открывшую путь к войне.

Обширная территория военных действий, увеличившаяся впоследствии в разы, изначально неизмеримо большая, чем во времена битвы за Пфальц, формировала и иной, гораздо больший круг проблем. Многие зависело здесь от согласованных действий Дании, ее немецких и нидерландских союзников, равно как и от координации генералов Лиги. Обстоятельства подготовки и ход операций исчерпывающе изложены в крупном исследовании Юлиуса Опеля, в котором автор опирался на внушительный корпус архивных документов.²⁷ На успех могла рассчитывать лишь та сторона, которая обладала бы не только солидной военно-финансовой базой, но и способностью консолидировать очень сложные структуры сословного мира. Фердинанд прекрасно понимал это. К тому же особенности военной организации исключали молниеносное развитие кампании.

Начало военных действий здесь в чем-то напоминало первые месяцы богемской войны: требовалось время на подготовку главного удара, особенно в силу необычайной растянутости коммуникаций. Во многом это объясняет осторожность короля, ограничившегося на первых порах лишь занятием Гамельна и Нинбурга. Его правой рукой был генерал Иоганн Филипп Фукс фон Бимбах — человек осторожный, предпочитавший оборону порывистому наступлению. Совершенно иными были его немецкие союзники: и Иоганн Эрнст, старший из веймарских братьев, командовавший немецкой конницей у короля, и Христиан Брауншвейгский, готовившийся покинуть Нидерланды со свежими силами, и тем более Мансфельд, делавший ставку на быструю маневренную борьбу, исход которой определялся бы одним-двумя решающими ударами. Так, почти весь 1625 г. прошел в осадах и незначительных «шахматных ходах». Датский король боялся со своими 17 000 мушкетов и сабель двигаться в глубь Империи. Тилли, в свою очередь, с 16 000 в июле перешел границы округа у Гекстра, но не решился искать быстрой встречи.

Гаагский альянс. Слабость внешнего фактора. Внешняя конъюнктура тем временем мало содействовала протестантскому делу. Испанцы весьма удачно оперировали в южных Нидерландах, где в июле в их руки перешла Бреда — ключ к северному Брабанту. Легенда приписывает ее сдачу скорую кончину самого штатгальтера: Мориц Оранский скончался спустя несколько месяцев от удара. Дела принял его старший сын Фридрих Генрих, столь же опытный в военном деле, что и отец.

Помощь немецким союзникам становилась для голландцев тем актуальней, чем хуже шли дела на военном театре. Наконец в декабре в Гааге формально был обнародован договор трех держав — Нидерландов, Англии и Дании — о совместной борьбе, получивший название Гаагского альянса. В преамбуле говорилось, что он направлен на защиту немецких протестантов во имя «немецкой свободы» против тирании папистов. Император не упоминался, но было понятно, что здесь подразумевалось кардинальное исправление той ситуации, в которой империя оказалась после начала его царствования. Самым щекотливым оставался денежный вопрос: король Дании рассчитывал

на финансирование своих операций. Договорились об оплате 30 000 единиц пехоты и конницы на 1626 г.²⁸

Но союз оказался значимым лишь на бумаге. Недостаток внутреннего согласия совершенно исключал эффективное взаимодействие. Нидерланды тратили все свои силы на южном фронте. Они мало чем уже могли помочь союзникам в Германии. На Францию полагаться не приходилось: мятеж принцев во главе с Роганом и Субизом очень скоро заставил Ришелье сосредоточиться на внутренних проблемах. Англия, решившая помочь французским гугенотам, все меньше желала рисковать большой немецкой игрой. К началу 1626 г. датский король мог рассчитывать лишь на помощь немецких союзников.

Наконец, и это самое главное, расклад сил в самой Империи оставался весьма неблагоприятным для успеха общего дела. Император мог вполне положиться на партию умеренных: курфюрст Саксонии, сперва резко критиковавший оккупацию северонемецких земель войсками Лиги, теперь, после вмешательства короля, изменил свое мнение. Тем более, что император недвусмысленно давал понять: речь не идет о репрессиях по причине веры. Для Иоганна Георга датский король был иноземцем-завоевателем, и он призывал и своих подданных, и всех коллег по сословию поддержать общеимперское дело. Курфюрст Бранденбурга, сам кальвинист и родственник (через супругу) шведского короля, был бы не прочь поддержать сопротивление, но этой поддержкой он боялся навлечь беду на собственные земли. И уж совсем нечего говорить о ландграфе Людвиге Гессен-Дармштадтском, только что получившем обещанное «марбургское наследство» и шедшем всецело в фарватере имперской политики.

Фердинанд, таким образом, располагал опорными пунктами во всех регионах. Кроме того, нужно понимать: многие из протестовавших против насилия Лиги были не меньше напуганы грабительскими рейдами Мансфельда и Христиана Брауншвейгского. Повальные реквизиции, бесцеремонное обращение с администрацией и владельческими семьями в 1622—1623 гг. оставляли недобрую память и раздражали единоверцев не меньше, чем Лига, войска которой, по крайней мере, пытались контролировать их старшие начальники. Фердинанд и Максими-

лиан, во всяком случае, могли не бояться вооруженного сопротивления со стороны молчаливого большинства. У короны оказался в целом прочный тыл.

Казалось, группа радикалов, поддержавших вторжение, была изолирована на имперском поле. Ее костяк образовывали несколько именитых родов, среди которых выделялись братья герцоги Веймарские из семьи тюрингских Веттинов. Ландграф Мориц Гессенский остерегался вмешательства, хотя его сын Филипп с готовностью предложил свою шпагу королевской армии. Но гораздо охотнее дело Христиана поддержало дворянство средней руки, преимущественно из западных и центральных немецких земель.

Ход войны по-прежнему предreshался немецкими и имперскими обстоятельствами. Теперь она становилась «немецкой» даже в большем смысле, нежели за пять лет до того. Европейские дворы могли в лучшем случае подкреплять оппозицию, но решать за немецкие сословия, как обустроить собственный дом, они не имели возможности.

Вопрос императорской армии. И все же Фердинанд опасался будущего. Он все яснее осознавал необходимость дополнительной опоры, и, вероятно, не только в контексте борьбы с протестантами. Со дня белогорской победы он оставался в военном отношении заложником Лиги: у Максимилиана под рукой находилась лучшая армия с лучшим командованием за последний век. Войска же, набранные императором, были малочисленны, распылены на венгерском театре войны с Бетленом Габора и самое главное — нуждались в регулярном финансировании, которого не было. Конфискация имущества богемских мятежников не дала престолу средств в нужном объеме — вопреки частому заблуждению историков. На исходе 1624 г. стало ясно, что денег не хватит даже на оплату зимне-весенней кампании. Решено было сократить численный состав полков. Вопрос о реорганизации сил плавно вытекал из логики событий. Он не превращался в самостоятельную реформу, как в государствах Нового времени, и не имел предварительного институционального осмысления.

Часто в популярной литературе говорится об имперской армии, которую «создал» Валленштейн, — и это тезис, глубоко

неверный. Имперская армия как таковая была узаконена решениями рейхстагов и их предшественников задолго до Тридцатилетней войны. Уже с позднего Средневековья существовали квоты для воинских контингентов от отдельных сословий на случай возникновения «имперской войны», т. е. решения воевать именем императора и Империи. Так было в XVI в. и в начале следующего — в дни «долгой турецкой войны». Специальные уложения весьма подробно описывали механизм содержания и управления войсками, находившимися, как правило, под началом одного из близких родственников государя в должности генерал-лейтенанта.

Однако условия текущей войны исключали взимание квот, так же как и сословный консенсус на ее формирование: при неработавшем рейхстаге и остром кризисе, когда единственным важным совещательным органом оставался лишь съезд курфюрстов. Пропаганда борьбы с внешней угрозой, нарушителями «земского мира» едва ли могла принести здесь желанные плоды. Необходимо было создавать «свою» армию по новому образцу, с поправкой на конъюнктуру. Заслуги Валленштейна заключались не в создании принципиально нового института, а в эффективном приспособлении старой практики к реалиям 1625 г.

Валленштейн. Об Альбрехте Эусебии Венцеле фон Валленштейне (1583—1634) написано чрезвычайно много: по признанию знатоков, на начало XX в. ему было посвящено монографий, статей и очерков больше, нежели другим героям Тридцатилетней войны, включая Ришелье и Густава Адольфа. И подавляющее большинство историков волновал один вопрос: насколько обвинения в его «измене» престолу в 1630—1634 гг. соответствовали действительности. Иными словами, замышлял ли некогда полковник на службе моравских сословий заговор против Габсбургов на решающем отрезке войны? И если да, то каковы были его цели и как они соотносились с судьбами Германии и Европы? Историков привлекали взлет и стремительное падение, а по сути — лишь четыре последних года его жизни. Вопрос об «измене» превратился в «валленштейновский вопрос» — как его изложил Йозеф Полишенский еще в 1971 г. Генералиссимус словно чудом возник на исходе чешской войны и метеором прмчался по небосклону имперской истории.

Такова была логика исторической мысли, унаследованная от «классического историзма», от Леопольда фон Ранке и Дройзена-старшего: знаменитости прошлого могли существовать лишь во имя будущего, во имя национального государства, этого идола философии XIX в. Спор о Валленштейне между немецкими и чешскими историками, между «малогерманским» и «великогерманским» направлениями носил идеологический окрас. Способен ли был генералиссимус приблизить счастливые часы рождения национального единства — с Австрией или без либо только в границах чешских земель? И ради этого низвергнуть правящий дом и водворить мир в истерзанной Империи?²⁹

Лишь в конце XX в. обозначился разрыв: Голо Манн и Хельмут Дивальд в своих биографиях разглядели в герое давно минувших дней детство и юность, мир, его окружавший, и вывели Валленштейна из круговерти «политики» и «государственной целесообразности».³⁰ Обозревая страсти по Валленштейну, легко убедиться: посмертная история человека всегда история идей, ее породивших. Валленштейн прижизненный сменился бесчисленным рядом Валленштейнов посмертных.

В 1625 г. офицеру шел сорок второй год. Позади были превратности судьбы, два брака и большой успех. Взирая на первую половину его жизни, можно легко прийти к заключению: она совершенно тривиальна. Все с ним случившееся вполне подходило под нормы эпохи. Отпрыск именитых родителей: Вальдштейны (именно так звучала его фамилия, Валленштейном он стал себя называть не ранее 1614 г.) состояли в родстве с не менее известными Смержицкими и Жеротинами. Они принадлежали к верхушке сословий и обладали обширным клановым ландшафтом на севере страны и в Моравии. Семья была «своей» для чешской знати, и ребенок должен был стать «своим» для нее же. Рано потеряв родителей, Альбрехт воспитывался в двуязычной среде у богатых родственников, посещал знаменитый протестантский университет в Альтдорфе и позже, по-видимому, побывал в Италии. В начале нового века молодой человек уже состоял на придворной службе сперва в Тироле, а затем в Праге в окружении Габсбургов. Там он прошел путь от пажа до камергера императорского двора. Одновременно



ALBERTUS DEI GRATIA DUX FRIDLANDIÆ SACRÆ
CÆSARÆ MAIESTATIS CONSILJARIUS BELLICUS.
CAMERARIUS. SUPREMUS COLONELLUS PRAGENSIS.
ET EIUDEM MILITIÆ GENERALIS.

Один из немногих прижизненных портретов Валленштейна, ок. 1625—
1628 гг. Гравюра Хендрика Хондиуса.

вершилась и военная карьера, начатая на театрах турецкой войны. Протекция родни, связи, честолюбие и удачный брак — классический механизм восхождения в сословном мире. Здесь не было ничего удивительного. На войне, впрочем, он сформировал свои предпочтения: стал мастером кавалерийского дела, высоко ценил и тогда и позже конницу и даже написал устав конной службы в 1616 г. Кавалерия стала для него любимым родом войск. Единственный из всех старших офицеров моравских сословий он остался верен Габсбургам в 1618 г., обратил на себя внимание молодого государя и отличился в битве под Заблатом, впервые опробовав мощь кавалерийской атаки.

По окончании чешской войны над ним, как и над многими его сослуживцами, пролился дождь наград. Он приобрел огромный комплекс поместий, принадлежавших родственникам матери Смержицким, вокруг Гитшина, в 1623 г. получил титул имперского князя и развернул кипучую деятельность, спекулируя на чеканке монет и продаже конфискованных поместий знати. Второй брак с дочерью имперского надворного советника Карла фон Гарраха открыл ему путь ко двору Фердинанда. Идеальная комбинация личных заслуг и прирожденного статуса! Будучи человеком сословного мира, он мечтал об этом. Парадокс, но война раскрывала таланты в общем ничем не примечательных людей. Вполне возможно, с таким же успехом к императору обратился бы через посредников и иной представитель его клиентелы. Но у Валленштейна оказались весьма влиятельные заступники, а его организационный дар был незауряден.

Создание новой армии. В начале 1625 г. Валленштейн предложил через своих друзей — Гарраха и любимца Фердинанда графа Ульриха фон Эггенберга — выставить на свой счет 25 000 мушкетов и сабель. Фердинанд размышлял несколько месяцев и в апреле наконец назначил Валленштейна ответственным за создание войска и его командующим. Валленштейн обязался за несколько месяцев сформировать и обеспечить 14 полков, с последующей компенсацией за счет казны. Главным условием было содержание новой армии за счет земель, отданных под квартиры, не исключая наследственных. Максимилиан, как глава Лиги, не мог разделять оптимизм

престола: конкуренция с его собственным детищем была ему явно не по нраву. Но он не протестовал.

Было ли назначение Валленштейна в 1625 г. причиной его последующего падения? Мы должны понимать: мир людей той эпохи был заключен в рамки норм и этики сословного общества. Любое движение оценивалось по шкале репутации, доверия и чести. Фердинанд впитал с молоком матери представления о католической монархии. Для него матрица окружающего мира была незыблемой, ее следовало только всемерно поддерживать. Потому он никогда не любил резких движений и привык опираться лишь на лиц, полностью соответствующих его идеалу стабильности и верности. Валленштейн подходил под эти критерии идеально: его карьера и служба были обычными. Именно эта обычность позволила Фердинанду в решающую минуту выделить его. К тому времени авторитет государя был на высоте, счастье ему улыбалось. Знаком признания стал рескрипт императора, появившийся почти одновременно с назначением Валленштейна и возводивший его в князя Священной империи.

Но именно этот жест стал причиной раздражения: новоявленный князь занял место среди старинной элиты. По статусу Максимилиан стал ровней Валленштейну — с поправкой лишь на курфюршеский титул. Разумеется, это удивляло и раздражало многих. Считается даже, что первая критика раздалась уже в 1623 г., когда поместья Валленштейна вокруг Гитшина и Фридланда обрели герцогские регалии. Таков парадокс старой Европы: император возвысил своего протеже, следуя логике традиции, а старинная знать выказала недовольство, также следуя традиции. Две нормированные точки зрения оказались в конфликте! Примеров подобного можно сыскать множество: противостояние фракций «новых» и «старых» наблюдалось повсюду при больших и малых дворах Европы. Здесь не было ничего удивительного. Трагедия заключалась в том, что эта конфронтация возникла в разгар тяжелой войны и подле престола. Смеем предположить: отчуждение Валленштейна от элиты началось с 1623—1625 гг. и оно же в конце концов приведет к трагическому финалу 1634 г. Миф же заговора так и остался мифом.

С конца весны поместья нового командующего стали наполнять бурлящий котел: на мануфактурах и пороховых мель-

ницах шилось военное платье, выделялась амуниция и порох. На заводах в Рудных горах ковалось оружие, пистолы, мушкеты, отливались новые пушки. Валленштейн не жалел ни людей, ни средств. Его финансист, опытный голландец (протестант!) Ганс де Витте, направлял денежные потоки, его администрация во главе с Альбрехтом фон Венгерски надежно контролировала производство.

И новый командующий не подвел: к концу лета требуемое число полков уже заканчивали трехмесячную муштру в лагерях. На их знаменах гордо реяли алые андреевские кресты и имперские орлы. Фердинанд отныне располагал внушительной армией почти в 50 000 мушкетов и палашей, не с кем не делясь властью над ней.

Валленштейн и Тилли. Подготовка кампании. Осенью Валленштейн встретился с Тилли близ Нинбурга. Оба прекрасно знали друг друга еще со времен турецкой войны и питали к друг к другу вполне коллегиальные чувства. Тилли будет одним из немногих военных, кто не примет участия в травле Валленштейна после 1630 г.

Решено было перенести центр тяжести операции в нижнюю Саксонию и постараться фланговым давлением принудить короля отойти за линию Эльбы. Но Мансфельд разгадал замысел врагов. Он убедил короля разделить силы: Христиан должен был готовиться к наступлению на юг в сторону Гессена, сам же он собирался кружным путем с северо-востока охватить имперскую группировку и нависнуть над наследственными землями. Лишь в последний момент Валленштейн успел предупредить этот дерзкий маневр. Вперед был выслан корпус Альтрингера с задачей укрепиться на переправах через Эльбу при Дессау и во что бы то ни стало не допустить прорыва Мансфельда.

Расчет оказался верным. Датский король не решился на крупное наступление весной, лишь собирая вокруг себя подкрепления, спешившие из Ютландии. Генерал Фукс отговаривал короля от поспешных решений. Тилли получил возможность маневрировать без риска быть отрезанным от тылов.

На востоке: Дессауский мост (26 апреля). В начале апреля Мансфельд появился в землях курфюрста Бранденбургского. Как всегда, неистовый бастард делал ставку на быстроту и

мощь первого удара. Целью был Дессауский мост. Его взятие разрезало бы всю восточную линию императорских войск. Зная об отчаянном положении Альтрингера, Валленштейн снялся со своих квартир в Ашерслебене и скорым маршем устремился на восток.

Альтрингер тем временем успел хорошо подготовиться к встрече: мост и шанцы перед ним превратились в настоящую крепость, — говоря военным языком, это был один из первых образцовых «тет-де-пон» Нового времени. Внутри укрылись два полка конницы и пехоты под защитой 86 пушек. Мансфельд, не желая и слушать о переправах южнее Дессау, никем не охраняемых, всеми силами атаковал предмостные редуты. Концентрированный огонь артиллерии из шанцев и вылазка пехоты отбросили его на исходное положение. Тем временем 14 апреля появился наконец Валленштейн с главными силами. Но упрямый Мансфельд не хотел отступать. Он начал генеральный штурм 25 апреля. Валленштейн обрушил на штурмующих ураганный огонь своих батарей, расположенных на западном берегу, а в лоб бросил полки Альтрингера, выведенные из шанцев. Истребляемая ядрами и пулями, сыпавшимися со всех сторон, пехота Мансфельда остановилась в ожидании подкреплений. Но тотчас же ей во фланг ударила тяжелая конница Шлика, накануне потихоньку переведенная по мосту и укрывшаяся в лесочке позади протестантских боевых порядков. То был кинжальный удар: протестанты, смешавшись, начали отступление. Спустя час оно превратилось в повальное бегство. Победа императорской армии была полной. Хорваты преследовали и рубили бегущих вплоть до окрестностей Цербста. Четыре тысячи протестантских солдат остались лежать на поле боя, еще полторы тысячи попали в плен. Валленштейн не без гордости писал в Вену о своей первой крупной победе. Здесь же полководец первый раз показал свой излюбленный прием: использование в деле крупных масс конницы.³¹

Силезия, Трансильвания, Далмация. Завершение восточной кампании. Полагая успех переломным, Валленштейн захотел вернуться на западный театр. В те дни он беспокоился за Тилли, рисковавшего попасть под удар значительно более превосходивших по численности королевских войск. Но в Вене

считали иначе: там хорошо помнили, как всякий раз рассеиваемые войска протестантов спустя месяц возрождались как феникс из пепла. И действительно, уже к концу мая Мансфельд располагал все теми же двадцатью тысячами, с которыми начал свой штурм дессауских переправ.

Правы оказались обе стороны: король все же решил выступить на юг, и в первые летние месяцы Тилли пришлось нелегко. Валленштейн же, следуя настоятельным рекомендациям надворного военного совета, вынужден был последовать за Мансфельдом сперва в Бранденбург, а оттуда в Силезию, успев, однако, перебросить на помощь Тилли несколько полков. За месяц этой удивительной погони генерала за генералом, нигде не задерживаясь на долгие привалы, войска Валленштейна преодолели почти 800 км! Имперский командующий был щедро вознагражден за титанические труды: Мансфельд так и не смог закрепиться на границах с Трансильванией и побудить Бетлена Габора продолжить борьбу. Вождь тамошних протестантов, сам исчерпав средства и силы, решил пойти на мир с императором. Он был заключен в Никольсбурге, на берегах Дуная, осенью того же года. Императору наконец удалось обезопасить свои восточные рубежи.

С горсткой командиров и солдат мятежный граф решил пробираться в Далмацию, к владениям Венеции, рассчитывая поднять правительство дожа против Габсбургов. Но телесные силы оказались на исходе: надломленный постоянными походами, истощенный кипучей деятельностью еще нестарый граф пал жертвой удара близ деревеньки Раковиц поблизости от Сараево. Но даже смертную минуту он превратил в последнее доказательство своего титула и статуса: слуги облачили его в доспехи и вручили меч, на который тот опирался до последнего вздоха.

На западе: Луттер (27 августа 1626 г.). Между тем датский король так и не решился на глубокий рейд в Гессен. Он боялся оторваться от Вольфенбюттеля, зная о подходе вспомогательных войск Валленштейна и не имея данных об их численности.

Действительно, 20 августа тридцать два эскадрона Дефура и пехотные полки Сербони и Коллоредо присоединились к лигерам близ Геттингена. Обретя наконец уверенность, Тилли

перешел в наступление. Дефур со своей конницей 25 августа напал на датский арьергард близ Штауффенбурга, нанес урон в 600 человек и отнял две пушки. Король, чтобы избавиться от наседавшего противника, вынужден был развернуться на юг и принять генеральное сражение. Оно разыгралось на огромной равнине между Зальцгиттером и Луттером-на-Баренберге.

Как и прежде, колоссальная интуиция, верный расчет и умение управлять подчиненными оказались у командующего Лиги на высоте. Утром 27 августа обе армии разделял болотистый ручей Найль. На высотах вдоль его восточного берега тремя линиями выстроились королевские войска с батареями позади моста. Первой линией командовал генерал Фукс, второй — сам король, резервами — рейнграф Отто Людвиг. Столь глубоко эшелонированный порядок можно было объяснить лишь боязнью короля за свои тылы и мнимого подхода Валленштейна. Он обещал успешную оборону, но оставлял почти неприкрытыми оба фланга.

Как только Тилли увидел развертывание королевских войск и понял, что исход битвы следует искать на флангах, он незамедлительно послал Дефура с тремя полками тяжелой конницы по дороге к Лангельсхайму в обход датского фронта. Сам же он возглавил правое крыло напротив моста через Найль и сосредоточил почти все валленштейновские полки (Коллоредо и Сербони) на левом. Дабы дать время Дефуру, он приказал открыть канонаду из всех орудий центральной батареи и только около 11 часов повел атаку правым крылом. Вперед была брошена пехота Райнака под прикрытием нескольких конных полков. Лигеры перешли ручей по мосту и вброд, но попали под убийственный огонь датских пушек и были отброшены предводительствовавшим здесь Фуксом. Тот успел дожидаться подкреплений из второй линии и бросился в контратаку. Лигеры не выдержали свирепого напора и стали отходить. Полки Шенберга, Кронберга и Шмидта рассеялись. Одновременно в центре пехота Лохаузена, Линдсдау и Моргенса Кааса, одушевленная успехом товарищей, с громкими криками «За веру и отечество!» перешла ручей и с горячей энергией, столь свойственной новобранцам, стала теснить неприятеля. Казалось, еще немного — и катастрофа станет неизбежной. Наступила решающая ми-

нута сражения. Тилли ввел в дело главный резерв — тяжелую вюрцбургскую кавалерию и сам бросился в гущу отступавших. С трудом, «со слезами на глазах» и личным примером, он оставил отход.

Датчанам между тем не удалось овладеть батареей, прикрывавшей правый фланг и центр лигеров: пушкари здесь действовали выше всяких похвал, они отказались отступать и стреляли до последнего. Вместо того чтобы на ходу перестроиться в глубокие квадраты, офицеры и солдаты королевской армии, не обладавшие большим военным опытом, упрямо старались поддерживать обычную линию, что лишало их эффекта таранного удара. Наступление быстро выдохлось. Вскоре смертельные раны получил храбрец, «одноглазый франконец» Фукс. Теперь весь левый фланг королевской армии дрогнул и подался назад.

Христиан, правда, мог еще надеяться взять верх на противоположном конце: эскадронам графа Зольмса и юного Филиппа Гессенского удалось там продавить неприятельские ряды. Но очень быстро они попали под ружейный огонь хорватов и драгун, укрытых на опушке леса, были атакованы в лоб Коллоредо и Сербони, загнаны в топкую низину и почти совершенно уничтожены. Зольмс нашел здесь свою героическую смерть, в плен попал и ландграф Филипп. Король уже думал ввести в дело резерв третьей линии, как вдруг пронесся слух о подходе Валленштейна. Но то был не генералиссимус, ушедший в погоню за Мансфельдом, а эскадроны Дефура, принятые датчанами за главные силы императорской армии и теперь завершившие свой обходный маневр. С удвоенной энергией они бросились на уже расстроенный левый фланг королевской армии.

Теперь Христиана оставило его мужество. Боясь окружения, он решил очистить поле боя. Организованное отступление быстро превратилось в повальное бегство. С трудом, под защитой трех сотен дворян лейбштандарта, потеряв почти всех своих слуг, включая шталмейстера Роткирха, король выбрался из чудовищного хаоса и бежал в Гамельн. Две тысячи датчан, отрезанных от главного войска, были загнаны в замок Луттер и сложили оружие.

Ярость лигеров не знала предела: в битве и при преследовании было изрублено почти две тысячи солдат королевской

армии. Застрелен был и несчастный принц Гессенский, попавший в плен и отказавшийся дать выкуп. Спустя день в Науене, куда его отвезли, скончался герой Фукс. Перед смертью он завещал похоронить себя в том же месте, где он пал. Стела в память о нем до сих пор виднеется близ шоссе на Вольфенбютель.

Вину за свое поражение, помимо очевидного тактического мастерства Тилли, Христиан должен был бы приписать собственным ошибкам: слишком компактное построение лишало его свободы маневра, а постоянный страх за свои тылы, вызванный скверной разведкой, убивал решительность и настойчивость в атаке. Тем не менее король предпочел возложить всю ответственность на несчастного Фукса, предупреждавшего Христиана, между прочим, о риске вступить в бой.

Как бы то ни было, поражение короля, столь сокрушительное, не оставляло ему никакой возможности удерживаться на территории округа. К концу года он оставил линию Эльбы и поспешил в Ютландию, чтобы там собрать свежие силы на случай вторжения.³²

Свидание в Бруке-на-Лейте. Валленштейн — генералиссимус. Триумф имперского оружия превращал Фердинанда и Лигу в хозяев, по сути, всей северной Германии. Победоносное начало нуждалось в блистательном завершении. Оно состоялось под занавес кампании осенью 1626 г. В Бруке-на-Лейте, в замке, принадлежавшем Гаррахам, 25—26 ноября с участием трех лиц обсуждались знаменитые статьи, объявлявшие Валленштейна верховным главнокомандующим всеми силами короны с весьма большими полномочиями. Рядом с Валленштейном сидел его тесть. Брукская капитуляция — одно из самых таинственных событий для историков, поскольку никаких официальных актов от нее не дошло. Единственное подробное донесение принадлежало секретарю Гарраха капуцину Валериано Маньи, свидетелю переговоров. Но текст его, насквозь пропитанный ненавистью к виновнику побед, исключительно пристрастен. Трактовать условия соглашения под его пером можно лишь от обратного. Тем более, что целый ряд пассажей, касающихся Лиги, едва ли вообще мог звучать в присутствии означенных лиц.

Император сохранял высшее командование над армией: здесь не было ничего нового в сравнении с предшествовавшими уложениями. Валленштейну отходили все функции его заместителя на правах «генерала-капо». Он имел право назначать генералов с согласия короны, руководить оперативным планированием и надзирать за содержанием армии на всей территории Империи. Сама армия содержалась по месту дислокации за счет сословий, но за пределами наследственных земель. Прояснялось и сосуществование ее с армией Лиги. Формально Тилли оставался самостоятельным лицом, подотчетным Максимилиану. Но в оперативном отношении он обязан был подчиняться Валленштейну.

По сути, речь шла лишь об уточнении и некотором расширении полномочий 1625 г. Но Валленштейн прекрасно понимал: его триумф означал и триумф императора. Высочайшее согласие санкционировать Брукские статьи лишь говорило о полной удовлетворенности престола. Лига лишалась главного аргумента — военного лидерства. Гневный пафос капуцина определенно выдавал антилигистскую направленность свидания 1626 г.: будто бы статьи обязывали главнокомандующего и его армию стать грозой всей Империи и Европы.³³ Никаких конкурентов со стороны сословий!

Для императора Брукская конференция была свидетельством вершины его военного могущества, для Валленштейна — блестящей возможностью легитимировать свои позиции среди знати.

Окончание датской кампании и Любекский мир. 1627 г. должен был закрепить перелом года предшествовавшего. Соединившись, оба полководца очистили Голштинию от остатков датских и немецких протестантских войск, развернулись в горловине Ютландии и вторглись в глубь полуострова. Ключевые крепости на линии Шлезвига быстро перешли в руки императорских войск. Христиан вынужден был покинуть материк и спастись на островах: единственной силой, оставшейся у него, был флот. С ним он мог отсидеться на Фюне и Зеландии, но едва ли имел возможность высадиться в Ютландии. Еще никогда самая могущественная скандинавская держава не была так близка к полной военной катастрофе. Безысходность вызвала

раздоры в окружении короля: датчане и их немецкие союзники сваливали друг на друга вину за неудачи. Один за другим ставку покидали немецкие князья, ветераны походов Мансфельда и «неистового гальберштадтца». Среди них был молодой герцог Веймарский Бернгард, у которого за минувшие три года война унесла жизни троих братьев.

Слабая надежда возлагалась на прибрежные ганзейские города, крепости и флот которых могли приостановить победное шествие имперского знамени. Действительно, один из них, Штральзунд, отказался принимать войска Валленштейна, был блокирован, причем дважды с успехом отбил штурмовые колонны Альtringера. Христиан спешил на помощь Штральзунду, послав туда полковника Голька с гарнизоном, но более серьезную поддержку горожане получили от шведского короля, наладившего настоящий морской мост с осажденным городом: со шведских судов поставляли хлеб, порох и оружие.

Распад Гаагского альянса означал, что Дания более не получит ничего из обещанного союзниками. Павший духом король вынужден был пойти на мир. Валленштейн советовал императору не унижать побежденных слишком суровыми условиями: закрепление на балтийских водах служило ему главным ориентиром. Но венский двор и не горел желанием ставить на колени скандинавского государя. В мае 1629 г., после предварительного согласования с командующими и дипломатами, в Любеке был заключен мир, мало что менявший в предвоенном положении: король лишь отказался от притязаний на епископства северной Германии и должен был выплачивать солидную контрибуцию.

Валленштейн и Балтика. Герцог Фридландский, став хозяином побережья вплоть до передней Померании, предлагал организовать строительство боевого флота, способного вмешаться в борьбу за Балтику или, по крайней мере, прикрыть немецкое побережье от возможных рецидивов скандинавской экспансии. Вена не возражала, к тому же в контроле на Балтике была заинтересована Испания, предлагавшая императору и ганзейским городам совместный пакт, позволивший бы нейтрализовать голландцев в акватории Балтики. Горячим сторонником проекта был имперский посол Георг Людвиг фон Шварценберг.

Поддержать проект уговаривали и Польшу: гавань Данцига служила бы прекрасной опорной точкой базирования.

Тем не менее ганзейские города не торопились открывать свои кошельки: съезд их уполномоченных в марте 1628 г. не дал никаких определенных обещаний. Строительство же наличными силами ограничивалось лишь верфями Висмара, требовало внушительных расходов и шло гораздо медленнее, нежели развертывание сухопутных сил. К началу 1629 г. со стапелей сошло лишь девять относительно крупных судов, среди которых числилась одна галера и два фрегата. С ними и думать не приходилось о серьезных операциях, к тому же шведская эскадра заблаговременно взяла под контроль выходы из висмарской бухты. Валленштейн и Вена все больше убеждались в мифичности замысла. Стать участником борьбы за Балтику для Империи на тот момент было совершенно непосильной задачей. Инициатива угасла и сошла на нет после отставки главнокомандующего в 1630 г.³⁴

Так закончился еще один период борьбы, который историк Юлиус Отто Опель счел нужным именовать более точно как «нижнесаксонско-датский». Он настолько плавно вырос из предыдущего, что, по сути, представлял цикл операций и событий, замешанных на фундаменте 1622—1624 гг. без явного временного разрыва. Природа же его, как и прежде, коренилась в нерешенных проблемах Германии и Империи, и именовать его «европейской войной» столь же несправедливо, как и возлагать на Данию роль главного участника. Дружественные протестантские державы и Франция оказались настолько связаны собственными проблемами, что, по сути, устранились от участия с начала 1626 г. Немецкий театр оставался главным, равно как решающим было и противостояние имперских протестантских сил имперским католическим: король никогда бы не решился на выступление, если бы не располагал гарантиями поддержки сильной армии немецких союзников. Говорить об окончательном превращении войны в европейскую здесь столь же нелепо, как величать русскую Смуту, случившуюся десятилетием ранее, европейской войной. Соглашаясь с европейской формулировкой, историк расписывается в нежелании исследовать корни трагедии, ее немецкую почву. Легче и удобнее связать воедино

нити уже известных дипломатических связей, чем отправиться в архивы и исследовать истоки трагедии на уровне отдельных династий, регионов и общин.

Итоги кампании. Валленштейн — генералиссимус и герцог Мекленбургский. Имперская пирамида сдвинулась вновь. Во-первых, было покончено с новой открытой оппозицией и решительно укрепились материальные основания короны. Возникла новая императорская армия, но не появилось принципиально нового института — детище Валленштейна не противоречило имперскому праву. Зато усилилась ее функциональная мощь. «Троевластие» с Унией, сменившееся в 1623 г. «двоевластием» с Лигой, обнаружило перспективы исчезнуть совершенно, будучи замененным авторитетом династии.

Во-вторых, вновь менялся баланс на вершине: когорта опальных князей пополнилась, и весьма существенно. Кульминацией здесь стало лишение земель герцогов Мекленбургских в 1627 г. за участие в войне на стороне датского короля. Кнут имперской немилости становился все беспощадней. Но он же расчищал путь новым протекже. Вслед за объявлением опалы над Адольфом Фридрихом Мекленбург-Шверинским и Иоганном Альбрехтом Мекленбург-Гюстровским 19 января 1628 г. 1 февраля того же года последовал указ о даровании мекленбургских ленов Валленштейну. Владения опальных герцогов, хотя и поддержавших союз нижнесаксонских сословий с датским королем, но не воевавших на его стороне, отходили к новоиспеченному генералу. То был настоящий переворот: никогда прежде Фердинанд не решался на столь смелые шаги, даже даруя инвеституру Максимилиану и исключая разве что перетасовку в наследственных землях. Новоявленный герцог 21 апреля был назначен верховным главнокомандующим вооруженными силами Империи.³⁵

Наконец, в-третьих, влияние престола достигло небывалого размаха. Пространственно оно охватило северные регионы и балтийское герцогство. Планы строительства военного флота словно бы символизировали масштабы. Еще никогда с XIV в. германские императоры собственным оружием не диктовали свою волю северней Эльбы! Армия Валленштейна выступала не только реальной силой, но и инструментом власти короны,

ее зримой регалией. Не случайно современники, пораженные ее успехами, столь многословно обсуждали их в сотнях памфлетов, брошюр и листовок. И не случайно современные историки считают прорыв к Балтике шансом на интеграцию северной Германии с имперскими структурами — последним и самым зримым до 1806 г.³⁶

Если посмотреть на указанные сдвиги как на продолжение начатого в 1621 г. курса, то перед нами предстает цельная и ясная картина: корона отважилась не только на демонтаж последних прибежищ радикальной оппозиции, но и на взлом всего предшествовавшего баланса сил на уровне элиты. Полномочия Валленштейна и его реальная военная сила символизировали не только триумф над внешним врагом и смутьянами внутри: они дидактично подносили союзникам по Лиге мысль о решительном главенстве престола относительно всего спектра проблем, касавшихся будущего. «Двоевластия» с Лигой более не существовало. Максимилиан, получив курфюршеский титул и часть пфальцского наследства, должен был быть удовлетворен своей ролью верного вассала, и не более. Имперская армия явно доминировала над силами Лиги. По сути, весной 1629 г. получила определенное завершение «программа» перестройки Империи.

Абсолютизм императора? Была ли программа «асбсолютистской»? И не намеревался ли престол стать «абсолютной властью»? Вопрос этот, часто задаваемый сегодня, имеет свои корни и свои особенности. Возник он уже у современников, преимущественно протестантских публицистов, как часть пропагандистской кампании, направленной против мадридских и венских Габсбургов, а после 1618 г. персонально против Фердинанда. Он имел давнюю историю, восходившую еще к середине минувшего века, ко дням Шмалькальденской войны 1546—1547 гг. Если дело немецких протестантских князей виделось защитой «немецкой свободы» и «немецкого отечества» как прирожденных сословных прав, над которыми не властен император — первый среди равных и лишь гарант этих свобод (что прекрасно отразилось в приведенных откликах на смерть Магнуса Вюртембергского), — то как раз позиция короны объявлялась прямо противоположной. Она нарушала старинные

привилегии сословий, что было равнозначно акту тирании: император, долженствовавший защищать подданных, напротив, ущемляет их права. Так писали богемские публицисты в 1618—1620 гг., так писали пфальцские авторы на службе эмигрантского правительства после 1621 г. Акт тирании приравнивался ими к стремлению установить *absolutum dominium*, т. е. абсолютное тираническое правление. Миф тирании, конечно, инспирировался усилиями главным образом кальвинистов, среди которых тираноборческие мотивы были заметны уже с конца XVI в. Но схожую позицию занимали и радикалы из лютеранского лагеря. Так, например, знаменитый двухтомный труд советника герцогов Веймарских Фридриха Хортледера, изданный в 1618—1619 гг. и собравший исключительно важный корпус документов по истории Шмалькальденской войны, призван был показать две концепции конфликта: то, как тиранические амбиции короны привели к кровавой драме. Ответ католической стороны пестрил контробвинениями в мятеже и публичным отказом от всего, что могло бы констатировать наличие подобных амбиций. Публицисты, духовники сильных мира сего Максимилиана и Фердинанда — Адам Концен (1571—1635) и Вильгельм Ламормен (1570—1648) — хвалили своих патронов за верность старой Церкви и христианским принципам правления, бичевали «макиавеллизм» и встречно обвиняли протестантов в злых умыслах относительно высшей власти.³⁷

Подобный дискурс переключался в труды «малогерманских» историков и их оппонентов уже в XIX в., и только ближе к середине XX в. он лишился эмоционального окраса. Метафизическая картина абсолютизма как типа государственного устройства распалась на структурный анализ отдельных парадигм. Она нашла выражение в известных работах Ганса Штурмбергера и Хайнера Хаана.³⁸ Историки пытались увидеть характерные и нетипичные черты «имперского абсолютизма» на первых этапах Тридцатилетней войны, сравнивая их с классическими образцами во Франции и Испании. Главная уязвимость их постулатов заключалась в изначально заданной модели «европейского абсолютизма», выступавшего бесспорным мериллом для политики Фердинанда II. Главному герою — императору — навязывались представления и даже «программы», которые

никогда, ни в письменном, ни в устном виде, он не озвучивал. Не говоря уже о том, что сама католическая традиция всегда публично отвергала принципы «абсолютистского правления» именно как тиранические. Речь, очевидно, идет о другом: о максимально выгодном для престола использовании динамики военных лет. Подавив мятеж в Богемии, Фердинанд последовательно покончил с источником вооруженной оппозиции уже в Империи, разрушив Унию, а затем, отражая вторжение иноземного суверена, — с еще одним ее гнездом на севере, заодно подчинив своему диктату и Лигу. Структурные сдвиги, обусловленные подобным курсом, не были безупречны с точки зрения традиционного имперского права: Фердинанд обходился без расширенных ассамблей сословий, без рейхстага, ограничиваясь встречами на курфюршеских коллегиях и сессиями надворного совета. Но прецеденты в истории уже имелись, к тому же официально престол в основных неоднозначных пунктах, как, например, в инвеституре Максимилиана, готов был идти на определенный компромисс, а армия Валленштейна теоретически соответствовала положениям, существовавшим и до 1625 г. Здесь не было принципиально новой программы, было, скорее, желание реализовать основные властные полномочия во имя авторитета и реальной силы короны.

Эдикт о реституции (март 1629 г.): крушение иллюзий и начало нового кризиса. Собственно, под подобным углом зрения следует рассматривать и рождение знаменитого эдикта о реституции духовных владений, последовавшего в марте 1629 г. Согласно ему в лоно старой Церкви возвращались ее владения, секуляризованные протестантскими властями после 1552 г. Речь шла о девяти епископствах и архиепископствах и свыше пятисот монастырях, разбросанных преимущественно по землям Франконии, Швабии и нижней Саксонии. Решение, казалось, беспрецедентное по смелости. Однако оно вполне вписывалось в линию аутентичного решения церковных проблем, заявленную католической партией еще на сессиях последних рейхстагов. Фердинанд осуществлял то, что соответствовало букве Аугсбургского мира, и формально здесь не было никаких противоречий. Легитимность эдикта хорошо отражалась в его структуре: первая его часть весьма подробно толкова-

ла аугсбургские решения и вытекавшие из них обязанности для протестантов. Их несоблюдение объявлялось во второй части причиной нынешнего решения короны. Эдикт должен был быть осуществлен на местах на уровне судебных округов под присмотром специально назначенных имперских эмиссаров. Войска императора, по сути, становились гарантами его исполнения.³⁹

С точки зрения соблюдения компромисса с союзниками появление эдикта казалось вполне логичным: если дарование мекленбургских ленов Фридландцу до крайности раздражало и протестантские, вполне нейтральные, сословия и Лигу, то возвращение церковного имущества должно было удовлетворить интересы последней. Планы реставрации уже обсуждались лигерами на съездах 1627—1628 гг. Рим, Мадрид и католические радикалы торжествовали: Мартин Бекан и Концен славословили указ как воплощение справедливой воли венценосца и торжество божественного права. Таким образом, все три акта — опала герцогов, инвеститура Валленштейна и реституционный эдикт — образовывали единую линию, укрепляющую позиции короны по отношению к сословиям. Их вряд ли можно разделять структурно, все они мыслились единым блоком.

Но именно настойчивость и последовательность Фердинанда столь же неизменно подтачивали его позиции. Острая критика последовала одновременно с двух сторон: и от Лиги, и от протестантских князей, до той поры хранивших лояльность.

Во-первых, все больше разочаровывала очередная вереница опал. Именно в этом пункте интересы и протестантской и католической элиты вполне совпадали: несогласованные репрессии создавали опасные прецеденты и разрушали вековой баланс на вершинах иерархии за счет появления «новичков» — таких выдвиненцев, как Валленштейн. Герцог Фридландский одним росчерком пера становился не только на один уровень с элитой по статусу имперского князя, он превращался в могущественного территориального династа, соперничать с которым по объему ленных держаний теперь могли разве что курфюрсты. Его откровенно третировали и опасались лишь его военной мести. «Этот Фридландец» — обращение, за глаза пущенное в оборот как вождями Лиги, так и протестантскими лидерами. Кро-

ме того, продолжавшаяся война влекла за собой новые жертвы в рядах князей: гибель Филиппа Гессенского, графа Зольмса, смерть на чужбине Иоганна Эрнста, одного из несчастных братьев — герцогов Веймарских, не говоря уже о многочисленных отпрысках мелких имперских и земских дворянских родов, вызывали озлобление и готовность использовать любой подходящий момент для нового выступления. Внешне приведенный к смирению силой оружия блок протестантских семейств южной и западной Германии по-прежнему оставался идейным оппонентом курса Габсбургов. В то же время лидеры евангелического сообщества, и прежде всего курфюрст Саксонии, возмущались слишком жесткой, беспощадной решительностью Фердинанда. Возможности для маневра у группы лояльных протестантских сословий все больше сужались.

Во-вторых, опасались непосредственно имперской мощи. Армия Валленштейна — почти 100 000 человек — за относительно короткое время добилась невероятного успеха, по праву считалась одной из лучших в Европе: войска Лиги, при всех талантах Тилли и младших командиров, вряд ли могли конкурировать с ними как по численности, так и по боевому качеству. Кто мог противостоять этой армии, решишь Фердинанд на новые насилия? И кроме того, кормилась она исключительно за счет занятых ею областей, т. е. за счет имперских сословий. Здесь негативные оценки католиков и протестантов вновь совпали.

Наконец, в-третьих, эдикт о реституции означал в глазах протестантских лидеров и до той поры нейтралов сигнал к коренной перестройке всего религиозного компромисса. Если Фердинанд решился применить на практике аутентичное толкование Аугсбургского мира, то что могло помешать ему, располагая победоносной армией Валленштейна, пересмотреть и другие статьи в недалеком будущем? Правда, эдикт не распространялся на саксонские епископства Майссен, Наумбург и Цайц, признавая их собственностью курфюршеской семьи. Но подобная уступка явно не мешала Иоганну Георгу видеть мрачное будущее. Еще печальней обстояли дела у его южно-немецких единоверцев: при исполнении эдикта герцог Вюртембергский должен был лишиться едва ли не половины своих

владений, ибо скроены они были из земель, секуляризованных еще в XVI в. у трех десятков монастырей, которые теперь подлежали реституции. Столь же катастрофичным выглядело положение маркграфов Баденских. Можно было и не вспоминать имперские города, давно уже прибравшие к рукам имущество местных конвентов и монастырей. Более того, назначая новых администраторов из числа князей Церкви, Фердинанд явно протезировал родне: самая крупная епископия на севере, архиепископство Магдебург, была отдана его брату эрцгерцогу Леопольду Вильгельму.

Росли обиды и неудовольствие княжеских домов. К расколу элит теперь добавилось их общее противодействие короне. Причем протестантская половина, до крайности стесненная, была загнана в угол действием эдикта. Находясь в отчаянном положении, даже умеренные среди лютеранских князей потенциально могли использовать любую возможность для защиты. Фердинанд и его советники, воодушевленные успехом, не смогли или не желали останавливаться.⁴⁰ Так сохранялся импульс к продолжению «имперско-немецкой» войны. И вмешательство Швеции, как и прежде Дании, ничего не меняло в ее природе — с той лишь разницей, что теперь структурные сдвиги предопределяли ее крайне ожесточенный характер.

Глава 6

ОТ РЕГЕНСБУРГА ДО ПРАГИ: 1630—1635 гг.

Съезд в Регенсбурге и перелом. В июле 1630 г. на остров Узедом, близ Пенемюнде, почти в виду померанского побережья высадились 15 000 человек шведского войска. Ими предводительствовал сам король — энергичный Густав Адольф, только что подписавший перемирие с Польшей. Обычно эту дату считают началом «шведского» периода. Но мы видим: почва для продолжения трагедии уже была подготовлена собственно имперской конъюнктурой. Потому следует обратиться к точке отсчета нового кризиса, находившейся далеко от балтийских берегов, — к древней столице Баварии Регенсбургу. Она обозначилась почти одновременно с появлением «северного льва» и никак не была с ним связана.

Фердинанд вновь, как и после 1622 г., шел по пути получения наибольших выгод. Он мечтал укрепить свой авторитет признанием со стороны курфюрстов за старшим сыном прав римского короля, т. е. практически наследования престола *vivente imperatore* (при живом императоре). Кроме того, Вене было важно согласовать компромисс на итальянских рубежах Империи, где в 1628 г. развернулась ожесточенная борьба между претендентами на выморочный мантуанский лен, и тут были замешаны интересы Испании и Франции. Новый съезд князей собрался в Регенсбурге — городе, который потихоньку превращался в неофициальную столицу имперских ассамблей. Вопросы, вынесенные на обсуждение, не могли быть связаны со шведским вмешательством. Они лишь логично вытекали из новой имперской конъюнктуры.

Съезд открылся 3 июля 1630 г. прочтением имперской «препозиции» и завершился лишь в ноябре. Уже в его преддверии

чувствовалось: схватка предстоит нешуточная и во многом решающая для интересов короны. Почти с первых дней собравшимся чинам пришлось обсуждать также внешние дела: шведский король высадился на Узедом спустя три дня после начала съезда. Кроме того, ввиду продолжавшейся Мантуанской войны на съезде весьма представительно выглядела французская миссия. Но явились и уполномоченные итальянских княжеств, папский представитель. Вообще, съезд может считаться самым многочисленным перед Вестфальским конгрессом 1645—1648 гг.: почти 1500 лиц, так или иначе причастных к переговорам, собрались тогда на берегах Дуная. Впрочем, подчеркнем еще раз: комплекс внутренних проблем явно доминировал.

Критический настрой курфюрстов был очевиден: лидеры протестантского крыла, Иоганн Георг Саксонский и Георг Вильгельм Бранденбургский, вместо себя послали уполномоченных, и это был явный признак охлаждения их отношений с короной. Максимилиан Баварский был полон решимости низвергнуть Фридландца, духовные курфюрсты, особенно из Трира и Кельна, напоминали о необходимости одобрения инвеституры Валленштейна всей коллегией. Было ясно: избрание наследника увязывается с вопросом Валленштейна в первую очередь и с реституционным эдиктом — во вторую. На имперских уполномоченных обрушилась лавина жалоб: герцог Фридландский, чьи заслуги, конечно же, признавались, виделся главным виновником печального состояния всей Империи, финансового разорения и бедности подданных. Предлагалось сократить армию, упразднить практику реквизиций и вернуться к военным уложениям предшественников — императора Матфея и Рудольфа. В согласии с ними армией Империи должен был руководить либо родственник государя, либо один из курфюрстов. Командование предлагалось курфюрсту Баварии. Представители императора и он сам долго тянули с ответом. Они предпочитали выжидать и присматриваться, насколько прочен фронт оппозиции. Но иллюзии таяли с каждым днем. Наконец в августе Фердинанд пошел на попятную: он согласился пожертвовать своим генералиссимусом и реорганизовать главную свою боевую опору.¹

Валленштейн узнал о своей отставке в Меммингене, где была расположена его штаб-квартира. Он принял ее совершенно бесстрастно и в сопровождении пышного эскорта из 3000 лиц как настоящий триумфатор отправился на отдых в родные богемские поместья. Там ему суждено было коротать дни до роковых зимних месяцев 1631—1632 гг.² Имперскую «армаду» решено было сократить больше чем наполовину, переподчинить ее Тилли и таким образом восстановить мощь Лиги. Но, принеся в жертву своего протеже, Фердинанд ничего не добился в отношении наследника: курфюрсты отложили его избрание до лучших времен. То же касалось и эдикта о реституции: протестантам удалось добиться его замораживания на четыре года не без поддержки — правда, не явной — католических визави: курфюрст Баварии хорошо осознавал авторитет Саксонии для протестантских сословий и готов был, особенно в условиях начавшегося шведского вторжения и нестабильности в Италии, не перегибать палку.

Конечно же, съезд в Регенсбурге можно считать победой курфюрстов: впервые с 1618 г. перевес, и перевес ощутимый, оказался на стороне сословий. Для Фердинанда съезд стал очень тяжелым тактическим и стратегическим поражением. Ради наследования престола сыном последовательно было принесено в жертву все, включая эдикт, лучшую армию и ее генерала. Все оказалось напрасным! «Двоевластие» с Лигой восстанавливалось, структурный сдвиг сместился в обратную сторону.

Обрела ли Германия и Империя тем самым шанс на завершение войны? Кажется, в отличие от 1623 г., в этот период не было столь плавного перехода на следующую стадию кризиса. Не было в те летние месяцы и открытых центров сопротивления, исключая разве что ганзейский город Штральзунд, которым еще в 1627 г. напрасно пытался овладеть Валленштейн и который по очереди получал военную помощь от Дании и Швеции. Состоялся пусть и хрупкий, но компромисс. Но можно смело утверждать: шведский успех последующих месяцев никогда бы не обрел столь впечатляющего размаха без готовности к возобновлению борьбы. Путь складывания новой оппозиции оказался нелегким и долгим, но его прошли и союзные шведам сословия, и сам король.

Мантуанское наследство (1627—1631 гг.). Часто войну за Мантуанское наследство считают частью Тридцатилетней войны. Рождение мифа здесь столь же обязано национальным чувствам историков, что и появление ее так называемого смоленского этапа с подачи Б. Ф. Поршнева: еще в 1926 г. итальянский историк Ромоло Квацца впервые обозначил итальянским периодом войны ход борьбы за северную Италию с 1627 г.³

Бесспорно, сам конфликт можно считать продолжением большой европейской политики, проводимой и Францией, и Испанией, и Империей, коль скоро речь зашла о ее ленах. Все-таки Империя была наследницей Штауфенов и уже с конца XV в. испытывала тягу к «неогибеллинизму»: Габсбурги мечтали о возрождении своего влияния в Ломбардии и Милане. К тому же спор разгорелся вокруг весьма болезненного разграничения испанских и собственно имперских зон влияния: уступать ни испанским родственникам, ни Бурбонам в Вене не желали. В Париже, напротив, отдохнув от взятия Ла-Рошели, напрягали все усилия к разрыву габсбургского полукольца. Когда в 1627 г. скончался еще молодой Винченцо II Гонзага (1594—1627), последний из знаменитой династии властителей маркграфства Мантуя, Фердинанд поторопился объявить его наследство выморочным леном и даровал его герцогу Савойскому Карлу Эмануилу (1562—1630), еще одному леннику на северо-западе Италии, тяготившемуся перспективой французского патронажа, хотя и поддерживавшему в свое время протестантскую партию в Империи. Но тотчас руку за наследство протянул Карл (1580—1637), владевший герцогствами Невер и Ретель, супруг племянницы покойного герцога и ставленник Парижа. Спорные владения распались на две части: на западную, с центром в Мантуе, и восточную, ютившуюся в отрогах Пьемонтских Альп, где опорной точкой служила цитадель Казале. По совету испанских дипломатов Фердинанд поначалу не пытался наотрез отказать герцогу Неверскому в инвеституре: он хотел лишь выиграть время и ввести в управление секвестром имперских комиссаров. Тем не менее Невер вступил в Мантую, потребовал присяги сословий и сильно укрепился на западе в землях Монферрато, где его гарнизон занял сильнейшую цитадель Казале. Более того, по совету Ришелье он начал переговоры

с герцогом Савойским, надеясь самостоятельно договориться о разделе. Терпение Фердинанда лопнуло. Подталкиваемый собственной супругой, сестрой покойного герцога, он распорядился направить в Италию войска. Валленштейн до последнего пытался отговорить своего августейшего патрона. Он указывал — и справедливо — на негативный европейский резонанс и неготовность вести войну на юге, когда только что закончилась кампания на севере. Он и без того был вынужден помогать испанцам, оказавшимся в трудном положении, когда войска Штатов вновь блокировали Берген-оп-Зом, да еще послать 15 000 вспомогательного корпуса польскому королю, скованному шведским наступлением в западной Пруссии. Но Фердинанд был непреклонен. Четырнадцать тысяч пехотинцев и конников отправились в Милан во главе с графом Колальто и Матфеем Галласом. Почти одновременно в начале 1629 г. в Монферрато вступили французы, предводительствуемые самим Ришелье. Они заняли Казале, развязав, таким образом, Неверу руки на востоке в схватке за Мантую.

Впрочем у Колальто и Галласа сил оказалось больше, хотя чума беспощадно выкашивала ряды как осажденных, так и осаждающих. В июле 1630 г. герцог Неверский еще держался в цитадели, но союзные венецианцы так и не смогли пробиться на выручку. 18 числа он пошел на переговоры и сдал жемчужину восточной Ломбардии. Немедленно вслед за тем начался дикий грабеж. Имперские генералы, не стесняясь, хозяйничали в старой резиденции, вывозя несметные сокровища древней династии. Итальянцы горько оплакивали катастрофу. Для них она была сродни разгрому Рима при Карле V — *Sacco di Mantua*. К тому же северные области нещадно опустошались эпидемиями. Вообще, 1630 г. стал символическим и реальным пиком упадка городов, сел и торговли северной Италии XVII в.

Впрочем, если императорские генералы смогли отбить Мантую, то их испанский союзник, знаменитый Амброджо Спинола, ничего не мог поделаться с отважными французами, защищавшими Казале. Там отчаянно защищался маркиз де Туара. В начале года французам удалось захватить Пиньероль — ключ к альпийским проходам, разрезавшим коммуникации врага. Кризис кампании минул, маневры уступили место изматываю-

щему стоянию, снабжение осаждающих оставляло желать лучшего, свирепствовала чума. Так и не добившись успеха, Спинола 4 сентября пошел на перемирие, отдававшее город Казале испанцам и оставлявшее цитадель французам. Спустя несколько дней знаменитый покоритель Остенде и Бреды умер, а из Асти подошли вспомогательные силы французов во главе с Шомбергом. Наконец, пришла весть о заключении еще 13 октября соглашения в Регенсбурге. Окончательное замирение — правда, всего на несколько лет — состоялось 6 апреля 1631 г., к большой выгоде для Франции. Немалая заслуга в этом принадлежала агенту Ришелье в его итальянских делах и большому мастеру переговоров Джулио Мазарини де Пешина, позже сменившего всемогущего премьера у французского трона. За Францией остался контроль над горными проходами в Пьемонте, включая Пиньероль. Ее же ставленник получил лишь половину Монферрато, северные земли отошли к Савойе. Испания отказалась ратифицировать соглашение, прекрасно понимая, что инициатива в Италии перешла к Бурбонам. Ришелье и французы стали главной выигравшей стороной. Император, быть может, и сохранил свои лены, но его главный союзник отныне был ослаблен.

Безусловно, спор за Мантую касался Империи, но лишь опосредованно — за счет отзыва части императорских войск. И это дополнительно раздражало олигархию курфюрстов и большинство сословий, полагавших, что итальянские интересы являются лишь источником дополнительных проблем.

Причины шведского вторжения. О причинах шведского вмешательства спорили раньше и спорят до сих пор. Траектория дискуссии описала своеобразную дугу: начиналась она с изложения «религиозной причинности» (Густав Адольф как рыцарь протестантизма, «северный лев», бескорыстный защитник св. Евангелия), принадлежащего ангажированным историкам первой половины XIX в., и кончалась воссозданием «политических мотивов» — последнее выдвигал на передний план крупнейший знаток Тридцатилетней войны из числа «малогерманцев» Густав Дройзен-младший в своей двухтомной биографии шведского короля. Время потихоньку ослабило прежний полемический задор. Национал-религиозная пристрастность

сменилась углубленным структурным подходом (Майкл Робертс), а еще позже, ближе к концу XX в., она и вовсе исчезла под давлением культурно-антропологического синтеза: религиозная предубежденность шведского короля вполне гармонировала с его «государственным прагматизмом». Отделить одно от другого невозможно: акцентируя одну ипостась его намерений или действий, мы немедленно утрачиваем логику ее оборотной стороны. Возникает замкнутый цикл, своего рода круг рассуждений, выйти из которого непросто защитнику «базиса» и «надстройки» — тем историкам, которые все еще видят в вере лишь ширму для масштабных «реальных» намерений. Новые исследования, охватывающие повседневную жизнь короля, культурно-исторический аспект его кампаний и феномен посмертной мемории кажутся гораздо более продуктивными опытами политико-экономической «селекции».⁴

Густав Адольф долго размышлял, прежде чем бросить горящий факел на немецкий берег. Он давно уже интересовался делами Империи. Более того, его давно уже просили вмешаться немецкие радикалы — со времен Мансфельда и несчастной для них датской кампании. Контакты шли своим чередом, тем более что династические связи лишь облегчали их: супруга короля представляла дом берлинских Гогенцоллернов. Насколько, впрочем, реальны были намерения Густава Адольфа организовать вторжение в 1626 или 1628 г., судить невозможно: меняющаяся ситуация на Балтике долго поглощала его внимание.

Король только что завершил польскую войну. Блестяще начатая взятием Риги в 1621 г. и очищением Лифляндии, она позже завязла в дюнах и болотах западной Пруссии. В 1629 г. после долгих переговоров в конце концов было заключено перемирие, отдававшее Швеции все земли Речи Посполитой к северу от западной Двины, включая Ригу. Тому немало содействовала французская дипломатия, желавшая подтолкнуть короля к германскому вторжению. Сам король, уже помогавший Штральзунду и превративший его в своего рода плацдарм на немецком берегу, остро нуждался в деньгах для немецкого похода. Финансы Швеции были исчерпаны польской кампанией. Тем не менее весной 1630 г. в Стокгольме Густав Адольф уже чувствовал себя готовым к экспедиции и энергично руководил

сборами. Прощаясь с дочерью — малолетней Христиной — и сословиями, король указал на необходимость защиты единоверцев, исполнения евангелической миссии и защиты интересов короны на берегах Балтики: обе причины сливались в одну. В Стокгольме в роли его alter ego остался Аксель Оксенштирна, канцлер и дипломат в одном лице. Но, высадившись на немецком берегу, король лишь несколько месяцев спустя повелел издать знаменитый Штральзундский манифест, объявлявший его священную миссию.

Шведы в Штеттине. Силы вторжения и реакция сословий. Возобновление внутренней войны. Лишь только со взятием Штеттина 18 июля — главного города герцогства Померания — Густав Адольф получил прочную опору. Но дальнейшее продвижение стопорилось трудными переговорами с Богуславом Померанским. Герцог, лишившийся всех своих братьев, последний в роду Грайфенов, очень не хотел портить отношения с короной и откровенно боялся мести Фердинанда. К тому же шведы желали получить не только крепость, но и прочный плацдарм, хорошо укрепленный тыл для последующих операций. Они требовали половину Померании, после смерти герцога, как залог за его безопасность в течение войны. При этом, впрочем, оговаривалось: союз не направлен против императора и имперского мира. После заключения этого формального договора король наконец развязал себе руки для продвижения на юг по линии Одера.

Под рукой у Густава Адольфа на первых порах было не более 3000 конников и 10 000 пехотинцев — все, что он привел на транспортах, числом 37, из Швеции. Располагая надежным тылом в Померании, он в течение последующих месяцев получил еще около 23 000 человек подкрепления из Пруссии, Лифляндии и с польского театра. В это же число входило 6000 человек штральзундского гарнизона и свыше 100 легких и тяжелых пушек, изготовленных в Швеции.

Король планировал, оттолкнувшись от низовий Одера, развернуть наступление гигантским веером, расходящимся на запад (Мекленбург), юго-запад (Везер, Магдебург) и юг (линия Одера и Силезия). Уже тогда он собирался для этой цели сосредоточить пять небольших и мобильных армий, придав им

самостоятельную роль в рамках общей стратегической координации. План был крайне рискован: на столь широкой дуге противник мог легко отыскать слабые точки, чтобы разъединить и разбить шведские силы поодиночке. Но исходные позиции не оставляли королю иного выхода: приходилось под защитой Одера и его притоков выдвинуться из надежного померанского укрытия, прежде чем оно станет западней. К тому же императорские войска при всей своей многочисленности на бумаге оказались почти небоеспособны на деле. Ослабленные дезертирством, вспышками эпидемий и отсутствием единоначалия, полки Торквато Конти в Мекленбурге и Тиффенбаха в Силезии держались пассивно и таяли на глазах. О длительности кампании и долгосрочных целях тогда еще не говорили, их, видимо, еще тщательно не обдумывали, и это служит верным указанием на желание короля поначалу лишь испробовать немецкую почву.

Но главным препятствием оставались отнюдь не военные дела: единоверные сословия северной Германии почти не шелохнулись при появлении «северного льва». Неистовую пропаганду развернуло лишь протестантское духовенство, позже щедро задобренное шведскими деньгами. Никогда прежде печатный станок в Европе столь целенаправленно и продуманно не подчинялся воле суверенной силы. Множество агентов из числа немецких литераторов и книгоиздателей не покладая рук трудились на благо шведского короля. В балтийских городах — в Штральзунде, Гамбурге, Любеке — расходились по рукам и попадали в глубь Германии десятки и сотни листовок и памфлетов, славословящих пришествие спасителя, направленного Промыслом.⁵

Но князя медленно и с опаской шли навстречу пожеланиям короля Швеции. Поначалу прибывших в шведский лагерь оказалось вообще лишь трое: граф Филипп Райнхард фон Зольмс, ландграф Вильгельм Гессен-Кассельский и молодой герцог Бернгард Веймарский. Хрупкий мир, казалось, еще теплился. Сам король своей властью водворил в Мекленбург изгнанных герцогов, строго выговаривая сословиям за их пассивность при разграблении земли валленштейновскими войсками. Повсюду звучали слова о желании лишь восстановить справедливый для

единоверцев мир. Прямых выпадов против императора пока не звучало.

Положение изменилось ближе к концу года. Агенты короля и его сторонники развернули агитацию в центральных и южных округах, тайно, а где и открыто вербуя желающих поступить к нему службу. Особенно успешно дело продвигалось в северном Гессене, Франконии, на берегах Везера. Именно оттуда понемногу устремился ручеек немецких рот, эскадронов и полков, превратившийся весной следующего года в настоящий поток. Он безудержно разбавлял шведско-финское ядро королевской армии, сделав из нее к решающей кампании настоящий интернационал, в котором число скандинавов все время сокращалось. Всюду на командных должностях уровня эскадронов и рот оказывались дворяне уроженцы Гессена, нижнего Рейна, Веттерау, Франконии, Швабии и Вюртемберга. Немало их уже имело тогда полковые жезлы.

Лейпцигский конвент (февраль—апрель 1631 г.). Но решающий сигнал последовал лишь после выступления лидеров. Курфюрст Саксонии чувствовал себя совершенно неудовлетворенным решениями регенсбургского съезда по части эдикта о реституции и требовал его полной отмены. К тому же император неожиданно стал настаивать на возвращении себе обоех Лаузицев взамен далекого Мекленбурга, формально все еще числившегося за Валленштейном. Пугала его и высадка шведов, за которой проглядывало туманное будущее. Иоганн Георг счел момент благоприятным и сделал решительный шаг. В конце февраля он созвал в Лейпциг все протестантские сословия Империи. Предлог казался подходящим: для обсуждения вопросов, связанных с отсрочкой эдикта, Фердинанд еще в конце года назначил так называемый «композиционный», т. е. совместный, съезд католиков и протестантов во Франкфуртена-Майне. Лейпцигская ассамблея формально призвана была выработать предварительное мнение для прений во Франкфурте. Конвент начал свою работу 26 февраля. На нем появились представители свыше 130 сословий, включая до той поры умеренных лютеран и «раскаившихся» радикалов, таких как Вильгельм Веймарский, сложивший оружие после датской кампании, или Вильгельм V Гессен-Кассельский, искавший любой

предлог для нового выступления. Прибыли и представители имперских городов: Любека, Ульма, Нюрнберга, Страсбурга, Франкфурта-на-Майне, Нордхаузена, Мюльхаузена. Не замедлили явиться и посланцы шведской короны из числа немецких дворян и французские представители, справедливо увидевшие в конвенте первый серьезный сигнал к началу нового внутреннего кризиса. Действительно, со времен Унии то было первое столь масштабное представительство протестантской половины Империи.⁶

Уже только это указывало Фердинанду на начало нового раскола. Другим явлением стала неслыханная доселе религиозная консолидация: впервые нарочито демонстрировалось единство двух ветвей протестантизма в борьбе с общим врагом — «папистской тиранией». Духовные лидеры кальвинистов и лютеран — саксонцы Лейзер, Гоз фон Гознегг и бранденбуржец Бергиус — ни словом более не выдавали религиозных пристрастий. Гоз, этот бич кальвинистов, за девять лет до того публично равнявший по 99 пунктам «кальвиниан» с «папистами» и турками, открыл конвент проповедью на 83-й псалом. Все в ней дышало апокалиптическим духом и готовностью бороться до конца с врагами веры. Сам император в устах лютеранского ортодокса был «вредителем» собственного авторитета и чести «возлюбленного отечества», властителем во власти антихристовых слуг!⁷ Собравшиеся 28 марта приняли манифест, объявлявший эдикт о реституции нарушением имперского права, и потребовали его отмены. Манифест подписали все, кроме Богуслава Померанского, герцога Веймарского Бернгарда и еще нескольких князей и представителей городов, поступивших так не из-за страха, а в силу уже взятых на тот момент обязательств перед шведской короной. Французы радовались антигабсбургскому настрою и просили лишь об умеренности в отношении самой Католической церкви и ее иерархов в Империи. Союзники шведского короля усматривали в конвенте возможность общей консолидации с участием шведов. Иоганн Георг 4 апреля отослал лейпцигский манифест императору и призвал собравшихся к формальному объединению. Так возник так называемый Лейпцигский союз во главе с Саксонией, изъявившей готовность подкрепить его вооруженными сила-

ми: планировалось выставить 40 000 пехотинцев и всадников. Разумеется, курфюрста прельщала идея «третьей партии» и не могла радовать перспектива шведских успехов: здесь Иоганн Георг был образцовым защитником имперского суверенитета. Он подчеркнуто дистанцировался от союза с королем. Когда же довольно быстро стало ясно, что большинство собравшихся не желает жертвовать деньги, курфюрст решил провести собственную мобилизацию. Под ружьем оказалось 11 000 годных к бою людей. Командование ими было поручено выходцу из старой бранденбургской семьи Иоганну Георгу Арниму, недавно покинувшему службу в армии Валленштейна, — явный расчет на самостоятельное использование военного инструмента.

Но Фердинанд и здесь не усмотрел начало будущей катастрофы. Он отказывался признавать важность сильной нейтральной группы: для него она лишь образовывала часть универсальной структуры с короной во главе. Собравшаяся в Лейпциге знать виделась ему, как в 1621 и 1625 гг., горсткой смутьянов. Он потребовал (14 мая) распустить союз и стал угрожать репрессиями.

Мосты были вновь сожжены. «Двоевластие» с Лигой, вернувшееся за год до этого, теперь с участием Лейпцигского союза неожиданно оборачивалось «троевластием». Точки равновесия исчезли: партия нейтралов рассыпалась, преобразовавшись в противовес короне. Структурные перемены, с 1618 г. описав дугу, казалось, вернулись весной 1631 г. к исходному пункту. Но теперь за спиной у «третьей силы» маячила реальная мощь шведской армии. Даже если Лейпцигский альянс очень скоро обнаружил внутреннюю слабость и неготовность, кроме Саксонии, идти на большие жертвы, он сигнализировал о настоящей пропасти в отношениях с короной. И тем сильнее обнажалась ведущая роль саксонского курфюрста: он неизбежно становился главным стратегическим и политическим партнером шведского короля, коль скоро тот серьезно желал перенести операции в глубь Германии. С весны 1631 г. будущее Империи напрямую зависело от военных успехов шведов и их диалога с Саксонией.

Договор в Бервальде. Между тем масштабные операции, особенно с появлением первых немецких контингентов, требо-

вали от Густава Адольфа больше денег. Казна Стокгольма была изрядно опустошена уже давно, и в этом смысле весь расчет на успех экспедиции строился на обретении местного финансирования. Но при, как оказалось, очень скромном участии «освобожденных» надеяться приходилось лишь на дружественные державы. И здесь на помощь пришла Франция. Обе стороны верно оценивали интересы друг друга: французы мечтали как можно больше ослабить венских Габсбургов, связав их внутренней войной и не давая помочь родственной им Испании, а король Швеции — содержать собственную армию столько, сколько это будет необходимо. Отдельно, впрочем, оговаривались интересы Лиги: Ришелье не хотел допустить ее распада из-за добрых отношений с Максимилианом и желания использовать его против императора. Не случайно уже в мае в Фонтенбло Максимилиан получил невнятные, но все же гарантии от французской короны, включая признание курфюршеских прав на Пфальц.⁸

Как бы то ни было, 23 января 1631 г. в Бервальде, под Берлином, было заключено соглашение между Стокгольмом и Парижем. Шведская армия, по сути, превращалась в содержанку от французских денег, как столетием позже — армия Фридриха Великого от денег английских. Но Густав Адольф отныне мог располагать средствами на оплату почти 40 000 мушкетов и сабель, а Оксенштирна в Стокгольме — разгрузить казначейство: два миллиона талеров расходов в 1630 г. снизились до 130 000 в 1632 г.⁹

От Одера до Эльбы: Гарц, Нойбранденбург, Франкфурт (январь—апрель 1631 г.). В Лейпциге еще шли переговоры, но король уже приступил к исполнению своего замысла. Мекленбург и передняя Померания были очищены, главная армия с января методично поднималась вверх по течению Одера, укрепилась в Гарце и вступила в земли курфюршества Бранденбург. Опорной точкой в тылу у лигеров оставался Магдебург — крупнейший город на Эльбе с числом жителей более 20 000 человек. Он уже прославился столетием раньше, отказавшись ввести Интерим и сдать императорским войскам после окончания Шмалькальденской войны. Тогда город приобрел славу «канцелярии Господа Бога» — по огромному числу лю-

теранских проповедников, нашедших в его стенах прибежище и развернувших кипучую пропаганду. Через город проходили важнейшие дороги в центральную и южную Германию, а сам он представлял идеальной базой для снабжения многочисленной армии. Уже с осени 1630 г. горожане ожидали шведский гарнизон и готовы были присоединиться к королю. Тайно прибывший в начале 1631 г. в Магдебург гессенец, полковник Фалькенберг, имевший верительные грамоты от короля, энергично принялся организовывать оборону. Бóльшим Густав Адольф пока помочь не мог. Но и Тилли, приняв командование над остатками потрепанных войск, не мог блокировать наступление главной армии: подобно кинжалу она медленно погружалась в тело бранденбургских владений, угрожая отрезать Силезию от главного театра.

Только к началу апреля Тилли сумел наконец сосредоточить в междуречье Эльбы и Одера до 70 000 человек. Считая, что сил для этого достаточно, он попробовал отбросить шведов обратно в Померанию. Очевидно, что для начала следовало бы лишить короля его главного плацдарма к востоку от Эльбы — города Нойбранденбурга. Однажды принятое решение Тилли исполнял с обычной для него энергией. Имея под рукой 18 000 солдат, он 14 марта появился перед городом, спустя три дня начал бомбардировку, а 19 марта разом с трех сторон атаковал внешние укрепления. Шведы защищались отчаянно, завалили бреши кирпичом и землей, отбили Новые ворота, но были сломлены подавляющим числом врага. Будучи разъяренным мужеством защитников и оплатив успех операции жизнями полутора тысяч своих людей, Тилли не стал мешать кровавой вакханалии, устроенной его солдатами на улицах и в домах. Мертвых и раненых защитников свалили в одну чудовищную кучу, посыпали порохом и сожгли. Еще сто лет спустя горожане помнили те ужасные часы покаянными молитвами («день Тилли»).

Но потеря Нойбранденбурга не могла остановить короля. Густав Адольф все время маневрировал по линии Одера, с ловкостью лиса выбирая удобный момент для прыжка на западный берег. Наконец, усилившись шотландцами Хебарна и Монро, он появился под Франкфуртом. 13 апреля последовал общий штурм. «Желтой» и «голубой» бригаде пришлось преодолеть

вать храбрость ирландцев, под началом полковника Бутлера защищавших стены. Бутлер, раненный в руку, а с ним и несколько старших императорских офицеров, попали в плен. Почти весь трехтысячный гарнизон подвергся поголовному истреблению — шведы не могли простить резни в Нойбранденбурге. На вопли о пощаде они лишь кричали: «Это милость по-нойбранденбургски!» («Neubrandenburgische Quartier!»).¹⁰

Только теперь Тилли понял, что комбинированный успех невозможен: на востоке против главных сил короля и в тылу против Магдебурга. Выбирая между нависшей угрозой прямого прорыва с одерских переправ и уже существующей глубокой занозой, имя которой был Магдебург, фельдмаршал решил закончить с последней. Намерение Тилли оправдывалось вполне: даже потеряв опорные пункты по Одере, он мог в случае взятия Магдебурга рассчитывать на линию Эльбы. В худшем случае это была бы потеря территории, но не проигрыш кампании. Более того, отодвигая театр на юг, он облегчал себе коммуникации с центральной Германией.

Магдебург (10 мая 1631 г.). В конце месяца Тилли бросил все силы для взятия этой ключевой точки. Король не мог допустить падения Магдебурга и с началом весны бомбардировал своего бранденбургского тестя просьбами о пропуске войск к Эльбе. Он даже предлагал ему соединенными силами обрушиться на лигерос с обоих берегов. Курфюрст слишком боялся императора и не решался открыто поддержать родственника. Просьбы остались не услышанными, и это имело катастрофические последствия.

Между тем город, зажатый в кольцо блокады, бурлил изнутри: все больше жителей, страдавших от бомбардировок и голода, склонялось к мысли о перемирии, под которым подразумевалась сдача. Напротив, лютеранское духовенство, часть купечества и шведские офицеры во главе с Фалькенбергом готовы были защищаться до последнего, надеясь на помощь короля.

В течение апреля одно за другим пали городские предместья — либо взятые лигерами, либо сожженные защитниками из-за невозможности оборонять столь неправильную линию городских стен. Наконец, потеряны были и таможенные шанцы на Эльбе, связывавшие два рукава реки. В начале мая го-

род защищали лишь ров, внешний обвод средневековых стен и рavelины с севера и юга — «новый редут». Тилли несколько раз предлагал горожанам сдаться, всякий раз подкрепляя свои слова огнем нескольких десятков тяжелых пушек и мортир. Городской совет просил посредничества Ганзы, тянул время и отказывался сложить оружие. Решающий штурм Тилли назначил на раннее утро 10 мая, но непоседливый Паппенгейм уже ночью развернул свою колонну перед северо-западным углом крепости, напротив Высоких ворот. Ночью еще заседал совет, рассматривая последние предложения фельдмаршала. Фалькенберг горячо убеждал бургомистров стоять намертво и ждать короля, как вдруг раздались первые выстрелы. Выбежавший на улицу Отто Герике, один из городских советников, увидел первые группы ворвавшихся хорватов. Немедленно ударили в набат с церкви Св. Иоанна. Фалькенберг поднял по тревоге полк Троста и устремился к уже захваченным северным воротам. Противник оттуда был вытеснен, на какую-то секунду показалось, что штурм можно отбить. Но почти тотчас же пуля сразила храброго гессенца. Его, еще живого, подхватили и отнесли в дом у Высоких ворот, который вскоре загорелся. Горожане и шведы защищались отчаянно, но с гибелью Троста и капитана Шмидта оборона лишилась всякого руководства. Борьба распалась на отдельные очаги. Победители устроили кровавую бойню: убийства и грабежи превзошли все мыслимые масштабы. Предел бесчинствам положил лишь пожар, начавшийся вечером того же дня на окраинах и с чудовищной силой пожравший почти весь город при резко усилившемся ветре. Испепеляющий жар выгнал из домов и победителей, и их жертв: спасаясь от огня, люди бежали к реке и в предместья. Уцелело, как полагают, не более 2000 человек, сгрудившихся под сводами кафедрального собора Св. Марии. Тилли и Паппенгейм вступили в дымящиеся руины лишь на третий день. То была самая кровавая победа полководца Лиги — венец его военной карьеры.

Сам он, отправляя реляцию Фердинанду, сравнивал свой триумф с разрушением Трои и Иерусалима. Но как военачальник граф прекрасно понимал: пожар уничтожил надежду на приобретение твердого опорного пункта на линии Эльбы. Катастрофа Магдебурга вызвала неподдельную скорбь и бурные

эмоции у немцев. В лагере протестантов ее сравнивали с актом мученичества за веру; в лагере врагов ее называли «женитьбой на строптивой деве» или «магдебургской свадьбой» (Magdeburger Hochzeit), имея в виду изображение на гербе города и этимологию топонима.¹¹ Свыше 300 листовок и брошюр разлетелись по горячим следам трагедии. Спустя столетия вспыхнул спор о ее виновниках. Историки XIX в. ответственность возлагали то на генерала Паппенгейма, якобы повелевшего поджечь дома, дабы быстрее сломить сопротивление защитников, то на коменданта Фалькенберга, поклявшегося не отдавать врагу города в целости и сохранности. Подозревали даже шведского короля: он якобы нарочно не торопился с подмогой. Трагедия могла напугать немцев и заставить сплотиться под королевским знаменем. Черту под дискуссией во многом подвело фундаментальное исследование Карла Виттиха, всецело основанное на первичных источниках: донесениях и свидетельствах очевидцев. Для него Фалькенберг стал Ростопчиным Магдебурга — подобно московскому градоначальнику в 1812 г., гессенец уничтожил все плоды вражеского триумфа.¹²

Сегодня немецких историков интересует преимущественно историко-культурный аспект: восприятие трагедии, ее место в пропаганде двух лагерей. Бургомистр Герике (1602—1686), чудом спасшийся, позже служивший шведам и ставший знаменитым естествоиспытателем, оставил нам одно из главных свидетельств — свой дневник, со страниц которого льются горькие признания и упреки в нежелании общины сплотиться перед лицом фатальной опасности.¹³

От Магдебурга до Коссвига (май—сентябрь 1631 г.). Судьба несчастного Магдебурга подтолкнула короля к решительным действиям. Шведы появились в окрестностях Берлина, их пушки были наведены на цитадель. Напуганный Георг Вильгельм Бранденбургский сдался: он принял покровительство короля и отдал ему в залог Шпандау с арсеналом, все крепости и право свободного передвижения по его владениям. Переход курфюрста в лагерь противников Габсбургов означал окончательный крах «третьей партии» и одновременно — опоры Империи в лице умеренных. Раскол элиты противопоставил силы, внешняя война вновь обернулась внутренним противостоя-

нием. Иоганн Георг Саксонский все еще упорствовал, явно не желая связывать себя обязательствами со шведской короной. Но с каждым месяцем у него сокращалось пространство для маневра. Фердинанд пригласил его и остальных нейтралов во Франкфурт, где предлагалось еще раз обсудить все спорные вопросы, — это было последнее усилие удержать княжеский Олимп от распада. Но большинство прекрасно понимали: то лишь предлог задержать военный кризис. Исход борьбы теперь зависел от прямого противостояния короля и Лиги.

Лишившись с потерей Магдебурга лучшей опорной точки на Эльбе, король методично стал закрепляться вблизи бренденбургских владений. Он вышел к Эльбе у Вербена, имея в тылу земли родственника-курфюрста и нависая над Ангальтом и Саксонией с севера. Тилли все еще надеялся вытеснить короля из междуречья. Но его попытка выманить и выбить шведов из хорошо укрепленного вербенского лагеря стоила слишком дорого. Король, искусно комбинируя полевой лагерь с крепостными бастионами, занял почти неприступную позицию, и Тилли пришлось отступить, потеряв много людей (7 августа 1631 г.).

Если бы королю удалось соединиться с курфюрстом, судьба кампании была бы решена. Тилли прекрасно отдавал в этом отчет и потому, невзирая на пока еще нейтральный статус Саксонии, устремился в ее северные пределы, желая сохранить коммуникации с югом и рассчитывая на подкрепления из Вестфалии и Гессена. Гарнизон Лейпцига был блокирован, подвергся бомбардировке и выбросил белый флаг (начало сентября 1631 г.). Но вторжение лигеров лишь ускорило сближение Иоганна Георга с королем. В Косвиге (Ангальт) 10 сентября оба государя приветствовали друг друга и заключили оборонительный и наступательный союз. Правда, заявлен он был лишь от собственного имени: курфюрст до конца не хотел выглядеть «системным» врагом Империи. Шведы оставались для него «друзьями поневоле», пока Лига и император не образумились и не прекратили поправление «немецких свобод».

Как бы то ни было, король теперь мог рассчитывать на саксонцев, силы которых — пехота и кавалерия, спешно собранные весной и летом, — достигали почти 18 000 солдат во главе с Арнимом. Решено было искать генеральной встречи.

Брейтенфельд (17 сентября 1631 г.). Тилли, который считывал иметь дело только с саксонцами, был удивлен, узнав о столь быстром соединении курфюрста со шведами. Он уже не мог маневрировать и тем более отступать, оставляя за собой многочисленных врагов: это означало бы проигрыш всей кампании. Полководец Лиги лишь закрыл дорогу на Лейпциг с севера, сохраняя при этом путь отхода на юго-запад и располагаясь в полоборота к наследственным землям курфюрста.

Знаменитой битве суждено было разыграться на равнине между деревнями Подельвиц и Брейтенфельд, слегка поднимавшейся на южной стороне — там, где протянулись позиции лигеров. Тилли посчитал это преимуществом, разместив на высотах почти всю свою артиллерию и расположив у их подножия войска одной линией. Старый фельдмаршал лишь повторил построение под Луттером. Давний миф о терциях пехоты, якобы громоздившихся в центре его позиций, следует приписать только мифу: опытный генерал давно уже использовал подобие линейного порядка — с той лишь разницей, что его эскадроны и полки обладали большей глубиной, нежели у шведов. На левом крыле развернулась тяжелая немецкая конница во главе с буйным Паппенгеймом, центром командовал сам фельдмаршал, правым флангом, голштинцами и итальянцами — Фюрстенберг. Боевой порядок, несомненно, указывал на готовность войск Тилли нанести удар первыми.

Король, предоставив саксонцам левое крыло, занимал со своими шведами центр и правый фланг. Свои порядки он развернул обычным образом — двумя линиями, перемежая пехотные бригады эскадронами конницы, а между ними расположив легкую артиллерию по два-три ствола полевых фальконетов, выдвинутых перед фронтом. Центром предводительствовал сам Густав, правым флангом — Горн, второй линией — Торстенсон. Общая численность саксонцев и шведов, чьи ряды были уже сильно разбавлены немцами, доходила почти до 40 000, у Тилли — до 37 000 человек.

Сражение открылось в предрассветные часы короткой артиллерийской дуэлью, причинившей шведским линиям изрядный урон, пока их не отодвинули назад — в зону, недосягаемую для ядер и гранат, летевших с высот. Вслед за тем Тилли

повел энергичное наступление своим правым флангом. Пехота и конница Фюрстенберга смяла и рассеяла саксонцев. Пушки были отняты и повернуты против шведов. Лишь четыре полка саксонской гвардии прислонились к флангу короля и устояли под убийственным огнем собственной артиллерии. Курфюрст, считая дело совершенно проигранным, бежал со своим штабом, сделав остановку лишь в Эйленбурге. С ужасом Иоганн Георг ожидал развязки — и войны, и своей участи. Наступила критическая минута. Король, сохраняя хладнокровие, велел резервам Торстенсона развернуться фронтом на запад и прикрыть обнаженный фланг. Маневр шведов оказался для Фюрстенберга совершенно неожиданным. Конница, погнавшись за саксонцами и принявшись грабить их обоз, рассеялась. У графа уже не было возможности собраться с силами для новой атаки. Одновременно на противоположном конце Паппенгейм, почти уверенный в победе, повел в атаку пять полков своей тяжелой кавалерии. Земля задрожала под копытами 5000 лошадей. Но шведы, исполненные хладнокровия, подпустили их на 30 шагов, встретили дружными залпами мушкетов и лесом пик. Вторая их линия, как и на саксонском фланге, примкнула к первой. Одиннадцать раз неистовый Паппенгейм возобновлял свои атаки. Его конница, обескровленная и измотанная, в конце концов рассеялась и бежала, оставив перед фронтом шведов груды мертвых лошадей и всадников. То, что до сих пор приносило Тилли столько побед — удары по флангам, теперь обернулось поражением. Король, увидев, что неприятельский центр никем более не прикрыт, тотчас дал сигнал к общему наступлению и сам с двумя полками финских драгун бросился на высоты. Батареи лигеров были взяты, прислуга изрублена, пушки развернуты, и скупенной пехоте Тилли пришлось на себе ощутить силу огня собственной артиллерии. Ядра валили людей десятками.

Победа была полной. Остатки конницы и пехоты бежали по направлению к Галле. Тилли несколько раз рисковал быть захваченным в плен и чудом спасся только благодаря расторопности своих адъютантов и пажей. Шведы преследовали, рубили и брали в плен вплоть до наступления темноты. Разгоряченный боем король подобно метеору появлялся в самых опасных ме-

стах. Лишь в шестом часу вечера последовал приказ разбить биваки. На виду у всех «лев севера» подкрепился кружкой воды и холодной курицей. Потери лигеров составили до 6000 убитых на поле боя, к которым следует добавить еще почти 3000 павших под цепами и топорами озлобленных крестьян во время бегства. По меньшей мере было столько же и пленных. Победителям досталась вся артиллерия и 120 знамен и штандартов, подобранных или захваченных на поле битвы. Союзники оплатили успех 2000 жизней. Курфюрст Саксонии, вызволенный из своего убежища в Эйленбурге, едва ли рассчитывал на такой исход и сердечно благодарил короля. Так закончился этот знаменитый день, воспетый протестантской Европой и Германией.¹⁴

От Брейтенфельда до Майнца (сентябрь—декабрь 1631 г.). Победа была блестящей. Но как ею воспользоваться? Возникла дилемма: либо общими силами вторгнуться в наследственные земли императора и постараться из Богемии добраться до Вены, либо разделить армию и предпринять двойное наступление — на запад, вглубь Германии, и на юг — в Чехию. Первый план сулил, казалось бы, быстрый успех: под угрозой оказывалась сердцевина наследственных земель, и император едва ли смог собрать достаточно войск для отражения. Но оставались еще силы Лиги, Тилли получил передышку и вполне мог бы подкрепить Фердинанда из не затронутых войной Баварии и земель-сателлитов. Успех не был гарантирован. Тем более, что основная масса протестантских сословий на западе не получила никакой помощи от освободителей и вряд ли решилась бы сама возобновить борьбу: медлительность курфюрстов все это время показывала, что сомнения оправданны. Второй план не обещал полного успеха в наследственных землях, зато позволял поднять против Лиги и сплотить вокруг короля большинство единоверных князей и городов Германии. Война обрела бы небывалый размах, но Густав Адольф получил бы возможность возглавить коалицию врагов Габсбургов и Лиги, свободу маневра и относительно прочный тыл.

Именно на втором варианте настаивал король сразу же после битвы и возврата Лейпцига. Курфюрст прекрасно понимал идеи, двигавшие королем, и опасался их тайного, чересчур ра-

дикального смысла. И все же аргумент стратегических выгод оказался сильнее.

Решено было разделить силы: саксонцы во главе с Арнимом отряжались на юг, в Богемию, с задачей не столько добиться решающего успеха, сколько оттянуть на себя формирующие резервы императорской армии и служить угрозой Вене. Армия короля устремлялась на юго-запад разрезающим ударом к берегам Рейна, в округа, бывшие под контролем Лиги. План был безукоризнен по замыслу и вместе с тем выдавал намерения короля: он желал не только полной победы, но и консолидации имперских сословий вокруг своей персоны. В этом случае внутри самой Империи возникал мощный структурный противовес Габсбургам с непредсказуемыми последствиями — то, о чем догадывался и чего явно не желал саксонский союзник.

Выполняя задуманное, Арним вторгся в северную Чехию и в ноябре занял Прагу, повергнув в панику венский двор. У Фердинанда не было никаких серьезных сил южнее Праги, ближайшее подкрепление в Силезии было сковано вспомогательным шведским корпусом Дюваля. На ближайшие месяцы курфюрст мог считаться хозяином положения, хотя он отказался квартироваться в Градчанах, а Арним — опустошать поместья Валленштейна. Фридландец отдыхал в своих гитшинских имениях. Возникла пауза, и фронт застыл в декабрьских снегах.

Тилли лишь в Гальберштадте сумел собрать остатки своих рассеянных полков, общим числом не более 13 000 человек. С ними и думать не приходилось о защите Тюрингии. Спешно стали отступать туда же, куда хотел двинуться король, — в Гессен и Франконию, на пути отзывая войска с линии Везера и из Вестфалии. Густав Адольф, выслав вперед Горна и герцога Бернгарда Веймарского, уже приведшего ему подкрепления из Тюрингии, сам устремился кратчайшим путем через Эрфурт к Майну и Рейну. Король вынужден был дробить силы для занятия крупных городов и крепостей. Но то же обречены были делать генералы Лиги. В северном Гессене со шведами соединился их главный тамошний союзник — ландграф Вильгельм Гессен-Кассельский, а единственное серьезное сопротивление они встретили лишь у стен Вюрцбурга. Сильная цитадель, замок Св. Марии, служивший епископской резиденцией, вынуж-

дала прибегнуть к правильной осаде. Но Горн организовал решительный штурм, и главный оплот лигеров во Франконии пал в отчаянной рукопашной схватке за каждую башню и каждый дом. В декабре главная армия во главе с королем заняла Ашаффенбург и вышла к Майнцу. Сочельник король встречал на берегах Рейна.

Так завершился этот знаменитый поход, превративший Густава Адольфа в кумира протестантского сообщества, — лишнее свидетельство зыбкости мира, установленного Фердинандом после слома оппозиционных сил в 1629 г.

По мере продвижения шведов расширялся круг имперских князей, прибывавших в лагерь короля, они искали покровительства и восстановления попранных прав. Если ландграф Вильгельм и герцог Бернгард уже давно стали под королевское знамя, то с появлением короля на берегах Рейна к нему потянулись эмигранты и местные жертвы реституционного эдикта. Среди них был курфюрст-изгнанник Фридрих Пфальцский, покинувший свое нидерландское прибежище, прибывший в Майнц и отныне нерасстававшийся с королем до начала роковой осенней кампании 1632 г. Он, очевидно, сильнее остальных мечтал о реституции. Шведы действительно заняли Гейдельберг и очистили долину Неккара, но король вежливо отказал курфюрсту в борьбе за чешскую корону.

От Майнца до Леха: судьба рейнских епископств и позиция Франции. Шведские знамена развевались на берегах Рейна. Дело протестантов не только побеждало, но и получало перспективы, немислимые даже в дни расцвета Унии: можно было не только вернуть все, что было отнято реституционным эдиктом, но и рассчитывать на «военную реформацию» — руками победоносных шведов покончить с гнездами «папистов» на западе Империи.

Однако триумф короля обеспокоил главного его партнера на западе — Францию. Ришелье все более тревожился за последствия: возникал риск потери старинной французской клиентелы в лице рейнских епископств. Кроме того, сама Лига, на которую смотрели как на внутреннего союзника Франции в Империи, просила о помощи. Соглашение в Фонтенбло, заключенное годом раньше, обрело исключительную актуаль-

ность. Густав Адольф прекрасно осознавал свои возможности в столь заманчивом переплетении интересов. Он возобновил трудные переговоры с главными финансистами своего предприятия. Король готов был идти на уступки: он обещал Ришелье не вторгаться во владения герцога Лотарингского и не ущемлять права духовных курфюрстов на Рейне. В свою очередь Франция молча соглашалась на военную кампанию против Лиги.

Так император оказался в двойственном положении. На первый взгляд, шведское вторжение и Брейтенфельд, казалось, наносило смертельный удар по всему задуманному реституционным эдиктом и, возможно, по династическим интересам. Хрупкий мир и иллюзии компромисса на почве, выгодной Габсбургам, рухнули. Насильственная консолидация сменилась новым расколом. Но за неизбежной трагедией, вполне осознаваемой короной, скрывалась парадоксальная выгода: Брейтенфельд покончил с «двоевластием». Военная машина Лиги рушилась на глазах, а с ней исчезала и постыдная зависимость от Баварии и войск Тилли. Необходимо было использовать момент, чтобы, спасая гибнущую Лигу, вновь восстановить собственные силы.

Возвращение Валленштейна. Саксонцы оставляют Богемию (зима и весна 1632 г.). Фердинанд, осознавая необходимость скорейшего перелома, уже с осени 1631 г. начал вести переговоры с Валленштейном. От друзей экс-генералиссимус постоянно получал подробнейшие извещения о текущем положении дел при дворе (Эггенберг) и в армии (Альтрингер, Пиколомини). Негласно герцогу уже тогда было поручено приступить к разработке военных планов и реорганизации императорских войск. Валленштейн охотно откликнулся: он давно ожидал подобного решения и уже заранее был готов дать положительный ответ.

Весной он получил официальное назначение, началось развертывание войск. К февралю 1632 г. в его распоряжении было уже почти 40 000 мушкетов и сабель. Собрав две группировки в Судетах и Силезии и нависая над флангами, Фридрих вынудил Арнима без боя очистить Прагу и отступить к отрогам Рудных гор, чтобы перекрыть дороги на Дрезден и Фрайберг.

Впрочем, Валленштейн не чувствовал себя уверенным на саксонском направлении, предпочитая не беспокоить дрезденского курфюрста. Он уже тогда считал Иоганна Георга потенциально нейтральной фигурой, важной для будущего.

Успехи Валленштейна оказались, однако, локальными: внимание и Вены, и ее противников было приковано к Баварии и шведам. Тилли, предвидя намерения шведского короля, стянул большую часть сил к западному притоку Дуная Леху, устроив главный опорный пункт под городком Райн, южнее Аугсбурга. Сам Максимилиан напрягал все силы, чтобы защитить наследственные земли. Король же, не желая тратить время на локальные операции и поручив очистку Швабии Горну, решился на вторжение с главной армией в Баварию.

Переход через Лех (14—15 апреля 1632 г.). Шведы в Баварии. Обширному плоскогорью, четырехугольником размещавшемуся между Лехом, Дунаем и Изером, суждено было стать с весны главным театром военных действий. Король повел наступление в апреле, как только получил подкрепления из Швабии и Франконии. Тилли и Максимилиан окопались под Райном, на западном берегу Леха.

Их лагерь казался неприступным: он располагался на крупной излучине и был прикрыт бурным речным потоком и мощными батареями. Но король внимательно осмотрел местность, и в его голове созрел дерзкий план. Вопреки советам генералов он решился на штурм. Густой дым, поднимавшийся от огромных костров, разложенных на острове напротив лагеря, скрывал торопливое сооружение понтонов, в то время как три батареи артиллерии по приказу короля занимали позиции: с севера, юга и напротив планировавшейся переправы. Таким образом, противоположный берег попадал под перекрестный огонь, грозивший отбить любую атаку. Одновременно велась разведка бродов выше и ниже лагеря. Когда они наконец были найдены на юге, туда потихоньку стянули пехоту и конницу. Так преимущество Тилли в обороне рисковало обернуться поражением.

Замысел Густава Адольфа блестяще удался. Тилли никак не ожидал столь смелого маневра и спокойно готовился к длительному противостоянию. На рассвете 15 апреля три сотни

финских драгун с заступами в одной руке и мушкетами в другой, скрываемые туманом и дымом, под прикрытием шквального огня небывалой мощи перешли по готовым понтонам на западный берег, прогнали баварские заставы и принялись торопливо возводить шанцы. Каждый из них получил от короля по 10 талеров с обещанием завершить работу чего бы это ни стоило. Спустя каких-то несколько часов напротив переправы вырос настоящий редут-полумесяц. Баварцы спохватились слишком поздно. Когда же, ведомые Альтрингером, они попытались приблизиться к редуту, то немедленно оказались под смертоносным градом ядер 72 орудий. Три возведенные королем батареи превратили подступы к переправе в настоящую мертвую зону. Альтрингер был контужен и сброшен с лошади. Тилли сам поспешил на выручку своим полкам. Но напрасно он метался среди эскадронов и рот, взывая к их мужеству. Ядром из фальконета ему раздробило правую ногу выше колена. Семидесятилетний полководец лишился сознания, и оборона утратила руководящую волю. В тот же час шведы стали переходить Лех вброд южнее главной переправы: позади латников и драгун восседали пехотинцы. Видя перед собой наседающего врага, которому уже никто не в силах был помешать, оказавшись теперь еще под ударом с фланга и потеряв разом двух генералов, Максимилиан почувствовал себя в западне. Нервы его не выдержали, и он приказал отступать. Баварцы бросили свой лагерь вместе с артиллерией. Умирая, Тилли просил лишь об одном: прикрыть Регенсбург, с падением которого исчезла бы последняя возможность удержаться в стране.

Король, объезжая на следующий день брошенные баварцами позиции, в недоумении вскричал: «Никогда, будь я на месте Тилли, не оставил бы столь превосходное место!» Переправу при Райне едва ли можно именовать собственно сражением: до непосредственного контакта дело, в сущности, не дошло, сами баварцы потеряли не более трех тысяч человек. Исключительно удачное действие шведской артиллерии, слаженная работа командиров и дерзкий план короля обеспечили в тот день полный успех.¹⁵

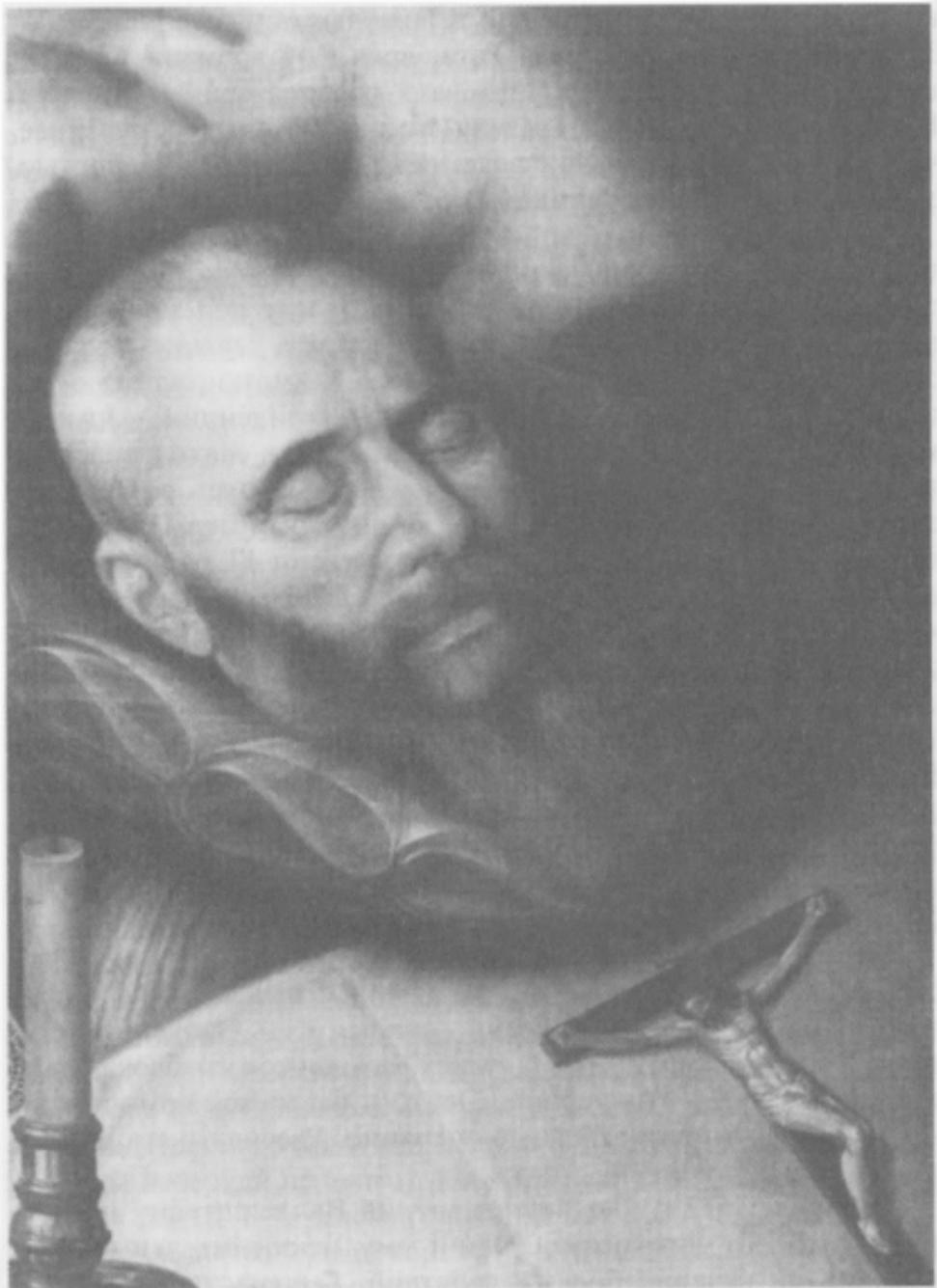
Ворота Баварии были распахнуты настежь. Король, не распыляя силы на мелкие операции, поторопился к крепостям

на Дунае. Тилли, привезенный в Ингольштадт, скончался там 30 апреля в доме Арнольда Рата, время от времени приходя в сознание и продолжая диктовать распоряжения и письма. Весть о сдаче Аугсбурга сразила его окончательно. Последнее, что он мог слышать, была шведская канонада перед крепостью, защищаемой его племянником Вернером.

Максимилиан, лишившись полевой армии, испытал то же, что ощущал его пфальцкий родственник в далеком 1620 г.: с семьей и чинами двора он бежал в Пассау под защиту императорских гарнизонов. Там же, в Пассау, в течение двух последующих лет будет размещаться его «администрация в изгнании» — ироничная копия гаагской резиденции «зимнего короля». Полным сходством стало появление в свите шведского победителя Фридриха Пфальцского: не собираясь возвращать ему корону, король позволил все же пережить больному государю счастливые минуты мести. Вместе они 17 мая вступили в Мюнхен. В старой резиденции Виттельсбахов было обнаружено почти 120 стволов орудий — настоящий артиллерийский парк для шведской армии. Не желая ссориться с местным населением, король не стал покушаться на свободу католического культа, подавляя лишь вооруженное сопротивление. Впрочем, Бавария не могла считаться завоеванной без ее дунайских крепостей. Все свои силы Густав Адольф бросил на блокаду Регенсбурга и Ингольштадта. Но на сей раз оборона превзошла мощь нападения: баварцы мужественно защищались, а у короля не было сил и времени надолго задержаться на Дунае.

Второй генералат Валленштейна. Гибель Тилли и бегство Максимилиана означали крушение Лиги и конец «двоевластия». Фердинанд немедленно открыл путь Валленштейну: теперь, в отличие от 1625 г., успех католического блока зависел только от оружия короны. Остатки баварской армии были годны разве что на локальные операции. Рассчитывать на них Максимилиану не приходилось.

В апреле 1632 г. Фердинанд вручил Валленштейну официальный патент, предоставляющий ему исключительные полномочия на ведение боевых действий. Герцогу вновь помогла протекция верных друзей в Вене: граф Эггенберг сыграл роль тактичного посредника, убедив императора согласиться



Тилли на смертном одре. Масло, холст, неизвестный художник XVII в. Курпфальцский музей, Гейдельберг.

на предложения Фридландца. Переговоры состоялись в Геллерсдорфе, под Веной. Фердинанд на них не присутствовал. Валленштейн получал верховное командование над всеми вооруженными силами короны с правом назначения старших офицеров, неограниченного ведения боевых действия вплоть до заключения перемирия с вражеской стороной. Ему же в оперативном отношении подчинялись войска Лиги. Часто геллерсдорфские статьи считают актом полной капитуляции короны с точки зрения контроля над армией. Суждение неверное: Валленштейн, получая чин «генерал-капо», оставался напрямую подчиненным короне, хотя решения военного совета во главе с графом Шликом теперь для него мало что значили. Во всяком случае, он не стал своего рода «монстром»-сувереном вне пределов имперской системы. Именно эта важная поправка позволила Фердинанду много позже и без особых усилий блокировать его действия, отрешить от должности и подвести к трагической эгерской ночи 1634 г.

Весной 1632 г. на Валленштейна смотрели как на главную надежду престола. За зиму ему удалось развернуть почти 40 000 человек и освободить Прагу. Арним, однако, отошел в Силезию, заняв наследственные поместья Фридландца и нависая над восточным флангом. То был гениальный шахматный ход: Валленштейн не мог довершить успех и вторгнуться прямо в Саксонию, имея за собой внушительную группировку вражеских сил, угрожавшую отрезать его от Моравии и Австрии. Но не только положение дел на богемском театре влияло на ход событий. Максимилиан умолял имперского командующего прийти на помощь Баварии: несколько его полков могли едва держаться за стенами Регенсбурга и Ингольштадта.

Летние бои во Франконии: Нюрнберг, Фюрт, Альте-Фесте. С конца весны генералиссимус развернул основную массу своих войск в западном направлении и пошел во Франконию, угрожая Нюрнбергу. Спасти Баварию для него значило не устраивать битвы на ее земле, а создать угрозу коммуникациям королевской армии: падение Нюрнберга, этой протестантской цитадели в сердце Германии, прервало бы связь с Саксонией — главной военной союзницей короля. Допустить этого король не мог. В июне он уже был близ Нюрнберга и деятельно

хлопотал над обороной столицы Франконии. Гарнизон Нюрнберга пополнился шведскими контингентами, а сам король маневрировал в окрестностях, пытаясь помешать соединению баварских полков с Валленштейном. Но генералиссимус все же соединился с ними: теперь он располагал силами, почти равными шведским, — примерно 50 000 единицами пехоты и конницы. Правда, баварский корпус был слаб и едва ли представлял серьезную силу. Не рискуя создавать блокаду Нюрнберга, генералиссимус ограничился тем, что расположил всю массу своих войск между городками Цирндорф, Оберасбах и Штайн — между Фюртом и Нюрнбергом. Так был развернут знаменитый «лагерь Валленштейна», беспрецедентный в истории раннего Нового времени, на строительство которого ушло свыше 13 000 деревьев: склоны холмов вмиг зазябли проплешинами, заметными вплоть до начала следующего столетия. В лагере ежедневно кормилось по меньшей мере 15 000 лошадей, множество маркитантов, жили целые солдатские семьи. Внешний обвод его представлял из себя мощные укрепления с редутами на углах.

Тем временем король, выбив хорватов из Фюрта, расположился южнее крайнего фаса императорских укреплений. Таким образом, лагерь Валленштейна оказывался в полукольце — между Нюрнбергом и шведскими линиями. Почти шесть недель искушенные противники испытывали терпение друг друга, не трогаясь с места и лишь тревожа коммуникации. Наконец в конце августа к королю подошло подкрепление — 24 000 единиц пехоты и конницы, приведенных молодым Оксенштирной.

Силы короля теперь значительно превосходили императорские. Густав Адольф счел минуту благоприятной и немедленно принялся за подготовку штурма. Он рассчитывал отвлечь внимание противника ложным маневром, и Валленштейн, боясь внезапного нападения, действительно притянул главные силы к западному фасу своего лагеря. Король, догадываясь об этом, на рассвете 3 сентября повел штурм всеми силами на фронте от Розенберга до моста через ручей Дамбах, целясь в восточные редуты. На правом крыле удалось взобраться на высоты Розенберга, сбросить оттуда императорскую пехоту, но продвинуться дальше не было никакой возможности: смертоносный огонь

орудий с высот лагерных укреплений, сведенных в несколько батарей, вынуждал нападающих топтаться на месте. Без тяжелой артиллерии делать было нечего, но втащить ее на крутые откосы так и не удалось. В центре все атаки храбрых шотландцев разбились о неприступные редуты вокруг Альте-Фесте — остатков средневековой крепости, превращенных в настоящую цитадель. Казалось, лучше обстояло дело на левом фланге: финнам и шведам удалось опрокинуть и рассеять тяжелую конницу Фуггера и гнать ее вплоть до подножия «звездообразных шанцев» — углового бастиона лагеря Валленштейна. Уже под вечер финны ворвались и в шанцы, изрубили и перекололи защитников, но сгустившая тьма заставила их прекратить наступление. Всю ночь король провел в рекогносцировках. Наутро он не решился возобновить бой, и все взятое вернулось обратно защитникам. Обе стороны потеряли не столь много — каждая приблизительно по 3000 убитых и раненых, но в некотором смысле пошатнулась репутация короля. Шведы под его руководством впервые не добились полной победы.¹⁶

Рейд Голька (август—октябрь 1632 г.). Густав Адольф не хотел признавать себя побежденным и оставался под Фюртом до 18 сентября, еще раз предложив Валленштейну помериться силами. Но тот не тронулся с места. Главной причиной, заставившей короля очистить Франконию, стали все более тревожные сведения, приходившие от курфюрста Саксонии. Еще 10 августа Валленштейн отрядил корпус Голька с задачей опустошить земли курфюрста и заставить его отойти от союза со шведами. Генрих Гольк, датчанин, защищавший за несколько лет до того Штральзунд, лишенный больших дарований, но строгий и исполнительный, со своими кавалерийскими полками должен был внушить курфюрсту мысль о скорейшем перемирии с престолом. Он змеей проскользнул сквозь Рудные горы, оказался в южной Саксонии и принялся беспощадно опустошать владения курфюрста: разграблены и превращены в пепел были Фрайберг, Шёнберг, Хемниц, включая чудный Аугустусбург — «земной рай» Иоганна Георга. Курфюрст просил Арнима, стоявшего в Силезии, о срочной помощи. Но тот советовал лишь держаться и не тронулся с места. В ближайшее время обнаружилась мудрость этого нелегкого шага.

Осенние операции 1632 г. напоминали цепочку вытекавших друг из друга решений, точнее, шахматных ходов, безукоризненных по точности и верности с обеих сторон. Валленштейн спас Баварию движением на Нюрнберг. Король своим появлением во Франконии одинаково угрожал и Баварии, и Валленштейну. Последний нанес удар по Саксонии, вынуждая короля оставить Нюрнберг. Арним же, в свою очередь, не трогался из Силезии и заставил Валленштейна расплыть свои силы: против него был направлен корпус Галласа. Оба — и король, и генералиссимус — достигли своими действиями точки равновесия, нарушить которое могла лишь решающая битва.

Оказавшись на саксонской равнине, Валленштейн с 35-тысячным войском хотел отложить развязку и, возможно, даже продолжить маневры весной. Главные свои силы он намеревался расположить на зимних квартирах вокруг Лейпцига, рассчитывая обеспечить коммуникации с Богемией. Коллоредо прикрывал главный лагерь у Вайссенфельса, Гацфельд был отослан в Эйленбург, а Паппенгейм с одиннадцатью полками должен был разграбить Галле и добраться до Эльбы.

У короля были другие мысли. Густав Адольф не хотел испытывать счастье — начинать долгую маневренную войну и подвергать опасности своего главного союзника. Генеральная встреча становилась целью кампании. Король собирался лишь усилить свои войска саксонцами Арнима и ради этого выдвинулся в восточном направлении в сторону Эльбы. Однако утром 15 ноября, покинув Наумбург, он наткнулся на Коллоредо, направлявшегося к Вайссенфельсу. Как только от пленных стало известно об уходе Паппенгейма, король тотчас же направился к Лютцену.

Лютцен (16 ноября 1632 г.). Ночь на 16 ноября шведы провели на открытом поле юго-западнее Лютцена. С первыми предрассветными часами они уже строились в боевые порядки, разворачиваясь фронтом на восток вдоль старой дороги, ведущей в Лейпциг. Валленштейн, только накануне узнав от Коллоредо о движении королевской армии, едва успел собрать все имевшиеся под рукой войска и отправить приказ Паппенгейму бросить все и срочно возвращаться к Лютцену.

Решающей битве кампании суждено было развернуться на почти плоской равнине, окаймленной с запада и юга неболь-

шим перелеском и ручьем Флосграбен, огибавшим правый фланг шведов. Внушительное число противоречивых, страстных и неполных свидетельств до сих пор исключают реконструкцию полной картины битвы. Потому мы отважимся набросать ее ход лишь самыми общими мазками.

Валленштейн окопался вдоль дороги на Лейпциг, соорудив в центре семипушечную батарею и расположив за нею семь полков немецкой пехоты. Правое его крыло опиралось на Лютцен и 14 орудий на высотах у ветряных мельниц. Под их прикрытием развернулась тяжелая конница Пикколомини. Левый фланг простирался до ручья Флосграбен. За отсутствием Паппенгейма здесь располагался Гольк со своими хорватами, венграми и поляками. Король, как и при Брейтенфельде, противопоставил своему визави две обычные линии пехоты и конницы. Первой предводительствовал он сам, имея на правом крыле против Голька рейтар и драгун (финны и немцы), на левом — немецкую конницу и пехоту герцога Веймарского, а в центре — отборные пехотные бригады Нильса Браге. Второй линией (шотландцы и финны) командовал Книпгаузен. Обоз оставался в Мойхене.

У Валленштейна было примерно 17 000, к которым уже в ходе сражения присоединилось 3000 конницы Паппенгейма, у короля — почти 20 000. Замысел Валленштейна был строго оборонительный, короля — исключительно наступательный.

Сражение пришлось отложить до 11 часов: густой туман, поднимавшийся от свежевспаханного поля, и морозящий дождь совершенно закрывали обзор. В протестантских полках молились, молился и король вместе со своим походным капелланом Якобом Фабрицием. Затем он обратился по-шведски и по-немецки с краткой речью к солдатам; позже эта речь будет воспроизведена в протестантском эпосе. Звучали слова о стойкости, вере и свободе. Как только видимость улучшилась, король тотчас атаковал по всему фронту. На правом фланге его финны легко опрокинули и рассеяли хорватов и драгун Голька. В центре «голубая» и «желтая» бригады очистили придорожные траншеи, овладели батареей и обратили в бегство стоявшую за ней пехоту. Но не столь был удачен герцог Веймарский на своем крыле. Валленштейн успел поджечь окраины Лют-

цена, и Бернгарду пришлось медленно пробираться по предполью, чтобы достичь вражеских позиций. Сблизившись же с ними, его полки попали под убийственный огонь с мельниц, контратаку тяжелой конницы Пикколомини и были отброшены. Здесь же случилась одна из первых знаковых жертв побоища: пуля сразила аббата Фульдского Иоганна Бернгарда Шенка фон Швайнсберга, благославлявшего имперских рейтар позади фронта и оказавшегося на линии огня.

Видимо, тогда же появились и первые эскадроны Паппенгейма, устремившиеся к уже расстроеному левому флангу. Они подкрепили Голька, дерзко устремились вдоль Флострабена и дошли даже до второй линии и обозов шведов, где были отброшены Книпгаузенем. К несчастью для шведов, почти в тот же час пули сразили командира смоландцев Штенбока и предводителя остготского полка Леннарта Бета. Это означало, что почти весь правый их фланг был обезглавлен. Король, не теряя ни минуты, выехал вперед и сам повел расстроенные полки. Роковое решение «северного льва»: густой пороховой дым и, видимо, вновь начавшийся дождь мешали различать своих и чужих. Король с горсткой окружавших его людей напоролся на рейтар Фалькенберга из полка Гётца. Завязалась отчаянная схватка. Густав, раненный в руку, а затем в спину, свалился с лошади. Его шталмейстер Шуленбург разрядил оба пистолета и был оттеснен от своего государя. У герцога Лаунебургского была перебита рука, и он уже ничем не мог помочь. Паж Лейбельфинг еще пытался вытащить короля из-под лошади, но пал под градом ударов и остался лежать рядом со своим господином. Впрочем, императорские кавалеристы поначалу приняли короля за богатого офицера, ограбили уже бездыханное тело и нанесли ему еще несколько ранений.

Весть о гибели вождя не сломила армию. Командование принял на себя герцог Веймарский на правах генерал-лейтенанта. Он тотчас пресек панику и зажег пламенной речью сердца подчиненных. Вторил ему и капеллан Фабриций, немедленно приказавший затянуть победный 82 псалом. Тысячи глоток подхватили его голос.

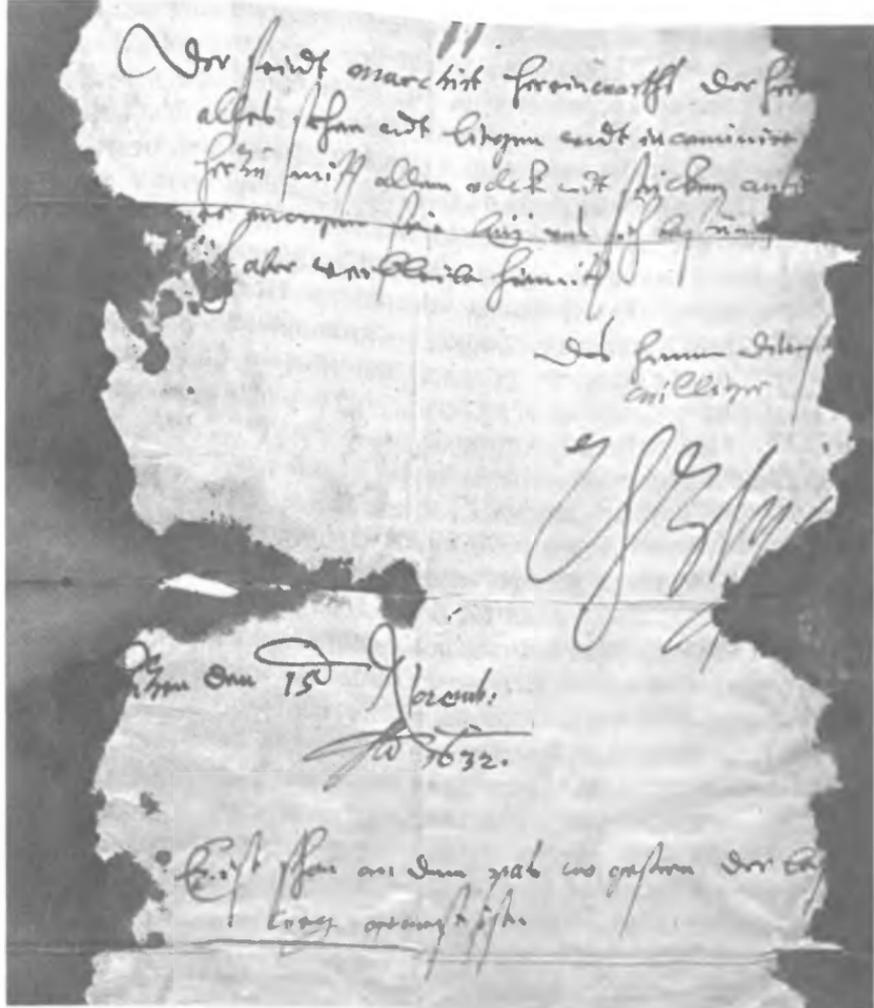
Валленштейн тем временем успел восстановить почти рухнувший фронт. Прорвавшаяся в центре пехота Браге попала под

огонь орудий у мельниц. Пикколомини ринулся на нее с двумя полками тяжелой конницы и после кровопролитной схватки отбросил назад с огромным уроном. Здесь была почти совершенно истреблена «желтая» бригада. Но еще больше Валленштейн рассчитывал на Паппенгейма. Однако его конница втягивалась в битву частями, таранного удара, который так любил и на который так рассчитывал генералиссимус, не получилось. Сам граф упал с лошади, простреленный шведской пулей. Лишь расторопность его трубача, успевшего застрелить финского драгуна, уже уводившего коня с тяжелораненым генералом, избавило последнего от роковой кончины в шведском плену. «Никто, никто более не верен нашему государю», — шептал он, видя бегущих рейтар Беннингхаузена.

Ближе к вечеру выстрелы стали смолкать и воцарилось некое подобие паузы: слишком велики были потери с обеих сторон. Книпгаузен даже советовал герцогу Веймарскому прекратить сражение и начать правильный отход. Но Бернгард не был бы самим собой, если бы последовал его словам. Он велел ввести в дело вторую линию, подкрепил конницу на флангах и завладел инициативой. Королевская пехота вновь перешла заваленную трупами людей и лошадей лютценскую дорогу, а на левом крыле «зеленая» бригада окончательно овладела батареей у мельниц. Армия Валленштейна оказалась в железных тисках, в тылу у нее одна за другой взлетали на воздух пороховые фуры. Бросив в дело все до последнего солдата, генералиссимус уже не мог надеяться на победу. Сбитый со всех позиций, он с наступлением темноты отдал приказ об отходе. Шведы узнали о его решении совершенно случайно, из перехваченного донесения полковнику Гофкирхену.¹⁷

Конечно же, победили протестанты: они сумели выстоять, обескровить и принудить к стратегическому отходу лучшую армию императора. Бернгард до глубокой ночи оставался на поле боя, на нем оставалось лежать почти 9000 погибших. По меньшей мере у трех тысяч из них были обнаружены опознавательные значки королевской армии. Еще две тысячи раненых герцог отправил в Наумбург.

Спустя три дня сдался и Лейпциг, превращенный в огромный лазарет и морг: убитые и искалеченные защитники лежали



Залитая кровью последняя депеша Валленштейна Паппенгейму, отправленная накануне битвы под Лютценом. Текст: «Враг на подходе. Немедленно бросить все и со всем войском и артиллерией поспешить как можно быстрее, дабы поутру соединиться с нами. За сим остаюсь ваш Альбрехт, герцог Мекленбургский. 15 ноября 1632. PS. Он (т. е. враг. — А.П.) стоит у прохода на дурной дороге, обнаруженной вчера (имеется в виду дорога в топкой низине у Риппах. — А.П.)». Вена, Военно-исторический музей.

вперемешку с привезенными по приказу Валленштейна из-под Лютцена его ранеными солдатами. На пути в Лейпциг скончался и Паппенгейм, видимо, еще в день битвы.

Тело короля было забальзамировано и выставлено для прощания в сельской церкви Мойхена, где накануне располагался его штаб. Лейбельфинг умер спустя девять дней. Его слова остаются для нас до сих пор главным свидетельством последних минут жизни павшего государя. Траурный кортеж спустя два дня проследовал через Вайссенфельс в Лейпциг, где последнее почести ему воздал главный союзник — курфюрст Саксонии. Затем тело погибшего короля перевезли в Вольгаст для транспортировки в Стокгольм. Почти полгода оно оставалось там: безутешная вдова Мария Элеонора лишь с трудом согласилась отправить его на родину.

Консолидация протестантской Германии. Гейльброннский союз. Современные историки часто сомневаются в сколь-нибудь крупном значении лютценской битвы. Едва ли можно согласиться с этим. Лютцен свел на нет все усилия Вены переломить ход борьбы на севере и юге. Он почти на два ближайших года запер лучшую армию императора в Богемии и вынудил Валленштейна сделать выбор между обороной наследственных земель и помощью гибнущей Баварии, — выбор, стоивший генералиссимусу жизни. Так, в конце концов, король торжествовал над своим визави даже из могилы! Наконец, Лютцен спас для Стокгольма его главного союзника — Саксонию. Валленштейн отступил в Богемию, где в Праге предал экзекуции офицеров, повинных в бегстве и утрате знамен. Саксония была освобождена, но угроза нового вторжения сохранялась: Арним оставался главным заслоном, если бы Валленштейн снова решился оказаться по ту сторону Рудных гор.

Гибель короля была тяжким ударом для протестантов. Оксенштирна, по его собственному признанию, провел первую бессонную ночь после получения печального известия. Саксония готова была возобновить переговоры с императором. Именно тогда шведам пришлось напрячь все силы, дабы не дать распасться той структуре внутренней оппозиции Габсбургам, которая стихийно сложилась после высадки короля. Инструмент консолидации уже имелся: король своей волей, по сути,

уже распоряжался имперскими ленами. Так было с герцогами Мекленбургскими, так же было с ландграфом Кассельским и многочисленными рыцарскими и графскими родами центральной и юго-западной Германии: все они искали у короля протекции, совершенно минуя прерогативы имперской короны. Густав Адольф де-факто превращался в верховного сюзерена Империи. Оксенштирна хотел лишь более энергично продолжить указанную линию. Уже зимой полным ходом шли переговоры с лидерами имперского княжеского собрания на севере и западе Империи. Оксенштирна 18 января предложил протестантским сословиям собраться на общий съезд для выработки окончательной платформы. Сперва решено было провести съезд в Ульме, но позже по причинам безопасности его перенесли в Гейльбронн, на Неккаре. Ассамблея открылась 18 марта, переговоры шли тяжело: немецкие сословия хотели исключить риски, связанные с чересчур тесным сближением с Швецией. Им не хотелось сильно раскошелиться на содержание объединенной армии и их пугала перспектива открытого давления. Было понятно: возникли реалии, до сих пор не виданные в имперских структурах: подданные императора переходили под добровольную протекцию иноземного государя. Курфюрст Саксонии решительно отказался принимать участие в переговорах и советовал то же сделать собравшимся сословиям. Дрезден все больше усматривал в действиях Швеции грубый диктат, разрушавший опорные точки имперского здания. К тому же ему не хотелось терять авторитет главного лидера евангелических сословий. С трудом Оксенштирне удалось добиться поддержки у Георга Вильгельма Бранденбургского — ценой компромисса в вопросе померанского наследства. Немецкие союзники тянули с полным согласием, и шведам пришлось прибегнуть к прямому давлению. Там же, в Гейльбронне, полным ходом шли переговоры с французским уполномоченным. Оксенштирна добился продления соглашения с Францией и грозил немцам оставить их без всякой поддержки, полагаясь лишь на Францию. В конце концов были согласованы последние статьи, и 23 апреля был подписан союзный акт. Шведы получили безусловное главенство в союзных структурах. Они по отдельности договаривались с каждым из

четырёх имперских округов, из которых складывался альянс (Нижним и Верхнерейнским, Швабским и Франконским). Позже к ним присоединилось имперское рыцарство Швабии и Франконии. Верховным совещательным органом стал союзный совет — *Consilium formatum*, заседавший во Франкфурте. Главой его был сам Оксенштирна. Шведы получили также три места в составе совета, в то время как от каждого округа было представлено лишь по одному голосу. Предварительные решения обсуждались на окружных съездах. Главными соглашениями альянса были финансирование союзом объединённых вооружённых сил и продолжение войны вплоть до заключения мира на условиях полной реставрации прав протестантских имперских сословий. Союз развернул кипучую деятельность. Необходимо было сплотить ряды внутри Германии и прежде всего удержать Саксонию от перемирия с императором. Для Оксенштирны это была вторая по важности задача. И он добился своего: Иоганн Георг отказался присоединиться к союзу и возобновил персональный альянс с шведской короной.¹⁸

Лены Империи и их держатели оказывались под контролем иноземной державы. Прямым следствием явились многочисленные жалования, последовавшие сразу же после заключения союзного акта. Герцог Веймарский, истинный защитник «немецких свобод» в протестантском толковании, получил так называемое Франконское герцогство, де-факто не существовавшее после Штауфенов. Оно состояло преимущественно из духовных княжеств, епископств Бамберг и Вюрцбург. Из рук Гейльброннского союза получил утраченные ранее территории и молодой герцог Вюртембергский Эбергард III. Реституцию своих прав обретали многочисленные дворянские семьи, проживавшие на берегах Рейна и Неккара, а также имперское рыцарство. Но мало того: безденежье союза восполнялось территориальными компенсациями, предоставленными его командирам. Горн, Бернгард и их генералы получали сами и ходатайствовали за других заслуженных подчинённых о награждениях землей и правами в Эльзасе, Швабии, Франконии, часто — за счет изгнанных католических властителей и союзников. Следствием становились споры и конфликты, сопровождавшие всю недол-



Колет, снятый с мертвого короля Густава Адольфа. Видна прореха от колющего удара справа. После ранения при Диршау в 1628 г. у Густава Адольфа плохо двигалась левая рука, и он не мог носить кирасу. В качестве трофея по приказу Пикколомини колет был доставлен в Вену, хранился там в Арсенале, а в 1920 г. возвращен Австрийской республикой шведской короне в знак благодарности за помощь со стороны шведского Красного Креста в годы Первой мировой войны. Стокгольм, Оружейная палата.

гую историю Гейльброннского альянса, актами которого сегодня полон Главный государственный архив Штутгарта.

Размеры угрозы. Для Вены начался настоящий полет над пропастью. Никогда внутри Империи не появлялся столь обширный и институционно хорошо организованный блок элиты, оказавшийся под покровительством иноземного суверена. Здесь было мало общего с датской войной, когда протекцию короля признали лишь сословия одного округа, еще меньше — с Унией, соглашения которой с Англией и Нидерландами не были связаны столь тесными узами зависимости. И даже Лейпцигский союз покоился в лоне Империи. Ничего подобного не существовало и в век Реформации: договоры князей с французской короной были соглашениями лишь узкой, хотя и влиятельной группы. Они никогда не демонстрировали столь широкий базис участия. Гейльброннский альянс показал масштаб попадания целых имперских структур в прямую зависимость от иноземного суверена. Четыре округа и союзный съезд с представительством от сословий, по сути, копировали вариант рейхстага. Возникло не только новое «двоевластие», формулировалась альтернатива собственно имперской модели!

Возможно, Оксенштирна готовился воплотить то, что не успел сделать его покойный король: выдавить Габсбургов на периферию с последующим избранием в качестве императора протестантского шведского государя. Не угадывалось ли здесь воплощение знаменитого «готицизма», «миссии готы», однажды явившихся в Европу, дабы овладеть тронном великого Рима, а спустя тысячу лет — чтобы защитить св. Евангелие и обратиться последнюю, четвертую, Империю в оплот единоверцев? Гейльброннский союз вполне мог считаться ступенью к «обновлению» Империи.

Никогда — ни до, ни после 1633 г. — император не стал кивался со столь глубоким системным расколом. Помочь мог лишь крупный и решительный перелом в войне. Валленштейн не смог одним ударом справиться с задачей: смерть шведского короля мало что меняла в балансе сил. Все больше вырисовывалась перспектива сотрудничества с родственным Мадридом.

Кампания 1633 г. Гессиш-Ольдендорф, Швейдниц, Штейнау, падение Регенсбурга. Хлопоты, связанные с финансирова-

нием армии, стали настоящей головной болью для шведского канцлера. Командиры не готовы были трогаться с места, пока им не погасят все долги. С большим трудом удалось добиться вотирования средств сроком на один год. Но к лету удалось наладить и снабжение, и координацию. Горн контролировал Эльзас и переправы через Рейн, войска Бернгарда растянулись между Майном и Тюрингией, угрожая с севера Баварии и закрывая проходы для Валленштейна со стороны Богемии. Швабский округ защищал Иоганн Банер — один из самых энергичных и способных генералов покойного короля. Он наблюдал за альпийскими проходами и верхним Рейном. Наконец, на западе в Силезии надежно обосновался Арним с саксонцами. В свою очередь Валленштейн с главной императорской армией сосредоточился в северной Богемии, прикрывая наследственные земли с севера и северо-запада, в то время как армия Лиги, точнее, курфюрста Баварского, держалась на плоскогорье между Дунаем и Изером.

Главными театрами военных действий по-прежнему оставались два: швабско-баварский и саксонско-силезский. Между ними выделялся отдельный очаг борьбы — на стыке Гессена и Вестфалии, где мерились силами войска ландграфа Гессен-Касельского и имперцы Гронсфельда.

До конца года успех сопутствовал протестантам почти на всех направлениях. Горн надежно прикрывал юго-западные рубежи, блокируя в городах небольшие неприятельские гарнизоны и удерживая бассейн верхнего Дуная. Шла мелкая осадная война с маршами и контрмаршами. Бернгард не давал баварцам глубоко проникнуть во франконские земли и нещадно опустошал наследственные земли курфюрста. Крупный перелом произошел и на севере. Здесь Гронсфельд, пытаясь выручить осажденный Гамельн, столкнулся при Гессиш-Ольдендорфе с гессенцами ландграфа Вильгельма и был совершенно разбит, оставив на поле боя свыше 5000 убитых (8 июля). Потери эти едва ли не превзошли урон Лиги в битве под Брейтенфельдом и имели для Вены самые печальные последствия. Северо-западный очаг был нейтрализован. Протестантские армии могли теперь железным обручем — от Тюрингии до Швабии — охватить Баварию и Чехию.

Валленштейн между тем не подавал никаких признаков движения на границах с Силезией. Пополнив свои войска и произведя новые назначения, он, казалось, прирос к наследственным землям. Именно в их защите он видел свою главную миссию летом 1633 г. Он, очевидно, очень хорошо осознавал стратегический пат и ближайшее будущее, не сулившее ничего хорошего Вене. Неудачи на других театрах и тяжелое положение Баварии лишь подсказывали ему необходимость в скорых переговорах. Но и Арним, прекрасно понимая выгоды своей позиции, не трогался с места, как и годом ранее. Кончилось все формальным перемирием между ним и Валленштейном в Швейднице. Оно было заключено в середине июня и продолжилось до середины октября. Валленштейн здесь никоим образом не превышал своих полномочий. Обе стороны обратились к интенсивным переговорам, общей целью которых было прощупывать возможности к умиротворению Саксонии и началу всеобъемлющих дебатов об общем мире.

Тем временем положение Баварии делалось все более критичным. Максимилиан очень боялся соединения войска альянса на юге, против которых у него не было достаточно сил. Валленштейн никак не реагировал на просьбы баварского курфюрста, указывая Вене на необходимость защиты в первую очередь Чехии. Он отказывался даже присылать вспомогательный корпус, считая это ненужной затеей. Только в октябре генералиссимус, казалось, пробудился от долгой спячки. Внезапным ударом он отбросил Арнима на северо-запад и расчистил себе путь вниз по Одеру и в Силезию. Глогау и Франкфурт были взяты, корпус Турна, окруженный со всех сторон, сложил оружие при Штейнау (11 октября). Но эта блестящая двадцатидневная кампания не могла заменить прямую помощь Баварии. Если Валленштейн и рассчитывал, что Бернгард с основными силами поспешит на помощь саксонцам, как за год до этого сделал Густаф Адольф, то он просчитался. Герцог Веймарский всю осень оставался на своих квартирах в южной Франконии. Зато месяц спустя он ответил гораздо более болезненным ударом: в результате смелого налета с семью пехотными бригадами и 50 орудиями он заполучил Регенсбург, этот ключ и древнюю столицу Баварии (14 ноября). Падение Регенсбурга решительно измени-

ло ход борьбы: император решился на отставку Фридландца и на радикальные меры.

Отстранение Валленштейна. Как уже говорилось, историков вплоть до нашего времени интересовали лишь мотивы отставки Валленштейна — явные и тайные. Как раз последний год его жизни известен нам едва ли не по дням и часам. Удивительно, однако, что сегодня, после публикаций огромного числа документов и основательных изысканий, причины поступков и падения генералиссимуса кажутся нам куда более тривиальными, нежели те которые описали маститые авторы XIX—XX вв.

Неприятие его — сперва как лидера, а потом как личности — ощущалось на вершинах княжеского Олимпа уже в 1625—1629 гг. Стремительное возвышение, особенно дарование титула имперского князя и позже инвеститура на Мекленбургские земли, нарушало не только традиционные механизмы, но и оскорбляло ценности имперской элиты. Фридландец оказался изгоем той корпорации, куда его занесла воля патрона и собственное честолюбие. Следом проступила личная неприязнь, особенно ощутимая при мюнхенском дворе. Его сделали ответственным за опустошения и террор 1626—1630 гг. Неприязнь к нему объединяла конфессии и сословия: на регенсбургском съезде Валленштейн стал своего рода персональной мишенью всесословного протеста. Но нет никаких доказательств, что в те годы существовали какие-либо заговоры против него. Его второй генералат с самого начала раздражал баварцев, но вплоть до 1633 г. отношения с ними не грозили катастрофой. И лишь в течение 1633 г. мы видим последовательное усиление критики и недоверия к нему.

Главными здесь стали три причины. Во-первых, переговоры с саксонцами, в которые оказались замешаны в том числе и чешские эмигранты и ход которых Валленштейн не оглашал при венском дворе. Во-вторых, упорное нежелание помогать баварцам, окончившееся регенсбургской катастрофой, вину за которую разъяренный Максимилиан возложил исключительно на Валленштейна. И в-третьих, решительный отказ соединять свои силы с испанскими, как планировалось уже в конце 1633 г.: Валленштейн был убежденным противником сближения с Мадридом, полагая, что оно сделает войну беско-

нечной, а саму империю превратит в заложницу испанских интересов.

Одновременно в Вену поступали письменные доносы на него из круга его же собственных офицеров. Самым известным стало сообщение Пикколомини, доставленное в Вену в октябре 1633 г. У историков этот документ именуется «бамбергской запиской». Он отличался от всех предыдущих жалоб ключевым аспектом: впервые вся предшествовавшая деятельность Валленштейна выставлялась систематической изменой. Он превращался в заклятого и давнего врага короны, готовившего грязный заговор против Габсбургов вместе с немецкими протестантами и чешскими эмигрантами.

Император не желал вмешиваться до конца 1633 г. Но сумма обстоятельств неизбежно подталкивала его к радикальному решению. Видимо, в начале зимы у Фердинанда созрела мысль отнять у генералиссимуса командование. Между тем число нападков и враждебных голосов сокращало число союзников Валленштейна и заставило умолкнуть его давних друзей, в том числе и Эггенберга. Но и вновь мы нигде не встречаем прямых указаний на тайные махинации генералиссимуса: все, что он делал, прямо вытекало из его полномочий. Кроме того, необходимо иметь в виду: слухи сознательно муссировались и разрастались при дворах и врагов, и друзей. То была обычная практика, особенно славилась ей дрезденский двор: «дипломатия слухов» могла сыграть важную роль в ослаблении вражеского фронта.

Сам Валленштейн давно уже страдал многочисленными недугами. Особенно болезненными были приступы подагры. Он неоднократно высказывал желание оставить службу и явиться в Вену для отчета. Но слухи об имперской немилости уже распространялись всюду и достигли ставки. В Пльзене 12 января Валленштейн уступил требованиям своих ближайших соратников — начальника штаба фельдмаршала Кристиана Илло и графа Терцки: было созвано собрание старших офицеров его войск, на котором участники приняли так называемый реверс — публичное объявление, содержащее признание заслуг генералиссимуса и выражавшее готовность служить ему и далее. Текст не содержал никаких выпадов против престола. Но

в Вене он был истолкован как акт прямой измены. Фердинанд 24 января тайно отрешил Фридландца от командования армией, передав его двум генералам, хорошо знавшим Валленштейна и являвшимся воспитанниками его военной школы, — Пикколомини и графу Галласу. В первых числах февраля началась передислокация войск с целью изоляции заподозренных командиров. Наконец, 18 февраля в Праге был публично озвучен рескрипт императора, обвинявший Валленштейна в измене и призывавший всех подданных доставить его в Вену живым или мертвым. Генералиссимус перевел ставку в Пльзень и только тут узнал о своей участи. Здесь же еще раз 19 февраля по предложению Илло собрались офицеры, обещавшие командующему верную службу, но большая их часть тотчас же либо перешли на сторону нового командования, либо были арестованы. У герцога больше не было выбора. К тому же, будучи совсем больным, он фактически оказался заложником трех своих соратников — Илло, Терцки и графа Кински. Они уговорили его искать спасения в бегстве к шведам: к герцогу Веймарскому были посланы гонцы с просьбой открыть судетские проходы. Сам же Фридландец с 1500-ным войском и личным двором устремился в Эгер, рассчитывая оттуда перебраться во Франконию. Ответ Бернгарда был чрезвычайно показателен для понимания того, как традиционная знать относилась к Валленштейну: герцог, едва взглянув на депешу, заявил, что он не собирается спасать человека, которому уже давно не доверяет.

Эгерское убийство (25 февраля 1634 г.). По дороге в Эгер к кортежу пристал полк ирландца Бутлера, уже знавшего о последнем решении императора. Тотчас по прибытии в Эгер 24 февраля Бутлер, комендант Эгера шотландец Гордон и его заместитель полковник Лесли обсудили положение, в котором они оказались. Будущие заговорщики хотели бежать, чтобы не навлечь на себя подозрение в сговоре с опальным генералиссимусом, но все же решили подождать до утра. На следующий день неутомимый Илло собрал офицеров на квартире Валленштейна: он сообщил о последнем указе императора и призвал оставаться верным командующему. С этого момента судьба генералиссимуса была решена: убедившись после выступления Илло в имперской воле, три офицера решили не терять времени

даром. Гордон под предлогом великопостного банкета пригласил в замок Илло, Терцки, Кински и секретаря Валленштейна ротмистра Нойманна. Все они явились в шестом часу вечера. При подаче десерта по условному сигналу ворвались драгуны Бутлера, и началась резня. Кински был заколот прямо за столом, Илло сумел добраться до оружия и погиб со шпагой в руке, Нойманн пытался спастись на кухне, но был пойман и убит. Лишь одному Терцки чудом удалось вырваться из западни и оказаться во внутреннем дворе. Здесь его настигли пули патруля и шпага капитана Макдэниэла.

Покончив с первым актом, заговорщики отправились на рыночную площадь к дому бургомистра Пахельбеля — самому богатому в Эгере, где находился Валленштейн. В то время как Макдэниэл расставлял уличные патрули, драгуны капитана Деверу ворвались в апартаменты генералиссимуса. Валленштейн принял смертельный удар алебардой, успев выкрикнуть лишь слово о пощаде. Тела убитых были сброшены на подворье церкви Св. Анны, позже разлучены и погребены по отдельности. В XVIII в. по высочайшей воле останки Валленштейна обрели последний приют в Мюнхенгреце (ныне — чешский Мнихово-Градиште). В 1934 г. в годовщину эгерской ночи потопки поместили их в великолепный мраморный саркофаг. Лучшая реконструкция последних дней и часов генералиссимуса представлена в знаменитом исследовании Генриха Зирбика.¹⁹ Археологические раскопки, проведенные в Эгере в 1911 г. под руководством Юлиуса Эрнста Йонаса, позволили уточнить и воссоздать планировку замка периода Тридцатилетней войны, а также определить место, где были убиты офицеры Валленштейна.

Повторим вслед за Голо Манном: заговор был, но это был заговор против Валленштейна. Сам генералиссимус до последнего своего дня не выказывал каких-либо явных побуждений, направленных против Габсбургов и свидетельствовавших о его измене. Пример Валлейнштейна в данном случае исключительно показателен для того, как в те времена функционировали имперские структуры: успех выдвиженцев не мог быть гарантирован лишь одной протекцией или личными усилиями. Необходимо было быть признанным традиционной знатью.



Гробница Валленштейна в капелле Св. Анны, Мнихово-Градиште (бывший Мюнхенгретц). На саркофаге из черного мрамора надпись на латыни: «*Quid lucidius sole? Et hic deficiet*» («Что светит ярче солнца? Но и оно заходит»).

Впрочем, гибель Валленштейна может считаться знаковой и еще по одной причине: она свидетельствовала о новом шаге императора навстречу традиционной знати — нужно было устранить одно из важнейших препятствий на пути этого сближения. Чем дальше шла война, тем более кровавым становился ее урок: спасение Империи и мир были возможны лишь на основе традиционных ценностей и сплочения элит. В эгерской ночи можно искать и начало нового периода в отношениях с сословиями. Он начнется в 1635 г. и протянется вплоть до крушения Пражской системы в начале 1640-х гг., когда возникнет необходимость новых уступок и новых коррективов.

Испанская помощь, кардинал-инфант, взятие Регенсбурга. Крушение Валленштейна показало, помимо прочего, и то, на-

сколько легко престолу удалось справиться с кризисом в армии. Отстранение генералиссимуса не вызвало недовольства. Лишь в Силезии прокатилось волнение в полках генерала Шаффгоча, позже арестованного и расстрелянного по приговору суда, — волнение, впрочем, исключительно частное и быстро подавленное. Эпоха кондотьеров канула в Лету, император располагал вполне надежным людским материалом.

В мае престолонаследник Фердинанд, король Венгрии, был назначен верховным главнокомандующим. При нем в качестве генерал-лейтенантов состояли Галлас и Пикколомини. Решено было развернуть наступление совместно с баварцами. Главной целью оставался Регенсбург. Одновременно велись напряженные переговоры с испанцами: Фердинанд ясно отдавал себе отчет, что крупный перелом невозможен без совместных усилий. Военный союз, однако, влек за собой не только зависимость от Мадрида на поле боя, но и мрачные перспективы: финансовая поддержка Испании подразумевала встречные гарантии нерушимой дружбы даже во имя борьбы с теми соседями, с которыми Вена пока еще не собиралась ссориться, — с Францией. Предполагалось направить из Италии войска герцога Фериа, испанского наместника Милана, к которому позже примкнул бы кардинал-инфант Фердинанд, младший сын короля Филиппа III. У этих двух молодых тезок, сдружившихся друг с другом, явно были разные наклонности: если Габсбург и тогда и позже тяготился военными обязанностями, то кардинал-инфант, напротив, всегда предпочитал кадилу казармы, походы и военные лагеря. Но сперва необходимо было защитить Баварию. Генералы, охотно бросившие Валленштейна, прекрасно знали уроки его школы: половина успеха зависела от хорошо согласованных действий. В конце весны из Пльзеня выступила императорская армия под началом Галласа, численность которой по плану должна была составлять 40 000 человек и которая на деле достигала едва 25 000. Почти одновременно из Штраубинга выдвинулись 16 000 баварцев Иоганна фон Верта и Альтрингера — все, что смог собрать курфюрст перед решающими битвами. Обе армии шли напрямиком на Регенсбург. Протестантские генералы, до той поры привыкшие воевать с разрозненными отрядами, теперь оказались под ударом объединенных сил.

К тому же Горн, связанный восстаниями и осадами по берегам Боденского озера, не мог протянуть руку помощи Бернгарду во Франконии. Герцог Веймарский оказался один на один с почти вдвое большим по численности врагом и вынужден был лишь маневрировать к северу от Регенсбурга.

Город был блокирован с начала июня. С северного берега Дуная его осыпала ядрами армия Галласа, с юга и востока громили батареи баварцев. Комендант города, храбрый полковник Кагге, не терял присутствия духа. Энергичными распоряжениями и личным примером он поддерживал мужество двухтысячного гарнизона и вооруженных горожан. Почти каждый день совершались дерзкие вылазки. Самая крупная из них, организованная 26 июня, стоила жизни почти четырем сотням баварцев, заброшенных ручными гранатами и изрубленных в пешем и конном строю. Курфюрст, доведенный до бешенства храбростью защитников, грозился подвергнуть город участи несчастного Магдебурга, т. е. стереть с лица земли. Лагерь осаждающих бурлил раздорами: баварцы, поставленные на вторые роли и постоянно третируемые императорскими командирами, чувствовали себя обиженными, Верт и Альтрингер все время жаловались курфюрсту.

Но дни шли, обещания герцога прийти на помощь так и оставались обещаниями. При всем желании и при всей своей энергии Бернгард не мог собрать достаточно войск для разблокирующего удара. Он все время оглядывался на непрочные тылы и ограничивался мелкими налетами. К середине июля в городе оставалось всего 38 центнеров пороха. Его хватило бы лишь на десять дней огневой дуэли. Хлеба доставало только на три недели. Кагге, державшийся до последнего, решился на переговоры. Регенсбург 25 июля открыл свои ворота. Гарнизон при оружии и знаменах ушел во Франконию. Храбрый комендант, оскорбленный так и невыполненным обещанием герцога, даже не захотел с ним встретиться в Вюрцбурге и попросил об отставке.

Император ликовал: Регенсбург стал первой крупной победой за последние два года сокрушительных неудач. Впрочем, руководствуясь стратегией компромисса, Фердинанд не захотел предаваться мести. Максимилиан получил отказ от

всяких прав на сдавшийся город, а условия сдачи оказались непривычно мягкими: разрешен был даже евангелический культ в согласии с положениями Аугсбургского мира. Главному союзнику указали на границы возможного, история с Донаувертом не повторилась. Фердинанд не забывал, конечно же, и о Дрездене: тайные переговоры с курфюрстом уже велись, и восстановление согласия и нейтралитет Саксонии были дороже, чем очередная поблажка Максимилиану. К тому же статус побежденного города — почти столицы рейхстагов — обязывал к осторожности. Уроки минувших лет не прошли для Габсбурга даром.

Тем временем Саксония действительно подавала сигналы, что готова к мирным переговорам. В мае войска Арнима совместно со вспомогательным шведским корпусом Дюваля разбили имперцев под Лигницем и вытеснили их из западной Силезии. Почва к диалогу, таким образом, была подготовлена. Оксенштирна со все более растущим беспокойством смотрел на демарши Иоганна Георга. Но было ясно: теперь все решалось на юге.

Только в конце июля, уже накануне падения Регенсбурга, Горн развязал себе руки в Швабии. Соединившись наконец с полками Бернгарда, он устремился на выручку дунайской твердыни. Союзники 22 июля штурмом взяли Ландсгут: на его улицах повторились кровавые сцены резни в Ландсберге предыдущим летом. Но плодами успеха пользоваться было уже нельзя: Регенсбург пал, имперско-баварская армия, невзирая ни на что, упрямо продолжала осаду Донауверта и принудила его к сдаче спустя неделю после падения Ландсгута. Вслед за тем 18 августа был блокирован Нордлинген, расположившийся в гигантской котловине Рис, — ключ ко всей южной Франконии. Почти одновременно испанцы кардинала-инфанта выбрались из альпийских проходов и, обходя Горна, поспешили на соединение с союзниками. Протестантскому генералу не оставалось ничего другого, как повернуть на север. Его войска, сильно истощенные и измотанные, добрались 6 августа до Аугсбурга. Им требовалось по меньшей мере несколько дней на отдых и пополнение припасов. Но весть о падении Донауверта и блокировании Нордлингена заставила выступить дальше.

Бернгард торопил осторожного Горна: как человек, исключительно щепетильный в вопросах чести, он не мог допустить повтора регенсбургского сценария.

Нордлинген (5—6 сентября 1634 г.). Союзники, казалось, опередили испанцев. Горн подходил с юго-запада, Бернгард спешил с линии Дуная. 23 августа они соединились под Бопфингеном, всего в нескольких километрах от осажденного города. Бернгард убеждал Горна в выгодах немедленной атаки. Действительно, протестантские силы, насчитывавшие 20 000 человек, почти равнялись баварско-имперской армии. Горн предпочитал подождать подкреплений: рейнграф Отто Людвиг шел с запада с 13 000 солдат, Иоганн Филипп Кратц фон Шарффенштейн с 5000 спешил с севера. Но рейнграф со своими сильно измотанными войсками так и не поспел к сражению, а Кратц появился лишь к его началу. Наконец, Горн, уступая Бернгарду, повел 24 августа атаку, вялую и нерешительную. Больших плодов она не принесла. Зато спустя несколько дней появились испанцы. На высотах под Нордлингеном они соединились с армией римского короля, сделав положение города почти отчаянным. Объединенные силы Габсбургов теперь почти вдвое превосходили своих сильно истощенных врагов. Трижды храбрец Вакерлинг, городской лазутчик, каким-то чудом пробирался в лагерь к союзникам с донесениями коменданта Даубица о необходимости срочной помощи. У гарнизона закончился хлеб, и он с горожанами отразил седьмую попытку имперцев подобраться к стенам. Горн вновь предлагал герцогу маневрировать, предвидя невозможность долгого пребывания столь огромной вражеской армии в сильно истощенной округе. Но Бернгард не хотел ни верить численности испано-имперского войска, ни бросать осажденный город. Решено было выступить, ставка была сделана на стремительность удара.

5 сентября протестантская армия покинула свой лагерь у Бопфингена. Бернгард отправил часть полков и обоз по дороге в Ульм, вводя в заблуждение врага относительно своих намерений. И действительно, Галлас, заметив столбы дыма, тянувшиеся от Бопфингена, и поторопившись объявить тревогу, успокоился, поскольку получил от хорватских разъездов донесение о движении на Ульм. Маневр Бернгарда блестяще удался.

До пяти часов дня имперская ставка в Раймлингене пребывала в неведении о местоположении врага. Но протестантам приходилось пробираться по узким дефиле сильно растянутыми колоннами. Движение постоянно тормозилось, к тому же нерасторопность шведских командиров, шедших в авангарде, привела к страшной путанице: артиллерия оказалась впереди маршевых рот. Между тем позиции имперцев и испанцев выглядели почти неприступными. Они проходили по лесистым холмам — южному обводу гигантского кратера котловины Рис. На юге возвышалась гора Альбух, на западе — лесистый Хазельберг, севернее его — высоты Лахберг и Лендле. Лишь овладев этими тремя пунктами, можно было надеяться на прорыв к осажденному городу, словно тонувшему в объятиях враждебного кольца. Чтобы разомкнуть его, протестанты, подобно волшебникам, должны были взлететь на высокие холмы.

Первая атака на Лахберг была отбита. Второй, которой предводительствовали лично герцог и Кратц, императорская конница была разбита и сброшена с высот. Здесь пал ее командир Альдобрандини. Сразивший его Иоганн Филипп Кратц, родственник епископа Вормского, не опознал полковника под закрытым забралом и был потрясен гибелью своего старого товарища, оказавшегося во вражеском стане. Он приказал доставить тело в церковь Св. Иоанна в Клейнердлингене со всеми воинскими почестями — накануне собственной катастрофы.

Вслед за взятием Лахберга немедленно последовал штурм Хазельберга. Пришедшие в себя испанцы и имперцы оказали отчаянное сопротивление. Бой продолжался в сгущавшихся сумерках, причем успех его был решен генералом Фицтумом, развернувшим три свои батареи и взявшим опушку леса под перекрестный огонь. Ближе к полуночи протестанты очистили высоту, испанцы были частью перебиты, частью взяты в плен во главе со своим майором Эскобаром.

Таким образом, с наступлением ночи у союзников в руках оказалось два ключевых пункта из трех. Оставался Альбух. Штурм его приходилось отложить до утра, даруя тем самым драгоценные часы имперско-испанской ставке.

Там между тем воцарилось на какое-то время волнение, граничащее с паникой. Венгерский король обрушился на сво-

их подчиненных со справедливыми обвинениями на безобразно поставленную разведку и на вялое поведение испанских союзников. В конце концов оперативное командование — совершенно неожиданно для всех — было поручено Галласу, и это явилось явным указанием на страх перед исходом решающей схватки. «Желаю, чтобы вы подчинялись только распоряжениям нашего Галласа», — бросил король, прощаясь со старшими офицерами. Галлас, типичный ученик покойного Валленштейна, мастер оборонительной борьбы, уподобился сгустку энергии. Он немедленно приказал укрепить Альбух и развернуть к востоку и северу от него всю массу объединенных армий.

К рассвету на главной высоте выросло три редута, образовавших подобие громадного полумесяца, обращенного жерлами пушек на запад, юг и север. Их прикрывали немцы Вурмзера и Зальма под общим командованием генерала Червелони. Три тысячи испанцев Каспаро де Торальто и конница Пикколомини подкрепляли редуты с тыла, образуя своего рода вторую линию. Правый фланг объединенной армии простирался от северных склонов Альбуха до деревушки Херкхайм против позиций Бернгарда. Здесь сосредоточились войска Лиги под началом Иоганна фон Верта, в то время как общее командование принадлежало герцогу Лотарингскому. Галлас и маркиз Леганес от испанской стороны осуществляли верховное руководство при решающем слове первого.

Численный перевес над протестантской армией был настолько громадным, что, знай Бернгард о действительном положении вещей, он вряд ли бы отважился на штурм даже при всей своей горячности. Взятый в плен майор Эскобар не утаил правду о силе испанских подкреплений. Вечером, пригласив испанца на ужин в походный экипаж, саксонец вновь получил от него тот же ответ. Добавлялось еще одно тягостное обстоятельство: обилие лощин в тылу и болотистый ручей Райнбах исключали возможность методичной рокировки по фронту и отрезали отступление. Союзники словно бы сами себя загоняли в тупик. Но Бернгард остался непреклонен.

На рассвете 6 сентября он с вершины своего холма в последний раз созерцал котловину Рис, столь прекрасную в это

время года. Герцогу предстояло всеми силами сковать неприятеля по линии фронта и если надо — подкрепить войска Горна на правом фланге. Шведам отводилась, таким образом, главная роль. В пять часов утра Горн начал штурм Альбуха. Его шотландцы первой же атакой взяли западный редут, изрубили там баварцев Вурмзера и Зальма и вскарабкались было уже на плоскогорье, где закипел отчаянный рукопашный бой. Но на захваченных шанцах взорвались пороховые заряды, а испанцы, получив подкрепления из второй линии, сбросили протестантскую пехоту с холма. Пятнадцать раз шотландцы, шведы, немцы, сменяя друг друга, бросались на крутые склоны Альбуха. Они ничего не могли поделать с хладнокровной стойкостью испанцев, численность которых выросла к 10 часам утра до 5000 человек. Каждая отбитая атака оставляла вал из трупов.

Наконец Горн вынужден был дать передышку и перегруппировать свою истощенную и почти обескровленную пехоту. Этим немедленно воспользовался Пикколомини, кинув ему во фланг спрятанную за Альбухом тяжелую конницу. Ее успели встретить шведские рейтары, и перед горой завязалась горячая кавалерийская схватка.

Тем временем Бернгард напрягал все силы между Лахбергом и Хазельбергом, стараясь стянуть против себя как можно больше неприятельских войск и облегчить, таким образом, положение Горна. Он даже бросил конницу в обход неприятельского фланга, пытаясь зайти в тыл и ободрить защитников города. Видя, что шведы заколебались, саксонец тотчас снял со своего крыла бригаду Турна и бросил ее на северный фас альбухских редутов. Слишком поздно! Турн, попав под смертоносный шквал, топтался на месте и в конце концов был смят массивной атакой латников Пикколомини. Бернгард сам теперь должен был запереться на Хазельберге и с трудом отбиваться отседающего врага. Между флангами протестантской армии рос разрыв, и туда немедленно вклинилась пехота и конница Фуэнклара, Дентичи и Пикколомини.

Стало ясно, что сражение проиграно. Теперь все зависело от того, насколько организованным будет отступление. Бернгард должен был держаться на своем холме, пока Горн не свернет войска в походные колонны и не начнет отступление на Бопфинген.

Именно тогда и произошла катастрофа. Галлас, Пикколомини и Карл Лотарингский ввели в дело все резервы и сбросили протестантов с Хазельберга. Началось поспешное отступление. Тщетно саксонский герцог размахивал своим лейб-штандартом, собирая вокруг себя бегущих. Горн почти уже достиг Эдерхайма и дороги на Ульм. Но в этот момент на его колонну обрушились бегущие полки Бернгарда. Теперь все перемешалось и всякий порядок исчез. Герцог, застигнутый водоворотом обезумевших людей и лошадей, с трудом выбрался на ульмский тракт. Горн, отрезанный от своих, был окружен дворянами свиты герцога Лотарингского и отдал шпагу. Почти 8000 солдат протестантской армии легло на поле битвы. Еще 4000 сложили оружие. Добычей императорских войск стала вся артиллерия, обоз, множество знамен и штандартов. Одним из самых прискорбных событий того дня стала гибель 5000 солдат вюртембергского ополчения: вооруженные крестьяне совсем не умели воевать. Герцог Вюртембергский в один день лишился почти всех своих наличных войск.

Из числа пленных судьба оказалась наиболее безжалостна к несчастному Кратцу. Он был доставлен в Вену, обвинен в измене и приговорен к смерти. В ночь перед экзекуцией ему удался фантастический побег в монашеском платье. Лихой генерал уже почти достиг силезской границы, но был схвачен гусарами графа Палфи. В отчаянной схватке он успел зарубить четырех солдат. Снова привезенный в Вену, Кратц в конце концов был казнен в здании городской ратуши 6 июля 1635 г.

Одно из лучших критических исследований нордлингенской битвы принадлежит перу Эриха Лео. Его диссертация целиком основана на анализе противоречий и нестыковок в отчетах генералов, Горна в особенности.²⁰

Размеры катастрофы и последствия. Битва под Нордлингеном стала столь же переломным событием на юге, что и битва при Брейтенфельде на севере. Угроза протестантского доминирования, как и католического диктата для северной Германии, исчезла здесь после 1631 г. Нордлинген стал настоящей катастрофой для Гейльброннского альянса. «Поражение настолько жестоко, насколько можно представить», — писал Бернгард Оксенштирне. Все, что он смог собрать в Гейльброн-

не спустя несколько дней, было 14 000 людей, с которыми нечего было и думать о том, чтобы защищать Вюртемберг. Еще 5000 солдат рейнграфа Отто Людвига отступали к берегам Рейна. Франкония, Баден и Вюртемберг лежали беззащитными перед нашествием врага. Шведское военное присутствие на юге Германии исчезло. Рассчитывать можно было лишь на французскую помощь.

Оставались, правда, крепости. Некоторые из них, снабженные гарнизонами и находящиеся под командованием способных офицеров, держались еще почти год, как, например, Верхний Асберг под Штутгартом. Лишь крепость Гогентвиль, возвышавшаяся на отрогах Швабских Альп, выстояла до конца войны. Ее комендант, полковник Конрад Видерхольд, наотрез отказался сдаться, отбил все штурмы и вынес все бомбардировки, явив пример исключительного мужества и самопожертвования. Герцог Эбергард выхлопотал для него баронский титул.²¹ Но то были лишь отдельные очаги, не способные оказать серьезного влияния на ход борьбы. Из городов покрыл себя славой Аугсбург, цитадель протестантизма в Баварии. Одним из первых поддержав Гейльброннский альянс, город последним сложил оружие летом 1635 г., и его сдача стоила громадной контрибуции. Максимилиан вернул себе Баварию, но два года войны дорого обошлись его подданным: страна истекала кровью, некоторые города, такие как Ландсберг или Ландсгут, лежали в руинах, лишившись почти всех своих жителей.

В течение сентября победители наводнили земли герцога Вюртембергского, маркграфа Баденского и нижний Пфальц. Сам Эбергард III, в отношении которого уже давно была объявлена опала, бежал с остатками двора в Страсбург к своей матери, последовавшей туда еще в августе. Повсюду в захваченных землях сменялась администрация, везде осуществлялась реставрация католических общин. Почти повсеместно император практиковал раздачу опальных ленов своим родственникам и чинам двора. Добрая половина Вюртемберга досталась вдове герцога Леопольда Тирольского Клавдии. Имперские рыцарские лены, владельцы которых бежали с протестантскими властями, превращались в собственность генералов и советников, таких как граф Стадион и Траутманндорф.²² Шел

процесс, обратный тому, который наблюдался после учреждения Гейльброннского союза: смена элиты, побежденной на победившую. Сам союз распался. Советники один за другим покидали Франкфурт, канцлер Якоб Леффлер, неутомимый враг Габсбургов, вынужден был искать убежище в Швейцарии. Оксенштирна, получив известие о катастрофе, по его собственному признанию, провел вторую бессонную ночь в своей жизни (первую — после вести о гибели своего короля). Император добился желанной цели. Необходимо было подытожить успех новым компромиссом.

Пражский мир (май 1635 г.). Уже с лета 1634 г. курфюрст Саксонский вел сперва тайные, а затем и открытые переговоры с уполномоченными Фердинанда. Оксенштирна не мог, да и не хотел на них влиять, боясь повредить и без того хрупкому шведско-саксонскому согласию. Было лишь перенесено место встречи — из силезского Лейтмерица в саксонскую Пирну, находившуюся под защитой шведов Иоганна Банера. Здесь саксонцы чувствовали себя более уверенно. Здесь же в ноябре выработали предварительную формулу согласия. Окрыленный Нордлингенем император добился главного: курфюрст покидал стан его врагов. Сам же Иоганн Георг сумел добиться уступок в религиозном вопросе — отсрочки исполнения реституционного эдикта до 1675 г. и выговаривал себе оба маркграфства Лаузиц. Но «Пирнские условия» рассматривались лишь прологом к общему замирению. Тридцатого мая 1635 г. после долгих и трудных переговоров в Праге был подписан итоговый документ, примирявший корону с имперскими сословиями. Слово «мир» здесь, впрочем, может считаться условным, ибо по нормам имперского права вассал не мог находиться в состоянии войны со своим сюзереном. Как бы то ни было, Иоганн Георг и Фердинанд видели этот договор платформой для общего согласия. Император заявил, что двери открыты для всех сословий, выступавших с оружием в руках против престола и готовых теперь последовать примеру Саксонии. Речь шла о компромиссе не виданного после 1618 г. масштаба, и историки сегодня по праву считают его генеральным прологом Вестфальского мира.

И тем не менее для протестантов пражские статьи были менее предпочтительны, чем те, что обсуждались в Пирне.

Император объявлял амнистию своим подданным, но не всем, а только тем, кто примкнул к шведам после 1630 г. Исполнение реституционного эдикта откладывалось на 40 лет, что воспринималось как его отмена. Границы церковных владений возвращались к состоянию на 25 ноября 1627 г., и эта дата, несомненно, была выигрышной для католиков, получавших возможность реставрировать духовные общины, занятые в ходе датской кампании. Вместе с тем исключались оккупации, осуществленные войсками Валленштейна при его первом генералате. Саксония обретала особые выгоды: император отдавал курфюрсту оба Лаузица. Маркграфства уже давно были в залоге у Дрездена. Теперь же санкционировалось их формальное присоединение к ленам курфюрста.

Но помимо механизмов внутренних соглашений император мог теперь эффективно использовать фактор внешней угрозы: распад Гейльброннского союза и возвращение его немецких участников в лоно габсбургского патронажа обнажало одиночество Швеции. Она теперь превращалась в совершенно чуждый элемент, в иноземного агрессора, кормившегося немецкой кровью. Как нельзя лучше пражские статьи использовали концепты «имперского отечества» и «немецких свобод»: иноземцам нет места на немецкой земле, шведы должны покинуть Германию. Статьи говорили о создании единой имперской армии под общим командованием короны, разбитой на два корпуса: имперско-баварский под началом Максимилиана и имперско-саксонский, предводительствуемый дрезденским курфюрстом. Одновременно распускались прочие союзные структуры: Лига и Гейльброннский союз прекращали свое существование. Так юридически закончилось «двоевластие»; император мог не опасаться организованных групп конкурентов, располагавших собственным войском.

Призыв к согласию и, казалось, мягкие условия мира вызвали огромный резонанс. В течение 1635 г. большинство до той поры враждебных Габсбургам сословий одно за другим выражали готовность подписаться под пражским соглашением: курфюрст Бранденбурга, ландграфство Гессен-Кассель, бежавший в Страсбург Эбергард Вюртембергский, герцоги Мекленбургские и даже наследники скончавшегося в 1632 г. Фридриха

Abdruck
Des
Friedens Schlusses/
Von der Röm. Käyfl. Mayt. vñnd
Churfürst. Durchl. zu Sachsen/ ic.
zu Prag außgerichtet/

Den $\frac{12}{30}$. Maij Anno

1635.

Ersilich Gedruckt zu Dresden durch Gmel
Wegen/ Churf. Sächs. Buchdruckern.

Jetzt zu Frankfurt an der Ober bey Michael Kochen
nachgedruckt.

Anno ut supra.

Пфальцского. Не отставали и имперские города: почти все они, включая Гейльбронн, Нюрнберг и Ульм, изъявили покорность Габсбургам. Император, разумеется, мог модифицировать конкретные условия территориальной реституции в отношении каждого чина. Но ему удалось добиться главного: широкого консенсуса с престолом.²³

Вопрос с кальвинистами и олигархизация Империи. Пражские статьи с некоторыми уточнениями воспроизводили главную матрицу: Аугсбургский мир 1555 г. Но, как и он, они повторили главный изъян: терпимыми в Империи оставались лишь две конфессии. Кальвинисты по-прежнему продолжали быть изгоями. Тем самым сохранялся почти вековой очаг напряженности, вокруг которого группировалась внушительная фракция имперских сословий с кальвинистским Гессен-Касселем во главе. Более того, выборочной оставалась амнистия: опальные до 1630 г. дворяне не получали никакой реституции, пфальцский вопрос так и оставался неотрегулированным. Те же сословия, которые все-таки получили прощение, подверглись сегрегации: часть знати могла обрести реституцию не прямо, а лишь после предварительного ходатайства о прощении — крайне унижительной процедуры. Немецкие князья считали подобное правило грубым нарушением их прирожденных свобод. К числу попавших под действие этого правила были графы Веттерау и среднего Рейна, такие как Зольмсы, Витгенштейны, Нассау, герцог Вюртембергский Эбергард, все еще пребывавший в изгнании. Не был отрегулирован и вопрос с Швецией: Пражский договор обрекал видеть ее иноземным врагом, вторгшимся в Империю, т. е. побуждал к продолжению войны, правда, теперь внешней. Но это означало лишь то, что Швеция, теряя поддержку в Германии, должна была искать союзников среди соседей. Главным из них, несомненно, была Франция.

Казалось, достигнутое согласие большинства элит приводило систему в равновесие. Но при этом явно нарисовывалась главная точка опоры: союз короны и курфюрстов. Император так и не санкционировал созыв рейхстага, по сути — его восстановление. Курфюрсты оставались главной группой доверенных лиц, с которой обсуждалось и решалось будущее. Георг Шмидт справедливо отмечает: Империя после 1635 г. обрела

еще больший олигархический окрас.²⁴ Ни о каком «абсолютизме» и даже о его «вариантах» речи быть не могло: Фердинанд не был столь наивен, чтобы, пережив двенадцать лет войны, вновь переделывать структуры на свой лад. Но, и это главное, маховик кровавой драмы продолжали вращать внешние силы, которые так и не были допущены к переговорам. Между тем они уже настолько глубоко вторглись в имперскую систему, что гарантировать без них достигнутый мир не представлялось возможным. Момент был упущен, и война продолжилась. Однако ее ход, возможно, был бы иным, если бы в самой Германии не оказалось изгоев Праги — кальвинистов, с готовностью принявших помощь извне и не попавших под амнистию сословий. Период 1635—1648 гг., названный франко-шведским, стал лишь частью имперско-немецкой войны. Новое название ничего не меняло в старой природе конфликта.

Глава 7

КОНСОЛИДАЦИЯ И КРИЗИС ПРАЖСКОЙ СИСТЕМЫ: 1635—1641 гг.

Франко-испанский разрыв и позиция Империи. Обозначить начало «франко-шведского» этапа годом 1635-м столь же наивно, как и полагать эту дату точкой отсчета французского вмешательства. Уже осенью 1634 г. прижатые к берегам Рейна остатки войск Бернгарда и Отто Людвига искали поддержки французской стороны. Первого ноября представители практически развалившегося Гейльброннского союза заключили договор с Францией: им было обещано 500 000 ливров на содержание 12 000 солдат. Тогда же войска маршала Ла Форса перешли Рейн у Маннгейма и отбили у императорских генералов Гейдельберг. Военные действия, сперва осторожные и нерешительные, все больше разворачивались вокруг Эльзаса и нижнего Пфальца. Война Империи с Францией шла, не будучи объявленной. Именно тогда произошел открытый разрыв Парижа с Мадридом. Испанцы отважились на дерзкий шаг: их войска в марте 1635 г. врасплох напали на Трир, уже занятый французским гарнизоном, и захватили город вместе с пребывавшим там курфюрстом-архиепископом Филиппом Христофором фон Зеттерном, ярым католиком, но верным другом Франции.

Пленение союзника, причем с грубым попранием его прав как подданного Империи, привело в ярость Ришелье. Тем более, что курфюрст за несколько месяцев до этого назначил первого министра коадьютором епархии, и это шаг, предполагавший установление французами полного контроля над Триром.

В мае 1635 г. через своего герольда в Брюсселе король Людовик XIII бросил публичный вызов Филиппу IV. Ришелье шел на огромный риск: страна едва ли была готова к долгой войне. То было настоящее испытание для короля, его первого министра и всей системы, созданной за последние годы. Но выбора не было: катастрофа протестантов 1634 г. коренным образом меняла баланс сил. Появление армии кардинала-инфанта в Нидерландах грозила новыми бедами для Республики Соединенных провинций. Исход борьбы был теперь совершенно неясным, и Ришелье легко мог предвидеть помощь Мадриду со стороны Вены, благодарной за победу под Нордлингенем. Именно подобная точка зрения обычна для европейского взгляда на Тридцатилетнюю войну: борьба Франции с Испанией превращается в ее исключительно важную составляющую. Война становится едва ли не первым общеевропейским конфликтом — столь понятным для современников XX в., переживших 1918 и 1945 гг. Но для судеб Германии и Империи все эти линии играли лишь исключительно побочную роль: война, начавшись с конфликта внутренних структур, могла окончиться лишь новым внутренним компромиссом. Внешние силы провоцировали, осложняли, подчас диктовали условия, но не могли подменить почву, причину и, следовательно, условия прекращения разногласий. Потому ход франко-испанской войны, равно как и испано-нидерландской, будет нами затронут лишь в той мере, в какой он помогает осветить внутригерманские обстоятельства.

Ришелье сильно рассчитывал теперь на помощь полков Бернгарда, пытаясь мобилизовать все, годное к бою, из остатков войск Гейльброннского альянса. Бернгард как мог тревожил имперских и баварских генералов, находящихся между Рейном и Неккаром. В конце концов с горстью людей он ушел в Эльзас — последний клочок Империи, в значительной мере оставшийся еще под контролем протестантов. Вена делала ему заманчивые предложения; она готова была даже вручить ему жезл командующего целой армией, только бы лишить сопротивление столь славной фигуры. Но веймарский герцог остался верен своему делу. Он просил у французов лишь денег и обещания послевоенной реституции. Ришелье охотно пошел навстречу. В Сен-Жермен-ан-Ле 27 октября Бернгард заключил

с Францией формальный договор. Получив 600 000 ливров субсидии, он обещал выставить 12 полков, с которыми решил защищать Эльзас. Пребывание саксонца в Париже обрастало слухами, и столь большое внимание к его персоне лишь указывало на крайнюю необходимость для Франции заполучить надежного союзника.¹ Летом и осенью 1635 г. «веймарская армия» совместно с французскими войсками маршала Брезе успешно защищала Эльзас, хотя попытка пробиться к Льежу и перерезать коммуникации по линии Мааса окончилась большими потерями и отступлением. Французским генералам не хватало опыта, вооруженные силы Франции находились в стадии развертывания и все еще не были способны к крупным операциям.² Бернгард со своими полками один не мог гарантировать успех.

Вена в свою очередь прекрасно понимала: за Нордлинген с Испанией нужно расплатиться прямой военной помощью. Разрыв Мадрида с Парижем лишь отягощал выбор. Возникла перспектива большой войны, исход которой был туманным, и виделся огромный риск для всей имперской системы, с таким трудом реорганизованной в Праге. Будет ли успешным это испытание? Не даст ли хрупкий компромисс новую трещину? Габсбургам очень не хотелось новой войны. Но выбор все же был сделан, правда, в своеобразной форме. Со стороны Вены не последовало открытого вызова, как то сделал Париж по отношению к Мадриду. Манифест, подготовленный от имени Фердинанда III, остался лишь черновиком, отклоненным императорским советом. Вена ограничилась заявлением, изданным в марте 1636 г. и предназначавшимся для французского населения. Появление императорских войск на территории Франции в нем оправдывалось намерением гарантировать безопасность старого друга Империи и ее вассала герцога Лотарингского. Выразалась надежда на «надежный и справедливый мир» с французской короной. Париж понял этот сигнал и в свою очередь не отвечал на манифест публичным демаршем.³

Поведение Швеции. Висмарский договор (март 1636 г.). На другом конце Европы, в Швеции, лихорадочно искали выход из крайне тяжелого положения. Оксенштирна осознавал: после пражских событий в Германии у него почти не осталось

союзников. Возникла дилемма: стоит ли продолжать войну, или же лучше искать почетного мира? В самой Швеции в кругах элиты не было единства по этому вопросу. Сам канцлер готов был начать переговоры с Веной и условиями. Речь шла о компенсации за те услуги, которые корона оказала единоверцам в деле защиты веры и их «имперских свобод». Вена, впрочем, с самого начала саботировала переговоры, превращая их фактически лишь в видимость, — настолько там были уверены в победоносном завершении войны. Саксония от имени евангелических сословий предлагала шведам два миллиона гульденов сатисфакции. Это не устраивало шведскую корону: мало того что жизнь короля, погибшего за «немецкие свободы», стоила всяко дороже, так требовались еще и территориальные гарантии, особенно важные в померанском вопросе. Переговоры в Шёнебеке на Эльбе летом и осенью 1635 г. протекали исключительно тяжело. Постепенно Стокгольм стал склоняться к более радикальным шагам: помимо всего прочего требовалась сатисфакция армии, которая, брошенная политиками на произвол судьбы, становилась тяжким бременем для родины уже по возвращении домой. Курфюрст Саксонии чем дальше, тем больше охладевал к идее мирного расставания недавних союзников. Воодушевленный консолидацией сил и удовлетворением своих требований, он готов был рискнуть и начать новую войну. Шведы же, уже не надеясь на бывших союзников по Гейльброннскому альянсу, пошли на новое сближение с Францией. В марте 1636 г. в Висмаре был заключен еще один договор с Парижем. Он восстанавливал французское финансирование шведской армии, правда, пока только на два года. Для Ришелье было теперь крайне важно не дать уйти шведам из Германии: оказавшись в огненном полукольце, Франция помимо Нидерландов могла рассчитывать лишь на одного действительно сильного партнера — Швецию. Ко всему прочему французские дипломаты помогли Стокгольму выбраться из западни польской войны. Тогда же в Штумсдорфе шведы продлили перемирие с Речью Посполитой, избавившее от необходимости держать на прусской границе внушительные контингенты. Сделка, впрочем, дорого обошлась скандинавам: западная Пруссия, обильно политая шведской кровью в предшествовавшие годы, одним рос-

черком пера возвращалась обратно Польше. Но германские дела стоили того.

Возобновление военных действий на севере. Банер на Эльбе, Демитц и Киритц (октябрь—декабрь 1635 г.). Уже с конца лета курфюрст Иоганн Георг поспешил развернуть свои войска против новых «врагов Империи». На службу старательно вербовались ветераны походов покойного короля, его бывшие немецкие союзники. Ими особенно дорожили, тем более что саксонцы едва ли имели достойную репутацию: будучи на вторых ролях даже при короле, они вряд ли проявили бы доблесть в борьбе против бывших союзников и единомышленников. В августе близ Мюльхаузена генерал Фицтум от имени курфюрста привел к присяге полки герцога Веймарского Вильгельма: 3400 всадников и 1500 пехотинцев. По настоятельному совету имперского резидента Курца 16 октября курфюрст публично объявил о разрыве с шведами. Из Ашерслебена он отдал знаменитый «кровавый приказ» (*Blutsbefehl*) своему новому командующему Баудиссену, в котором требовал преследовать шведов до их полного изгнания из Германии. Вслед за тем последовали «авокатории», отзывавшие ленников курфюрста с шведской службы и грозившие за отказ смертными карами.

У Банера давно уже не было никаких иллюзий насчет переговоров, и он предвидел скорый разрыв. Но ему требовалось время, чтобы собрать свои сильно распыленные на равнине между Магдебургом и горами Гарц войска. Весь расчет курфюрста и его генералов, таким образом, строился на внезапности удара. Надо было отрезать шведов от Померании, загнать их на равнину к западу от Магдебурга и здесь уничтожить ударами со всех сторон. Успех зависел от того, сколь быстро удастся завладеть линией Эльбы и принудить Банера остаться на западном берегу. Курфюрст бросил Фицтума и Ден-Ротфельсера с конницей в глубокий обход по Старой Марке, а сам с Баудиссеном и главной армией стал спускаться вниз по Эльбе. Шведы оказывались почти в западне. Счет времени шел на часы. Но Банер оказался достоин своей славы: в мгновение ока он собрал 200 эскадронов конницы и несколько полков. С ними, не теряя ни минуты, он устремился к Эльбе и 19 октября переправился на восточный берег почти под носом у саксонцев. Сообщению с Померани-

ей теперь ничто не угрожало. Баудиссен попытался исправить ошибку, напал на Демиц с 7000-ным войском, но здесь был совершенно разбит генерал-лейтенантом Рутвенем (22 октября). Обоз и пушки были брошены, почти все старшие офицеры пленены, а сам фельдмаршал спасался вплавь в осенних водах Эльбы.

Банер мог теперь не спеша развернуться против Фицтума и Ден-Ротфельсера. Напугав курфюрста внезапным броском к Руппину и заставив его поспешно отступить к Хафельбергу, он, подобно кошке, играющей с мышью, стал кружить вокруг двух саксонских генералов. Зная, что им на помощь из Померании выступил граф Морцин, он не дал противнику соединиться, обрушившись на саксонцев всей своей мощью и обратив их в бегство под Кирицем (7 декабря). Союзники императора впервые ощутили на себе шведскую месть: свыше 5000 саксонцев пало или было взято в плен, их кавалерия рассеялась. «Стратегические Канны» обернулись для Банера разгромом нападавших по частям. Успех ободрил Оксенштирну, хотя он и понимал, что эта победа не была решающей.⁴

«Патриотизм» имперских сословий. Тем временем Империя переживала стадию настоящей одержимости идеей патриотизма. Пропаганда короны через листовки, памфлеты и брошюры стремилась донести до сословий главную мысль: внутренняя война закончена, теперь всем, протестантам и католикам, следует во имя мира сплотиться и обрушиться на внешних врагов. Публицистика тех лет, прекрасно исследованная Адамом Вандруцка, живописала коварство шведов, их своекорыстие, алчность и невероятную жестокость. Впрочем, протестанты платили той же монетой.⁵

Кампания 1636 г. Сражения во Франции, Бургундии, Эльзасе. В ходе возобновившейся войны формировались три главных театра: юго-западный, охватывавший первоначально Эльзас и имперскую Бургундию, позже включивший в себя и Швабию; северо-восточный, где сражались шведы, — он охватывал балтийские герцогства, Бранденбург, Саксонию и Богемию; и наконец, центральнонемецкий с Гессеном, впрочем, заявивший о себе позже остальных.

Стратегический план Габсбургов на 1636 г. исходил из совершенно верной посылки: как можно быстрее выбить из вой-



IOHANNES GEORGVS D.G. DVX SAXONIAE LANDGR.
THVRINGIAE MARCHIO MISNIAE SAC ROMAN.
IMP. ARCHIDVX

Курфюрст Саксонии Иоганн Георг I (1585—1656). Наряду с герцогом и курфюрстом Баварии Максимилианом I ему суждено было пережить войну, будучи главным патроном евангелических сословий Империи. Современная гравюра.

ны Францию, пользуясь относительной стабильностью на нидерландском театре. Весной 1636 г. проходили совещания с участием лучших имперских и испанских генералов: Галласа, Пикколомини, наследного принца, короля Венгрии. Решено было нанести комбинированный удар — из Франш-Конте в Бургундию с выходом в Шампань и из южного Брабанта в Пикардию прямо на Париж. То был один из немногих примеров координирования крупных воинских масс на весьма удаленных друг от друга направлениях. До сих пор об этих операциях говорят лишь как о частных наступательных инициативах. На самом деле за ними угадывается дерзкий и вполне оправданный замысел: союзники прекрасно отдавали себе отчет, что значило бы затягивание войны на два фронта.

В начале лета испанская фландрская армия под общим началом кардинала-инфанта и принца Томмазо Савойского в качестве генерал-лейтенанта вторглась в Пикардию, одну за другой заняла крепости, находящиеся на Сомме, и вышла к Марне. Рядом с ней оперировал летучий корпус баварцев фон Верта. Французские генералы располагали лишь мелкими силами, не успевали сконцентрировать их на центральном направлении и боязливо жались к Парижу. В августе испанцы блокировали Корби, легкоконные разезды Верта появились в окрестностях столицы. Конечно, общих сил наступавших едва ли хватило на проведение долгосрочной кампании, но их прорыв вызвал панику при французском дворе. Ришелье мобилизовал все, годное к бою, и даже сам участвовал в возведении земляных укреплений. Отовсюду спешили только что сформированные войска. Казалось, впервые со времен итальянских войн страну охватило столь большое воодушевление. О распрях фракций забыли, единение против пособников «испанской партии» вдовствующей королевы было налицо. Ришелье вновь сыграл блестящую роль центральной фигуры, могучей пружины, направлявшей движение. Его кипучая энергия вселяла уверенность и мужество в слабого монарха.

До решающей встречи дело, впрочем, не дошло. Испанское наступление стремительно выдыхалось: большая часть сил была прикована к стенам Корби, активно действовать могла лишь конница Верта. Крохотная крепость в конце концов пала, и ее

защитники не смогли продолжить движение на Париж. К концу лета французские генералы сумели создать плотную завесу на Марне, Корби был отнят вновь и армия принца Савойского ретировалась обратно в южные Нидерланды.

На востоке наступление также поначалу обещало успех. Галлас со своей 40-тысячной армией, опираясь на крепости Франш-Конте, устремился в Бургундию. Ему удалось пробиться к Шалону и выйти к берегам Соны. Но отвратительное снабжение, плохое управление войсками и вспышки эпидемии обескровили его войска. Осенью начался отход в восточную Бургундию, едва ли не с половиной тех сил, с которыми кампания начиналась. Галлас, исполнительный служака, привыкший быть на вторых ролях в школе Валленштейна, здесь словно предвосхитил свою судьбу: спустя восемь лет его армию вновь постигнет та же участь, на сей раз на полях северной Германии.

Бернгард тем временем успел пополнить свои полки, отчаянно цеплялся за междуречье Мааса и Рейна и сохранил ключевые пункты Эльзаса.

Северо-запад: Витшток (4 октября 1636 г.). У шведов больше не осталось союзников среди немецких князей, надеяться приходилось лишь на собственные силы. Единственным исключением был ландграф Вильгельм V Гессен-Кассельский, решившийся продолжать борьбу за свое наследство. Но у него почти не было войск, а из крепостей — лишь Ганау, с лета 1636 г. осажденная имперцами и до 1637 г. остававшаяся, по сути, единственным опорным пунктом протестантского дела в центральной Германии. Банер, получив несколько тысяч человек подкрепления из Польши, маневрировал на западе бранденбургских владений и хотел пробиться к Магдебургу, чтобы, опираясь на него, прорваться к Саксонии. Но в сентябре 1636 г. Магдебург пал. Курфюрст и новый его командующий граф Гацфельд пытались повторить прошлогодний маневр и отрезать Банера от его баз по Одере и в Померании. Союзники настигли шведов у Витштока, в Пригницком округе. Они укрепились на высоте Шерфенберг под прикрытием мощной артиллерии. Позиция была идеальной и для обороны, и для наступления — почти неприступная с фронта и к тому же выгодная, на случай если бы Банер решил все же отойти. Снявшись с нее, можно

было легко догнать шведов и атаковать их в спину. Банер сосредоточивал войска на болотистых лугах у подножия Шерфенберга, став, по сути, заложником долгой маневренной борьбы. Офицеры советовали ему быстрее отойти, продолжить своеобразную шахматную партию в округе или, по крайней мере, предложить помериться силами на более выгодной местности. Но Банер снова выказал силу своего парадоксального ума: он отважился на штурм. Фельдмаршал решил пожертвовать своим правым флангом, бросив шотландцев Лесли и шведов Торстенсона на крутые склоны Шерфенберга и послав в обход колонну генерала Кинга.

Целый день 4 октября его пехота под убийственным огнем тщетно пыталась опрокинуть левый фланг союзников. Саксонцы лишь слегка подались назад, сократив линию фронта. Гацфельд, убежденный, что здесь решается судьба сражения, поспешил притянуть добрую половину войск с правого крыла. Пехота Торстенсона была измотана и обескровлена. К концу третьего часа битвы она дрогнула и стала отступать, устилая сотнями трупов склоны горы. Наступил опасный перелом. Казалось, шведам уготован второй Нордлинген. Люди падали вокруг фельдмаршала, словно срезанные колосья. Сам он признавался, по словам Хемнитца, что никогда не видел подобного пекла. Во время подошедшие три шотландские бригады Лесли подкрепили фронт, но долго держаться войска Банера уже не могли.

Темнота быстро сгущалась, бой необходимо было прекращать, а о левом крыле Кинга все еще не было никаких известий. Между тем его колонна, прячась в кустарниках и лощинах, никем не замеченная, завершала концентрацию в самом тылу союзников. Уже глубокой ночью треск мушкетных выстрелов и крики дерущихся разбудили императорских генералов, прилегших вздремнуть и почти уверенных в скорой победе. Саксонцев охватила паника. Гацфельд, образцовый методист, всегда боявшийся ответственных решений, уговорил курфюрста очистить лагерь. Отступление обернулось повальным бегством. Брошен был весь обоз с серебряной утварью курфюрста и почти вся артиллерия.⁶ То была первая крупная и очень важная победа шведов после 1634 г. Они не только восстановили славу своего оружия, но и развеяли иллюзии врагов: теперь со-

юзникам предстояла война на истощение, иными словами, самый тяжкий путь к миру.

Торгау, обратный отход Банера в Померанию, кризис 1638 г. Прямым следствием витштокской битвы стало возвращение Банера в Саксонию. Описав крюк, он из Тюрингии вошел в наследственные земли курфюрста и подверг их нещадному опустошению. Нигде надолго не задерживаясь и блокировав Лейпциг, Банер захватил и заперся в Торгау. Последовала четырехмесячная отчаянная оборона этой твердыни на Эльбе, вынудившая имперское командование стянуть туда почти все силы из Богемии и Силезии. Запертый со всех сторон, Банер тем не менее вырвался из западни и последовал в конце лета на север. Курфюрст и императорские генералы в третий раз хотели устроить ему ловушку, на сей раз на берегах Одера. Но Банер ускользнул вновь. Отослав обоз с женами и маркитантами и заставив конницу врага идти по ложному следу, он с основным войском устремился к берегу, перетащил на канатах пушки и переправился сам. На восточном берегу он наконец соединился с Карлом Густавом Врангелем, ожидавшим его с резервами из Померании.

Тем не менее закрепиться вдоль Одера шведам не удалось. Союзники упрямо стремились к берегам Балтики. К концу 1637 г. большая часть западной Померании и Мекленбурга уже оказались в их власти. У шведов оставались лишь четыре опорных пункта на самом побережье: Штральзунд, Варнемюнде, Висмар и Штеттин. Один из них — Варнемюнде — был вскоре взят, вслед за тем очищен остров Узедом. С января 1638 г. началась блокада Висмара, угроза нависла над Штеттином — главной базой шведов в Померании.

В Дрездене и Вене торжествовали: казалось, возвращались победоносные дни датской кампании. Еще немного — и «шведский лев» был бы сброшен в воды Балтики. Оксенштирна снова раздумывал над прекращением войны. Канцлер даже был готов оставить Германию без всяких условий. Ресурсы Швеции подходили к концу, немецкие полки быстро таяли, офицеры и солдаты, не получая жалованья, не хотели проливать кровь.

Но то, что до последнего времени вредило шведам, — малочисленность и плохое снабжение — теперь бумерангом било по

союзникам. Эпидемии и почти выжженная земля опустошали их ряды. Войска их не столько дошли, сколько докатились до побережья, лишённые сил для крупномасштабных и длительных операций. К лету 1638 г. у них уже не оставалось мощи ни на осаду гаваней, ни на крупные сухопутные операции. Быстро назревал кризис кампании. Перелом наступил под стенами Висмара. Осаждающие до конца марта топтались посреди сожженных деревень и хуторов, страдая от голода, холода и не имея сил даже замкнуть кольцо вокруг крепости. Шведы беспрестанно совершали вылазки и набеги. Их летучие эскадроны не давали покоя ни днем, ни ночью. Держаться более в поле императорские генералы не могли. В канун Вербного воскресенья 1638 г. осада была снята.⁷

Из Швеции в Померанию между тем непрерывно прибывали подкрепления: Штумсдорфское перемирие с Польшей позволяло перебросить войска с восточного театра. Союзники, так и не получив серьезных баз по побережью, стали откатываться на юг. Банер, отдохнув в устье Одера, смог возобновить борьбу.

Возвращение Банера в Саксонию, Хемниц (14 апреля 1639 г.). Осенью 1638 г. небольшая армия Банера, едва насчитывавшая 14 000 мушкетов и палашей, подобно остро отточенному кинжалу, описав дугу и покинув уже совершенно разоренный Бранденбург, пронзила Саксонию. Этот прорыв стал полной неожиданностью для курфюрста. Не надеясь на свои распыленные и ослабленные полки, Иоганн Георг, почти не покидавший Дрездена, вновь призвал на помощь императорские войска Гацфельда и Галласа.

Банер, нигде надолго не задерживаясь, скорыми маршами подошел к Фрайбергу. Осада затянулась, и ее пришлось снять при известии о приближении войск императора. Шведы не захотели терять темпа и последовали вслед за неприятелем, хотя у Банера не было и 9000 солдат. Галлас не ожидал столь дерзкого маневра. Его арьергард был атакован и рассеян шведской конницей при приближении к Хемницу. Сам же он успел оторваться и 14 апреля встретил шведов полным боевым порядком. Его левый фланг опирался на город Хемниц, правый был прикрыт одноименной речкой. Но Банер почти с ходу повел

энергичную атаку всей своей конницей, и Галлас уже несколько часов спустя оказался сбитым со всех позиций. Отход быстро перешел в паническое бегство. Шведам не пришлось даже задействовать пехоту и артиллерию. Зато артиллерия противника почти вся досталась им.

Битва при Хемнице имела такое же большое значение, что и битва при Витштоке. Между ними протягивается дуга — цикл операций, прошедший критическую для шведов точку летом 1638 г. Скандинавы счастливо преодолели все испытания и вышли победителями почти из безнадежных ситуаций. Впрочем, 14 апреля имело еще одно важное следствие. Военные ресурсы Саксонии оказались на исходе. Курфюрст уже не мог самостоятельно планировать и осуществлять операции без поддержки Вены. Отныне военная мощь Империи обременялась постоянной заботой о саксонском театре.

Банер развил успех. Хотя ему и не удалось вслед за хемницкой победой принудить к сдаче Фрайберг, он тем не менее двинулся в Богемию. Впервые после 1632 г. наследственные земли императора испытали нашествие врага. Банер дошел почти до Праги: его войска отдохали и грабили, вознаграждая себя за лишения померанских и бранденбургских дней. Галлас и Морцин оказались не способны противостоять победоносному врагу. Император спешно отозвал из Нидерландов Пикколомини, который летом 1639 г. разбил французов маркиза де Фёкьера под Тионвилем. Но и он мало что мог предпринять в стране, которая была совершенно разорена: Богемия постепенно становилась такой же пустыней, что и Мекленбург с Померанией.

Таким образом, на северо-западе произошел резкий перелом. Новый император обречен был на продолжение борьбы с очень сильным врагом, победные перспективы откладывались на неопределенное будущее.

Последние успехи Пражской системы. Съезд в Регенсбурге, кончина Фердинанда II. И все же конструкция, возведенная статьями 1635 г., долгое время оставалась вполне стабильной. Поражения 1636—1637 гг. не выглядели фатальными. В глазах элиты они еще не раскачивали устои внутреннего мира. Фердинанд II, пользуясь относительной консолидацией, хотел наилучшим образом использовать свой триумф. Главной

его целью теперь было избрание наследника — то, что не удалось добиться за шесть предыдущих лет.

Съезд курфюрстов в Регенсбурге, собравшийся осенью 1636 г., хорошо отразил тенденции, резко обозначенные Пражским миром. На нем лично присутствовали четверо из семи выборщиков Империи: Фердинанд III, Максимилиан Баварский и два духовных курфюрста: архиепископы Кельна и Майнца. Как и прежде, протестанты — курфюрсты Бранденбурга и Саксонии — представляли свои интересы через уполномоченных. Регенсбургский съезд напоминал настоящий форум элит: прибыли посланцы от короля Испании, Польши, Англии, Франции, Дании, от Республики Соединенных провинций. Тотчас возникла дискуссия о правомочности коллегии в условиях, когда один из ее членов, архиепископ Трирский, был насильственно отрешен от должности, захвачен испанцами и пребывал в заключении. Император указал на совершенную оправданность происшедшего, вменил в вину опальному князю дружбу с Францией и злоумышления на интересы и лены Империи. Курфюрсты промолчали. Тщетно пытался защитить свои права и наследник опального Фридриха Пфальцского Карл Людвиг: он требовал реституции, основываясь на статьях Золотой буллы, призывал к полной амнистии и протестовал против избрания «римского короля» при отсутствии полноценной коллегии выборщиков. Курфюрсты безмолвовали вновь, протест Карла Людвига был лишь принят к сведению. Более того, Фердинанд II добился от коллегии неслыханного: своей волей вотировать в Империи налог в 120 «римских месяцев» на продолжение войны. Коллегия фактически подменила рейхстаг! Решения съезда лишь подчеркнули олигархический дуализм, уже сложившийся накануне войны: соправление императора и курфюрстов. Молчание их в Регенсбурге ничуть не ограничивало их полномочия. Они гарантировали себе выборное право, право свободных собраний для обсуждения текущих дел, обязательное согласование короной вопросов войны и мира и возможность использования иноземных армий, церемониальное право предпочтения перед любыми другими иноземными представительствами. Курфюршеская коллегия превращалась в настоящий соправительственный орган Империи. Более того, на

деле оказывалось, что чаще всего предварительные решения готовились тремя лицами: императором, курфюрстом Баварии и курфюрстом Саксонии.

Но одновременно выявились разногласия по поводу продолжения войны. Курфюрсты дали понять императору, что скорейшее водворение мира — первоочередная задача власти. Следовало это сделать за счет более последовательной амнистии и скорейших соглашений с воюющими державами. Фердинанд между тем продолжал отстаивать свое видение проблемы: ему нужны были «имперские свободы», прежде всего отсутствие внешнего вмешательства. Сперва нужна решительная победа, триумф и лишь затем мир. Курфюрсты, хотя и безуспешно, хлопотали за князей, оказавшихся в опале после 1630 г., особенно за Эбергарда Вюртембергского. Фердинанд согласился лишь на смягчение условий.

Еще важнее, однако, были просьбы курфюрстов о скорейшем созыве рейхстага. Подобное желание прекрасно очерчивало границы имперской воли: даже для олигархической группы, узкой и, казалось, податливой на контроль, опора на традиционные институты оставалась приоритетом.

Под занавес съезда Фердинанд Венгерский наконец был избран «римским королем». 30 декабря состоялись коронационные торжества. Мечта отца сбылась, он увенчал свои старания личным и династическим триумфом. Уже в Регенсбурге Фердинанд чувствовал себя весьма скверно. На обратном пути в Вену он разболелся и 2 февраля скончался в Хофбурге на руках своего егермейстера графа Мансфельда.⁸

Регенсбург подытожил возможности двух путей развития имперской системы после 1635 г.: замораживания олигархических структур (корона и курфюрсты) или широкого согласия. Второй путь предполагал три элемента: полную амнистию, заключение окончательного мира и восстановление рейхстага. Его успех означал бы возвращение к исходной точке: к реалиям 1555 г. Однако добиться этого можно было лишь ценой нового пересмотра пражских статей.

Европейские державы предлагали свои варианты замирения. Самым перспективным из них оказался вариант Ришелье: кардинал считал, что необходимо учитывать интересы всех

участников противостояния, включая имперские сословия. Речь шла о возможности переговоров всех со всеми: сегодня некоторые историки видят здесь рождение европейского баланса сил. В 1635—1637 гг. Ришелье уже прилагал усилия в этом направлении. Папа Урбан VIII поддержал предложение кардинала и, встревоженный затянувшейся войной между единоверцами, хотел помирить прежде всего Париж, Мадрид и Вену. Открылся конгресс в Кельне, на котором появились посланцы Франции, Испании и Империи. Но усилия папы и Франции мало к чему привели. Их идеи входили в противоречие с тем, что предлагала Вена в 1635 и 1636 гг. и тем более Мадрид, для которого сокращение Франции виделось первоочередной задачей. По крайней мере, для мира в Империи была необходима очередная реорганизация имперских структур. Достижимой она могла стать лишь на полях сражений. И только в Германии.

Фердинанд III. Новоизбранный император, молодой человек почти двадцати лет отроду, казалось, соответствовал заветам отца и давней традиции. Безупречный католик, выросший под внимательной опекой родительской четы, любивший музыку и языки, он никогда не выражал готовности уступать иноверцам. Как и отец, он скорее выглядел администратором, предпочитавшим управлять из одного центра, не размениваясь на частное вмешательство. К тому же война явно сужала пространство его деятельности. Как и отец, Фердинанд III считал возможным вмешиваться в военные вопросы, прислушиваясь, однако, к советникам и опытным генералам. Принц познал запах пороха и нелегкий труд управления большими массами войск под Регенсбургом, Донаувертом и Нордлингенем, но позже на фронт никогда не стремился и не считал себя экспертом в военных делах. Его последующие командные назначения, часто неудачные, лишь подтверждали это.

Но большая часть его жизни все же прошла под знаком войны. Он был прекрасно информирован об утратах и лишениях, сам принимал деятельное участие в устройении разоренных земель и своих подданных. Вместе с ним в Вене появилась фракция его старших и младших современников, большей частью невоенных, сведущих управленцев, имевших за плечами трудовые карьеры в структурах монархии, — таких как Мак-



Фердинанд III, наследовав корону в 1637 г., стал свидетелем распада Пражской системы и должен был, быть может против воли, открыть путь широким переговорам с подданными и иноземными державами. Его по праву можно считать одним из творцов Вестфальского мира. Портрет кисти Яна ван ден Хуке, 1643 г.

симилиан фон Траутманнсдорф (1584—1650) или позже Иоганн Вейкхард фон Ауэршперг (1615—1677). Условно их можно причислить к прагматикам, видевшим первоочередную выгоду в стабильности и мире. Будучи убежденными католиками, они сторонились иезуитов и прямого вмешательства Церкви в большую политику. В 1637 г. Фердинанд издаст знаменитый панегирик своему отцу, написанный духовником покойного императора Вильгельмом Ламорменом, — блистательный образец барочной риторики с тщательно выписанным образом идеального правителя. Но этот трактат станет лебединой песней активного присутствия иезуитов подле престола. С восшествием Фердинанда III началась смена поколений в придворном обществе Вены. Ровесники войны отнюдь не жаждали ее продолжения — включая генералов и все более разорявшуюся массу низшего дворянства. Колебания военного счастья предшествующих лет не гарантировали столь желанный Фердинандом II триумф. Кроме того, наследник имел наглядный опыт консолидации в Праге. Он и его выдвиженцы оказались открыты к согласию больше, чем их предшественники. Так постепенно в Вене складывалось одно из важнейших условий будущего компромисса.⁹

Глава 8

КРИЗИС И НАЧАЛО РАСПАДА ПРАЖСКОЙ СИСТЕМЫ 1638—1641 гг.

Системное согласие стало рушиться к концу 1630-х гг. Регенсбургский съезд стал последней попыткой укрепить единство сословий вокруг короны на условиях олигархического соправления. Логичного итога достиг процесс, начавшийся после распада рейхстага в 1608 г. Дефицит широкой солидарности ощущался все больше. Вариант, предложенный Габсбургами, — жесткая консолидация без уступок «своим» и против «чужих», т. е. иноземных захватчиков, — стал давать сбои, особенно под влиянием тяжелых военных неудач.

Перелом на юго-западе. Бернгард на Рейне. Двойная битва под Рейнфельденом (февраль—март 1638 г.). Если шведов лишь с большими усилиями к 1638 г. удалось оттеснить к балтийскому побережью, то еще тяжелей складывалась для Габсбургов ситуация на юго-западе. После потери в 1636 г. почти половины армии в Бургундии уже не планировалось широкомасштабных наступлений на восточную Францию. 1637 г. прошел в напряженных оборонительных и наступательных боях. Императорское командование стремилось если не добиться решающего перевеса сил в Эльзасе, то по меньшей мере блокировать армию Бернгарда и не допустить ее активных действий в направлении верхней Бургундии и Рейна. Географическая конфигурация благоприятствовала стратегии: против веймарских войск с востока, со стороны Рейна и Шварцвальда, предполагалось направить императорскую армию герцога Савелли, в то время как главный союзник Габсбургов в этом регионе герцог Лотарингский преграждал бы путь в верхнюю Бургундию, а корпус Иоганна фон Верта блокировал северное направление.

Наконец, из Вестфалии спешила вспомогательная армия графа Гётц. Таким образом, в теснинах между Вогезами и Эльзасом для Бернгарда и его полков готовилась западня. Сам герцог между тем весьма дорожил своим эльзасским плацдармом. У Ришелье он выговорил право получить взамен потерянного франконского герцогства равноценное «княжество» в Эльзасе и хотел, чтобы его права там были подкреплены итоговым миром, поскольку опасался присутствия у себя под боком французских войск, которые на правах союзников собирался было направить туда король Людовик XIII. Ревность Бернгарда могла дорого ему обойтись: к началу новой кампании он со своей 15-тысячной армией оказался, по сути, единственным ответственным за оборону всего громадного региона. Ставка была сделана на то, что так любил саксонский герцог: быструю маневренную войну, насыщенную постоянными болезненными уколами. На помощь приходил и гористый ландшафт, сплошь состоявший из лесистых отрогов, лощин и плоскогорий с рассыпанными на них небольшими крепостями и городками. Подобно змее Бернард проскользнул в начале лета во Франш-Конте, прогнал лотарингский заслон от Безансона, тотчас повернул через Монбельяр к Рейну, перешел его у Рейнау и укрепился на острове между двумя рукавами реки напротив деревни Виттенвейер.

Видимо, тогда уже в его уме созрел дерзкий план: перенести войну в Шварцвальд и Швабию. Значение этого плана легко понять: до сих пор у Габсбургов здесь имелся, помимо солдат, естественный «союзник»: полукольцо горных хребтов, протянувшихся по западной Швабии и смыкавшихся на юге в Швейцарии с Большими Альпами. То была настоящая нерукотворная крепость, омываемая Рейном и исстари служившая рубежами имперских ленов. Потеря ее означала бы тягчайшую катастрофу: противнику открывалась вся внутренняя Швабия, а следовательно — и путь в предсердие Империи, в Баварию. Кроме того, терялись бы важнейшие коммуникации с Бургундией и Лотарингией. И тогда, и позже Габсбурги уделяли колоссальное внимание своему присутствию там. Ключевым звеном имперских укреплений считался Брайзах — хорошо укрепленная твердыня, возвышавшаяся над одноименным городком

на Рейне. Брайзах не только защищал дорогу в Империю, но и контролировал весь Верхний Рейн, по которому снабжались имперские города Эльзаса, прежде всего Страсбург. Если Бернгард и не думал в 1637 г. еще, собственно, о Брайзахе, то, во всяком случае, мысль прорваться в «лесные города» между Базелем и Рейном определяла все его действия. Появиться там, где его никто не ждал, с юга ворваться в почти неприступную природную цитадель!

Бернгард разбил зимние квартиры близ Монбельяра. После летней кампании у него оставалось не более 4000 солдат. Было бы безумием отважиться с ними на что-нибудь серьезное, тем более что обещания французского двора о присылке подкреплений так и остались обещаниями. И все же герцог решил на бросок. В январе он внезапно выступил к Рейну, перешел его между Штайном и Зекингенем и, следуя вниз по течению, блокировал с обоих берегов сильно укрепленный Рейнфельден. Комендант наотрез отказался сдать крепость. Началась затяжная осада. Веймарцы подвели мины, взорвали угловые башни, бомбардировали и проделали бреши, но ничего не могли поделать против хладнокровной стойкости защитников. Тем временем наконец спохватился герцог Савелли, назначенный Веной прикрывать южный Шварцвальд. Со своей армией он бросился на помощь Рейнфельдену. Сюда же с севера поспешил Верт со своей конницей. Осаждающие собрались 28 февраля взрывать еще одну башню, открывавшую им путь в крепость, как вдруг появились передовые войска обоих императорских генералов. Саксонскому герцогу приходилось с ходу принимать импровизированный бой против едва ли не втрое превосходившего его врага: отступление означало бы верную гибель. Таупадель на его правом крыле смял и обратил в бегство баварскую кавалерию Верта. Но левый фланг не выдержал свирепого натиска Савелли и стал в беспорядке отходить. Противники почти поменялись местами, описав полукруг вокруг центральной точки. Бернгард пытался собрать остатки пехоты посередине своего фронта, но сам со своими офицерами оказался застигнутым вражеской конницей и лишь чудом избежал плена. Рядом с ним пали его лучшие друзья — герцог Роган и граф Зольмс. Попал в плен и начальник его штаба генерал Эрлах из бернских

патрициев. Приходилось спасать то, что можно было спасти: герцог с тремя тысячами уцелевших оставил поле боя. Императорские командиры ликовали, Савелли поторопился отправить гонцов в Вену с реляцией о блестящей победе.

Но не таков был Бернгард, чтобы спокойно пережить свой «второй Нордлинген». Собрав под Лауфенбургом потрепанные полки и притянув мелкие гарнизоны с округи, он вопреки всяким ожиданиям 3 марта обрушился на торжествующего врага. Савелли — хороший солдат и плохой генерал — еле успел поднять свой застигнутый врасплох лагерь. Его мушкетеры, укрывшиеся в зарослях по берегу Рейна, были изрублены и переколоты, а правое крыло накрыто настоящим огневым валом из трех залпов, сделанных пушками, которые веймарцы впрягали и быстро передвигали по полю боя. Позиции императорской армии после кровопролитного штурма были взяты. В свою очередь Таупадель, как и в первый день, опрокинул конницу Верта на правом крыле. Поражение было полным, в плену у Бернгарда оказались почти все старшие офицеры императорской армии, включая Савелли, Верта и Ламбуа. Свободу же получили все захваченные накануне командиры, в том числе и Эрлах. Победитель с гордостью отправил трофейные знамена в Париж вместе с главной добычей — генералом Иоганном фон Вертом, которому суждено было провести в Венсенском замке долгие пять лет и быть обмененным лишь в 1642 г. на Густава Горна. Савелли отвезли в Лауфенбург, откуда ему удалось позже бежать. Бернгард взял пусть частичный, но все же реванш за первую битву при Нордлингене. Теперь нужно было правильно воспользоваться победой.

Битва за Брайзах: Виттенвейер, Танн, Вальдсгут (август—ноябрь 1638 г.). Бернгард, не колеблясь, устремился к Брайзаху. Император и Максимилиан прекрасно осознавали последствия неудачи, на помощь крепости были брошены все наличные силы в Швабии, включая армию Гётца. Уроки прошлого, впрочем, не пошли впрок: беглецу Савелли вторично вверили командование баварско-имперскими войсками. Бернгард маневрировал в окрестностях Брайзаха, опираясь на Фрайбург, ожидая французских подкреплений и наблюдая за приближавшимся неприятелем. Как только громадный обоз с продовольствием для кре-

пости, эскортируемый Савелли, достиг местечка Виттенвейер, герцог немедленно напал и разбил его в кровопролитной битве 9 августа. Катастрофа была бы еще ужасней, если бы не мужество и распорядительность Гётца, сумевшего задержать с 4000-ным отрядом преследовавших победителей. Весь обоз, 60 знамен и почти полторы тысячи пленных пополнили трофеи.

Падение Брайзаха становилось теперь лишь вопросом времени. В октябре подошли наконец 4000 французов Гебриана. Союзники плотным полукольцом блокировали крепость. Вершиной позиций служили высоты Эйзенберг, увенчанные грозными батареями и редутами. Оттуда апроши расходились двумя линиями к берегу Рейна севернее и южнее крепости, охватывая ее гигантским треугольником. Крайние его точки на побережье образовывали ставки командующих — Гебриана на севере и Бернгарда на юге. Несомненно, инженерная атака шла бы с большей энергией, если бы не болезнь, столь не вовремя свалившая герцога и отправившая его до середины октября в эльзасский Кольмар.

Выбор у императорских генералов был невелик: либо пытаться штурмовать главный лагерь с восточного берега, что обещало большие потери и малый успех, либо атаковать с западного, для чего требовался мощный кулак в Эльзасе. Между тем Виттенвейер надолго лишил имперцев возможности собраться с силами. Вплоть до октября Ламбуа и Гётц могли рассчитывать лишь на мелкие части: шла полупартизанская война, обе стороны нападали небольшими партиями и мешали коммуникациям. У союзников в этой войне нашлись свои герои: полковник Шаффелицки, дворянин герцога Вюртембергского, со своим летучим отрядом совершал чудеса храбрости, рассеивал и брал в плен хорватов целыми сотнями. Гарнизон Брайзаха почти ничего не получал извне.

Наконец в октябре имперцы решили прорываться одновременно с двух сторон: из Эльзаса с обозом должен был следовать герцог Лотарингский Карл, в то время как Гётц, соединившись с Ламбуа, атаковал бы главный лагерь с востока. Успех зависел от быстроты и слаженных действий. Но можно ли их было достичь на операционных линиях почти в сотню миль, располагая отнюдь не великим числом солдат?

Бернгард родился под счастливой звездой. Полковник Розен, занятый осадой Ландскроны, вовремя получил донесение о том, что лотарингцы с обозом стоят уже в Танне. Это известие подняло веймарца с одра болезни. Тотчас он бросился навстречу врагу, присоединил по дороге корпус графа Вильгельма Нассау-Зиген и 15 октября нанес кровавое поражение Карлу на «бычьем поле» между Танном и Зееленом. Немедленно после этого войска были повернуты на восток и поспешили к Брайзаху.

Тем временем лишь 19 октября Гётц сумел соединиться с Ламбуа, общая численность их войск составляла 10 000 человек. Но время было потеряно. И когда 22 октября императорские генералы бросились на штурм главного лагеря, за окопами их поджидали уже подошедшие войска Бернгарда и Гебриана. Четыре дня атака сменяла атаку и вдоль внешней линии кипел отчаянный рукопашный бой. Был момент, когда баварская пехота докатилась до внутренних траншей, но была почти вся перебита. Гётц и Ламбуа 26 октября начали отход к Фрайбургу. Последняя попытка прорваться к крепости была предпринята в начале ноября и закончилась с тем же результатом. Бернгард, к которому теперь присоединился еще и Лонгвиль с 9000 французами, в точности знал намерения врагов из перехваченных писем и без труда разбил Гётца близ Вальдсгута, в то время как Лонгвиль 5 ноября рассеял войска Савелли.¹

Капитуляция Брайзаха (декабрь 1638 г.). Между тем комендант Райнак уже не мог сдерживать давления по всему внешнему обводу крепости. В октябре пали предмостные редуты на западном берегу и были очищены окопы на островах. Чтобы ускорить сдачу, союзники не остановились даже перед сооружением двух наплавных мостов из лодок выше крепости: с конца лета всякая помощь по реке, таким образом, прекращалась. Несколько раз Райнаку делали предложение о сдаче, но генерал все еще держался. Наконец взрыв пороховых погребов окончательно подкосил мужество осажденных. Бернгард же не хотел тратить жизни своих солдат на последний штурм. Согласие на капитуляцию было дано. Райнак 17 декабря на крепостном мосту целовал шпоры победителя. Четыреста уцелевших солдат гарнизона вместе с комендантом отсылались в Страсбург.

Падение Брайзаха означало тяжелейший удар по императорским силам. Путь в южную Германию был открыт, Эльзас — обезопасен, и союзники — веймарцы и французы — могли развернуть крупные наступательные операции на восточном берегу. Вена ответила лишь жестом отчаяния: всю вину свалили на несчастного Гётца. К нему в штаб 2 декабря явился граф Мансфельд, именем императора лишил шпаги и отвез в Мюнхен для предания военному трибуналу. Лишь два года спустя храбрый Гётц, чья вина заключалась главным образом лишь в том, что он, к своему несчастью, был вынужден делить командование с бесталанными соратниками, был оправдан с возвращением воинской чести. Позже он падет на полях Янкау, ничем не запятнав свою репутацию.

На донжоне Брайзаха гордо реяло полотнище веймарских Эрнестинов. Бернгард мечтал видеть добытую им «жемчужину» цитаделью своих эльзасских владений. Он ни за что не хотел расставаться с ней в пользу Ришелье. Брайзах оставался для него частью Империи в ленном владении веймарской семьи, крепость он превратил в место резиденции «веймарского управления». Летом следующего года уже планировался совместный поход союзников в глубь Швабии. Но судьбе было угодно оборвать жизнь героя в зените славы: в июле близ Нойбурга Бернгард пал жертвой скоротечного недуга. Завещание его, необычайно лаконичное, оставляло Брайзах Империи в качестве домашней собственности родни. Перед нами предстает типичный немецкий князь, представитель элиты изгоев, мысливший, однако, исключительно категориями имперской идентичности: своего рода обратное зеркало того, чего добивалась Пражская система. Слухи о его отравлении, якобы инспирированном Ришелье, остались лишь слухами: посмертная аутопсия свидетельствовала об острой лихорадке.²

Кардиналу, впрочем, не составило больших усилий договориться с новым комендантом Эрлахом: крепость вопреки последней воле владельца передавалась французской стороне. А вместе с ней передавался контроль и над Эльзасом. Подобный оборот, однако, пришелся по душе далеко не всем офицерам: большая часть ветеранов решили сохранить верность веймарским знаменам. Вместе со своими полками они направились

в Гессен на подмогу ландграфине Амалии Елизавете и принялись искать возможности соединиться с шведами.

Шведско-французское партнерство. Триумф Бернгарда почти совпал с победами Банера в Саксонии. Не удержавшись весной 1640 г. в сильно истощенной Богемии, шведский командующий отступил на запад и расположился в Тюрингии. Если французы и веймарцы взломали редуты Империи на юго-западе, овладев Брайзахом, то Банер нависал над центром Германии и готов был двинуться навстречу союзникам. Летом 1640 г. свершилось неслыханное до той поры событие: французы маршала Гебриана, веймарцы Розена и шведы Банера соединились близ Эрфурта.

Впервые с 1635 г. дело дошло до совместных боевых действий. Становилось ясно, что расчет императора и его союзников по курфюршеской коллегии на военную победу не оправдался.

Банер под Регенсбургом, Прессниц (март 1641 г.). Военные действия в Саксонии, Тюрингии и Франконии с конца 1640 г. лишь подкрепляли уверенность имперских сословий, решивших помириться с союзниками. Банер, отдохнув в Тюрингии, дождался подхода франко-веймарских войск Гебриана. С армией, численность которой теперь достигла почти 30 000 пехоты и конницы, он неторопливо развернулся на огромной равнине под Заальфельдом, предлагая сразиться своим императорским визави. Пикколомини, хотя ему и удалось выдавить шведов из Богемии, все же не решался на генеральную встречу. Он и новый командующий эрцгерцог Леопольд Вильгельм, персона весьма решительная и строгая, но скорее представительская, нежели обладавшая действительным стратегическим талантом, ограничились сугубо оборонительной позицией.

Обе армии стояли в виду друг друга почти месяц. Командиры союзников, включая Торстенсона и Гебриана, теряли терпение, упрашивая Банера ударить по неприятелю. Тот оставался глух ко всем призывам. Он не хотел рисковать выгодами своего хорошо укрепленного лагеря. Стояние двух войск рано или поздно должно было прекратиться из-за естественных причин: кормиться во вконец разоренной округе было невозможно. Пикколомини повернул в Богемию, повторяя знаменитый маневр преданного им учителя Валленштейна в 1632 г. и словно при-

глашая союзников устремиться на юг во Франконию и Баварию. Разница была лишь в том, что Банер не поддался на провокацию. Он подступил к Каадену и закрыл Пикколомини выход из Богемии. Если в 1632 г. Валленштейн обретал свободу маневра и вынуждал короля лишь следовать за ним, то осенью 1640 г. Банер сам удерживал инициативу. На исходе года в его голове созрел отважный замысел захватить рейхстаг в Регенсбурге: удар, который в случае успеха, несомненно, венчал бы его воинский гений.

Подобно хитрому лису, никому не раскрывая своего замысла, он потихоньку стягивал свои части в верхнем Пфальце под Хамом. И Пикколомини, и Максимилиан со своими генералами думали, что шведы меняют зимние квартиры: им и в голову не могло прийти столь дерзкое решение. Банер же на исходе декабря внезапно покинул свой лагерь и устремился к Дунаю. В январе шведские разъезды уже перестреливались с хорватами на северном берегу в виду Регенсбурга. Собравшиеся сословия охватила паника, многие помышляли о скорейшем бегстве, рейхстаг готов был распуститься. Банер скорыми маршами подошел к городу с северного берега реки и развернул там батареи. Весь его замысел строился исключительно на быстроте: чтобы взять город в кольцо и подготовить решающий штурм, необходимо было переправиться на южный берег. Дунай уже давно был скован льдом: январь в те годы был необычно холодным. Но, к несчастью для шведов, вдруг наступила оттепель, тонкий лед не выдерживал даже лошадей и пехотинцев. Приходилось наводить понтоны. От быстроты, с которой шведские саперы сумели бы возвести бревенчатые блоки, зависел успех операции. Одиннадцать раз бревна стаскивали к берегу и их тут же уносило бурным течением: глубина реки исключала даже мысль об установке козел и опорных свай. Время шло, Пикколомини и Верт снялись с места сразу при получении известия о прорыве. Необходимо было принимать скорое решение. Банер выпустил по городу несколько сот зарядов и разослал по округе партии драгун, сеявших панику и ужас. Один из таких набегов чуть было не стоил императору плена: Фердинанд, унаследовавший мужество отца, перед лицом настоящей опасности решительно навел порядок в городе, успокоил депутатов и демонстративно

проводил время за представительной охотой на баварских волков и кабанов.

Фельдмаршал снялся с позиций 21 января и быстрыми переходами направился к баварскому лесу, чтобы оттуда кратчайшим путем пробраться в Саксонию. Теперь императорским генералам предоставлялся блестящий шанс устроить шведам настоящую западню: достаточно было занять ущелья севернее Каадена и отрезать им путь на север. Но умелая координация и быстрота маневра отнюдь не характеризовали императорскую школу тех лет. Банер проскользнул через ущелья баварского леса, прикрыл тылы несколькими полками пехоты, а с основными силами, никем не тревожимый, добрался до саксонской границы. Лишь здесь на исходе марта его настиг Пикколомини. Шведы отступали от Прессница по узкому дефиле и глубокому снегу в окружении лесов. Пикколомини решил добиться того, чего не удалось сделать прежде: окружить большую часть шведских войск прямо на марше. Весь день 27 марта шел упорный бой. Банера, сраженного лихорадкой, везли в повозке, он уже не мог командовать, и ответственность легла на плечи младших офицеров. Шведский арьергард заперся в вагенбурге и оттуда расстреливал увязавших по пояс в снегах драгун и рейтар императора. Схватка дорого обошлась обеим сторонам: почти 8000 убитых и раненых усеяли белый саван заснеженных гор.

Банер пробился на северо-запад и с остатками войска вернулся в Гальберштадт. Пикколомини, испугавшись спешного подхода французов Гебриана, направлявшегося на выручку союзникам, остался в Богемии. Шведский фельдмаршал скончался 10 мая, так и не побежденный за все годы немецкой кампании.

Начало распада имперской коалиции. Военные ресурсы Пражской системы оказались безграничны. Тем более, что главный союзник Вены, Испания, все больше увязала в тяжелой войне на три фронта. Финансовые поступления из Мадрида на содержание императорской армии оказывались под вопросом. Именно тогда начал постепенно рушиться относительно лояльный короне блок имперских сословий. Желание мира большинством знати все больше шло в разрез с упорным намерением Габсбургов во чтобы то ни стало добиться военного пе-

релома. К 1640 г. он действительно произошел, но в обратную сторону.

Бернгард оставался самым ярким и успешным, но далеко не единственным имперским князем, решительно отказавшимся присоединяться к Пражскому миру. Было множество других, очевидно менее удачливых, но предпочитавших сражаться с оружием в руках. Такова была семья Эбергарда Вюртембергского: он сам, его родные и двоюродные братья пополняли офицерский корпус антигабсбургской коалиции, служа Гейльброннскому союзу, Швеции, Франции и Нидерландам. Речь не шла уже о мелких графских и баронских родах запада и юго-запада. Армия Бернгарда блистала целым созвездием здешних имен, занимавших важные командные посты: графы Зальм-Кирбург, Нассау, Лебенштайн, Шаффелицки фон Мукадель, рыцари Ом. Еще больше на службе союзников числилось земского дворянства. То, что курфюрст Саксонии хранил верность престолу и призвал своих дворян авокаторием 1636 г. вернуться на службу ему и императору, не означало мгновенного оттока. Многочисленные семейства Штаршедель, Таупадель, Шенберг, Фицтум и тогда и позже расходились по двум враждебным лагерям. Формальная консолидация вокруг пражских статей, особенно зримая своей княжеской олигархической ипостасью, не остановила образование ползучих трещин. Они делались все шире и глубже после побед союзников в 1638—1639 гг. Громадные материальные утраты, почти полное опустошение целых областей вкупе с карьерными соображениями побуждали знать искать счастья в рядах победителей. На запад к французам и веймарцам в Брайтзах, на север к Банеру отовсюду пробирались дворяне, прослышавшие про чудеса ратных дел и богатую добычу.

Амалия Елизавета и брауншвейгские герцоги. Первым сигналом к публичному разрыву в стане князей стали демарши ландграфов северного Гессена. Вильгельм V не хотел признавать условия 1635 г. Он отправился в изгнание вместе с семьей, полагаясь лишь на крепость Ганау, своего генерала Меландера и тогда еще иллюзорную помощь шведов и Франции. Кончина его в 1637 г., измена Меландера, сторговавшегося с императорской ставкой об условиях сдачи, и оккупация всего северного

Гессена, казалось, обрекали его семью на участь, еще более печальную, чем участь герцога Вюртембергского. Но его вдова Амалия Елизавета выказала необычайную стойкость. Пребывая в эмиграции в дружественном и единоверном Бремене, княгиня развернула кипучую деятельность. Сама она была не прочь присоединиться к пражским условиям, но требовала полной реституции, что, естественно, разрушало намерения ее враждебной родни — например, ландграфа Гессен-Дармштадта Георга II, претендовавшего на Марбург. Император не хотел ссориться с главным своим союзником среди лютеран в центральной Германии. Потому одновременно вдова завязала переговоры с Францией и Бернгардом. Ходили слухи даже о скорой помолвке мятежной княгини и князя. Но гораздо важнее для княгини были субсидии, способные поставить под ружье солдат. Переломным стал 1639 г.: тогда под впечатлением от побед Бернгарда и вторжения Гебриана вдова согласилась на формальный договор с Парижем. Ришелье, видимо, колебался: наряду с веймарской армией приходилось брать на содержание еще одного далекого союзника. К тому же соглашение означало бы полный разрыв с Веной и грубое нарушение имперского суверенитета. Но мысль вонзить острую занозу в тело Империи перевешивала сомнения. Амалия Елизавета получила деньги и обещание полной реституции по окончании войны. Своего сына, юного Вильгельма VI, она воспитала в глубоком почтении к реформатской вере и «прирожденным свободам немецкого отчества». Восхищенные современники из противников Габсбургов прозвали ее «новой Пентесилеей», а сам Фердинанд III был раздражен до крайности, когда позже, на вестфальских переговорах, вынужден был считаться с мнением честолюбивой вдовы. «Разве мыслимо, что столь малое княжество диктует свою волю всей Империи?!» — вопрошал он Траутманнсдорфа. Как ни парадоксально, но именно этот вопрос скрывал ключ к окончательному миру. С конца 1639 г. гессенские войска собирались в восточной (кальвинистской) Фрисландии и вскорости появились на главном театре.³

Вторым шагом, сигнализирувавшим распад, стал переход на сторону противников Вены герцогов Брауншвейгских. Дом Вельфов давно уже переживал разлад, вызванный долгой вой-

ной. Опустошение наследственных земель, перспектива угасания боковых династических ветвей и близость противостоящих друг другу сил заставила властителей всех трех линий — люнебургской, вольфенбюттельской и каленбургской — объединиться. Сперва в мае 1636 г. в Пене и в декабре того же года в Целле был заключен форменный фамильный альянс, регулировавший наследование вымерших линий и обязывавший к совместной защите. Ключевой фигурой здесь был, безусловно, герцог Георг Брауншвейг-Люнебургский, не только владевший самым крупным наследством, но и обладавший пусть и небольшой, но вполне профессиональной армией. На своем жизненном пути он постоянно сталкивался и объединялся с вождями протестантской Европы, участвовал в датской войне, дружил с Оранскими-Нассау, позже связал свою судьбу с шведским королем, а после его гибели поддерживал планы Оксенштирны. Находясь рядом с шведскими знаменитостями, он приобрел большой военный опыт и независимый взгляд на ведение кампаний.

Как и Амалия Елизавета, Георг поначалу был не прочь договориться о принятии пражских статей и, так же как и она, быстро охладел к этой идее, прекрасно представляя, какую цену ему необходимо заплатить за нее. Военные успехи противников императора почти одновременно с Амалией Елизаветой побудили его прервать нейтралитет. Сперва решили договориться между собой: в 1639 г. герцог и ландграфиня обязались совместно защищать собственные интересы и выставить на помощь друг другу по 4000 солдат от Гессена и по 5000 от Люнебурга. Здесь пока еще не назывался враг, против которого надлежало защищаться. Однако соглашение ландграфини с Францией в том же году подтолкнуло к аналогичному демаршу Вельфов, правда, со шведской стороны. Георг договорился с Банером о совместных операциях и соединил свои войска с шведскими. Шведы теперь получили опорные пункты в нижней Саксонии. Даже поначалу вспыхнувшие ссоры и недомолвки вокруг планов и руководства не смогли разрушить военный союз. В октябре 1640 г. в Гильдесхайме неурядицы были улажены, а совместные намерения подкреплены потоками вина. Знаменитый «банкет в Гильдесхайме», объединивший генералов,



Амалия Елизавета, ландграфиня Гессен-Кассельская (1601—1652). Современники прозвали ее «новой Пентесилеей», после смерти мужа она стала признанным лидером кальвинистских сословий Империи и немало способствовала признанию их прав по условиям Вестфальского мира. Гравюра Ансельма ван Хюлле.

свел их в могилу: Банер скончался весной следующего года, 2 апреля умер и герцог Георг. Смерть его, впрочем, не изменила курс наследников: император терял контроль над нижней Саксонией.⁴

Примеры Амалии Елизаветы и герцога Георга очень показательны. Обоиими двигало то, что как раз не гарантировал Пражский мир: желание сохранить наследство и репутацию — две взаимосвязанные вещи, из которых складывалась «прирожденная немецкая свобода». Разделение подданных на первый и второй сорт, закрепленное в правилах амнистии, находило отражение в расколе и их публичном непризнании.

Фридрих Вильгельм Бранденбургский. Почти одновременно обозначились важные перемены на севере. Первого декабря 1640 г. скончался Георг Вильгельм Бранденбургский.⁵ С середины 1630-х гг. курфюрст уже не жил в голодном и обедневшем Берлине, перебравшись в свою главную прусскую резиденцию Кенигсберг. Марка, со времен Густава Адольфа служившая местом реквизиций и дислокаций противоборствующих армий, напоминала пустыню с брошенными и сожженными деревьями. Особенно тягостными стали кампании 1636—1637 гг. Глава тайного совета курфюрста Адам фон Шварценберг, строгий лютеранин, тем не менее предлагал хранить верность Вене — имперские принципы и святость престола были для него важнейшими ориентирами, так же как и для Каспара фон Шенберга, долгое время возглавлявшего Тайный совет курфюрста Саксонии. К этому, впрочем, примешивался и здоровый прагматизм, основанный на представлениях о слабости почти уже побежденной Швеции в 1635 г. и померанском вопросе.⁶ Берлин, поддерживая шведов, мог лишиться значительной части померанских ленов после смерти в 1637 г. последнего из дома Грайфенов герцога — Богуслава XIV. Император считался здесь верховным гарантом соглашения о порядке наследования, составленного в XV в. И все же наследник решился на крутой поворот. Молодой Фридрих Вильгельм — в 1641 г. ему шел двадцать первый год — провел почти четыре года в Нидерландах у своего дяди по материнской линии принца Фридриха Генриха Оранского. Подобно Петру Великому он обучался здесь корабельному ремеслу, административным премудростям и во-

енному делу. Находясь под впечатлением цветущей Голландии, наследник мечтал преобразовать чахнувший Берлин. То, что война была главным тому препятствием, для него было ясно. Вокруг нового курфюрста сложился круг единомышленников и представителей откровенно прошведской ориентации во главе с Конрадом фон Бургсдорфом, бывшим отцовским любимцем, ставшим теперь советником и оберкеммерером. Их усилиями Шварценберг лишился своих постов весной 1641 г., был препровожден в Шпандау и спустя четыре дня скончался, породив почву для многочисленных и неподтвержденных слухов о внесудебной расправе над ним.

Энергичный курфюрст обрел полную свободу действий и тотчас направил свои усилия на достижение мира с шведами. С ними 14 июля был заключен договор о прекращении военных действий. Бранденбург перестал быть воюющей стороной и оставил лагерь союзников императора. Шведы и в дальнейшем могли использовать территорию Марки для квартирования своих войск, но за деньги и в ограниченном размере. Они же обещали защищать курфюрста от мести со стороны императорских генералов.⁷

Выход из войны Бранденбурга резко выделялся на фоне предшествующих измен и союзов. Если демарши вдовы-ландграфини и Вельфов характеризовали княжеский союз, то пакт Бранденбурга с шведами означал раскол среди олигархии на самой вершине имперской пирамиды. Вена не имела никаких гарантий верности остальных членов курфюршеской коллегии, и именно решительное поведение Фридриха Вильгельма должно было подать Фердинанду сигнал о необходимости скорейших перемен.

Союзники сплывают ряды: франко-шведский договор 1638 г. Победы союзников не только подкрепили убежденность в правильности взятой ими линии, но и позволили сблизить позиции. Оксенштирна по-прежнему рассчитывал на деньги Парижа, тем более что висмарские статьи 1637 г. все еще не были реализованы. Но он не хотел отказываться и от варианта примирения с Веной, особенно когда весной 1638 г. шведы оказались прижаты к балтийскому побережью. Но именно тогда Ришелье согласился на шведские условия выплат. В Гамбурге

в марте 1638 г. сошлись по следующим главным пунктам: обе стороны объявляли готовность вести войну до заключения всеобъемлющего мира на условиях полной реституции имперских сословий на 1618 г. и почетной «сатисфакции корон», т. е. удовлетворения всех требований союзников Империей. Принимались обязательства не заключать с противниками никакого сепаратного мира, а переговоры с императором обязаны были согласовываться и вестись в заранее обговоренных и устраивающих всех местах. Оксенштирна подчеркнуто дистанцировался от итальянских проблем Франции. Последняя же обещала уплатить шведам 400 000 ливров в счет несостоявшихся субсидий за минувший 1637 г. и еще столько же за 1638 г. Договор заключался сроком на три года, однако по их истечении позже возобновлялся, вплоть до конца войны. Гамбургский договор по праву полагают прологом к Вестфальскому миру: здесь уже обозначились позиции, позже легшие в основу статей 1648 г. К. Кампманн вслед за К. Репгеном отсчитывает от них начало «европейской войны в Германии».⁸ Но необходимо понимать: условием и ее хода, и ее окончания оставались прежде всего внутригерманские проблемы. Интернационализация войны не означала изменения ее немецкой природы. Способность имперской элиты договориться оставалась решающим аспектом.

Реакция Вены и реституция Вюртемберга. Фердинанд III до конца 1638 г. действовал в русле идей, предначертанных Прагой и заветами отца. Ставка по-прежнему делалась на победу и помощь Мадрида. Осенью 1639 г. был заключен военный договор с эрцгерцогиней Клавдией Тирольской о совместных операциях по обороне передней Австрии. Следовали перестановки на высших командных постах: Пикколомини, отозванный из Нидерландов, сменил неудачливого Галласа в Богемии, Савелли, проигравший все сражения в Швабии, уступил место оправданному Гётцу. Верховное командование всеми вооруженными силами с 1640 г. было поручено младшему брату императора эрцгерцогу Леопольду Вильгельму — шаг, скорее символический, показывавший подданным ответственность престола перед лицом войны. Настоящим «начальником штаба» у августейшей персоны становился именно Пикколомини.

Но уже тогда намного мягче стали звучать голоса в адрес опальных князей, просивших об амнистии. В начале 1638 г. были в основном согласованы условия реституции для герцога Эбергарда III, все еще ютившегося со своим двором в «Рихелевом доме» на набережной реки Иль в Страсбурге. Советники герцога — и среди них, пожалуй, самый энергичный Андреас Буркхардт — присутствовали на съезде в Регенсбурге. После кончины императора, действуя через своих друзей в Вене, им удалось подготовить окончательный проект амнистии для своего герцога. В октябре 1638 г. Эбергард вернулся в Штутгарт. Его ожидала разоренная резиденция и едва ли 100 000 уцелевших подданных — из почти 350 000, населявших страну в 1618 г. Кроме того, управлять он мог лишь половиной своих владений: другая половина все еще находилась в собственности эрцгерцогини Клавдии и любимцев императора. И все же сделан был первый шаг навстречу опальной знати.

Фердинанд все больше ощущал оппозицию, подчас молчаливую, курфюршеской фракции, наслаждавшейся своим триумфом в 1630, 1635 и 1636 гг. Длительное пребывание в плену курфюрста Трирского, ощущение «ущербности» всей коллегии, уязвимая позиция духовных князей на Рейне, открытых давлению Франции, но особенно растущее недовольство военным курсом императора со стороны Максимилиана — главного союзника в Империи — обнажали неприятные перспективы. Особенно сильно Фердинанда задевало поведение баварского родственника. Максимилиан сполна ощутил последствия военной кампании в 1632—1634 гг. и не желал подвергать свои земли подобным испытаниям впредь. Он добился изменения баланса сил в доме Виттельсбахов, был вполне удовлетворен титулом и территориальным приростом и совсем не хотел дальнейшей смуты, грозившей обратить в прах все добытое. Особенно сильно он и его советники критиковали зависимость от Испании, однажды спасшей герцога, но теперь ставшей настоящей обузой. Максимилиан считал, что испанская проблема совершенно чужда Империи. Напротив, чем дальше, тем больше вызывала его симпатию дипломатия Ришелье: Франция превращалась в потенциального гаранта уже реализованных интересов. Она могла блокировать испанские устремления по Рейну, и в слу-

чае поражения мадридских родственников императора Мюнхен оказывался бы между двумя крупнейшими полюсами власти. Колебания Максимилиана конца 1930-х гг. много позже дадут начало знаменитому франко-баварскому сближению.

Рейхстаг в Регенсбурге. Фронда Баварии, слабость Саксонии и почти совершенное удаление с театра войны Бранденбурга побуждали Фердинанда решительно менять точки опоры. Зависимость от курфюрстов оборачивалась другой стороной: неспособностью общей консолидации. Так, в начале 1640 г., совершенно неожиданно даже для тогдашних наблюдателей, император пошел на созыв рейхстага — первого с 1613 г.! Местом собрания определялся, как и прежде, Регенсбург, находившийся, как полагали, в глубоком тылу императорских армий. На форуме Фердинанд хотел получить поддержку большинства сословий и выстроить систему сдержек и противовесов в отношении курфюршеской группы, главным образом Баварии. Словно подкрепляя свои амбиции, Фердинанд заявился на ассамблею собственной персоной.

Велико же было его разочарование! Сословия с самого начала обрушились с громкими жалобами на продолжающуюся войну. Они решительно — и протестантское меньшинство, и католическое большинство — требовали скорейшего начала мирных переговоров с Францией и Швецией. Любые высказывания или намеки короны относительно военных планов и армии были встречены с неприкрытым разочарованием и раздражением. Более того, при обсуждении вариантов будущих мирных переговоров собравшиеся требовали предпринять самые радикальные шаги. Курфюрсты и члены княжеского совета единодушно высказались за предоставление участия не только амнистированным имперским чинам, но и тем, кто еще сражался на стороне Швеции и Франции, т. е. «непрощенным». Правда, демарши Гессен-Касселя и Вельфов, направленные на то, чтобы уже сейчас делегировать им подобные права, оказались безрезультатными. Но нашли компромисс: представительству княжеской скамьи дозволялось право присутствовать на конгрессе, дабы направлять свои жалобы и предложения непосредственно императору, а не союзным коронам. С трудом Фердинанду удалось добиться молчаливой поддержки партнер-

ства с Мадридом: ценой грубого и беспрецедентного давления на Баварию.⁹

Рейхстаг заседал 13 месяцев и окончился шатким компромиссом. Но значение его оказалось воистину громадным. Подобно военному перелому на фронтах в 1637—1639 гг., в Регенсбурге свершился перелом внутренний. Пражская система, увенчанная олигархическим Олимпом, еще не была упразднена, но подверглась основательной перестройке. Был запущен механизм восстановления всего, что было разрушено в начале века. Вновь заработал рейхстаг — самый важный и традиционный для Империи форум согласия, а вместе с ним возвращались и к обычному механизму распределения власти: император со всей Империей, а не только со своей клиентелой. В 1640 г. закончился эксперимент длиной в четверть века. Империя вдруг ощутила желание жить.

Гамбургский «прелиминарий» (декабрь 1641 г.). Дебаты на рейхстаге продолжились, правда, в ином формате: император с весны 1641 г. начал переговоры о предварительных условиях созыва будущего мирного конгресса с Швецией и Францией. Они шли в Гамбурге и были ускорены вестью о возобновлении шведско-французского альянса в июне того же года. Фердинанд теперь прекрасно понимал необходимость диалога. Его интересы представлял Курт фон Лютцов, со стороны шведов выступал Иоганн Адлер Сальвиус, а французские интересы защищал граф д'Аво. Переговоры, правда, ограничивались определением формата будущего конгресса. Потому итоговое решение, подписанное 25 декабря, содержало лишь самые общие предложения и получило название «прелиминария», т. е. предварительного согласия. Возникло немало препятствий. Одно из них — способ общения противников. Французский двор отказывал в церемониальном признании Фердинанда законным государем на том основании, что коллегия курфюрстов, выбравшая его в 1637 г., не была полной ввиду насильственного ареста архиепископа Трирского. Решено было предложить датскому королю выступить посредником при передаче депеш от императора и короля Франции. Все больше склонялись к мнению Ришелье относительно места будущего конгресса: выбор пал на города с евангелическими и католическими общинами,

равноудаленные от обоих лагерей и относительно близко друг к другу расположенные. Вена уступала и здесь: первоначально Фердинанд хотел сыскать таковые вблизи наследственных земель. Остановились на Мюнстере и Оснабрюке и договорились о мерах безопасности сообщений с ними. Наконец, император сделал главный шаг. Исполняя волю рейхстага, он согласился допустить к участию в будущих переговорах не только уже амнистированные сословия, но и те, что находились еще в союзе с коронами. Обещание столь же ключевое, что и созыв рейхстага! Именно благодаря ему позже состоялся сам конгресс, хотя Фердинанд и тогда и потом надеялся как можно сильнее ограничить круг потенциально «допущенных» представителей.

Датой открытия конгресса в Мюнстере и Оснабрюке определялся март 1642 г. Но собраться тогда не удалось. Фердинанд все еще рассчитывал изменить ход борьбы и не решался рвать узы военного партнерства с Мадридом. Надеждам, однако, не суждено было сбыться.

Глава 9

ДОЛГИЙ ПУТЬ К МИРУ: 1641—1648 гг.

Разорение и кризис сословных ценностей. Общим местом большинства работ стало описание бедствий и страданий Германии последних лет войны — своего рода обязательный пролог, предвещающий путь к миру. Мы не будем повторять хорошо известные места. Лишения селян и горожан, массовые потери и разорение целых областей хорошо известны, и о них мы еще упомянем ниже.

Важным, однако, было и другое: бич войны поражал зримую ипостась прирожденного статуса. Имперские сословия и прежде всего высшая знать все больше теряли в своей репутации: страшное опустошение наследственных земель и повседневные лишения влекли за собой удар по самым видимым составляющим статуса. Курфюрст Бранденбурга не мог оставаться в разоренной Марке и отсиживался в далеком Кенигсберге, бросив на произвол судьбы своих подданных. Курфюрст Трира пребывал в плену, а его епископство лежало в руинах. Дети скончавшегося «зимнего короля» выросли на чужбине и никак не могли получить амнистию. В свою очередь их главный противник, новоиспеченный курфюрст Баварии, четырежды изгонялся из наследственных земель, отдавая на разграбление Мюнхен, Ландсгут, Донауверт, Ландсберг. Курфюрст Саксонии ни разу не бросил свои земли, но к середине 1640-х гг. не контролировал ничего кроме Дрездена и округа, в буквальном смысле слова будучи запертым в стенах главной резиденции. Его придворный журнал и убогие торжества бесстрастно фиксировали крушение принятого стандарта повседневности.¹ Еще

больше страдал средний эшелон князей. Опальные герцоги Мекленбургские отсиживались в Любеке, их дети воспитывались на шведской и саксонской чужбине, а родные владения уподобились пустыне. Герцог Вюртембергский Эбергард, как уже упоминалось, почти четыре года прозябал в Страсбурге — среди скандальной нищеты, воровства, унижительных прошений и череды смертей близких ему людей. Родственник его, старик маркграф Баден-Дурлахский Георг Фридрих, когда-то герой Унии, скончался там же в 1638 г., так и не дождавшись прощения, — должником города на постоялом дворе с названием, звучащим насмешкой над его судьбой: «Драконья скала». Епископы Бамберга и Вюрцбурга откупались от шведских оккупационных властей регулярными уплатами, чтобы только остаться среди опустошенных владений: католические иерархи финансировали армии врагов веры! И что уж говорить о тысячах дворянских семейств, графских, баронских и рыцарских, которые беспощадно уничтожались огненным смерчем и коллективный портрет которых еще до сих пор не написан. Разумеется, обескураживали потери физические. Но еще больше поражала чудовищная деформация привычного мира: нужда во всем и разорение подданных, всегда мыслившихся частью «целого дома» дворянина. Этот дом — предмет настоящей гордости традиционной знати, «альфа» и «омега» мировоззрения — стал рушиться и шататься на исходе второго военного десятилетия. Его разорение отражалось в приватной и официальной корреспонденции, придворных «диариях», долговых регистрах и неподдельных жалобах. Под ударом оказались вековые ценности, и поступиться ими было невозможно. Здесь проглядывает важнейшая причина, ускорившая и демонтаж Пражской системы, и переговоры о мире. И конечной, самой желанной целью стал не поиск нового решения, а лишь реставрация старого порядка: условий, возвращавших сословную идентичность.

Поражение Испании: Нидерланды, Лиссабон, Каталония, Рокруа. Для Фердинанда регенбургский рейхстаг означал очевидный распад последнего компромисса, достигнутого отцом. Необходимой становилась новая перестройка. Но император все еще держался за внешнюю помощь. Соглашаясь на гамбургский «прелиминарий», он полагался на Мадрид.

Между тем стагнация и все большая слабость испанской военной машины исключали большие иллюзии. События, с этим связанные, не затрагивали непосредственно немецкий театр и потому не нуждаются здесь в подробном обзоре.

Отметим лишь, что с середины 1630-х гг., сражаясь на два фронта и помогая деньгами императору, Мадрид не мог планировать крупномасштабные операции. Инициатива постепенно переходила в руки французских и нидерландских генералов. Голландцы возобновили попытки отбить крепости в Брабанте и Фландрии. В 1637 г. после упорной осады пала Бреда — событие, имевшее, ко всему прочему, и символическое значение: восстанавливались рубежи, с которых началось испанское наступление времен Спинолы. Опираясь на россыпь крепостей, громоздившихся на почти плоской равнине от устья Шельды до Мааса, войска Соединенных провинций давно сочетали маневренную войну с ударами крупными силами на отдельных флангах этой огромной дуги.

Но брало верх не только умение. Брюссельское правительство давно уже не получало денег в должном объеме, кардинал-инфант вынужден был отказаться от планов в Пикардии и Артуа и скончался весной 1641 г., став героем, по сути, лишь двух кампаний. Впрочем, французские генералы действовали не с большей решительностью. Главные усилия были сосредоточены на Франш-Конте, где Ришелье удалось поднять своих сторонников и куда послали вспомогательную армию маршала Уданкура, а также на защите Эльзаса и южного перевала Вельтлин, где подкрепленное французским оружием и деньгами местное население повело борьбу с «серыми кантонами», подержанными испанцами.

Воистину драматичным для Мадрида стало начало нового десятилетия. В 1640 г. вспыхнуло восстание в Лиссабоне, в результате которого от Испании отпала Португалия. Ришелье немедленно поддержал нового кандидата на португальский престол Жоана герцога Браганского, а Мадриду попросту не хватало сил, чтобы подавить движение на широком фронте от Галисии до Альгарве. Наконец, весной того же года разразился мятеж в Каталонии, известный под названием «восстания жнецов»; он был вызван системными сбоями в управлении провин-

циями, слишком высокими налогами и бесконечными постоями кастильских войск после начавшейся французской войны. Барселона отложила от испанской короны. Ришелье, вопреки исключительно тяжелому положению страны, посоветовал королю все же поддержать мятежников: нанести удар за Пиренеями. На вторую подобную возможность рассчитывать не приходилось. В начале 1641 г. Людовик XIII принял титул графа Каталонского. Перпиньян был взят после долгой осады, Руссильон очищен от испанцев, восставшая Барселона подкреплена с суши, а испанская эскадра была уничтожена на море. Началась изнурительная война, продолжавшаяся вплоть до заключения Пиренейского мира в 1659 г.

Еще трагичней обстояли дела на морских и атлантических коммуникациях: здесь английские и голландские каперы без труда топили и захватывали галеоны, груженные золотом Нового Света. Денежный поток заметно иссяк, курс Оливареса был признан безуспешным, а сам граф-герцог отправлен в отставку и изгнание в 1643 г. Отсутствие финансовых вливаний все больше сказывалось на сокращении полков и эскадронов императорских армий в Германии. То же наблюдалось и в южных Нидерландах, где наместники уже не располагали должным числом солдат и боеприпасов. Именно дезорганизация финансов и администрации скрыто привела к катастрофе. Если в 1642 г. армия Франсиско де Мело еще сумела нанести тяжелое поражение французам при Онкурском аббатстве, то попытка развить успех спустя год окончилась поражением при Рокруа. 19 мая французы под началом герцога Энгиенского уничтожили «ядро старой испанской пехоты» и похоронили славу своих врагов. Хотя знаменитая битва стала скорее символом, нежели настоящим переломом (ближайшие ее последствия были весьма скромными для французов), тем не менее Испании был нанесен сильный удар по самому болезненному месту — ее военной репутации.²

Прибытие Торстенсона, кампания в Силезии и Моравии. Ольмюц. Лето 1641 г. проходило для союзников в тревожном ожидании. Место, которое ранее занимал Банер, долгое время оставалось вакантным. Оставшиеся шведские и немецкие генералы ссорились друг с другом, войска не получали денег и

нуждались в отдыхе. Был момент, когда канцлер готов был возобновить переговоры с императором, уже не надеясь на повторение военного чуда предшествовавших лет. И все же преемник нашелся. Им оказался генерал артиллерии Леннарт Торстенсон, такой же соратник павшего короля, что и Банер. Торстенсон угодил в плен при Альте-Фесте и стал жертвой личной мести курфюрста Максимилиана: почти год он провел в ингольштадтской крепости. Генерал был подле Банера в последнюю кампанию и потом несколько месяцев лечился на родине.

Его возвращение примирило немцев и шведов: авторитет у графа был велик. К тому же он явился с подкреплениями и деньгами на выплату жалованья: как раз в июне 1641 г. возобновился франко-шведский договор о субсидиях.

Располагая не более чем 15 000 людей, Торстенсон решил идти по стопам своего знаменитого предшественника. Цели были те же: постараться вывести из войны дрезденского курфюрста и беспрестанно терзать наследственные земли Габсбургов.

Новый этап борьбы, связанный с его именем, можно вообще считать характерным для последних военных лет: теперь сражения ведутся меньшими по размеру армиями — по причине все растущей нехватки денег и невозможности нормально-го продовольственного снабжения. Ни в одной крупной битве друг с другом отныне не мерились силами более 30 000 человек в совокупности. Операции становятся мелкими, быстрыми и частыми, генеральных встреч стараются избегать, равно как и блокады крупных городов.³

Новый командующий со своей армией осенью снялся с летних квартир, устремился на запад в Силезию, штурмом овладел Глогау и оттуда вторгся в Моравию. Торстенсон не мог закрепиться там со своей небольшой армией без риска быть окруженным и выдавленным на север. Поэтому он принял единственное верное решение, позже обеспечившее ему успех почти всех кампаний: овладеть одной из главных крепостей провинции, оставить там сильный гарнизон, а в последующем использовать ее как опорный пункт на случай маневренной войны или очередного вторжения. Роль такой крепости сыграл Ольмюц, захваченный шведами и ставший настоящим плацдармом в глубоком тылу наследственных земель императора.

Пикколомини с небольшими силами долго не решался атаковать шведов и поджидал подкрепления эрцгерцога. Лишь осенью 1642 г., ощущая давление с двух сторон, с запада со стороны эрцгерцога и с востока — Пикколомини, шведы начали медленный отход к Рудным горам, уклоняясь от столкновений. Переправившись через Мульде с пехотой и конницей (кавалерийские полки на крупах своих лошадей переправляли пехотинцев), Торстенсон легко оторвался от не слишком настойчивого неприятеля. Теперь было принято решение остаться в Саксонии, прекрасно зная, что курфюрст с оставшимися у него пятью полками мало что мог предпринять самостоятельно. Действительно, Иоганн Георг отсиживался в Дрездене со своей гвардией и ожидал императорские войска, не желая подвергать тяготам постоя и без того истощенную страну и будучи уверенным, что Торстенсон, как и прежде Банер, уйдет в Ангальт или Тюрингию.

Осада Лейпцига. Но, как и Банер, Торстенсон был мастером внезапных решений. Он бросил все силы на Лейпциг, первую по важности финансовую цитадель курфюршества. Город неоднократно захватывали в предыдущие годы: Тилли, шведский король, Гольк, вновь саксонцы, Валленштейн и вновь шведы. На сей раз курфюрст хорошо подготовил цитадель к обороне. Из 18 000 жителей в Лейпциге оставалось не более 12 000. Однако Торстенсон рассчитывал не только на кошельки купцов, но и на крепость: захватив ее, он собирался сделать из Лейпцига плацдарм для давления на Дрезден. С сентября началась правильная осада. Огонь осадной артиллерии сосредоточился на цитадели — замке Плассенбург, громоздившемся в северо-восточном углу городских укреплений. В октябре тяжелые пушки и мортиры сделал свое дело: образовался громадный пролом, увековеченный гравером Мерианом в его «Европейском театре». Тем временем саперы методично прокладывали апроши, подводя их к подножию внешнего вала под мертвым углом. Едва ли осажденные, какой бы храбростью они ни обладали, могли бы помешать венчанию гласиса. Торстенсон уже готов был подать сигнал к общему штурму, как вдруг появился Пикколомини с эрцгерцогом. Располагая не более чем 14 000 солдат против почти 20 000 неприятеля, шведский командую-

щий предпринял единственный верный ход: избегнуть тисков между артиллерией крепости и подошедшим врагом и самому устремиться ему навстречу.

Второй Брейтенфельд (1642 г.). Торстенсон выбрал позицию севернее Большого и Малого Видерица, рядом с полем первой битвы, с той лишь разницей, что теперь его войска располагались перпендикулярно линии фронта 1631 г. Позади него шла дорога на Лейпциг, обеспечивая отход на случай неудачи. Генералы уговаривали графа не принимать сражения за явной малочисленностью сил. «Господа, — неизменно отвечал им тот на утренней рекогносцировке, — я не уйду с поля, на котором мой покойный государь нашел великую славу». Шведы выстроились обычным боевым порядком, сильно растянувшись по фронту. Пехота под началом Врангеля занимала центр, почти вся конница сосредоточилась на флангах.

Весть о готовности врага поразила эрцгерцога и Пикколomini. Им приходилось с ходу выстраивать полки прямо при выходе на опушку видерицкого леса. Развертывание колонн шло под прикрытием огня двадцати орудий. Шведы, впрочем, держались на почтенном удалении, и императорские ядра не причиняли им особого вреда. Как только дым рассеялся, Торстенсон немедленно ударил своим правым флангом по еще не успевшему завершить перестроение врагу. Драгуны и рейтары Виттенберга смешали и обратили в бегство полки Помпей, Мадло и Гонзага. Рубя и преследуя бегущих, они почти достигли леса и обозов в тылу у эрцгерцога. Но одновременно Пикколomini повел энергичное наступление своим правым крылом и пехотой в центре. Его ветераны, эскадроны Мислика и Монтекукколи врубались в ряды Штельганса, командовавшего здесь, и заставили податься назад, обнажая пехотный центр.

Наступила критическая минута. Торстенсон приказал держаться Врангелю до последнего, а сам стрелой помчался на свой правый фланг, отыскал там Виттенберга и велел ему во что бы то ни стало собрать эскадроны для новой атаки. Виттенберг с точностью выполнил приказ: его латники и драгуны стремительно атаковали с тыла и с фланга. Спустя три часа все было кончено. Императорская конница бежала, бросив пехоту, которая была окружена и почти вся погибла под пулями и ядра-

ми расстреливавших ее шведов. С убежавшего эрцгерцога шведские драгуны сорвали цепь, которую позже Торстенсон выкупил за 3000 талеров.

Четыре тысячи императорских солдат легло на поле боя, еще столько же попало в плен вместе с обозом и всеми пушками. Среди убитых числилось два генерала (Суи и Брюи) и три полковника. Еще четверо попали в плен. Дорогую цену заплатили и победители: их пало не менее трех тысяч. Среди них: генералы Лилиенхек, Шланген и еще семь полковников и капитанов. Пулей срезало плюмаж на шляпе Торстенсона, сам он несколько раз оказывался на волоске от гибели. Но второй Брейтенфельд стал настоящим триумфом нового командующего.

Оставалось лишь довести до конца осаду Лейпцига. Лишившись помощи извне, комендант города Шлейниц и подполковник Трандорф начали переговоры о сдаче. В декабре Торстенсон принимал капитуляцию гарнизона. Наградой за победу стали 300 000 гульденов контрибуции. Шведы вошли в город, чтобы уже не уходить из него до конца войны. На ближайшие годы Лейпциг стал настоящей опорой в еще непобежденной Саксонии. Последний шведский солдат покинул цитадель лишь 1 июля 1650 г. — для Саксонии больше, чем для других земель, именно эта дата может считаться символическим окончанием войны.⁴

Эрцгерцог собрал остатки своих войск в Силезии. В Лейтмерице он подверг примерному наказанию полк Мадло за потерю знамен и бегство. Офицеров лишили шпаг, а рядовым устроили «децимацию». Повторились сцены валленштейновского суда над беглецами под Лютценом. В свою очередь курфюрст сорвал злобу на коменданте Шлейнице: его арестовали и устроили процесс. С потерей Лейпцига и союзной армии Иоганн Георг вопреки своей воле обязан был крепко задуматься над будущим. Его вконец разоренная страна уже не могла кормить ни союзников, ни собственное войско, которого почти уже и не было. Спустя год он начал тайные переговоры со шведскими властями.⁵

Датская кампания. Торстенсон в Ютландии (1643—1644 гг.). Отдохнув в Саксонии, скандинавы снова заявили в наследственные земли императора. В течение лета 1643 г. Тор-

стенсон в Моравии квартировал свою небольшую армию, вытеснив оттуда остатки имперцев. Пикколомини, которому при дворе приписывали главную вину за неудачу под Лейпцигом, чувствовал себя глубоко уязвленным, попросил отставки и вернулся на испанскую службу в Нидерланды. Эрцгерцог под благовидным предлогом удалился с командного поста, и его вновь заменили Галласом, что явно свидетельствовало о дефиците военных кадров.

Тем временем Стокгольм почувствовал изменение конъюнктуры на Балтике. Дания уже давно демонстрировала дружелюбие Вене и охотно соглашалась посредничать на гамбургских переговорах. Гегемония Швеции не входила в планы Христиана IV, он внимательно наблюдал за ходом сражений и дипломатических ристалищ. Новый резкий перелом, обозначившийся после 1642 г., грозил только усилением главного соперника на море. На секретных переговорах между датскими и императорскими представителями в начале 1643 г. была достигнута договоренность о взаимопомощи в новой войне: Дания готовилась напасть на сухопутные владения Швеции в Сконии и нуждалась в прочном тыле. Вена охотно дала согласие, предполагая сковать главные шведские войска на континенте активными операциями Галласа. Появился шанс сдвинуть чашу весов: если бы пошли дела на лад у датчан на севере, Оксенштирне не оставалось бы ничего другого, как перебросить войска из Германии.

Но решение канцлера вновь опередило его противников. Ожидая кризиса в отношениях с Копенгагеном, он настоял, по сути, на превентивном ударе. Его мнение, правда, вызывало немало вопросов и возражений в королевском совете. Помимо очевидной авантюристности этому плану явно не хватало достойного правого предлога. Не видеть ли его в дружеском жесте посредничества Дании в Гамбурге! Последнее слово, однако, сказали не политики, а военные: Торстенсон выразил полную готовность начать кампанию. Именно его энергия и железная воля позволили назвать последующие события «Торстенсоновой войной». В конце лета 1643 г., следуя предписаниям Стокгольма, он выступил из Силезии и Моравии, скорыми маршами перешел на север и в декабре завершил сосредоточение своей

небольшой армии у границ Голштинии. Как только все назначенные войска оказались в сборе, он повторил маневр, которому все шведские генералы учились у покойного короля, — перевел осеннюю кампанию в зимнюю. Шведы перешли рубежи голштинских владений 11 декабря. На запрос Христиана IV, что бы это могло значить, Торстенсон лаконично ответил: он ищет новые квартиры для своей утомленной армии. На языке военных подобный ответ означал прямой вызов. Дания была застигнута врасплох, войск в Ютландии почти не было, гарнизоны Орхуса и шлезвигских крепостей были малочисленны и плохо снабжались. Шведская армия кинжалом пронзила полуостров почти на всю глубину. Король, уже не рассчитывая на крепости, полагался на сильный флот. К тому же вскоре открылись военные действия в Сконии, где успехи шведов поначалу оказались весьма скромными. С весны все силы, оставшиеся у датской короны, концентрировались на островах.

Стокгольм прекрасно понимал: любая серьезная задержка могла обратить быстрый успех в непоправимое поражение. Вена, узнав об «исчезновении» армии Торстенсона, тотчас поторопилась бросить вслед свои войска. В феврале 1644 г. решено было направить по пятам Торстенсона Галласа и заблокировать французов на верхнем Рейне, не давая им возможности помочь шведам. Галлас выдвинулся из Богемии той же весной.

В свою очередь была возмущена и Франция: правительство Мазарини не собиралось платить шведам за их частную войну на севере, и требовало немедленно вернуть Торстенсона на немецкий театр. Таким образом, исход войны должен был решиться в ближайшие месяцы. Если бы не удалось сокрушить морскую мощь Дании, то очевидной становилась затяжка, недопустимая для Стокгольма. На помощь Швеции пришли Нидерланды: им давно уже досаждали высокие пошлины, взимаемые с их судов в Зунде, и общий «антиголландский» курс Дании, боявшейся острой конкуренции. Известный богач Луйс де Гер на деньги Стокгольма снарядил большой флот и вовремя привел его на помощь шведам. Летом на море разыгралось несколько сражений. Шведская эскадра 1 июля была разбита у входа в Кильскую бухту. Это была та знаменитая битва, в которой король потерял глаз и в который пал адмирал Йорг

Финд. Но с подходом голландского флота положение дел выправилось. Новый шведский адмирал Карл Густав Врангель 13 октября атаковал и пустил ко дну большую часть датских вымпелов между Фемарном и Лолланном. Король Христиан, так же как и пятнадцать лет назад, не захотел ждать радужных перемен, хотя Торстенсон был уже практически отрезан от Германии армией Галласа. Король пошел на переговоры. Спустя год был заключен мир в Бремзебро, превративший Швецию во владычицу балтийских вод: ей отходили острова Эзель и Готланд вместе с норвежскими ленами. Отныне шведские суда освобождались от уплаты пошлин в проливах.

Гибель армии Галласа. Киль, Магдебург, Ютербог. И вновь счастье улыбнулось Торстенсону. Галлас поспел вовремя, но армия его, и без того малочисленная, стремительно таяла по дороге. Вся его экспедиция с самого начала выглядела своеобразным зеркалом финансовых возможностей Вены: они стремительно истощались. Испания, охваченная войной на Пиренеях, больше не могла в прежних размерах помогать союзнику. Из 40 000 человек до Голштинии дошли не более 15 000. Галлас расположился лагерем при Олденсло. Из Глюкштадта и соседних крепостей он получил еще почти 5000 подкрепления. С ними он сжег Киль, опустошил весь восточный Шлезвиг, но не смог запереть шведов между Эльбой и Килем и бездействовал, напрасно теряя время на биваках. Торстенсон тем временем уже не мог более держаться в разоренной местности и очистил Дитмаршен. Пользуясь параличом власти, местные крестьяне собрались в банды, беспрестанно пополняемые мародерами и дезертирами, и устроили настоящую охоту на военных. Их прозвали «вольными бойцами» или «болотными оборванцами» — Schnarphohen. Страна стояла на пороге полной анархии. Крупные города, такие как Гамбург, ничего не могли предпринять против грабителей. Сильно страдали от них и шведы, и имперцы Галласа. В конце концов у Торстенсона лопнуло терпение: против «болотных», число которых достигало уже 5000, отрядили лихого Врангеля. Тот настиг их скопища в лесу близ Калькенкирхена, окружил и большую часть переловил. Над партизанами устроили показательную расправу. Пленных распределили партиями по родству, каждую группу выводили

в поле и заставляли закапывать друг друга в землю по шею. Оставшимся вручили заряженные ружья и приказали стрелять по торчащим головам их близких. Отказывавшихся забивали до смерти. Сам Торстенсон, взбешенный сопротивлением, повелел обратить в пепел Зигесбург — чудное творение Везерского ренессанса и любимую резиденцию датских королей.

С потерями пробираясь сквозь враждебную землю, шведы в октябре оказались в южном Шлезвиге. Наступила решающая минута: либо они успевали проскользнуть вдоль берега на юг, либо Галлас отрезал им все отходы и гибель становилась неизбежной. И вновь Торстенсона выручила интуиция и отвага истинного полководца. Авангард во главе с Врангелем устремился через Пиннеберг и Итцехо, освободил Киль, блокированный с моря шведско-голландской эскадрой, захватил Рипен и, не тревожимый армией кронпринца Фридриха, расчистил дорогу для главных сил. Торстенсон мгновенно исчез через лазейку между побережьем и внутренним Шлезвигом. Теперь уже Галлас оказался под ударом с севера. Чтобы не повторить судьбу, уготованную врагу, ему пришлось срочно возвращаться за Эльбу. Преследовавшие стали преследуемыми! К концу октября, потеряв еще треть от тех сил, с которыми он сражался в Голштинии, Галлас добрался наконец до ангальтских владений и Заале.

Но Торстенсон не давал ему покоя ни днем, ни ночью. Свое голштинское спасение он решил превратить в полный триумф. Подобно пружине шведы перескочили Заале и с восточного берега перекрыли движение остатков императорской армии. Она оказалась совершенно отрезанной от Силезии и Богемии. Галласу не оставалось ничего другого, как окопаться под Бернбургом, причем замок оставался на восточном берегу в руках шведов, которые постоянно бомбардировали оттуда его лагерь. Долго держаться в этой мышеловке было невозможно: ангальтское княжество давно уже превратилось в пустыню. Галлас снялся со своих позиций. Почти на глазах у шведов он разделил остатки своих войск. Пехота направилась в Магдебург, а конница — в Ютербог. Такое решение диктовалось не столько военной стратегией, сколько стремлением выжить. Но оно лишь предопределило гибельный конец. Изможденная, го-

лодная пехота нашла в Магдебурге такие же нищие квартиры, что и в Голштинии. Одна западня сменилась другой. Конницу шведы встретили под Ютербогом и уничтожили ее 23 ноября. Поле сражения напоминало настоящее побоище: на нем лежало 3500 павших людей и лошадей. Спустя месяц судьба настигла и магдебургский лагерь: попытка прорваться сквозь шведские ряды у Фрозе 23 декабря закончилась кровавым избиением. Обратное в Богемию Галлас привел лишь две тысячи голодных оборванцев.⁶

Для Вены исход «Торстенсоновой войны» означал пролог полной катастрофы. Не было больше сил ни помогать Саксонии, ни защищать Силезию и Богемию. Был ли виноват в этом только Галлас? Так же как и Пикколомини, воспитанный школой Валленштейна, граф предпочитал оборону наступлению и неспешную осторожность — импровизированной инициативе. Альте-Фесте и Лютцен, остановившие триумф шведского оружия, надолго — вплоть до Наполеоновских войн — вписались в тактические схемы императорских генералов. Они усвоили урок: противопоставить сильному противнику сильную оборону и ждать резервов. Но как это сделать, когда следует приказ наступить и уничтожить? И особенно когда нет резервов, а под рукой лишь горсть людей? И Галлас и Пикколомини вынуждены были играть несвойственную им роль. Вслед за Робертом Ребитчем мы снимаем с фельдмаршала стратегическую ответственность, вменяя ему недостатки тактического мастерства. Изначально, впрочем, экспедиция казалась обреченной по причине отсутствия денег. Император, лишившись испанского золота, черпал монету лишь из своих совершенно истощенных земель.

Сражения на нижнем Рейне и в Гессене. Кемпен (январь 1642 г.). Если восточный театр характеризовался большим размахом и решающими сражениями, то на юго-западе в течение почти трех лет друг друга сменяли тактические успехи и неудачи. Противники мерились силами, едва ли серьезно отличными от тех, которые вели борьбу Голштинии и в Богемии. Для союзных корон главная задача сводилась к недопущению перехвата инициативы и потери крупных укрепленных пунктов на коммуникациях. После взятия Брайзаха и

вытеснения императорских войск в глубь Швабии операции переносились на земли, относительно близкие к восточному театру. Возникла перспектива комбинированных ударов. С другой стороны, здесь, так же как и на востоке, все больше ощущался недостаток финансирования. Гебриан с 1640 г. оставался верховным командующим объединенными армиями. Поначалу ему стоило большого труда подчинить своему авторитету веймарские полки. Между тем для Ришелье лояльность их командиров оставалась залогом военного и политического успеха. Немецкие генералы и полковники долгое время предпочитали независимую позицию и суждения, несколько раз портившие отношения и вносившие разлад в союзное командование. Кооперация наладилась лишь к 1642 г. С другой стороны, генералы Максимилиана не располагали ни в восточной Швабии, ни во Франконии должным числом солдат, чтобы приступить к методичному вытеснению или тем более искать решающей встречи. Они, и среди них особенно Франц фон Мерси, восходящая военная звезда, сделавший блестящую карьеру от капрала до главнокомандующего, постоянно думали об обороне и хорошо подготовленных рубежах.

Летом 1641 и весной 1642 г. Гебриан пытался продвинуться на север, целясь во владения курфюрста Кельнского Фердинанда. Успех в этом архиепископстве избавил бы гессенские земли от угрозы с запада. К тому же Гебриан получал здесь преданного и храброго союзника в виде войск юного ландграфа Вильгельма и его вдовствующей матери. Борьба развернулась по берегам Рейна. Французы и гессенцы действовали резко и стремительно, постоянно овладевали инициативой, хотя их число подчас не превышало и 10 000 человек.

Курфюрст располагал лишь крепостями с ненадежными гарнизонами и мог надеяться только на помощь императорских войск. Фердинанд направил ему все, что находилось западнее Кельна и южнее Маастрихта, — иными словами, Ламбуа с тремя тысячами из южных Нидерландов, Гацфельда из-под Бонна с тысячью солдат и даже испанцев из района Венло. Вместе все эти войска едва ли превзошли числом союзников, но они, безусловно, могли бы прикрыть Кельн и Бонн с севера и даже вытеснить их обратно за Рейн.

Вопрос заключался в единстве сил. Ламбуа в начале января 1642 г. уже добрался до Кемпена. Но курфюрст категорически запретил ему принимать бой, не дождавшись Гацфельда. Впрочем, герцог не торопился идти навстречу опасности. Он окопался на Кемпенской пустоши в середине огромного треугольника, образованного линиями древних укреплений на границах с графством Мер, так называемого кемпенского вала. Рвы в два ряда и возвышавшиеся над ними земляные валы являли все еще грозный вид. Ламбуа, выставив на них заставы, отвел свои войска на квартиры в деревни и спокойно ожидал прибытия Гацфельда. Позади него был Кемпен, впереди — Крефельд. Но по кровавому опыту прошлых лет герцог должен был знать, с кем имеет дело: не случайно покойный Бернгард так сдружился с Гебрианом. В нем он видел достойного единомышленника и тактика. И французский генерал вполне оправдал себя. Гебриан, неожиданно развернувшись у Везеля, устремился на юг. Ставка делалась на внезапность первого удара. В ночь на 17 января, круто обогнув Крефельд с юга, союзники появились перед южным оборонительным участком валов. Авангард храбреца Розена с боем прорвался сквозь ряды укреплений между Штокхофом и Хюкельсмаем. Вскоре подоспели и главные силы. Валы были взяты, и Гебриан с ходу повел атаку на неприятельский лагерь. Императорские солдаты в панике выбегали из своих палаток и блокгаузов. Почти неприступные позиции стали для них настоящей западней, а Кемпенская пустошь — могилой для армии Ламбуа. Союзники рубили, кололи, брали в плен и преследовали бегущих вплоть до рассвета. Ламбуа не впервой было оказываться в плену, теперь же он делил его с Мерси и множеством офицеров. Две тысячи вырвавшихся рейтар пытались спастись в конном строю, но неутомимый Розен настиг их у Цюпфеля, рассеял вновь, частью перебил, частью погнал дальше к границам архиепископства. Вечером командир гессенцев генерал Эберштейн имел полное право отправить гонцов к ландграфине с вестью о блестящей победе. Гебриан получил за нее маршальский жезл, но героем дня, несомненно, был Рейнгольд фон Розен — ветеран всех последних походов Бернгарда, его исполнительный офицер и надежный товарищ.⁷

Битва под Кемпеном имела два равновеликих по важности следствия: то была первая крупная победа гессенцев после тяжелых лет неопределенности, и она же, в сущности, предредила исход борьбы за нижний Рейн. Вплоть до конца войны курфюрст Кельнский будет боязливо отсиживаться в своих крепостях. Союзные короны могли больше не беспокоиться за северо-запад.

Битва за Швабию. Туттлинген и Фрайбург (1643—1644 гг.). Гебриан вернулся в Швабию и в течение 1643 г. пытался овладеть ключевыми крепостями. Под Ротвайлем он задержался навсегда: пуля от фальконета раздробила его правый локоть, а вынужденная ампутация привела к гангрене. Маршал скончался в уже взятом городе: у его смертного одра склонились чины городского совета с ключами в руках (24 ноября 1643 г.). Останки его отправили в Париж, где король и Анна Австрийская воздали маршалу последние почести.

Конец 1643 г. протекал в мелких операциях и осадах крепостей. Баварцы успели крепко ухватиться за южную и восточную Швабию. Здесь появились все их знаменитости, включая отпущенного из плена Франца фон Мерси. После ранения Гебриана его войска временно подчинялись Иосиасу Ранцау. Часть французов и веймарцев расположилась на зимовку вокруг Туттингена, недавно сдавшегося союзникам. Ранцау, дворянин из известной голштинской семьи, слыл человеком исключительной храбрости и горячности, но совершенно беспечным. Он посчитал, что баварцы далеко и едва ли найдут смелость атаковать его на лесистых, уже заснеженных высотах. Весь артиллерийский парк он разместил между городом и замковой горой. Пехота ночевала в городе, конница — у подножия горы. Беспечностью французов немедленно воспользовались баварцы. Верт с 1000 рейтар, пользуясь метелью и глубоким снегом, 24 ноября бесшумно приблизился к неприятельским аванпостам, в то время как хорваты Трукмюллера и драгуны Мерси ударили с флангов. Французы были застигнуты врасплох. Орудия были тотчас потеряны, пехота изрублена и загнана в город, конница успела сняться с биваков и бежала. Остатки войск, свыше 7000 человек, оказались заперты в крохотном городке. О возобновлении боя нечего было и думать.

Несчастный Ранцау и еще семь генералов наутро отдали свои шпаги. Тутлинген стал самой крупной победой баварцев за последние годы и настоящей мезтью Верта за Райнфельден и парижский плен. По иронии судьбы в день гибели войск Ранцау на другом конце Швабии скончался Гебриан. Подобного поражения Франция не знала уже давно. Назначенный вместо Гебриана Тюренн вынужден был уйти за Рейн и дать отдых войскам в Эльзасе.

Тутлинген напугал Мазарини. Кардинал решил на следующий год послать подкрепления в Эльзас с фландрского театра. После Рокруа испанцы отказались от активных операций в направлении к Пикардии, и можно было использовать целую фландрскую армию герцога Энгиенского. Знаменитый Конде действительно появился в Швабии весной следующего года.

Вместе с войсками Тюренна у них насчитывалось до 16 000 пехотинцев и конников. Противостоявший им Мерси располагал примерно схожим числом. С начала лета 1644 г. его усилия были сосредоточены на взятии Фрайбурга, ключа ко всей внутренней Швабии. Город оказал упорное сопротивление и сдался лишь на исходе июля. К тому времени Энгиен еще не успел соединиться с Тюренном, и последний лишь бессильно наблюдал за падением важного пункта: со своими десятью тысячами он не мог начать схватку с талантливым Мерси.

Наконец в начале августа франко-веймарские войска развернулись для удара. Мерси не желал удаляться от взятого им Фрайбурга и почти не двигался с места: отроги Швабских Альп, подступавшие к городу и распадавшиеся перед ним на гряды высоких лесистых холмов, предлагали почти идеальную позицию. Баварцы укрепились полукольцом на высотах Шёнберга и Шлирберга (Лоретанская гора), надежно обеспечив себе пути отхода к городу. Тюренн с тревогой взирал на гребни неприятельских позиций и настоятельно советовал герцогу не начинать штурма. Но Энгиену, уже опьяненному успехом своих атак при Рокруа, не терпелось пролить кровь. Он бросил 3 августа свои войска на высоты Шёнберга, послав Тюренна в обход через «ведьмину долину» — узкое лесистое дефиле. С фронта французам приходилось подниматься по пологому подъему, совершенно лишенному растительности. Лучшей мишени бавар-

цам не приходилось и желать. На пехотные квадраты французов обрушился настоящий смерч из пуль и ядер, люди падали сотнями, склоны горы вмиг покрылись горами мертвых тел. Четыре раза французов сбрасывали к подножию, на пятый им удалось ворваться на редуты, и там закипел отчаянный рукопашный бой. Тюренн к тому времени выбрался из долины и появился на фланге Мерси. Последний тотчас прекратил сражение и в полном порядке отошел к высотам Шлирберга.

Четвертого августа обе армии отдыхали. Пятого герцог возобновил штурм и вновь бросил Тюренна в обходной маневр. Бой продолжался до вечера без всякого успеха для французских генералов. Взбешенный Энгьен швырнул в сторону неприятеля свой маршальский жезл и с криком «Еще тысячу!» потребовал резервов. Напрасно! Мерси остался непоколебим на своих редутах, брустверы которых были завалены телами французов. Наступившая темнота положила конец кровавому пиршеству. Мерси вновь отступил, сохраняя полный порядок. Не удалась и попытка спустя неделю отбить баварский обоз.

Два дня стояли французам почти трети армии, баварцы потеряли едва ли две тысячи. Но уход Мерси позволил Энгьену объявить себя победителем. Останки павших еще долго покрывали склоны Лоретанской горы. Позже там воздвигли поминальный крест, а набожные крестьяне посчитали собранные кости реликвиями и устроили настоящее паломничество, продолжавшееся вопреки вялым протестам Церкви вплоть до конца XVIII в.⁸

Мерси отошел в Баварию, Тюренн и Энгьен отправились к берегам Рейна: потери настолько устрашали, что необходимо было свежее пополнение. Осенью сдался Филиппсбург — слабое утешение за урон под Фрайбургом.

Кампания 1645 г. на востоке. Янков (6 марта). Зимой союзники, впервые после 1642 г., попытались подготовить план совместных операций сразу на нескольких театрах. Предполагалось одновременное выступление трех армий: Торстенсона из Саксонии в Богемию с выходом к Праге, Кенигсмарка из Вестфалии во Франконию и франко-веймарской армии Тюренна из Швабии в Баварию. Вспомогательный удар отводился венграм Ракоци, собиравшегося пересмотреть статьи Никольсбургского

мира 1623 г. и вытеснить Габсбургов из западной Венгрии. Во круг наследственных земель сжималось огненное полукольцо. Все зависело от согласованности и решительности генералов. Армии Торстенсона по этому плану отводилась роль настоящего кинжала, пронзавшего сердце монархии и поражавшего Прагу. Уже зимой он расположился в северной Богемии, намереваясь, как только сойдет снег, пробраться к чешской столице.

Император, пребывая в Праге и прекрасно понимая намерения шведов, торопил своих генералов. Вопрос времени был особенно важен, поскольку в центральной Чехии войск почти не было. Гацфельд должен был привести из Франконии четыре полка конницы и один пехотный, Гётцу надлежало прибыть с одиннадцатью полками из-под Иглау. Притянули и остатки войск Галласа числом 5000. Все вместе они, однако, не превышали 11 000, явно недостаточных для надежной обороны страны. К тому же Гётц не поспевал, а полки Галласа, слишком расстроенные предыдущей кампанией, являли собой жалкую толпу оборванцев. Между тем из союзников курфюрст Саксонии, и без того потерявший полстраны, мог предоставить не более 1400 рейтар. Легко понять, сколь большие надежды возлагались на Баварию. После настойчивых просьб Гацфельда, назначенного командующим, и личных обращений императора Мерси направил на подмогу 5000 пехотинцев и всадников под началом Верта и Ройшенберга. Конечным пунктом сосредоточения войск был назначен Пльзень.

Шведы между тем уже вторглись в Богемию. Перед самым выступлением Торстенсона настиг тяжкий приступ подагры: боли в пальцах рук и ногах были настолько сильными, что он не мог ни читать, ни подписывать приказы, ни самостоятельно передвигаться. Некоторое время он оставался в Цайтце, приказав Виттенбергу стянуть войска к Эгеру, не ввязываться в сражение и лишь ограничиться экспедициями по округе. Наконец 31 января он прибыл к войскам. В Кадене на военном совете 4 февраля было принято решение пробиваться в глубь наследственных земель. Но, к несчастью для шведов, как раз в те дни установилась теплая погода, лед подтаял, дороги размякли и транспортировка орудий и обозов стала почти невозможной. Пришлось тратить дни в ожидании новых заморозков.

Тем временем полный энергии и решимости император настаивал на скорейшем наступлении всеми наличными силами. Для этой цели в ставку был отряжен даже вице-президент военного совета князь фон Лобкович. Гацфельд не мог ослушаться своего государя, но задержка Гётца под Иглау невольно содействовала торжеству его более осторожного плана. Он оставил 4 февраля со своими полками Прагу с намерением следовать на Клеттау, чтобы оттуда наблюдать за движением врага и не дать ему прорваться в Моравию. Только 21 февраля с большим опозданием и беспорядком свершилось наконец соединение с войсками Гётца.

Торстенсон к этому времени шел уже южнее Праги. Обе армии совершали почти параллельное движение, причем шведы, как и их враги, не хотели рисковать генеральной встречей. Очевидность замысла Торстенсона — пробиться к моравским границам — побудила Гацфельда в конце концов развернуться и преградить ему дорогу севернее Табора. Армия Гацфельда располагалась в треугольнике высоких холмов: на западе возвышались Черные горы, на юге — Брамовицы со старинной часовней на вершине, на востоке — Радмиржицкие высоты. Фронт тянулся с северо-запада на юго-восток, пересекая почти всю котловину. Правым флангом и тылом он опирался на городок и замок Янков и был прикрыт с запада и юга замерзшими прудами и руслом одноименной речки. Это был идеальный выбор, позволявший остановить наступавшего с северо-запада противника и лишить его возможности всякого большого маневра.

У Торстенсона не было и 16 000 человек против почти 20 000 у Гацфельда, и его генералы, как и в 1642 г., не решались принимать бой. Но военный опыт и колоссальная интуиция подсказали шведскому полководцу смелое и верное решение. Вечером 5 марта среди заснеженной ложины граф внимательно рассматривал позиции неприятельских войск. На военном совете решено было атаковать на следующий день. Еще одна рекогносцировка, уже в утренние часы, внесла решающую коррективу: увидев, что дефиле на юге почти свободно, Торстенсон решил обойти Гацфельда своим правым флангом.

Утром 6 марта Виттенберг произвел демонстрацию по направлению к Янкову. Введенный в заблуждение Гацфельд по-

спешил притянуть туда всю конницу Верта и сам поскакал следить за боем. А меж тем на правой оконечности генерал-майор Дуглас со своими тринадцатью конными полками блестящим обходным маневром овладел Брамовицкими высотами, прогнал оттуда горсть хорватов и успел втащить полевые пушки. Гётц, увидев взбравшихся шведов, не стал дожидаться приказа своего командира и сам с несколькими полками бросился на холм. Но было уже поздно. Осыпанные ядрами с высот конница и пехота были отброшены. Дуглас тотчас кинул им вслед драгун и рейтар Виттенберга. Шведская конница грозной колонной спустилась с горы, нагнала и врубилась в ряды отступающих, обратив их в безудержное бегство. Поняв ошибку, Гацфельд притянул конницу Верта с правого крыла. Верт здесь сменил уже павшего Гётца. Но горячая кавалерийская схватка вновь закончилась победой рейтар Виттенберга.

К полудню все правое крыло императорской армии было разбито, она вынуждена была разворачиваться, описывая полукруг. Причем центр теперь оказался прямо напротив Радмиржицких высот, а правый фланг на западе упирался в Янков. Воцарилось затишье, продолжавшееся до двух часов дня. Гацфельд, видимо, ожидал вечера, чтобы вывести войска на пражскую дорогу. Но Торстенсон предчувствовал удачу и не хотел выпускать добычу из рук.

Готовность шведов вынудила Гацфельда возобновить бой. Противники напали почти одновременно. Верту удалось загладить утреннюю неудачу таранным ударом, смявшим фланг Виттенберга. Баварцы уже заходили в тылы шведской армии и захватывали обозы: они почти не сомневались в конечной победе. Торстенсон в свою очередь отразил вражескую пехоту в центре и нанес поражение правому флангу. Выше всех похвал действовала шведская артиллерия: передвигаясь на упряжках, она вела прицельный огонь с высот Радмиржице, опустошая неприятельские ряды, сея панику и не давая врагу маневрировать. Верт допустил ошибку, позже повторившуюся в Швабии: его рейтары рассеялись среди неприятельского обоза в поисках добычи. Собрать их уже не было никакой возможности, и вся ярость баварского генерала оказалась бесполезной. К четырем часам дня все было кончено. Баварская и саксонская конница,

объятая паникой, бежала, а шведские ряды сомкнулись вокруг брошенной императорской пехоты. Здесь повторились сцены второго Брейтенфельда. Шведы расстреливали врага почти в упор из мушкетов и орудий. Началась настоящая бойня. Кто мог, бежал, остальные бросали оружие и сдавались. Среди пленных оказался сам главнокомандующий. Гётц пал еще раньше, равно как и сын Пикколомини. Верт бегством спас свою жизнь, его же конница подверглась почти поголовному истреблению. Четыре тысячи императорских солдат остались на поле битвы, еще почти пять тысяч сдались в плен. Победителям досталось свыше ста знамен и штандартов.⁹

Успех превзошел результаты 1642 г., путь на Вену был открыт. Император тотчас по получении известия о катастрофе оставил Прагу и поспешил в Вену — кружным путем через Регенсбург и Пассау, где уже находился его баварский кузен. Семью свою он отослал в Грац. Наскоро обсудив с Максимилианом перспективы, Фердинанд решил лично возглавить оборону столицы.

Шведы под Веной, выступление Ракоци, Брно (лето и осень 1645 г.). У Торстенсона появилась великолепная возможность овладеть главной резиденцией. К тому же шведы сильно надеялись на диверсию союзника — трансильванского князя Дьёрдя Ракоци. Следуя курсу, который уже проторил Бетлен Габор, он решил попытать счастья, поддержав шведов и продиктовав Габсбургам условия мира, более выгодного, чем когда-то в Никольсбурге. Договоренность о совместных действиях была достигнута уже перед началом кампании. Но венграм понадобилось слишком много времени на мобилизацию конницы, и Ракоци выступил только по получению известия о янковской победе.

Тем не менее Торстенсон сразу же направился на юг и взятием Кремса поставил под контроль переправы через Дунай. На протяжении нескольких месяцев он непрерывно маневрировал вокруг Вены, то намереваясь вторгнуться в южную Австрию, то двигаясь на восток в сторону Трансильвании. Но у него уже не доставало сил для правильной осады столицы. Войска были слишком измотаны; бесконечные марши, битвы и мелкие стычки, хотя и победоносные, требовали паузы. Торстенсон, следуя

излюбленной тактике, решил перебраться в Моравию, где собирался поджидать венгров и взять Брно. Но город отчаянно защищался, руководимый дезертиром французской службы полковником Рудегаром де Сушем. Шведы напрасно тратили людей и заряды. До конца лета Торстенсон сковывал себя этой тяжелой и бесплодной осадой, потеряв 8000 человек не столько от пуль, сколько от лишений и чумы. Теперь появились венгры Ракоци, но движение их оказалось слишком медленным, на что Торстенсон не рассчитывал. К тому же Ракоци с самого начала был не против переговоров с Габсбургами: его покровительница, Османская Порта, отнюдь не испытывала большого восторга от предприятия своего вассала, на средиземноморье уже возобновилась война с Венецией за Крит. Трансильванский государь также надеялся на деньги для содержания своих полков, которых у шведов не было. Фердинанд, конечно же, должен был использовать любой шанс для облегчения положения. Он охотно пошел на перемирие. В декабре в Линце Ракоци получил гарантии свобод вероисповедания для венгров, включая дворян и крестьян, оставил своих союзников и обязался более не вмешиваться в немецкую войну.

Торстенсон 25 сентября оставил свой моравский лагерь и через Саксонию отошел в Тюрингию. Он уже не мог командовать и с трудом переносил даже тряску в повозке. В декабре он закончил свое поприще на континенте, сдав начальство над армией Карлу Густаву Врангелю, одному из героев датской войны. Торстенсон, подобно Банеру, покинул Германию так и не побежденным. Но в отличие от покойного предшественника он сочетал в себе таланты тактика, стратега и политика. С его мнением считались в кабинетах, он имел большой вес у немецких и французских союзников и всегда старался думать на несколько шагов вперед. Пять лет спустя он скончался в Стокгольме в зените своей славы (7 апреля 1651 г.).

Кампания 1645 г. на юге. Мергентгейм и второй Нордлинген. Шведы добились полного успеха в части стратегического плана на 1645 г. Оставалось дожидаться таких же побед на западе. Вполне возможно, война закончилась бы и раньше, добейся французские генералы успеха, равнозначного победе при Янковом. Дело, однако, обернулось иначе.

Тюренну весной поручили вторгнуться в Швабию. Хорошо подкрепившись резервами с Рейна и из Франции, он почти повторил прошлогодний маневр. Углубившись в междуречье Неккара и Рейна, его войска дошли до берега Таубера. Здесь они взяли передышку: почти не тронутая войной долина выглядела настоящим раем. Пехотинцы и кавалеристы разбрелись по округе. Сам Тюренн разбил штаб-квартиру в старом замке немецкого ордена Мергентгейм, а начальник его кавалерии Розен, друг и соратник Бернгарда Веймарского, даже распустил эскадроны на весенние квартиры. Мерси только этого и ждал. Он вместе с Вертом и почти 14-тысячной армией устремился на беспечных союзников. Тюренн едва успел собрать конницу и занять позиции близ деревни Хербстхаузен, как был стремительно атакован баварцами. Весь его правый фланг был совершенно разбит конницей Верта, и это предопределило исход всего дела. Подвиги Тюренна во главе лейб-штандарта оказались бесполезны, пехота была окружена и сложила оружие. Остатки конницы бежали, а с ней и Тюренн, потерявший в тот день почти 5000 солдат и 200 офицеров, включая Розена, оказавшихся в плену.¹⁰

Французы поспешно отступили к Майну и оттуда к Рейну, перейдя его южнее Майнца. Казалось, рушилось все добытое с таким трудом после взятия Брайзаха. Тюренну было впору думать о защите Эльзаса. Он пребывал в отчаянии и просил Мазарини об отставке, намеревался даже оставить военную карьеру. Кардиналу пришлось сделать виконту строгое внушение. Пошли на радикальные меры: как и за год до этого, на помощь Тюренну бросили фландрскую армию герцога Энгийенского. Мазарини прекрасно понимал: баварцам ни в коем случае нельзя давать возможность закрепиться в Швабии.

Появление Конде изменило расстановку сил. Численность французов и веймарцев вновь достигла 15—20 тысяч, а Мюнхен вынужден был быстро выходить из эйфории «избавления от нашествия». Энгийен форсировал Рейн у Шпейера и устремился в Гессен, где намеревался соединиться с войсками ландграфа Вильгельма. Далее с севера планировалось вторгнуться в Баварию. Мерси отошел к границам Швабии и здесь маневрировал, пытаясь собрать подкрепления с берегов Дуная.

Решающая встреча состоялась близ Нордлингена 3 августа 1645 г.

Мерси ни в чем не изменил себе: он предпочел оборону атаке и хорошенько укрепил центр позиций вокруг деревни Алергейм. Его левое крыло опиралось на одноименный замок, здесь предводительствовал Верт со своими драгунами и рейтарами. Справа стояла конница, в то время как легкие пушки прикрывали линию фронта. Гессенские генералы не решались на штурм столь хорошо укрепленной позиции, и упрямство Энгиена чуть было не стоило ему размолвки с ними. Подобно Мерси, повторявшему ситуацию при Фрайбурге, это же сделал и Энгиен, обрушивший всю силу своего удара на центр баварских боевых порядков. Наступавших встретил шквал огня, потери французов были ужасающими. Пришлось притянуть часть батальонов Грамона с правого фланга, и только после двух часов небывалой бойни удалось ворваться в горящий Алергейм. Там развернулся рукопашный бой. Баварцы удерживали церковь и кладбище, а французы — окрестные сады и дома. Но почти одновременно Верт нанес таранный удар по правому флангу Энгиена. Командовавший здесь маршал Грамон даже не успел развернуть свои эскадроны. Баварская конница проложила кровавые борозды в толще французских боевых порядков. Грамон попал в плен, погиб цвет французской дворянской молодежи. У Верта появилась блестящая возможность окружить центр союзников и окончить дело так же, как при Мергентгейме. Но, ослепленный дымом и пылью, он не видел, что происходило справа от него, и дал возможность своим драгунам опустошить французский обоз. В тот же час пал сам Мерси, направлявший свои батальоны на помощь защитникам Алергейма. Не закрепившись в центре и будучи разбитым на правом крыле, Энгиен сохранил последнюю возможность повернуть фортуна к себе лицом. Наскоро посоветовавшись с исполнительным Тюренном, он кинул в бой свой левый фланг с последними резервами — гессенцами генерала Гейзо. На сей раз баварцы не выдержали ураганного натиска, потеряли командовавшего здесь Гелеена (он был взят в плен) и бежали, бросив на произвол судьбы защитников Алергейма. Французам теперь ничего не стоило завершить начатое дело. Остатки полка де Хизи, за-

пертые на кладбище и в церкви, сложили оружие. Верт слишком поздно заметил перелом. Не желая рисковать своими людьми, он поспешил покинуть поле битвы. Его отход лишь усилил панику. Победители устремились вдогонку и преследовали отступавших до наступления темноты. Торжество дорого обошлось союзникам: почти 6000 человек осталось лежать на поле битвы, примерно столько же, сколько и врагов. Баварцы оплакивали павшего Мерси — человека, удивительно скромного для столь жестокой эпохи: всегда заботившийся о солдатах, он никогда не брал ничего лично для себя. Его прах торжественно похоронили в Ингольштадте. Максимилиан оплатил все его долги, отдав вдове доходы с округа Ингольштадт.¹¹

И тогда и позже говорили о пирровой победе Энгиена в этот день. Но она обозначила окончательный перелом. Правда, осенью французы вновь вернулись на левый берег Рейна, однако баварцы лишились талантливой Мерси и самых боеспособных войск. У Максимилиана заканчивались средства для восполнения потерь. И на будущий год союзникам уже ничто не мешало «погостить» в его землях, щедро расплатившись за предыдущие неудачи.

Выход из войны Саксонии, перемирие в Кетченброде (октябрь 1645 г.). Помимо гибели своих армий Фердинанд осенью 1645 г. должен был испытать еще один удар, по силе равный уже полученному. Иоганн Георг Саксонский не мог более сносить тягот оккупации и разорения. Он честно держался стороны Габсбургов, и для него Пражский мир долгое время оставался незыблемой константой, подобно священству трона и всей Империи. Но катастрофа под Янковом развеяла иллюзии. Если в 1642 г. был потерян Лейпциг, шведы обрели плацдарм и занимали отныне треть его земель, то март 1645 г. означал прекращение спасительных инъекций из Богемии. Курс отца уже давно, хотя и тактично, критиковала семья: супруга Магдалена Сибилла и сыновья, особенно младшие — Август, будущий администратор архиепископства Магдебург, Христиан и Мориц — симпатизировали шведам и прекрасно осознавали размеры катастрофы для родины. За скорый мир высказывалась значительная часть придворного окружения, и лишь тайный совет, руководимый Абрахамом фон Зеботтендорфом, выходцем

из силезской дворянской семьи, все еще предлагал хранить верность Габсбургам. Зеботтендорф был типичным представителем ортодоксальной лютеранской партии. Он считал единство империи Габсбургов и преданность курфюрста короне первейшими условиями стабильного будущего. Но даже его мнение не могло подправить скорбную картину настоящего. Уже в 1644 г. имелись спорадические контакты со шведскими военачальниками. Теперь же им был дан зеленый свет. В Кетченброде, в миле от Дрездена, в едва ли не единственном уцелевшем доме местечка в октябре 1645 г. офицеры генерала Врангеля и саксонские уполномоченные договорились об окончательных условиях. Курфюрсту дозволялось оставить на императорской службе три полка кавалерии, но сам он прекращал военные действия против шведов, обязан был содержать шведские гарнизоны в Лейпциге и Хемнице и предоставить им право прохода по своим владениям. Сам Иоганн Георг в качестве оправдания перед императором говорил о невыносимом положении подданных и тотальном разорении. Впрочем, предложение Врангеля соединить силы и покончить с Габсбургами было также отвергнуто.

Соглашение в Кетченброде стало окончательным приговором пражским трактатам. Если бранденбургский курфюрст летом 1641 г. своим перемирием со Стокгольмом дал понять, что кризис олигархической верхушки — его реальность, то Иоганн Георг знаменовал его апогей. От Габсбургов откалывались части ближайшего круга, члены той корпорации, которая символизировала надежность и согласие даже в самые тяжелые годы. Коллегия курфюрстов как коллегия «своих» единомышленников испарилась. Мирные переговоры более не встречали серьезной альтернативы. После Янкова и Алергейма на военные успехи полагались лишь как на добавочное средство аргументации, но не как на главный аргумент.¹²

Глава 10

ПУТЬ ПЕРЕГОВОРОВ: 1645—1648 гг.

Подготовка к мирным переговорам. Франкфуртский съезд, приглашение Сальвиуса, позиции сословий. Гамбургский «прелиминарий» очертил лишь контуры будущих соглашений. Он приглашал воюющие стороны сесть за стол переговоров в марте 1642 г. Но предварительные статьи нуждались в ратификации. Если Стокгольм и Париж не стали откладывать дело в долгий ящик, то иначе рисовалась ситуация для Испании и Нидерландов. Для самого императора, собственно, много оставалось неясным, и он питал надежду на благоприятный ход военных кампаний. Явно оскорбительной представлялась и позиция Парижа: король Людовик все еще отказывался видеть Фердинанда законно избранным государем по причине неполноты состава курфюршеской коллегии, избиравшей его в 1636 г.: курфюрст Трира Филипп Христофор фон Зеттерн томился в испанском плену. Мадрид дал согласие вообще лишь три года спустя, в 1644 г. Таким образом, в марте 1642 г. посланцы так и не съехались в Вестфалию. Впрочем, Фердинанд был вынужден теперь следовать общей линии рейхстага. Вновь запущенный механизм его восстановления уже не подлежал остановке. К тому же император опасался самостоятельности Баварии ничуть не меньше, чем самостоятельности союзных корон, и вынужден был на крайний случай искать поддержку у княжеской скамьи рейхстага.

В январе во Франкфурте открыл свою работу съезд уполномоченных сословий, что было предназначено рейхстагом в 1641 г. На повестке дня стояли вопросы обустройства Империи, реанимации имперской юстиции, религиозные жалобы, а также дела об умиротворении Империи и участии в мирных

переговорах. Фердинанд стремился как можно больше ограничить возможности участия сословий в будущем конгрессе, предлагая сделать именно рейхстаг местом общего примирения и лишь во вторую очередь обратиться к иноземным державам. Но императору не удалось дифференцировать весь комплекс вопросов. Сословия, и прежде всего протестантские, сражавшиеся на стороне союзников, прекрасно понимали: поддержку они смогут получить лишь в результате прямых контактов с союзными коронами. С жаром вновь апеллировали к «немецким свободам», полагая право самостоятельных переговоров с иноземными суверенами неотъемлемой частью сословных прерогатив. Курфюрсты не хотели жертвовать своим положением и поддерживали императора. Не последним аргументом служило заявление о дороговизне столь большой ассамблеи и небезопасности дорог вопреки обещаниям воюющих сторон не нападать друг на друга.

Но здесь вновь заявили о себе шведские инициативы: Сальвиус обратился к имперским чинам с предложением добровольно и напрямую начать переговоры с союзниками. Заявление Сальвиуса пришлось кстати и решало, весьма тактично, вопрос инициативы: шведский резидент прекрасно понимал, что многие князья и города попросту боятся самостоятельно завязывать контакты с союзниками без оглядки на императора. Теперь же речь шла о Швеции именно как иницилирующей стороне. Вопрос о принятии решения лежал целиком в сфере сословного статуса и никак не нарушал прерогативы престолом. Примеров подобного было множество уже с давних времен. Впрочем, сословия оставляли за собой право предварительных консультаций. Фердинанд формально не мог им отказать: на подобных принципах строилась вся система внутримперских отношений.

Конец 1643-го и почти весь 1644 г. прошел в насыщенных обсуждениях предложения Сальвиуса при всех крупных дворах Империи. Ландграфиня Амалия, брауншвейгские Вельфы, курфюрст Бранденбурга чувствовали себя вправе вообще игнорировать дискуссию, поскольку они на законных основаниях уже были союзниками Швеции. В группе лютеранских династов не было единства, поскольку их разделяла та или иная мера ответ-

ственности перед короной. Не были едины и католики. Многие из них, особенно владельцы сеньорий и духовных княжеств Франконии и нижнего Рейна, давно уже платили контрибуции союзным войскам, дабы избавить свои земли от постоянного пресса постоев и реквизиций. По сути, союзники на добрую половину получали финансирование от своих потенциальных врагов, которые на деле уже давно покинули рамки Пражской системы. Скорейшее окончание войны было для них манной небесной, и они с готовностью согласились отправить своих людей на конгресс.¹

Прорыв произошел на рубеже 1644—1645 гг. Франконский округ единым блоком проголосовал за участие в конгрессе. Его решение вызвало цепную реакцию. Одно за другим сословия принимали предложение Сальвиуса. Император уже не мог ни остановить, ни модифицировать процесс. Пражская система не только исчезала, но и оборачивалась своеобразной гримасой: возник призрак Гейльброннского альянса, только с мирными целями. Маятник резко качнулся от одной крайности к другой, от Пражской консолидации — к новому распаду. Но условия 1644—1645 гг. были уже совершенно иными. Рейхстаг оживил почву для согласия, и император не мог уже стать изгоем системы. Ему надлежало лишь сбалансировать ситуацию.

Тем не менее Фердинанд до конца хотел использовать военный ресурс. Лишь каскад военных катастроф весной и летом 1645 г. убил последние надежды. Тем более, что финансовой помощи от Мадрида теперь ждать не приходилось. Фердинанд летом 1645 г. не мог или не хотел повторить то, что однажды спасло его отца, сместившего Валленштейна и опиравшегося на помощь армии кардинала-инфанта. Император 29 августа потребовал от всех имперских сословий участия в конгрессе. То было воистину историческое решение! Фердинанд сам растоптал исключительное право, позволявшее заключать соглашения с иноземными суверенами и представлять интересы самой Империи. Но этим шагом он спасал собственные позиции и приближал долгожданный мир. Специальная преамбула объясняла, что государь не желает вредить исконным правам сословий, отнимая у них возможность участвовать в конгрессе, решения которого касаются всей Империи.²

Начало переговоров, позиции сторон. Представители воюющих держав стали торжественно прибывать уже с января 1645 г. В Мюнстере решался вопрос о противостоянии Испании, Нидерландов, Франции и Империи. Там заседали и спорили преимущественно католики. Оснабрюк назначили местом общения имперских сословий, императора, Швеции и Франции. Здесь суждено было завершиться собственно «немецкой войне». Париж и Стокгольм 11 июня 1645 г. согласовали свои предложения, которые теперь надлежало представить императору. Все ожидали главу императорской делегации. Им оказался давний друг Фердинанда граф Траутманнсдорф. Выбор его явственно свидетельствовал о гибкости Вены: граф не был ни радикалом католической партии, ни капитулянтом в худшем смысле слова. То был прагматик, горячо преданный своему государю. Собственно, ему конгресс и будет обязан самыми существенными сдвигами в деле компромисса. Траутманнсдорф появился в ноябре с пышной свитой из 100 человек и сразу же принялся за дело. Закипела работа секретариата, закружилась вереница встреч.³

Чтобы понять особенности переговорного процесса, а вместе с тем и значение спустя три года заключенного мира, необходимо хорошо понимать мировосприятие и образ мысли участников конгресса. Мир собирались заключить страны, принадлежавшие к кругу единой европейской цивилизации. При всех конфессиональных различиях и всей крайней нетерпимости, явленной в войне и даже позже, мы должны понимать: расколотая в религиозном отношении Европа не переставала существовать как единая модель, формировавшая относительно общее социо-культурное пространство. Шведская корона воспринималась Мадридом не так, как Блистательная Порта; ее, разумеется, считали страной еретиков, но с католическим прошлым. Соответственно с некогда общей почвой. Реформация и Контрреформация удивительным образом не только разъединяли, но и сближали. Принадлежность к сообществу христианских держав лежала в основе всех теоретико-правовых конструкций. К тому же не следует забывать: договаривались элиты, почти сплошь представленные знатью. Ее делегаты обладали схожей поведенческой моделью, схожим восприятием



Максимилиан, граф Траутманнсдорф (1584—1650), глава имперской делегации на Вестфальском мирном конгрессе. Его проект, подготовленный в 1647 г., стал основой будущего мирного договора 1648 г. Портрет князя Яна Бангиста Флориса в Зале мира мюнстерской ратуши.

мира и формировали единую корпорацию. Риторика посланий, формулы обращений, церемониал и циклы повседневности вестфальских дипломатов соответствовали принятому коду и нисколько не нарушали общность культуры.⁴

Внешние параметры конгресса также должны были избавиться от иллюзий слишком больших масштабов. Конгресс был европейским по географическому охвату участников: на нем отсутствовали представители Порты и московского царя, равно как и азиатских держав. Но он также не был и общеевропейским: на него не явились английские дипломаты (в разгаре была знаменитая междоусобица).⁵

Темы переговоров отнюдь не рассеивались равномерно между Мюнстером и Оснабрюком: между противостоянием Франции, Нидерландов и Испании с одной стороны и Империи, Франции и Швеции — с другой. С самого начала для всех участников было ясно: «немецкая война» есть основная тема конгресса и ее прекращение — главная его цель. Без умиротворения Германии, без восстановления согласия в Империи мира в Европе быть не может. Иными словами, Вестфальский мир должен был стать прежде всего немецким миром. Именно это осознание ясно указывало и на причины, и на сущность Тридцатилетней войны: она была имперско-немецкой по своей природе, главным театрам и способу прекращения. Потому оснабрюкский форум с самого начала играл первую роль в переговорном процессе.

Для чего нужен мир? Вопросы чести, репутации и сатисфакции. Люди XVII в. мыслили категориями высшей справедливости, источником которой выступала божественная воля. Акт заключения мира виделся им триумфом разума во имя Бога и Его славы, война же грезилась бичом Господним. Должен был быть восстановлен справедливый, т. е. Богом установленный, но попраный людьми миропорядок. Восстановление справедливости мерилось исключительно категориями сословного мира: державы-участницы, начавшие войну по причине ущемления их «монархического тела», равно как и имперские сословия, сражавшиеся с оружием в руках против Габсбургов по причине нарушения их прирожденных «свобод», обязаны были добиться реставрации уязвленных прав. Статус

участников выражался понятием чести, внешняя форма которой есть репутация. Следовательно, справедливость заключалась в удовлетворении репутации и соответственно чести каждого из участников войны. Мир не мог породить принципиально новой модели, он мог лишь вернуть к балансу репутаций и чести.

Здесь мы хотели бы обратить внимание на очень важный аспект: в войне, рассматриваемой под подобным углом зрения, вообще не могло быть победителей и побежденных. Однажды созданный волей Всевышнего миропорядок не мог измениться за счет упразднения его элементов. Это было бы абсурдом, Бог не может противоречить самому себе. Соответственно акт мира обязан был учесть интересы всех участников путем реставрации. Так и следует объяснять не только многодневные, но и многолетние, шедшие с 1645 по 1648 г. трудные переговоры, подчас малопонятные нашим современникам своей логикой, риторикой и церемониалом.

Союзные короны, Габсбурги и имперские чины хлопотали о достижении главной цели — условиях, достойных их чести и репутации. Франция и Швеция видели решение проблемы в сатисфакции за издержки, понесенные честью и репутацией их монархий в ходе «справедливой» борьбы. Речь шла о территориальных и денежных возмещениях. Структуру сатисфакции союзные дипломаты определили уже накануне решающей фазы — в сентябре 1645 г. Споры с имперским посольством Траутманнсдорфа развернулись теперь вокруг конкретных требований.

Таким образом, работа конгресса распалась на два больших направления: выработку соглашений Вены с Парижем и Стокгольмом при участии, хотя и не равномерном, имперских сословий и разрешении споров между сословиями и престолом, что опять-таки зависело от мнения корон. Обычно здесь выделяют два этапа: от прибытия Траутманнсдорфа до его возвращения в Вену (1645—1647) и от его отъезда с конгресса до октября 1648 г., т. е. до публикации статей мира. Остальные вопросы лишь условно можно соотнести с главными задачами вестфальских конгрессов: речь идет о попытках примирения Франции и Испании, равно как и признание суверенитета Соединенных

провинцией Мадридом.⁶ Вестфальский конгресс не был общеевропейским, он заканчивал лишь немецкую войну.

Поскольку внешний и внутренний комплексы проблем виделись тесно связанными друг с другом, последующее их дифференцированное изложение носит исключительно методический характер.

Переговоры Траутманнсдорфа с коронами (сентябрь 1645—февраль 1647 г.). По прибытии Траутманнсдорфа французские посланцы во главе с Клодом д'Аво заняли выжидательную позицию. Они намеревались услышать предложения Вены. Напротив, шведы быстро запустили пробный шар: 25 ноября Сальвиус известил Траутманнсдорфа о требованиях своего правительства. Речь шла о передаче Швеции почти всей Померании, бывших бременского и ферденского епископств, городов Бремена, Миндена и Силезии. Такие требования, разумеется, были неприемлемы. Траутманнсдорф предупредил шведов, что в таком случае невозможно будет гарантировать протестантам их права в наследственных землях. Завязался диалог, из которого имперский посланец быстро извлек важное заключение: трудным будет защитить интересы императора под давлением сразу двух контрагентов, гораздо выгоднее договориться по отдельности.⁷

До весны 1646 г. Траутманнсдорф стремился договориться со Стокгольмом. Шведы потребовали максимума для себя и теперь ожидали торга. В феврале им предлагалось отдать переднюю Померанию с Каммином и Ферден. Интересы Бранденбурга здесь почти не учитывались. Стокгольм взял паузу на размышление. Траутманнсдорф получал выигрыш не только в тактике: он прекрасно знал о разногласиях в государственном совете шведской короны по вопросу уступок. Немало советников склонны были поумерить свои аппетиты ради ближайших выгод.⁸

Пока Стокгольм обдумывал ответ, Траутманнсдорф обратился к Франции, тем более что д'Аво не скрывал раздражения сепаратными переговорами со шведами за его спиной. Как и Оксенштирна, Мазарини с самого начала выражал желание получить в качестве сатисфакции земли и деньги: Эльзас с правами ландфогства и со всеми имперскими общинами, помимо

него Брайзах, Филиппсбург, все Брейзгау и так называемые «лесные города» на верхнем Рейне. Кроме того, само собой разумеющимся считалось закрепление за французской короной трех лотарингских епископств — Мец, Туль и Верден.

Для Габсбургов согласие означало бы прощание с последними опорными пунктами имперского присутствия на юго-западе. Траутманнсдорф мог бы здесь, как и в случае с шведскими требованиями, рассчитывать на альтернативу в Париже, где многие политики ради победы над Испанией готовы были удовлетвориться только старыми притязаниями в Лотарингии. Но его подталкивал император, боявшийся остаться в одиночестве: курфюрст Баварский, едва ли не с угрозами оставить театр военных действий, выступал с требованиями мира во чтобы то ни стало. Сам Траутманнсдорф считал утрату Эльзаса потерей несравненно более тяжелой, нежели все уступки шведам. Неизбежным следствием становилась и обида Испании: император практически дистанцировался от нее. Но и сейчас мудрый дипломат избрал единственно возможный вариант: не отказывая Парижу в принципе, попытаться извлечь выгоды в рамках компромисса. Шестнадцатого апреля 1646 г. он представил французам проект передачи Эльзаса, основанный на чисто имперском взгляде: король получал лишь верховные права с сохранением за сословиями всех старинных привилегий, т. е. обычной многоукладности имперских владений. Кроме того, епископство Страсбург, уже отданное брату императора Леопольду Вильгельму, оставалось за Империей.

Подобный вариант выглядел предпочтительным для католиков, потому что король становился словно бы частью империи с правом представительства на рейхстаге. Католики получали возможность искать у него защиты при возникновении нового давления со стороны протестантов. Поначалу не прочь был подержать его и Максимилиан. Но катастрофические последствия кампании 1646 г. не оставляли возможности к маневру: баварец к концу лета категорически настаивал на принятии французского проекта. К тому же его все больше раздражал испанский протест. Траутманнсдорф медленно отступал. В конце концов в начале осени было достигнуто предварительное согласие. В историю оно вошло под названием «сентябрьских статей».⁹

Париж ответил на весенние предложения своей, чисто французской точкой зрения: вместо ленной супрематии отходившие к Франции земли оказывались под суверенной властью французской короны. Тамошние имперские сословия лишались права настаивать на незыблемости своих привилегий и могли рассчитывать лишь на то, что король даст обещание их соблюдать. Когда речь зашла об особом статусе «эльзасского декаполиса», т. е. о десяти имперских городах в Эльзасе, французы заявили: «Абсурд, если город требует для себя особых прав, будучи расположенным на земле и во владениях его величества короля». Отказались они и заключать соглашение по отдельности с каждой городской общиной, как то обычно делалось при имперских жалованиях. Все, что удалось спасти Траутманнсдорфу, было снятием притязаний на «лесные города» и Брейзгау.

Франция обзаводилась изрядным клином, врезавшимся в Швабию. Фердинанд скрепя сердце санкционировал «сентябрьские статьи» вопреки очевидному раздражению Испании: она теряла контроль над коридором по Рейну и тем самым обрекалась на скорый мир с Нидерландами — воевать на два фронта без надежных коммуникаций было невысказано. Брачные проекты Вены лишь отчасти могли подсластить пилюлю: решено было отдать дочь императора Марию Анну Филиппу IV за неимением у того наследников по мужской линии.

Покончив с французской проблемой, Траутманнсдорф вновь обратился к Стокгольму. Еще в мае 1646 г. он предложил шведам, помимо уступок Бремена и Фердена, Висмар и всю Померанию. Для Оксенштирны это было вполне приемлемо. Он готов был даже отказаться от Штеттина в пользу курфюрста Фридриха Вильгельма, лишь бы оставить в своих руках порты на побережье. Курфюрст выглядел явно проигравшей стороной. Он требовал компенсаций и недвусмысленно угрожал найти поддержку у родни и единоверцев: всерьез рассматривался его союз с Нидерландами. Но Гаага не хотела навязывать себе еще одну войну в преддверии окончания первой войны с Испанией. Однако сильную поддержку Бранденбург все же получил от имперских сословий. Те, возмущенные пренебрежением интересами члена курфюршеской коллегии, требовали встречных уступок и сатисфакции. На помощь пришел и д'Аво, намекая

на возможность компенсации Померании за счет города Магдебурга и магдебургского архиепископства, которое по условиям Пражского мира отошло на срок жизни младшему сыну саксонского курфюрста. В конце концов после долгих споров в январе 1647 г. договорились о передаче курфюрсту прав на восточную Померанию, Каммин, Гальберштадт, Магдебург и епископство Минден, восстановленное за Католической церковью по результатам датской войны и эдикта о реституции. Упорствовать курфюрсту более не было нужды: его владения увеличивались почти на треть.¹⁰

Передача Миндена в руки протестанта вызвала взрыв негодования у части католических радикалов. Больше всех возмущался оснабрюкский епископ Франц фон Вартенберг. Но другие его коллеги, и прежде всего курфюрсты-единоверцы, оказались более сдержанными. Решение бранденбургского вопроса окончательно расчистило дорогу к миру. Согласованный в феврале 1647 г. текст почти без изменений лег в Оснабрюкский пакт. Таким образом, в течение года Траутманнсдорфу, искусно маневрирующему, удалось ценой взвешенных уступок все же создать каркас будущего согласия. Но переговоры шли параллельно со все еще продолжавшейся войной. И баланс оставался все еще зыбким: успехи и неудачи на фронтах могли существенно влиять на исправление, казалось бы, согласованных статей.

Кампания 1646—1647 гг. Врангель и Тюренн в Баварии, перемирие в Ульме (март 1647 г.). Союзным коронам и поддерживавшим их сословиям империи важно было не упускать инициативу и стараться развить успех, достигнутый под Янковом и битвой за Швабию. Мазарини, боясь тесным сотрудничеством со шведами испортить отношения с немецкими католиками и чрезмерно усилить шведов в преддверии мира, просил своих генералов не помогать шведам по меньшей мере в Вестфалии и на нижнем Рейне. Главной целью для него была Бавария, полное истощение которой превратило бы ее в податливую игрушку Парижа.

По сути, повторялся замысел трехстороннего наступления предшествующего года. Различие было лишь в цели, какой становилась Бавария без Богемии, и сильная импровиза-

ция планов по ходу кампании. Французы Тюренна наступали со стороны Швабии, армия Врангеля — из глубин Тюрингии, а гессенцы генерала Гейзо — из северного Гессена. Самый мощный импульс исходил из Гессена: ландграфиня Амалия, «новая Пентаселея», уже осенью 1645 г. позволила Гейзо нарушить хрупкое перемирие с дармштадтскими родственниками и овладеть рядом крепостей. В январе после ожесточенной бомбардировки пал Марбург — яблоко раздора двух княжеств. Гейзо теперь соединился со спешившим ему на помощь с севера Врангелем и совместными усилиями довершил изгнание дармштадтских войск из среднего течения Майна. Вереница блистательных побед увенчалась взятием Ашаффенбурга и бегством ландграфа Георга II.¹¹

Оставив Гейзо довершать занятие ландграфства, Врангель поспешил к берегам Дуная, где соединился с французами Тюренна. С конца лета они устремились в настоящий поход местности на Баварию. Один за другим пали Нордлинген, Донауверт, Ландсберг-на-Лехе. Курфюрст бежал с семьей в Зальцбург, а Врангель со своими летучими отрядами достиг тирольских горных проходов. Впервые шведские знамена развевались в Брегенце и Фельдкирхе. То, что шведы не успели сделать в 1634 г., было исполнено в 1646 г. Больше не было ни испанских войск кардинала-инфанта, ни сильной императорской армии, чтобы спасти Баварию. Все повторилось, но уже в виде пародии. Сменивший на посту командующего совершенно потерявшегося и пребывавшего в прострации эрцгерцога Леопольда, старый Галлас скончался спустя несколько недель. Его место занял Петер Меландер, отнюдь не блиставший большими талантами. Наконец у курфюрста лопнуло терпение. Максимилиан 14 марта в Ульме пошел на перемирие. Союзникам отдавались еще не занятые крепости в Швабии, баварцы обязались покинуть императорскую армию, а союзники — не опустошать более земли Максимилиана.¹²

Ульм вогнал последний гвоздь в крышку гроба Пражской системы: более ее не существовало. Фердинанд оставался в полном одиночестве, отрезанный от Испании и окруженный полукольцом вражеских армий. И хотя часть баварских войск во главе с Вертом поспешила на правах частных лиц уйти вме-

сте с Меландером, всякие сомнения относительно перелома развеялись. Союзники спешили теперь покончить с гессенским очагом. В мае 1647 г. сдался Дармштадт. Ландграфиня Амалия ликовала: накануне заключения всеобщего мира она полностью реставрировала свои позиции и решила, таким образом, спор за Марбург в свою пользу.¹³

Проекты решения религиозных вопросов в 1645—1647 гг. Отъезд Траутманнсдорфа. Почти одновременно с сатисфакцией союзных корон конгресс горячо обсуждал самый острый вопрос Империи: религиозное примирение. Как и территориальные и денежные уступки, его рассматривали как неотъемлемую часть общей сатисфакции, удовлетворявшей бы честь сословных чинов. Обсуждение религиозного компромисса было тесно связано с вопросами реституции и амнистии. Развитие диалога напоминало здесь переговоры относительно территориальных вопросов. Для начала католические и протестантские сословия Империи обменялись точками зрения. В декабре 1645 г. лютеране представили свои требования, в феврале 1646 г. католики ответили собственным проектом. Как и следовало ожидать, обе стороны отталкивались от максимально выгодных для себя конструкций. Лютеране требовали полной свободы вероисповедания во владениях католиков, упразднения духовой оговорки 1555 г. как противоречащей естественному праву и разуму и возвращения всех владений, подпавших под действие эдикта о реституции. Речь, таким образом, шла о корректуре условий Аугсбургского мира и полной отмене реституционного эдикта. Католическая партия видела в своих оппонентах лишь представителей до сих пор терпимой конфессии вплоть до будущего их соединения. Аугсбургский мир был для нее добровольной уступкой короны, актом милости Габсбургов, никоим образом не означавшими равноправие. Будущее протестантских конфессий напрямую зависело от мнения короны и большинства сословий, т. е. рейхстага.

Обнажилось, таким образом, решающее различие в подходах, суть которого прекрасно сформулировал Георг Шмидт: состоится ли примирение на почве добровольного согласия двух равноправных сторон с учетом всех изменившихся после 1555 г. реалий, либо же следует вернуться лишь к аутентично-

му толкованию 1555 г., присвоив одной из партий (протестантам) статус терпимых и, следовательно, неравноправных контрагентов?¹⁴

До конца 1646 г. шли напряженные споры. Ядром и рупором лютеранского мнения являлась «альтенбургская группа» — советники тюрингских Эрнестинов во главе с герцогом Саксен-Альтенбургским. Эрнестины традиционно считали себя главными защитниками старолютеранской ортодоксии, а их ученые мужи из числа местной университетской профессуры — ведущими экспертами по религиозным проблемам протестантизма. Главным партнером Траутманнсдорфа из их числа был советник Вольф Конрад фон Тумбсхирн. Католические чины имели лидеров в лице князей церкви, таких как Вартенберг, и опирались на точку зрения Баварии.

Поначалу Траутманнсдорф не решался вмешиваться в прямые переговоры, проходившие по подобию двухпалатных дебатов, предусмотренных Пражским миром 1635 г.: католический корпус договаривался с евангелическим. Но мнения оказались столь непримиримыми, что в мае 1646 г. всякие контакты прервались. Наступила критическая минута. Спасая положение, императорский дипломат вновь, как и при обсуждении сатисфакций, предпочел выйти на передний план: он напрямую начал договариваться с лидерами фракций.

Почти одновременно выступил и курфюрст Саксонский. Вмешательство его уполномоченных, прибывших в Оснабрюк лишь весной 1646 г., сыграло не менее важную роль. Запоздалое появление саксонцев объяснялось двумя причинами: с одной стороны, Иоганн Георг хотел дождаться уже созревших решений и играть на подготовленном поле, с другой — не желал выглядеть поспешным отступником от короны, связывая себя переговорами с врагами Империи. Его советники Иоганн Лейбер и Иоганн Эрнст Писториус предложили от имени курфюрста отложить вопрос о судьбах церковного имущества на неопределенное время, «вплоть до единения конфессий». Точкой отсчета теперь был 1624 г. вместо установленного Прагой 1627 г. Подобные перемены ободрили единоверцев: спасенными могли оказаться почти все пострадавшие от рекатолизации времён датской войны.

Дело пошло на лад: протестанты смягчили риторику и подытожили свои требования на страницах так называемого «Окончательного представления» 18 августа того же года. Снимались требования подтвердить «Декларацию Фердинанда», как известно, не получившую статуса закона в 1555 г., принципиально не возражали и против верховного права императора в наследственных землях принуждать подданных к перемене веры. Настаивали, однако, на терпимости в отношении всех лояльных подданных лютеран на землях католиков, на праве исключительно добровольной эмиграции и сохранения имущества эмигрантов путем назначения управляющих и под покровом местного закона. Насильственное изгнание единоверцев решительно отвергалось.¹⁵

Переговоры, однако, продолжались с трудом. Император и католические сословия, включая Баварию, никак не хотели жертвовать правом верховной религиозной власти. Траутмансдорф пошел еще дальше, завязав консультации с Швецией и Францией и надеясь выяснить, насколько короны способны повлиять на согласие или же, напротив, подтолкнуть к кризису. Шведы в целом соглашались с проектом протестантов, но воздерживались от грубого вмешательства. Мазарини, сочувствуя католикам, не хотел, однако, продолжения чисто религиозной войны. Пошатнувшийся баланс мнений отчаянно спасала Саксония и сам Фердинанд, отлично понимавший необходимость шагов навстречу друг другу.

Так, среди споривших постепенно образовывались группы умеренных, готовых выслушать и пойти на уступки. Среди протестантов роль лидера умеренных, несомненно, взяла на себя Саксония, католическая фракция все больше группировалась вокруг курфюрста Баварии и его брата Фердинанда Кельнского.¹⁶ Наконец после долгих проволочек был подготовлен предварительный проект соглашения, так называемое Окончательное представление, датированное 30 ноября. Проект содержал указание на 1624 г. как новую конфессиональную границу духовных владений и меньшинств, обещание не принуждать к своей вере лютеранских подданных, гарантии прав на имущество в случае отъезда и механизм разрешения религиозных споров между имперскими сословиями в будущем: при обсуждении

вопросов, затрагивавших веру, предлагалось работать совместно двум куриям рейхстага — католическому и евангелическому собранию, вплоть до полного разрешения спора и без учета мнения большинства. Тем самым обозначился решительный сдвиг: до сих пор протестанты проигрывали на рейхстаге по числу голосов и преимущество их оппонентов основывалось целиком на традиционной структуре работы. Теперь же предлагалась новация, призванная радикально упразднить риски раскола рейхстага. Вопросы вероисповедания, таким образом, выделялись в отдельный блок.

Ноябрьское заявление, по сути, стало основой будущего мира. Оно подверглось доработке весной 1647 г. за счет уступок со стороны протестантов, хотя и несущественных: предлагалось сократить сроки регистрации иноверцев в католических землях с пяти лет до полугода. Лютеране готовы были также предоставить полную свободу вероисповедания католикам в своих владениях. Разрешалось отправление религиозных треб на дому, крещение, бракосочетание и проводы в последний путь сообразно с обрядами своей веры. Запрет вводился лишь на публичное отправление культа. Лютеране были готовы согласиться и на новый состав имперского камерального суда: из 50 мест ассессоров им отдавали 24, оставляя большинство, 25 голосов, за католиками. По личной просьбе курфюрста Саксонии императору, фигурировало разрешение лютеранам Силезии, остававшейся в наследственном владении Габсбургов, справлять свои обряды. Речь, впрочем, здесь шла лишь о нескольких территориях. Император ответил на «улучшенные» предложения своей декларацией, переданной шведским посланцам. Она совпадала по многим пунктам с лютеранской версией, за исключением права принуждения в наследственных землях. Отказаться от него Габсбурги не могли. Иначе все потоки пролитой крови и многолетние баталии становились бы бессмысленными.

Труднее решался вопрос с кальвинистами. Первоначальные проекты и католических и лютеранских сословий толковали реформатов исключительно по букве предшествующих имперских законов — Аугсбургского и Пражского мира, т. е. не признавая их за равноправных партнеров вообще. Впрочем,

если для католиков здесь не было ничего нового с минувшего XVI в., то позиции защитников лютеранской ортодоксии не только не претерпели никаких перемен, но даже укрепились за счет поддержки лютеранской Швеции. Посланцы Стокгольма подчеркивали, что защищают права своих единоверцев и не считают реформатов своими союзниками. Формула «Окончательного представления» настаивала на терпимости к лютеранам во владениях кальвинистов, ничего не обещая взамен со стороны лютеранских общин и сословий. И если весной 1647 г. точки зрения умеренных и католиков и лютеран все больше сближались, то фракция реформатов, напротив, все больше дистанцировалась от них. Лидером этой фракции по праву считалась Амалия Елизавета Гессен-Кассельская. За ней стояли Пфальц, Бранденбург, Баден-Дурлах, Ангальт, хотя единой точки зрения не было и у них. Пфальц и Бранденбург, обретая сатисфакцию и реституцию, не выражали большого желания биться за единоверцев.

Тесно связанной с разрешением религиозного узла стояла и реституция Пфальца. Сын и наследник «зимнего короля» Карл Людвиг в апреле 1647 г. согласился удовлетвориться восьмым курфюршеством и передачей верхнего Пфальца Баварии. В начале лета казалось, что самые острые противоречия оставались позади и можно надеяться на скорое подписание официальных соглашений. Траутманнсдорф торопился подытожить проекты общим предварительным согласием. В июне он представил свои соображения конгрессу. Они вошли в историю под названием «проекта Траутманнсдорфа» (Trautmannsdorfiana). Проект содержал выработанные условия по религиозным вопросам, сатисфакции, амнистии и реституции.¹⁷ Но опытный дипломат не мог предвидеть главного: воюющие стороны все еще надеялись на перемену военного счастья. Выход из войны Баварии позволял союзникам усилить требования. И, напротив, готовность идти на уступки по религиозным вопросам все больше раздражала радикалов всех трех конфессиональных фракций. Траутманнсдорф столкнулся с явным затягиванием нового раунда переговоров, радикалы все чаще видели в нем главное препятствие счастливого для них решения. Его пребывание уже не столько ободряло, сколько раздражало.

Глава императорской делегации повел себя как крупный политик, ответственный за будущее. Он не стал настаивать и цепляться за прерогативы. Граф, пользуясь дозволением престола, 6 июля навсегда покинул Мюнстер. Так возник самый острый кризис Вестфальского конгресса: почти подготовленный проект мира оказался под угрозой. Но возвращаясь в Вену, Траутманнсдорф расчистил путь своим верным помощникам, столь сильно поддерживавшим его в минувшие годы. Необходимо было примериться к новым условиям, вызванным военной конъюнктурой.

Прекращение перемирия, Цузмарсгаузен, завершение гессенской войны. Император убеждал Максимилиана возобновить борьбу, обещая всевозможную помощь: от войск, которых было мало, до денег, которых, в сущности, уже не было. Но еще больше курфюрст боялся изоляции в Империи и потери репутации. К тому же Фердинанд уже неоднократно скрыто угрожал не защищать курфюршеский титул баварца перед союзниками в чрезвычайных случаях. Максимилиан сильно надеялся добиться сепаратного мира с Парижем. Но Мазарини после всех поражений баварской армии уже не хотел считаться с ее ролью. Если не удалось восстановить репутацию миром, то можно было попытаться вернуть ее в ходе новой войны.

После долгих раздумий и с надеждой на войска нового императорского командующего кальвиниста Петера Меландера курфюрст в октябре 1647 г. денонсировал мартовский договор. Битва за Баварию возобновилась.¹⁸

Осенью у Тюренна и Врангеля не было достаточно сил для закрепления в разоренных областях. Пришлось отойти во Франконию, Богемию и западную Швабию. Меландер, посредственный полководец, больше надеясь на крепости и маневры, лишь боязливо следовал за шведами. Врангель не стал зимовать и без того в страшно опустошенной Богемии и повернул на запад в поисках надежных квартир. Мазарини, предвидя скорое заключение мира Испании с Нидерландами, требовал от своих генералов скорейших успехов на востоке.

Кампанию 1648 г. решили вести, как и прежде, совместными силами и с той же целью — ворваться в глубь наследственных земель. Врангель устремился на юг к Дунаю, соеди-

нился у Динкельсбюля с Тюренном, шедшим из Майнца, и оба, следуя проторенной дорогой, стали продвигаться вниз по реке. Меландер тем временем успел объединить свои войска с баварцами Гронсфельда для защиты Аугсбурга. Но союзники настигли их 17 мая у Цусмарсгаузена, и истребили арьергард, уничтожив 2000 человек. Пистолетная пуля сразила здесь и Меландера. Баварии суждено было пережить «четвертое нашествие». Максимилиану не оставалось ничего другого, как бежать в Зальцбург.¹⁹

Тем временем закончилась война в Гессене. Подкрепленный французами и веймарцами, Гейзо очистил округу Дармштадта и разбил Ламбуа под Грефенбройчем 14 июня. Ландграф лишился последней надежды и запросил мира. Амалия Елизавета получала все, о чем мечтала все эти годы: Марбург, сожженный, но стойко перенесший осаду, и Герсфельд. Диктат дармштадтской родни уходил в прошлое.

Кенигсмарк под Прагой (июль—октябрь 1648 г.). В это же время граф Кенигсмарк, командовавший шведским корпусом во Франконии, предпринял сумасшедший по дерзости маневр, принесший ему полный успех. В июне он внезапно отделился от главной армии и быстрыми маршами ворвался в Богемию. Причиной стало желание овладеть чешской столицей, очевидно давно вынашиваемое, но подогретое совершенно случайным событием. В мае к Кенигсмарку явился ветеран императорской армии ротмистр Эрнст Одовальски из чешских дворян, когда-то сражавшийся мушкетером при Белой горе и позже дослужившийся до подполковника кавалерии. Получив тяжкие увечья на войне, он тщетно добивался полагающегося пансиона и, раздосадованный, лишенный еще и крова в Эгере, разграбленного шведами, решил предложить свои услуги бывшим врагам. Он подсказал Кенигсмарку, как лучше овладеть Прагой, и обещал богатую добычу. В самом деле, к концу войны Прага стала настоящим прибежищем всех именитых семейств Богемии, боявшихся жить в опустошенной провинции. Город уподобился гигантскому ларцу, полному драгоценностей, привезенных со всех концов разоренного королевства.

Кенигсмарку достаточно было заронить идею: его энергия и алчность тотчас нашли способ, как ее осуществить. Одоваль-

ски 30 мая был зачислен на шведскую службу, а граф некоторое время кружил вокруг Эгера и Пльзеня, никому из подчиненных не выдавая своих намерений и вводя в заблуждение императорских генералов. Комендант Праги Коллоредо беспечно взирал на маневры шведов. Кенигсмарк 23 июля внезапно выдвинулся на восток, 24-го достиг Раковица, по дороге захватывая всех свидетелей этого движения, и только здесь открыл свои планы офицерам. В 10 часов утра 25 июля, оставив всю артиллерию и обоз в Раковице, посадив мушкетеров на лошадей позади драгун, с 2500 солдат он незаметно подошел к западным предместьям Праги. Солдаты спрятались в лесочке напротив Страговских ворот и монастыря капуцинов и здесь ожидали ночи.

Было воскресенье, горожане беззаботно веселились: в тот день в Линце Фердинанд бракосочетался с Марией Леопольдиной Тирольской, ставшей его второй супругой. Гулянья на улицах закончились далеко за полночь, ворота и бастионы почти не охранялись. Одовальски заранее снабдил командиров списками именитых жителей и их адресами в Мала Стране. В половину третьего утра по условному знаку 100 человек во главе с Одовальски бесшумно взобрались на вал, сняли охрану, захватили ворота и опустили подъемный мост. Тотчас в город ворвались остальные части. От них отделился специальный отряд, которому было поручено спуститься к берегу, захватить Большой (Карлов) мост и отрезать сообщение с правобережьем. Приказано было стрелять по любой движущейся цели. Разбуженные горожане в панике выбегали из своих домов. Ни о каком сопротивлении не могло быть и речи. Коллоредо, вскочив с постели, в одной ночной рубахе садами добежал до реки и здесь вместе с лакеем и секретарем на рыбацкой лодке переплыл Влтаву. Подполковник Шмидт почти достиг моста, наткнулся на уже занявших его шведов и был застрелен на месте. Юный граф Франчишек Штернберг, напуганный криками и распахнувшим окно, получил пулю в голову. Графов Чернина и Михну, успевших запрыгнуть в лодку, пули настигли на середине реки. Эта блестящая операция стоила шведам лишь одного офицера и шестерых рядовых.²⁰ Горожане все же успели опустить решетку у Карловых ворот. Воды Влтавы остановили победную поступь скандинавов.

Но Градчаны и Мала Страна лежали у их ног со всеми своими богатствами. Немедленно начался грабеж, продолжавшийся три дня, — особенно неистовый в первые часы. Добыча оценивалась в 7 миллионов рейхсталеров. Захвачено было множество знатных лиц, среди них и фигура первой величины — архиепископ Праги граф Эрнст Гаррах. Кенигсмарк, выполняя волю королевы Христины, интересовавшейся исключительно произведениями искусства, велел упаковать и отослать в Стокгольм лучшие шедевры знаменитого «рудольфинского собрания», включая коллекцию статуй де Фриза, полотна художников Ренессанса общим числом около 700 и даже старого льва из зоопарка императора. На новую родину отправилась и королевская библиотека.

Трофейные сокровища, заботливо собранные Кенигсмарком, отплыли на судах вниз по Эльбе, перезимовали в Демице, а оттуда направились в Висмар. В апреле 1649 г. королева Христина встречала их уже в Стокгольме.²¹ Необходимо помнить: ограбление кунсткамер, библиотек и реликвий, ко всему прочему, играло большую символическую роль. Со времен Средневековья художественные ценности считались частью репутации владельца, слагаемыми его чести. Их насильственное изъятие приравнивалось к символическому торжеству, крушению репутации. Подобного рода «культурный трансфер» отражал со всей очевидностью приоритеты сословного общества.

Впрочем, овладеть Старым городом с налету не удалось. Коллоредо, бургомистр Розенталь и королевский судья Вацлав Августин Кафка сумели организовать оборону. К тому же генерал Пухгейм успел перебросить в город еще 3500 солдат, так что число штурмующих почти уравнилось с силами обороняющихся. К чести королевской администрации и духовенства надо сказать, что те развили бурную деятельность, вооружив еще несколько тысяч жителей, включая «студенческий легион» из числа благонадежных католиков, уже заявивших о себе в 1639 г. Рекатолизация дала свои плоды, выросло новое поколение, вполне лояльное короне.

И все же падение Старого города оставалось вопросом времени. Вблизи Праги не находилось сколь-нибудь многочисленных сил, способных разблокировать город, в то время как Кенигс-

марку необходимо было больше тяжелой артиллерии, зарядов и войска для успешной осады. Чашу весов сдвинул Виттенберг, подошедший с шеститысячным подкреплением. Третьего августа последовала первая неудачная попытка ворваться в Старый город.

Чтобы не обременять соратников в Градчанах, выиграть время для подхода главных сил пфальцграфа и оттянуть на себя полевые силы противника, Виттенберг в середине августа обошел Прагу и устремился к Табору. В конце месяца он вновь был уже под столицей, в сентябре бросился на юг, а 21 числа овладел Крумловом. Пухгейм с почти равными силами не решался его атаковать и лишь осторожно двигался за ним. Виттенбергу надоело это боязливое преследование. Он развернулся и 24 сентября наголову разбил Пухгейма под Фрауенбергом. Трофеем дня для шведов стал сам Пухгейм, отвезенный в Градчаны. Тем временем подошли и главные подкрепления во главе с пфальцграфом Биркенфельдским Карлом Густавом. Они соединились с Виттенбергом 4 октября и грозной силой разворачивались на Белой горе — словно бы символизируя повторение и реванш за прошлое. Карл Густав, профессиональный солдат и будущий наследник шведского престола, как и все прошедшие школу покойного короля, не любил терять времени даром. Тем более, что заключение мира 24 октября едва ли перечеркивало его замыслы: оставалось еще два месяца до ратификации соглашений. Шведы если и не могли теперь повлиять на условия мира, то по меньшей мере располагали возможностью завершить начатое. Один за другим последовало несколько штурмов. 11 и 13 октября были атакованы, взяты и отняты вновь Новые ворота, 25 октября осаждающие овладели ими снова, прогнали вооруженных студентов и заняли казематы. Со стороны Георгиевской церкви были установлены штурмовые батареи. Теперь в обороне Праги появилась изрядная брешь, положение города стало безнадежным. И когда 30 октября Кенигсмарк вновь предложил капитуляцию, Коллоредо не нашел ничего другого, как сочинить от имени городского совета малопримечательную сказку о своем мнимом отсутствии в Праге. Этот генерал, главный виновник пражского несчастья, допустивший столько ошибок, прекрасно понимал: сдачу Праги император ему никогда

не простит. Ратификация мира спасла и его, и Старый город. Габсбурги поторопились увековечить пражские события героическим мифом, в который странным образом поверили даже чешские националистические историки.²²

Главная армия к тому времени завершила цикл операций на юге и готова была вернуться на зимние квартиры: остатки императорских и баварских войск уже боялись встречаться с ней в поле. Иногда пишут о «патовом» положении, в котором якобы оказались обе стороны к исходу 1648 г., и даже о неудачном для союзников последнем аккорде войны. Едва ли можно разделить подобное мнение. Превосходство коалиции было подавляющим, причем не только численным и материальным, особенно финансовым, но и моральным: шведы настолько часто выходили из схваток победителями, что перспектива встречи с ними уже сеяла неуверенность у императорских и баварских генералов. Союзники контролировали ключевые области и города, после гессенской войны в северной или центральной Германии более не существовало угроз их коммуникациям. К тому же в наследственных землях, помимо Ольмюца, шведы соорудили еще один прочный плацдарм в Градчанах. Если до 1648 г. непосредственная угроза Вене оставалась мерцающей, то теперь она делалась постоянной и неотвратимой. Максимилиан и Фердинанд могли рассчитывать лишь на ближние крепости. Даже если бы весть о мире не прекратила бойню осенью 1648 г., шведы и французы могли повторить ее следующей весной, причем за счет неприятельских территорий.

Конгресс преодолевает кризис. Консолидация «умеренных» и подписание мира (июль 1647—октябрь 1648 г.). Покидая Мюнстер, Траутманнсдорф оставил там своих талантливых сподвижников. Среди них роль главных руководителей имперской делегации играли Исаак Фольмар и Иоганн Людвиг Нассау-Гадамар. Приходилось искать выход из критичной ситуации: союзники под впечатлением новых успехов готовы были ужесточить требования, а католики, ободренные прекращением ульмского перемирия, — отказаться от большинства уже обговоренных уступок. Все громче раздавались и голоса кальвинистов, особенно Гессен-Касселя, требовавших равноправия с религиозными контрагентами.

В сгушавшейся атмосфере раздался громовой удар: 1 октября 1647 г. после совместного обсуждения фракция католических сословий заявила категорический отказ поддержать проект Траутманнсдорфа. Казалось, дискуссия возвращалась к исходной точке.

На помощь имперской депутации пришел испытанный прием, уже опробованный Траутманнсдорфом: постараться сузить переговоры с участием небольшой группы действующих лиц и выделить из нее рациональный сегмент, податливый на соглашения. Сделать это было необходимо в отношении всех партий. Тактика была тем успешней, чем явственней определились группы «умеренных» с той и другой стороны. Историки здесь часто говорят о так называемой третьей партии, которая сформировалась в ходе дискуссий после отъезда Траутманнсдорфа и к созданию которой сам он приложил немало стараний. Термин, почерпнутый из корреспонденции д'Аво, именно так определявший поведение «умеренных», следует поместить в кавычки: он способен вызвать ложные ассоциации с современной парламентской и политической практикой. Тогда же договаривалась элита, прирожденная часть всей Империи.²³

Лидером католических «умеренных» с конца 1647 г. стал новый архиепископ Майнца Иоганн Филипп фон Шёнборн, постоянно лавировавший между Мазарини и Веной. Протестантское крыло по-прежнему возглавляли Эрнестины. Император демонстрировал исключительную заинтересованность в скорейшем подписании мирных соглашений. Он неоднократно писал католическим чинам и требовал поддержки своего курса со стороны «всей Империи». Позиция престола выглядела вполне логичной: без поддержки большинства Фердинанд не мог добиться принятия проекта Траутманнсдорфа за основу.²⁴

Путем весьма насыщенных переговоров дело наконец сдвинулось с мертвой точки. Достичь принципиального согласия по всему комплексу религиозных и правовых вопросов, касавшихся Империи на почве проекта Траутманнсдорфа, удалось 24 марта 1648 г. Кроме того, была наконец окончательно разрешена проблема реформатского вероисповедания. На кальвинистов также распространили действие религиозного мира. Аспект чисто конфессиональный — насколько следует соотно-

свить кальвинистов со сторонниками аугсбургского вероисповедания — был изъят из обсуждения. Одновременно был проигнорирован папский протест: прекрасно понимая, что речь идет о важнейших уступках протестантам, папский уполномоченный нунций Киджи от имени Урбана VIII выразил решительное несогласие. Оно не возымело никакого действия. Из числа недовольных сословий против выступили лишь радикалы с епископом Вартенбергом во главе. Но их голоса уже не могли ничего изменить.

Наконец определились и со шведской сатисфакцией. Графу Иоганну Оксенштирне заявили о готовности увеличить денежную компенсацию в 5 миллионов имперских талеров. Стокгольм после некоторых размышлений оставил спор. Не стали шведы настаивать и на реституции эмигрантов из наследственных земель. Напротив, до последнего старались проследить за амнистией и восстановлением прав своих лютеранских союзников. Окончательно проясненным оказался и французский вопрос: Мазарини все время добивался от Вены отказа от поддержки Мадрида при продолжавшейся войне, тем более что заключение в январе 1648 г. мира между Нидерландами и Испанией означало, что дальнейшее продолжение борьбы возможно лишь собственными силами. Фердинанду очень не хотелось формально рвать испанские обязательства. Но его положение не оставляло иного выхода. В сентябре Вена уведомила об отказе в продолжении военной помощи своему союзнику, в немалой мере — под давлением сословий. Так исчезло последнее препятствие.

Вестфальский мир. Мир был торжественно провозглашен из окон мюнстерской ратуши 24 октября 1648 г. Немедленно действующие армии были поставлены в известность о прекращении военных действий до ратификации соглашений 24 декабря.

Итак, что являли собой вестфальские статьи? Союзные короны получили желанную сатисфакцию. Франция обретала права на верхний и нижний Эльзас со всеми расположенными там имперскими владениями, город-крепость Брайзах и Филиппсбург на правом берегу Рейна. За ней же окончательно закреплялись ленные права на лотарингские епископства. Король Франции не стал участником рейхстага, но получил изрядный



Экземпляр Оснабрюкского договора для курфюрста Баварии с печатями императорских, шведских и майнцских представителей.

выигрыш: отныне его соседи из числа имперских сословий обязаны были действовать с оглядкой на Париж. Так был открыт канал сближения с Баварией и Майнцем. Мазарини торжествовал: десять лет спустя он создал настоящую коалицию князей-соседей под эгидой Франции, первый рейнский союз — прямое следствие французской протекции. Победоносные шведы закрепили за собой важнейшие пункты на балтийском побережье, включая Штеттин, Штральзунд и переднюю Померию с Грейфсвальдом. Им же отходило устье Везера, город Бремен и земли епископства Ферден. Благодаря своим новым владениям, не лишенным имперского статуса, но ставшим переданными ленами, шведские уполномоченные получили голоса на рейхстаге. Швеция интегрировалась в тело Империи и обрела возможность влиять на Вену. Территориальный выигрыш допол-

нялся существенной денежной прибавкой: 5 миллионов имперских талеров служили своего рода контрибуцией за понесенные убытки.

Собственно имперские структуры познали сильную встряску. Для будущего Германии и Империи важность имели прежде всего условия, выработанные в Оснабрюке, — *Instrumentum pacis osnaburgensis*. Сатисфакция, амнистия и реституция тремя остриями подтолкнули к перекройке старого владетельного ландшафта. Проигравших быть не могло, таковы были правила сословного мира и такова была основа имперской конструкции. Элита возвращалась к балансу сил, нарушенному войной. О приобретениях баварских Виттельсбахов и берлинских Гогенцоллернов уже говорилось. Но владетельные дома, за счет которых восстанавливалась их «честь», получили свою сатисфакцию. Наследники «зимнего короля» возвращали себе нижний Пфальц, за исключением нескольких округов, отторгнутых в пользу Майнца, и титул восьмого курфюрста Империи, специально созданного для них: хранителя имперских инсигний. С тех пор герб пфальцских Виттельсбахов украшался имперской державой. Дрезденские Веттины прощались в будущем с Магдебургом, отданным на срок жизни сыну курфюрста Августу. После его кончины в 1680 г. Магдебург стал центром герцогства с главной резиденцией в Галле как часть владений Гогенцоллернов. Взамен старый партнер императора курфюрст Иоганн Георг становился хозяином обоих Лаузицев, обещанных ему уже по Пражскому миру, к которым теперь присоединялось еще четыре округа магдебургского архиепископства. Он же провозглашался главой «евангелического собрания» рейхстага — *Corpus evangelicorum*, т. е. вождем всех протестантских сословий, включая кальвинистов.

Чрезвычайно острый гессенский вопрос получил разрешение, как мы видим, в последние месяцы войны. Ландграф Гессен-Дармштадтский отказался от прав на Марбург и Герсфельд в пользу неистовой Амалии. Позиции северного Гессена были восстановлены, хотя и не в том объеме, на который рассчитывала ландграфиня.

Реституцию, пусть и с поправками, обрели все опальные представители знати. Герцог Адольф Фридрих Мекленбургский,

расставшись с Висмаром в пользу Бранденбурга, обзавелся правами на Штрелин с округой. Герцог Вюртембергский Эбергард, почти четыре года прозябавший в страсбургском изгнании и получивший прощение только в 1638 г., должен был еще дожидаться возвращения прав на старые сеньории. Вопрос с его реституцией оказался едва ли не самым трудным: император после нордлингенской победы поторопился раздать почти половину герцогских ленов своей родне и своим дворянам. Теперь Вене приходилось обменивать владения за счет собственных наследственных земель. Трудней всего решался вопрос с вдовствующей эрцгерцогиней Клавдией Тирольской, щедро одаренной вюртембергскими и эльзасскими ленами и теперь разом терявшей все. Фердинанд до конца пытался отстоять хотя бы часть вюртембергских амтов за почтенной родственницей. Но у Эбергарда оказались надежные заступники: шведы дали слово не заключать мира до полной реституции своего бывшего союзника, помощь которого они прекрасно помнили, как и помощь пяти тысяч вюртембергских крестьян, сложивших головы за общее дело под Нордлингеном. Император уступил, Эбергард по условиям мира поэтапно вернул себе все округа. Только после этого пфальцграф Карл Густав отдал приказ о выводе последних шведских гарнизонов из Саксонии. Благодарный герцог воздал должное союзнику: при крестинах его старшие дети получили имена шведских венценосцев. Еще сложнее проходила реституция многочисленных графских и рыцарских семей Эльзаса, Швабии и Франконии, многие из которых не желали принимать подданство французского короля. Вновь пришлось перетасовывать владения на правом берегу Рейна. И все же почти 10 000 дел по амнистии были доведены до конца.

Найден был и выход из лабиринта религиозных проблем. Кальвинисты уравнивались в правах с лютеранами и католиками, на них также распространялись статьи мира. Ахиллесова пята 1555 г. была успешно «прооперирована». Ценой всего этого явились тридцать лет кровопролития. Духовные оговорки сохранялись для всех трех партий, а конфессиональной границей стал 1624 г. Единственное исключение было сделано для Пфальца. Дабы восстановить в правах Карла Людвига, исходной датой для его владений назначили 1 января 1618 г. Опреде-

лен был и новый механизм разрешения споров: отныне исключалось простое голосование на рейхстаге, где протестанты и до и после 1648 г. являли собой меньшинство. Обе стороны обязаны были искать компромисс, разбившись на две палаты, или два «корпуса», вплоть до достижения «дружеского согласия». Наряду с реанимацией рейхстага, как и в 1555 г., восстанавливалась имперская юстиция при всех ее традиционных учреждениях, включая камеральный суд, округа и Надворный совет. Согласование всех важнейших вопросов отныне принадлежало рейхстагу. Позже его решено было сделать постоянным местом сословного представительства. С 1657 г. местом заседания рейхстага окончательно стал Регенсбург, а сам он получил название «вечного» или «постоянного». Речь, впрочем, шла уже не о полном представительстве, а лишь о комитете сословий.

Огромный комплекс вопросов, связанный с порядком работы рейхстага, имперской юстицией и с выводом войск из все еще занятых областей, был передан особой сессии сословий в Нюрнберге, так называемому Нюрнбергскому исполнительному конгрессу, открывшемуся в 1649 г. Он детализировал исполнение условий мира. Только в январе 1650 г. шведы покинули последние крепости в Германии. Условия Оснабрюкского пакта тем самым объявлялись вступившими в полную силу.

Глава 11

ИТОГИ ВОЙНЫ. ОБЩЕСТВО И ПАМЯТЬ

Что принесла война Германии? Исследователь испытывает удовольствие, отыскивая в изучаемом материале понятия и явления, кажущиеся ему актуальными сегодня. Таково наше мышление: оно интуитивно стремится связать прошлое с настоящим, сделать его понятным и доступным. Человеку свойствен внутренний страх перед чуждым и непривычным. Такова его природа. Потому Тридцатилетняя война так легко стала дидактическим уроком для немцев XIX в. и для объединенной Европы конца XX в. И невольно искажается, переделывается на свой современный лад риторика источников и логика поступков. С трудом удастся встать вровень с героями давно минувших дней, и еще труднее — попытаться выслушать их. Прошлое не было лучше или хуже наших дней. Оно было другим.

Во имя чего подданные императора воевали тридцать лет? Поразительно, но в их глазах война, начавшаяся в 1618 г., вернулась к 1648 г. к своей исходной точке. Почти все, что содержалось в оснабрюкских статьях, выглядело реставрацией старых уложений 1555 г. Разумеется, они были откорректированы, но остались первоосновой. Восстанавливались структуры, распавшиеся в канун 1618 г.: рейхстаг и камеральный суд. Можно говорить о принципиально новом решении религиозной проблемы, но новшества коснулись лишь механизма работы рейхстага. Во второй половине XVI в. кальвинисты имели возможность — правда, скрытым образом — формировать свою фракцию и среди высшей знати, и на уровне городских общин.

С ними уже считались и в 1608, и 1618 г. Недоставало институционных рамок, их-то и привнес Вестфальский мир. Но означало ли это торжество свободы совести? Вряд ли. Участники переговоров неоднократно признавались своим единоверцам и коллегам, как скрепя сердце вынуждены были садиться за стол переговоров с еретиками и тем более идти им на уступки. Оснабрюкские статьи уравнивали в правах католиков, кальвинистов и лютеран. Но едва ли столь важный прорыв следовал из рождения «нового человека», или человека нового поколения, явившегося по окончании войны. Ненависть, подозрительность, мстительность и деление на «своих» и «чужих» никуда не исчезли в 1648 г. Споры о вере продолжались, люди оставались людьми воцерковленными, обязанными воспринимать свою веру как единственно истинную. Но бич войны заставил быть терпимыми. И отныне они обязаны были терпеть иноверцев-соседей у себя на родине, на своей улице, в своем доме, в своих деревнях и городах. Оснабрюкский пакт отнюдь не возглашал полную свободу совести, подобно современным конституциям. В нем не нашлось места сектантам, мусульманам, православным и цыганам. Он стал вынужденным актом, одним из шагов на долгом пути конфессиональной толерантности.

Кроме того мы помним, сколь прочно свобода выбора веры связывалась с прирожденными правами имперских сословий, с «исконно немецкими свободами», «со свободами немецкой отчизны» в головах представителей знати. Права, закрепленные в 1648 г., виделись триумфом чисто сословной точки зрения, торжеством справедливости, отягощенной покушениями на нее в канун и в ходе войны. Свобода совести по-прежнему отражала статусное самовосприятие имперских сословий, ставивших свои подписи под мирными статьями. Общая «любезная наша отчизна немецкой нации» и «империя» все еще соединялись категориями сословного права и иерархии.

Высшая и низшая знать, сословия являли собой экспоненты эпохи. Раскол, поразивший элиту и общество, проистекал из ее условий. И единство веры и статуса было одним из них. Ущемление одной из образующих автоматически означало поражение всей совокупности достоинств, «чести». Восстановить «честь» можно было лишь комбинацией материальных и сим-

волических сатисфакций. Земля и деньги принадлежали к их числу. И то, что оснабрюкские статьи последовательно трактовали и вопросы веры, и земные блага, еще не означало секуляризации сознания. Они лишь воспроизводили старый порядок, с важнейшей поправкой: если рядом с тобой подданный Империи, ты обязан терпеть его веру. Вопрос веры не стал в 1648 г. «приватным делом» каждого, он лишь разрешался общим законом для всех. Ликвидировался изъян, по которому не могли договориться в 1618 г.

Людские и материальные потери. Сколько жизней унесла с собой война? Спустя четыре века подсчеты не могут быть корректными. Исходные данные по местностям, отраженные в княжеской, поместной, сельской, окружной или городской документации, во множестве гибли синхронно с военными действиями. Лакуны представляются огромными. Вопрос потерь до сих пор остается весьма дискуссионным. Если довоенная численность населения Империи, включая Богемию, доходила примерно до 20 миллионов (в некоторых исследованиях — до 15—16), то после 1648 г., как полагают, в ней проживало не более 15 или 10 миллионов человек. Причем меньшая часть погибших — те, кто poleg на полях сражений. Здесь цифры расхлдутся, максимум — 500—600 тысяч. Большая же часть умерших — это жертвы эпидемий, и где-то посередине располагаются те, кто погиб в результате массовых убийств при взятии городов и населенных пунктов. Таковы цифры, пропорционально превышающие потери Германии периода двух мировых войн, даже с учетом «размазанной динамики» в тридцать лет.

Сложнее выглядит география потерь. Сегодня историки склонны прочертить кровавую полосу, пересекающую земли Германии с северо-востока на юго-запад: весьма грубый, но все же в целом верный рисунок. Мекленбург, Померания и Бранденбург можно причислить к самым пострадавшим на северо-западе. Там убыль населения достигла или даже превысила 50 %. Столь же внушительными выглядели утраты в землях Швабии и Эльзаса. Здесь нетрудно отыскать настоящие кладбища. Так, Вюртемберг до 1630 г. потерял из 350 тысяч жителей свыше половины: общее число подданных герцога Эбергарда

после его реституции не превышало 100—120 тысяч человек. Не меньше досталось Франконии и особенно Гессену, представлявшему и в северной, и в южной своей части настоящую руину. Чуть лучше рисовалось положение Саксонии: потери в общем не превышали 30 %, но вновь имелись безлюдные пустыни, как, например, вдоль Рудных гор, в окрестностях Лейпцига и далее на север вплоть до Магдебурга. Самым печальным образом пострадали оба Лаузица: маркграфства уподобились скорбному пепелищу. Часть баварских земель стоит также причислить к зонам высокого поражения: четыре нашествия протестантских армий не прошли даром для владений курфюрста Максимилиана. Относительно меньше страдали дальние южные и северо-западные анклав. Исследования указывают на средние потери здесь менее чем 20 %. Но вновь следует учитывать региональную специфику. Моравия пострадала больше Богемии, северная Богемия — больше, чем южная, австрийские земли — меньше, чем в целом Богемия. Нижнесаксонский округ понес утраты меньшие, чем в Бранденбурге и Саксонии, но большие, чем на нижнем Рейне и в западной Вестфалии. Наконец, выделяют регионы и вовсе пощаженные лихолетьем войны. К их числу относят северную Вестфалию, Кельн, Бремен, города вестфальского мира, Гамбург и западное междуречье Везера и Эльбы. Как показывают подсчеты, можно даже говорить о существенном приросте населения в указанных анклавах за годы войны. Часто встречаются счастливые исключения даже в самых пострадавших зонах: отдельные округа, деревни и городки Швабии, Баварии, Эльзаса или Тюрингии.

И все же вывод З. Г. Штейнберга о мифе громадных потерь мы должны отнести к разряду ничем не подтвержденных тезисов. Он, разумеется, спровоцировал жаркую научную дискуссию на рубеже 50—60-х гг. минувшего века. Но капитальные исследования Г. Франца и В. Абеля опровергают его данные. Впрочем, здесь нет ничего удивительного: самые опустошительные бедствия всегда оставляют место для оазисов благополучия.

Довоенная численность населения была достигнута в большинстве регионов на стыке XVII—XVIII вв. и в первой половине XVIII в. Но динамика репродукции неравномерна: например,

земли дрезденских Веттинов уже во второй половине XVII в. преодолели рубеж спада.

Село страдало больше города. Но на городском ландшафте война оставила слишком заметные шрамы. Магдебург потерял в майской бойне 1631 г. почти 20 тысяч жителей, что составляло едва ли не 90 % населения. Этот пример исключителен по размерам катастрофы, однако не одинок. Киль, Ландсберг-на-Лехе, Ландсгут, множество мелких общин Швабии и Франконии стали жертвами огня, грабежа, убийств и массовых экзекуций. И даже не пострадавшие от долгих осад и оккупаций, некогда цветущие города лишались подчас трети или даже половины населения, как, например, Аугсбург или Лейпциг. Эпидемии и голод, скученность огромных масс беженцев влекли чудовищную смертность.¹

Последствия в хозяйственной сфере. Основа основ старой Европы, сельское хозяйство, едва ли претерпело после войны крупные структурные сдвиги. Рисунок его развития остался в целом неизменным. Три большие зоны выделялись на карте Германии. На северо-востоке и востоке в землях Мекленбурга, Померании, Силезии, Бранденбурга, отчасти Лаузица постепенно складывались основы преимущественно вотчинного хозяйства с крупной барской запашкой, выгодной для товарного производства хлеба. Здесь формировалась фольварочная модель, которая столетия спустя обретет свой классический вариант в Пруссии. Многолетняя война не только опустошала, но и сближала, прижимая остатки сельского населения и неимущих беженцев к усадьбам, побуждая искать покровительства, кров и землю у местного дворянства. Сельская община искала компромисс с властью, на нем позже выстроилась система провинциального и окружного управления в Бранденбурге и балтийских герцогствах. Срединные земли — Тюрингия, Саксония, Гессен, Вестфалия — сочетали многоукладность, разные хозяйственные типы. Элементы фольварка соседствовали здесь с арендой и крепкими сельскими обществами. Война не подточила правовой фундамент и сильные в целом позиции саксонского крестьянства. Не последовало и перестройки собственно хозяйственной основы: овцеводство, разведение товарной рыбы, выращивание зерновых, пивоварение доминировало в централь-

ной Германии и до и после 1648 г. Третья зона условно охватывала прирейнские земли, отчасти Швабию и Баварию. Так же как и в центральных областях, здесь наблюдалась определенная пестрота. Но унаследованный от седого Средневековья слишком плотный и дробный владетельный пейзаж обрекал владельцев, в подавляющем большинстве заметно пострадавших от военного лихолетья, искать быстрые деньги. Сдача господской земли в аренду — один из самых распространенных видов держания, укрепившийся здесь еще в XVI в.

Почти нигде мы не наблюдаем возникновения новых производственных направлений, радикального изменения ассортимента продукции. Общей чертой всех трех регионов было стремление, все более нараставшее, к выработке согласия между сельскими тружениками и землевладельцами. Аграрные конфликты после 1648 г. уходят в прошлое. Стабильность отношений, отсутствие встрясок и волнений были в приоритете.

Столь же привычные линии наблюдаются и в отношении городского хозяйства. Признаки стагнации, наметившиеся еще в предвоенные годы у верхнемецкого городского сообщества, некогда ведущего, гремевшего славой банкирских домов Фуггеров и Вельзеров времен Максимилиана I и Карла V, не исчезли. Война лишь ускорила застой. Несомненно, сказывались крупные людские и финансовые утраты, как, например, в Аугсбурге и Ульме. Но они все еще были несмертельными. Налаженная сеть торговых связей, их быстрая регенерация и сравнительно быстрая отдача в виде накопления капитала и развития банковского дела не позволили скатиться некогда богатым общинам Швабии и Фраконии до уровня маргинальной группы. В центре процветали Франкфурт и Нюрнберг. Они не только не растеряли свои мощности, но и обрели второе дыхание. Как и в начале века, оба города собирали вокруг себя нити торговых трасс со всех концов Европы, гордились богатыми ярмарками, банками, мануфактурами и купеческими семьями. Война служила им лишь еще одним источником обогащения: на поставках оружия процветали нюрнбергские цехи. Наконец, не угас, но лишь рассеялся торговый потенциал балтийских городов. Ганза давно уже перестала служить препятствием в борьбе за морские просторы. Зато наметились сдвиги на карте торговых

связей. Гамбург все больше предпочитал иметь дело с английскими купцами. Торговля сахаром и вмешательство в атлантическую коммерцию все больше увлекали элиту старого центра «вендских» городов. Любек, напротив, обреченно ожидал развязки в схватке между скандинавскими коронами за Зунд. Но и его купцы также все больше тянулись на запад. Усиление Швеции служило поддержкой Штральзунду и гарантировало товарный обмен с лифляндскими портами. Зерно, пушнина и сукно, как и прежде, определяли товарный поток с севера на юг. Он лишь оживился в годы войны и после 1648 г.

Поразительно, но долгая война не привела к революционному слому или резким переменам. Она лишь усилила или притормозила процессы, обозначившиеся в ее канун. Нам, современникам глобальных перемен и бурных технологических революций, подобный вывод покажется странным. Но такова была сила старого общества: оно заботилось больше о сохранности, нежели о новациях. Тяжесть войны и огромные потери исключали порыв к поиску новых форм хозяйственной жизни. На кладбище реформы невозможны: этот слишком сильный афоризм в целом хорошо соотносится с реалиями Германии и Империи после 1648 г. Подобно России, пережившей Смуту. Германия после 1648 г. не могла испытывать тяги к переменам, реформаторскому подвижничеству элит и интеллектуальному кипению. Необходим был длительный созидательный отдых — под покровом реставрации старого закона.

Война для войны: вооружение, тактика и стратегия. Общеизвестно мнение о Тридцатилетней войне как полигоне для всевозможных новшеств. Такая точка зрения представляется в целом верной, но она явно нуждается в детализации. Пожалуй, впервые в Европе мы наблюдаем рождение — правда, на короткое время — громадных комплексов производства военной продукции. Таковыми стали поместья Валленштейна, по мановению его руки и с помощью денег его друга Ганса де Витте в 1625 г. забурлившие производством одежды, пороха и оружия. За несколько месяцев была полностью экипирована почти 50-тысячная армия. На крупных заказах наживались лидеры среди старых городов. Нюрнберг осуществлял оптовые поставки в армии императора и шведской короны пистолетов,

мушкетов, ружейных патронов, шпаг и кирас, исчислявшихся десятками тысяч единиц. Не отставали мануфактуры Аугсбурга. Речь не идет о других странах, как, например, Швеции, где на полную мощь, оказавшуюся, впрочем, недостаточной, работали железоплавильные заводы, или Нидерландах, вообще специализировавшихся на массовом изготовлении мушкетов и патронов для всех участников антигабсбургской борьбы. Военный сектор мануфактурной промышленности расширился и обогатился, хотя его ассортимент и не отличался новизной. Он еще не обрел характерные черты своеобразной автономии, свойственной последующим столетиям. Цеховые порядки, верность стародавнему укладу все еще доминировали здесь, как и повсюду на хозяйственной ниве. Но выросли задачи и степень постоянства.

Многолетняя война постоянно питала производство, делала его нормой жизни, потихоньку выводила за рамки исключительно элитарных функций, где задачей было обеспечить единичного бойца — дворянина и его свиту. Человек в кирасе и при шпаге стал совершенной нормой, как и сама кираса. Масовость спроса и жесткие сроки все больше стирали различия, влекли шаблон, унифицировали фасон одежд и калибр оружия. Войну и раньше воспринимали как театр, как трагедию в духе тацианства. Духовная жизнь барокко и многолетнее кровопролитие лишь придали театральным подмосткам небывало зрелищный вид с участием огромной массовки.

Тактика времен Тридцатилетней войны — тема, до сих пор обремененная множеством мифов и домыслов. Считается, что тогда окончательно восторжествовал линейный боевой порядок. Утверждение это верно лишь в целом, но существует множество исключений. Отказ от массивных пехотных квадратов, знаменитых «терций», наблюдался уже накануне решающих битв. Тилли при Брейтенфельде и Валленштейн при Лютцене использовали относительно неглубокие построения, вытянутые по фронту и вполне приспособленные противостоять бригадным формациям шведов. Армии противников Габсбургов, включая датского короля, уже в 1620-е гг. пытались подражать нидерландскому образцу. С середины войны и особенно на ее завершающих отрезках, когда возможности финансиру-

ния стремительно сокращались и полевые армии съезжались до 10—15 тысяч человек, когда возрос риск крупных полевых битв, военачальники старались комбинировать выгоды оборонительных позиций, условий местности с тактическими построениями. Валленштейн, никогда не отказывавшийся от стремительного натиска, с готовностью использовал весь арсенал оборонительных средств. Предпочтение обороны — общая склонность большинства императорских военачальников, особенно последних этапов, позже ставшая родимым пятном австрийского генералитета. Виной тому была отнюдь не сама Тридцатилетняя война, а предшествующий опыт генералов, сражавшихся преимущественно на восточных и нидерландских театрах. «Долгая война» императора Рудольфа II и кампании в Нидерландах строились на быстрых маневрах и изматывающих осадах с минимальным риском лобовых встреч. Опыт Тилли, почти всегда искавшего решения в поле, был, скорее, исключением. С Валленштейна постепенно начинает торжествовать принцип надежной обороны. Под началом Франца фон Мерси он достиг настоящего совершенства. Герои-одиночки, такие как Паппенгейм или позже Иоганн фон Верт, оказывались полезны, лишь будучи встроенными в общую схему активной обороны. Напротив, они терпели неудачи почти всегда, когда обретали инициативу и оперативный простор.

Образ Густава Адольфа как реформатора в военном деле давно уже требует более осторожных суждений. Шведы позже прочих европейских стран вступили на путь военной модернизации, начиная от мушкетов, массово появившихся на вооружении лишь с конца XVI в., и заканчивая тактическими построениями, основанными, скорее, на немецких вариантах нидерландской школы. В 1608 г. вернувшийся из Нидерландов Якоб де ла Гарди увлек молодого наследника рассказами о чудесах тамошней военной школы. В 1620—1621 гг. Густав сам инкогнито, под именем капитана Гарга, посетил ведущие центры немецкого протестантизма и наглядно ознакомился с достоинствами линейной тактики. Тяжкий опыт польской войны подталкивал к новациям: полки сократились с 3500 человек до полутора тысяч, роты — до 150 бойцов. Пехота и конница стала подвижной, и главное — увеличилось число офицеров, основа

основ профессиональной армии. Тогда же реорганизации подверглась система комплектования посредством принудительной рекрутчины: каждые десять мужчин общины поставляли одного бойца, на свои средства вручая ему платье и клинок. Первоначально громоздкие «провинциальные полки», собиравшиеся и именовавшиеся по местам происхождения, дробились на «полевые», сражавшиеся на континенте и теоретически питавшиеся резервами из старых областей. Пополнения следовали постоянно, по мере убыли солдат, особенно больших после 1631—1632 гг.: тогда король поставил под ружье призыв 15—17 лет. Миф о совершенной замене шведского контингента массой местных наемников остается лишь мифом. Статистика по общине Бьорга служит подтверждением.

Несомненно, король уделял колоссальное внимание пехоте. Горький опыт противостояния «дикой» польской коннице побуждал шире использовать огневую мощь мушкетеров (анфиладный огонь) и группировать пикенеров под их прикрытием. С момента появления шведов в Германии удельный вес пикенеров, однако, стал стремительно сокращаться, особенно с середины 30-х гг. Вместе с ними ушло и тяжелое снаряжение. Генералы жаловались на бесполезность доспехов: за ненадобностью каски и кирасы подчас выбрасывались на марше. Броня становилась обузой. Все решали сила стрелкового оружия и ближний бой. Но подобные перемены охватывали войска всех воюющих сторон. Мушкетеры при Густаве Адольфе все еще широко использовали сошки, комбинация пики и подставки придет много позже, ближе к середине столетия. Патронный пояс через плечо еще не уступил место патронташу, уже принятому большинством континентальных армий, что вызывало немалое удивление у немецких очевидцев.

Часто говорят о пехотных бригадах, созданных шведским королем. Но они никогда не были постоянными соединениями, это были лишь тактические единицы: перед боем несколько полков, и редко когда один полк разворачивались в бригаду. Она имела форму опрокинутой к фронту буквы «Т», состоявшей из нескольких шеренг мушкетеров и пикенеров с вынесенными перед фронтом ротными значками. С боков и перед фронтом прикрытием служили полковые орудия. Бригады бы-

ли детьми польской кампании, они придавали устойчивость обороне и были надежны в отражении кавалерийских атак — тем более, что между ними король располагал по нескольку эскадронов конницы. Но просуществовали они совсем недолго: с конца 30-х гг. о них перестают упоминать источники. Почти все стороны со временем использовали схожее построение, одинаковое по глубине боевых порядков.

Численный состав полков по штатам тех лет должен был составлять 1500—2000 человек. В реальности он едва ли достигал во всех армиях 600—1000 солдат, а в последние военные годы вообще не превышал, как правило, 300—800 бойцов. Кадровый офицерский состав из дворян был на исходе, ротами и эскадронами часто командовали бывшие капралы, подчас не умевшие читать и писать. В обязанности командиров полков все больше входили предпринимательские функции: умение найти деньги и набрать годных людей.

Заметным становились тактические перемены в коннице. Старый, со времен битвы при Зиверсгаузене 1553 г., и, казалось, испытанный способ атаки «улиткой» («караколе»), заключающийся в обстреле пехотных шеренг с наскоку и с разворотом, постепенно истощивал себя. Ему всегда был присущ весьма важный изъян: терялся темп атаки, утрачивалась ее пробивная мощь. Если противник оказывался хладнокровным, то ему не стоило труда рассеять или даже обратить в бегство «караколирующие» эскадроны. Шведский король запрещал использовать «улитку» и еще по одной причине: его плохо вооруженная и преимущественно легкая конница почти не имела шансов при встрече с панцирными имперскими эскадронами. Он приказывал стрелять только по ногам, головам и груди лошадей. Залпы из пистолетов тотчас сменялись ударом в палаши. Но те же рекомендации звучали уже из уст императорских генералов. Густав Адольф не мог позволить себе содержать дорогую панцирную конницу. Единственный коневодческий район его державы — южная Финляндия — поставлял лошадей в основном для драгунских полков. На начало немецкой кампании у шведов было лишь два полка тяжелой кавалерии — Адеркаса и Тотта. Король надеялся на помощь богатых немецких союзников и очень раздражался их чрезмерной «бережливостью»: не-

мецкие дворяне не торопились подставлять своих породистых скакунов под вражеские пули.

Начиная с эпохи Ренессанса конница служила главным оружием против пехоты. Противостояние крупных кавалерийских масс на поле боя выглядело, скорее, недоразумением, так же как и в войнах XX в. танки старались не бросать против танков. Но естественное развитие линейной тактики неизбежно обрекало кавалерию на кровавое соревнование. Широкие фланги предназначались для охватывающего маневра, и развернутые там конные соединения выстраивали подчас идеальную симметрию.

Некоторый толчок получила и артиллерия. Собственно под ней все еще понимали преимущественно лишь осадный парк (Artollerie, Artillery, Arckeley) с тяжелыми орудиями (Stücken). Ее обслуживание сохраняло печать средневековой цеховой организации, совершенно автономной в армейских структурах. Кроме того, в разряд артиллерийских частей входили абсолютно все транспортные единицы, функционально связанные с боем, начиная от пороховых фур и заканчивая саперными и хозяйственными экипажами. Тактика осадной артиллерии сохраняла архаику и исчерпывалась рядом простых маневров. При осаде крепостей предпочитали использовать концентрический огонь, направленный на угловые башни или прясла стен. Его вели, как правило, с трех батарей, полумесяцем охватывающих цель под углом 35—40 градусов. За неимением орудий навесного огня (мортир и гаубиц) часто приходилось использовать тяжелые кулеврины. Стрельбу рекомендовалось вести с расстояния 200—250 «шагов» (1 немецкий шаг — 0,75 м.). Однако поскольку подъем ствола ограничивался лишь углом в 10—11 градусов, то на поражение верхних ярусов башен и стен высотой 9—11 метров можно было рассчитывать лишь с расстояния не более чем 50 метров. При необходимости более высокого подъема лафеты следовало закапывать, что создавало большую проблему: орудие лишалось дистанции отдачи, возникал риск расщепления деревянного ложа и отрыва от него ствола.

Иное дело полевая артиллерия. Именно ее использование получило широкое тактическое применение. Однако организационно она не считалась частью артиллерийского парка и была собственностью войска. На начало века в ходу была класси-

фикация испанца Диего Уффано, предусматривавшая четыре типа пушек: 48, 24, 12 и 6-фунтовых по весу заряжаемых ядер. Голландцы и тогда и позже использовали малые классы. Густав Адольф, постоянно экспериментируя, решил подхватить предложение австрийца Вурмбранда и приступил к производству знаменитых «кожаных» орудий, изобретенных в Цюрихе около 1622 г. Его прельщала их легкость и дешевизна: медный ствол оборачивали тканями и упаковывали в кожаный чехол. Так возникла до сих пор живущая на страницах популярных книг легенда о чудо-пушках, якобы привезенных королем в Германию и сотворивших там «миниреволюцию» на поле. На самом деле король разочаровался в их эффективности уже во время польской войны: стволы быстро перегревались, требовали много воды, а заряды были явно недостаточны для достижения целей. В декабре 1629 г. он в категорической форме приказал прекратить отливку пушек на заводе Вурмбранда в Ульфезунде. Ни одно из «кожаных» орудий не было отправлено в Германию. Наоборот, немецкая кампания все более убеждала в пригодности так называемой полковой артиллерии — трехфунтовых пушек, обслуживавшихся прислугой, состоявшей из констеблей (командиров расчетов) и ассистентов. Стволы отливались из бронзы, обладали большей прочностью и допускали использование зарядов большей мощности, нежели их медные предшественники. Король предпочитал использовать пушки перед фронтом полков, не рискуя навесным огнем из тыла, как это делал Тилли под Брейтенфельдом. Впрочем, императорские военачальники столь же часто применяли облегченные типы орудий. Противники охотно использовали и трофеи. По окончании сражений происходило пополнение артиллерийских парков захваченными орудиями, или даже обмен, если одна из сторон, пусть даже и проиграв бой, ухитрялась вывезти захваченные стволы.

И тогда и позже артиллерийская дуэль, как правило, открывала полевые баталии, причем императорские войска после Брейтенфельда почти всегда располагали свою огневую мощь перед фронтом, как и шведы. Но у шведов скоро выявилось существенное преимущество: они часто практиковали маневры орудиями прямо на поле боя, не боясь располагать под-

ле них упряжки с лошадьми. Мастером подобной тактики был Торстенсон: при Янкове умелые действия его артиллеристов, по сути, подготовили победный перелом. Бернгард под Рейнфельденем организовал настоящий огневой вал за счет орудий, передвигавшихся на одной линии с пехотой. Рождалась и контрбатарейная дуэль: в щепы разбитые лафеты и опрокинутые орудия на позициях Тилли при Лехе указывали на прицельную концентрацию огня королевской артиллерии. Подавлялись средства огневой поддержки.

В целом же шведский король не столько реформировал военное дело, сколько поддерживал наиболее перспективные течения. Он не возглавлял «военную революцию», которой, собственно, и не было, он лишь опытом и чутьем настоящего профессионала содействовал общему развитию.²

Еще не было униформы, армии европейских монархов были лишь на пути ее обретения. Многое зависело от казны и от наличных денег, выдаваемых полковникам: последние выступали скорее не как командиры боевой единицы, а как коммерсанты, организовавшие пополнение. У шведов дела здесь поначалу шли едва ли не хуже всех. Королю приходилось одевать свои полки в пестрое крашеное сукно из арсенала закупленного у голландцев. В Германии эти полки выглядели настоящими оборванцами. Драгуны, за неимением шлемов и шляп, носили войлочные шапки, как зачастую и их сослуживцы по пехоте. Курфюрст Саксонский перед Брейтенфельдом признавался, что бедный вид союзников превзошел все его ожидания. Почти крестьянская армия во главе с полукрестьянским королем!

Появление «цветных» полков вновь не стало изобретением «северного льва». Уже Мансфельд и маркграф Баден-Дурлахский содержали «белые», «зеленые», «черные», «красные» подразделения. Легенда о горожанах Пфорцгейма, сражавшихся якобы в белых колетах, документально не подтвержденная, все же указывала на тенденцию. Позже «красные» и «белые» полки появились у датчан Христиана IV. В армии шведского короля первым из числа цветных следует, видимо, считать «желтый» полк, созданный в 1628 г. и служивший лейб-гвардией. Позже мы встречаем «голубые», «зеленые», «черный», «красные» полки. Почти все они исчезнут после гибели короля. Единствен-

ным старожилом окажется «голубой», или «старый голубой», расформированный лишь в 1650 г.

Названия полков давали названия и бригадам, что не означало, впрочем, унификации всей единицы. Происхождение их следует связывать с геральдическими цветами, ливреями командиров или монархов либо же с произвольным выбором. Причем название отнюдь не обязывало соответственным образом обрывать всех солдат и офицеров, в лучшем случае речь шла лишь о первых шеренгах или лейб-штандарте полковника. Как правило, ограничивались схожей расцветкой плюмажей и перевязей.

Война лишь содействовала «преимущественному» цвету, еще очень далекому от унифицированной раскраски столетия спустя. Считается, что войска императора чаще использовали красный, испанцы — желтый и красный цвета, подобные геральдической расцветке кастильского герба. Тот же желтый в комбинации с зеленым и черным встречался у саксонцев — вновь по созвучию с гербом курфюрста, включая веймарских Эрнестинов. Бело-голубыми и синими пятнами мелькало воинство обеих ветвей Виттельсбахов и гессенских князей. В названиях полков поначалу гораздо чаще встречались указания на места их вербовки — «саксонский», «старый саксонский», «голландский». Со временем чаще звучали имена командиров, их создавших. Так произошла персонализация боевых единиц — традиция, продлившаяся до XVIII в.

Победа в поле, как и прежде, предполагала надлежащую подготовку одиночных бойцов и надежное управление войсками. У шведов здесь оказалось преимущество: Густав Адольф своими уставами и непрерывными походами сформировал прекрасные кадры. Лучшую карьеру сделали те, кто начинал в его армии младшими командирами или даже солдатами. Точность исполнения, умение осуществлять комбинированные действия вновь выгодно отличали шведскую школу. Только к началу 1640-х гг. хлопотами и талантами Мерси баварская армия сможет создать серьезную конкуренцию противнику.

Торжество линейной системы обрекало все воюющие стороны искать победу на флангах. Удары по ним или стремительный обход были излюбленными маневрами. Большинство

сражений выигрывалось или проигрывалось силой флангового давления. Ярым его сторонником был герцог Энгийенский: как полководец он сложился лишь одной битвой — при Рокруа. Фрайбург и Алергейм были по сути повторением старого сценария. Банер и Торстенсон показывали иной, гораздо более продуманный вариант его применения. И даже Валленштейн, сторонник активной обороны при встрече с примерно равным противником, не отказывался от использования флангов.

Впрочем, эффект «тактических Канн» достигался редко: относительно полное окружение пехотного центра мы наблюдаем при Брейтенфельде, Рокруа, под Лейпцигом в 1642 г. и позже под Янковом в 1645 г. Ахиллесовой пятой, изъяном, почти всегда сводившим на нет первоначальный успех, была притягательность неприятельских обозов: смявшая фланг кавалерия рассыпалась в поисках добычи. Борьба со столь естественным желанием было почти невозможно. Шведы вновь были на высоте: их штабы и командный состав отличались в целом высокой дисциплиной. Буйных подчиненных, подобных Паппенгейму или Верту, и тем более таких, которые были бы способны своим поведением поставить под угрозу задуманную операцию, в шведских штабах было не так много. Ключевые позиции до конца войны у шведов занимали их соотечественники. Взгляд же немецкого дворянина, дорожившего своими «прирожденными свободами», позволял порой слишком многое, граничившее с грубым нарушением дисциплины прямо на поле боя. Артикуляция сословного статуса подчиненных обходилась зачастую весьма дорого для Вены.

Война и литература. Бессмысленно отрицать разрушительное воздействие войны, затянувшейся почти на срок жизни целого поколения, на творческую жизнь. И все же картина требует пояснений.

Формы литературной жизни отражали и заметно накладывались, хотя и по-своему, на имперскую конъюнктуру, на полемику между сословиями и короной. В 1617 г. в Веймаре усилиями Людвига Ангальт-Кётенского возникло знаменитое «Плодоносное общество». Символически его рождение содержало мемориальный аспект: оно посвящалось памяти почившей в августе того года сестры ангальтского государя Доротеи Марии,

матери восьми веймарских братьев, имена которых прогремят позже на полях битв. Общество было создано по образцу флорентийской академии, но на первый план выходили ясно очерченные приоритеты образованной протестантской элиты: поддержание чистоты родного немецкого языка. Его участники обязаны были поощрять и совершенствоваться в поэзии и прозе на родном языке.

С точки зрения перспектив истории справедливо видят здесь начало эпохи обществ словесности. Позже наряду с учрежденным в Веймаре возникнут и другие общества, часть их принято рассматривать как своего рода его дочерние филиалы. Так, в 1633 г. Исайя Ромплер основал кружок единомышленников в пощаженном войной Страсбурге — «Чистосердечное общество елки» (*Aufrichtige Tannengesellschaft*), а в 1642 г. в Гамбурге литератор Филипп Цезен создал «Немецкое товарищество» (*Deutschgesinnene Genossenschaft*). Но характер и членство в них не оставляют сомнений: перед нами исключительно корпоративные ассоциации с сильным сословным акцентом. Очевидно, по замыслу князя Людвигу его общество призвано было в конце концов содействовать защите «прирожденных свобод» протестантской знати путем поддержания языка, унаследованного от предков — германских героев, сокрушивших Рим. К началу 1630-х гг. списки «Плодоносного общества» уже насчитывали свыше 500 имен, закодированных прозвищами и отмеченных эпитафиями. Не более 7 % из них представляли бюргерскую прослойку, остальные были дворянами. Характерна и география участников: перед нами первоначально почти только саксонско-тюрингский, отчасти силезский регион.

Совершенно преобладал протестантский, причем смешанный кальвинистско-лютеранский, элемент. Можно ли видеть здесь своего рода духовную компенсацию за реальный проигрыш протестантской партии в 1620-е гг.? Дать точный ответ едва ли возможно: лояльность короне подчеркивалась постоянно. Тем более, сам создатель охотно открывал двери общества более сильным соседям, как, например, членам семьи дрезденского курфюрста. Но все же здесь сосредоточивались те силы, которые творчески могли считаться рупором если не всей Им-

перии, то по крайней мере значительной части протестантских регионов. Чем дальше, тем больше обозначались исключительно корпоративные черты — процесс, преобразовавший детище Людвига после 1650 г. в «Орден пальмы», соответствовавший привычным канонам придворной культуры. И чем дальше, тем больше это становилось барометром «политической» чуткости: временные успехи Пражской системы и близость военного театра заставляли принимать в ряды ордена высокопоставленных католиков, таких как светлейший князь Пикколомини.

Впрочем, борьба за чистоту языка, против засорения его неологизмами и иноязычными заимствованиями постепенно спровоцировала академический спор о путях и формах достижения высокой цели. С особой силой он разгорелся уже под занавес войны. Филипп Цезен выражал здесь крайнюю точку зрения, считая необходимым ориентироваться на речь и подчинить ей правила чистописания. За основу он предлагал взять мейссенский диалект, полагая его наиболее чистым выражением нововерхненемецкого языка. Цезен делал акцент на фонетике и предложил даже вариант новой орфографии. Весьма показательным стало отторжение его воззрений «Плодоносным обществом»: князь Людвиг напомнил прежде всего о важности традиции. В 1649 г. Цезен выхлопотал членство в обществе, но сам Людвиг позже сожалел об этом.

Собственно литературная жизнь распалась на несколько условных очагов, к которым следует отнести Нюрнберг, Страсбург, Гамбург и немецкий Данциг. Мартин Опитц, лучший барочный лирик Германии и глава условно понимаемой «силезской школы», содействовал чисто теоретической дискуссии о формах изложения, его произведения можно полагать вершиной поэзии тех лет. Андреаса Грифиуса с его пронзительными «Слезамы Отечества», этого гимна немецких патриотов XIX в., обычно выводят за рамки силезского круга. На противоположном конце Империи Иоганн Михаэль Мошерош мог считаться лидером эльзасского литературного круга. Позже Цезен сделался центральной фигурой творческой жизни в Гамбурге. Бич войны со временем отбрасывал лучших представителей на периферию и даже за границы Империи. Цезен искал спасения и академического вдохновения в Нидерландах и Гам-

бурге, Опитц и Грифиус — в Польше и Данциге, Мошерош — в Страсбурге.

Война содействовала функциональному расколу среди литераторов: часть спасалась княжеской службой и дипломатическим поприщем, часть становилась настоящими изгоями. Отчаянная борьба Цезена за место в «Плодоносном обществе» и лидерство в Гамбурге прекрасно отражала судьбу творческих скитальцев. Но именно драма вынужденного выбора между службой и творчеством подготавливала рождение собственно литераторов-профессионалов, кормившихся исключительно заказами и продажей книг. Война, безусловно, наложила печать на их творчество — от иллюзорного обращения к чистой гармонии, как у Опитца, до скорбных инвектив относительно настоящего (Мошерош, Грифиус). В 1645 г. Цезен издал первый в Германии автобиографический роман, Мошерош написал «Солдатскую повесть», но до выхода «Симплициссимуса» Гриммельсгаузена в 1668 г. — внушительного нагромождения авторского опыта, компиляций и откровенного плагиата — будет еще далеко: на это потребуются годы осмысления.³

Музыка. Лира стала жертвой войны в большей мере, чем литература. К тому же она меньше, чем литература, познала немецкие черты. На протестантском полюсе Генрих Шютц (1585—1672) в Дрездене, на католическом — наследники Орландо ди Лассо (1532—1594) в Мюнхене определяли главные линии. Обе сходились в одном: в итальянских истоках. Ее рабами были оба Фердинанда, ее же в протестантской вариации почитали при гессенских и саксонских дворах. В 1627 г. в Торгау по случаю бракосочетания дочери курфюрста появилась первая опера в истории Германии — «Дафна», целиком сконструированная по итальянским лекалам. Автором музыкального сопровождения был Шютц. Лишь позже и преимущественно в рамках духовной музыки мы наблюдаем местные мотивы, протекавшие, впрочем, из особенностей протестантского хора.⁴ Дальнейшее движение делалось невозможным: война блокировала Дрезден, а в нем и курфюрста с Шютцем и его капеллой. С конца 1630-х гг. капельмейстер вынужден был искать спасения в Дании. Впрочем, смычок и лютня грустили и при католических дворах. Судьбы придворной музыки хорошо иллюстри-

ровали кризис княжеской репутации: распад капеллы воспринимался тяжким изъясном, свидетельством полной катастрофы собственной сословной чести. Корпоративное творчество выступало важным показателем стабильности элиты.

Гравюра и живопись. Война сказалась и на ассортименте художественной продукции. Гравюра в Германии тех лет явно торжествовала над живописью. Спрос определялся предложением: резко подскочил удельный вес информативных изданий, листовок, газет, брошюр. Все они требовали скорого иллюстративного материала. На фоне разорения сограждан книгоиздатели, продавцы «летучих» известий делали целые состояния. Из них окончательно складывалась настоящая прослойка мастеров медийного дела.

Франкфурт, Гамбург, Нюрнберг, Лейпциг, Аугсбург превратились за годы войны в настоящие столицы прессы и печатного станка. Гравюрная иллюстрация здесь не имела конкурентов. Творчество неутомимого базельца Матфея Мериана (1593—1650), связавшего свою судьбу с Франкфуртом и приступившего с 1630-х гг. к иллюстрированию знаменитого «Европейского театра», прекрасно отражало популярность гравюры. Война обрекала на тесное содружество писателя и художника, но оно обнажало «партийные» предпочтения, пристрастность. Друг Мериана Иоганн Филипп Абелин (ок. 1600—1634), писавший текст к первым двум томам «Европейского театра», собирал и обрабатывал огромный массив информации преимущественно под протестантским углом зрения. Со временем предвзятость Абелина, повлекшая убытки, все больше раздражала художника. Они расстались. Но Мериан воплотил на своих прославленных батальных гравюрах лучшие достижения рисунка: поток информации побуждал художника уместать на огромных разворотах все этапы сражений. Читатель не только поражался изыском барочного стиля с неизменным вниманием к ландшафту: он получал возможность в своеобразном «гравюрном фильме» рассматривать захватывающий цикл кровавого пиришества.⁵

Меньше было художников в Германии, преподносивших войну в отдельном жанровом формате. Резкий сдвиг в сторону индивидуализации персонажей и натурализма заметен, безус-

ловно, у Ганса Ульриха Франка (1590 или 1595—1675), католика, перебравшегося в 1637 г. в протестантский Аугсбург. С его именем по праву можно связывать меняющийся ракурс: от помпезных батальных полотен к ужасам повседневности.

Торжествовала гравюра и за пределами Германии. Творчество великого лотарингца Жака Калло (1592—1635), увековечившего эпоху блистательным циклом офортов, изданных 18 листами в 1633 г., давно уже признано каноничным. Но был ли в его «Больших бедствиях войны» столь милый нашему сердцу призыв к гуманизму, лотарингский патриотизм или дидактика сильной власти, отсутствие которой влечет общественные беды? Пожалуй, что новейшие исследования склоняются к последней точке зрения.

Настоящий перелом произошел, впрочем, в Нидерландах и Италии.⁶ Здесь столкнулись два течения, уже подготовленные нарождающимся барокко: взгляд на войну с высоты птичьего полета, своего рода панорама триумфа, и резкий антропоцентризм, преподносивший трагедию участника битвы. Первое нашло блистательное отражение у фламандских художников, работавших при дворах Брюсселя и Вены. Среди них особенно выделялся Питер Снайерс (1592—1667), взявшийся за огромный цикл батальных полотен по заказу кардинала-инфанта Фердинанда, эрцгерцога Леопольда Вильгельма и Пикколомини. Запечатленными оказались все крупнейшие победы Габсбургов. Картины обнаруживали созвучие триумфальным мотивам Ренессанса, были весьма схематичны и однообразны и, будучи созданными неочевидцем с помощью консультаций, едва ли могли претендовать на правильное отражение многих деталей.

Другое направление, уже начавшее складываться в северных Нидерландах, получило неожиданно мощное воплощение под кистью Жака Куртуа, прозванного Бургиньоном, т. е. бургундцем (1621—1676). Творчество Куртуа часто приписывают французской школе, хотя он был уроженцем испанского Франш-Конте (городок Сент-Ипполит возле Безансона). В отличие от Снайерса и многих современников, увлеченных батальной живописью, Куртуа познал войну на собственном опыте, три года служа в испанском полку маркиза де Ватвиля в Лом-

бардии. Осев в Риме, получив уроки мастерства у тамошних знатоков батального жанра, прежде всего Микеланджело Черквоцци, и находясь под впечатлением творчества Сальватора Розы, он с годами выработал свой собственный стиль. Главными его героями навсегда стали небо, лошади и всадники.⁷

Бургиньон резко изменил угол зрения: в центре внимания оказывалась не панорама битвы, а выхваченная из ее гущи горячая схватка нескольких бойцов, вписанная, как правило, в сдвинутый треугольник или квадрат. Художник любил теплые желто-коричневые, золотистые тона, вносил сочную светотеневую гамму, освещал своих героев вспышками пистолетных и мушкетных выстрелов. Отблеск огня внизу восхитительно перекликался с потоком солнечных лучей вверх. Под стать жаркой динамике была техника мазка: стремительная, подчас небрежная, но всегда исключительно точная. Сказывалась и давняя привычка, еще с военных лет, обходиться без подготовительного рисунка, прочерчивать композицию острым концом кисти и сразу же переходить к работе в цвете. Бургиньон, несомненно, содействовал большим переменам в батальной живописи. Он привнес драматургию личности, небывалую динамику, реализм и оказался необычайно моден. Ему подражали, и он повлиял в том числе и на немецких живописцев конца века (Август Кверфурт, отец и сын Ругендас).

Часто Куртуа считают певцом «идеальной» битвы. Это неверно: почти всегда перед нами многочисленные вариации франко-испанского противостояния. Куртуа безошибочно передавал детали вооружения и снаряжения, все нюансы военного быта. Множество его или приписанных ему работ хранится почти во всех крупных галереях мира, в России — большей частью в Эрмитаже, в пригородах Санкт-Петербурга и в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве.

Война и память. Сегодня в Германии лишь бывший имперский город Аугсбург воплощает живую память о Тридцатилетней войне. Каждый год 8 августа там проходят праздничные гулянья. В последующую среду дети получают подарки, так называемые картинки мира. Обычай возник в 1650 г., когда по всей Германии праздновали окончательную эвакуацию и исполнение нюрнбергских рецессов. Избранный день символи-

чен: ровно за двадцать один год до него в 1629 г. император издал эдикт о реституции. Какое символическое торжество справедливости над тиранией!

Память о войне с момента подписания мира и исполнения рецессов большей частью связывалась с 1648—1650 гг. Самые пышные торжества проходили именно в честь умиротворения Германии и Империи. Они лишней раз подтверждали значение вновь восстановленного миропорядка. Общее торжество означало отсутствие проигравших, возобновление традиции. В разных княжествах Германии обычай «коллективного вспоминания» держался в целом вплоть до конца старой Империи. Дрезден, Веймар, Гота, старые протестантские цитадели долгое время являли образец торжественных мероприятий. Покаянные проповеди и молитвы с воздаянием похвалы Творцу занимали центральное место в их программах. В 1748 г. земли Империи отметили и первый юбилей мира — уже в условиях новых споров о поддержании имперских структур и осмысления опыта реставрации столетней давности.

Долгое время вспоминались отдельные события, преимущественно битвы, ставшие переломными для судеб отдельных княжеств или регионов. К их числу, несомненно, относится память о сражении при Брейтенфельде 1631 г. и Лютцене 1632 г. Города курфюршества Саксонии колокольным звоном и выходным днем встречали каждую годовщину Брейтенфельда вплоть до начала XVIII в., хотя с 1635 г. курфюрст почти десять лет воевал с шведами на стороне Габсбургов. Дело было даже не в памяти об общей победе единоверцев и не в теплых воспоминаниях о шведском короле, «льве севера». Битву рассматривали прежде всего как божью кару для Лиги, этого прибежища всех радикальных «папистских» сил, опоры антихриста в Империи и нарушителя мира. Счастье впервые оставило пособников князя тьмы, 17 сентября 1631 г. евангелическая Германия вздохнула свободно. Смысл торжеств был исключительно лигитимистским, вполне вписывающимся в картину евангелической лояльности Империи. Иначе выглядело поминовение лютценской битвы: оно теснее связывалось с культом Густава Адольфа. После перехода в католицизм дрезденских курфюрстов в 1697 г., ставших еще и королями католической Польши,

и особенно под впечатлением Северной войны 1700—1721 гг., когда Саксония выступила частью антишведского блока, Лютцен стал символом скрытой оппозиции протестантского духовенства, верности религиозному долгу и воплощением истинного подвига монарха — в противовес отступникам Веттинам. Шведов Карла XII встречали на востоке Саксонии и в Силезии колокольным звоном, как героев-освободителей. Подобные настроения были популярны в народе. Еще сильнее они ощущались при дворах Эрнестинов в Тюрингии: в Веймаре и Йене, где пиетизм и просвещение весьма сильно питала старолютеранская почва.

Наполеоновские войны, перемены в военном деле и крушение старой Империи вновь пробудили «меморию» о павшем короле. Теоретики почитали его настоящим реформатором на поле Марса, чему немало способствовал завоеватель Германии Наполеон. Император высоко ценил таланты Густава Адольфа, а накануне новой битвы под Лютценом весной 1813 г. демонстративно провел ночь у «шведского камня», поблизости от которого якобы было найдено тело короля. Победа в Освободительной войне, формирование нового национального и государственного мифа в Германии и особенно протестантской Пруссии решительно усилили героизацию скандинавского государя. По проекту архитектора Карла Фридриха Шинкеля «шведский камень» обрел архитектурный мемориал и стал местом ежегодного паломничества должностных лиц, духовенства и патриотически настроенной публики. Весьма сильно подъему содействовало открытие в Лютцене шведского консульства — исключительно по причине синхронного развития культа Густава Адольфа в двух странах. С тех пор 6 ноября (по старому стилю) стало поминальным днем протестантской общности двух стран. Тем не менее правительство Бисмарка и Вильгельма II не желало нового раскола и не хотело жертвовать голосами католических подданных. Местным властям рекомендовалось с конца XIX в. ограничиваться лишь религиозными церемониями, не придавая им широкого политического подтекста.

Окончание Первой мировой войны привнесло новые акценты. Первое межвоенное десятилетие прошло для Германии под

знаком роста политической напряженности, борьбы радикальных партий. Региональное и центральное правительства стремились исключить всяческие поводы к эскалации. Именно под таким углом зрения следует оценивать юбилейные торжества 1932 г., прошедшие на лютценском поле. Боясь спровоцировать выступления местных коммунистов и нацистов, прусский кабинет категорически запретил участие в них первых лиц государства, в том числе рейхсмаршала Гинденбурга, и требовал соблюдения исключительно церковных форм. Тем не менее цикл тогдашних мероприятий оказался самым пышным за весь двадцатый век. У «шведского камня» 6 ноября бок о бок стояли наследный принц Швеции Густав Адольф, герой Финляндии барон К. Г. Маннергейм. Вокруг камня возлежало несколько десятков венков. В тот же день состоялось освящение еще одного монумента памяти короля в Вайссенфельсе, сооруженного по инициативе председателя Шведско-немецкого общества города Лютцена Отто Линка. С большим размахом юбилей отметили и в Стокгольме.⁸ Мемориал счастливо пережил трагедию Второй мировой войны и послевоенный социалистический период, эру ГДР. Официальные лица, равно как и идеологи немецкого коммунизма, этому не препятствовали: Тридцатилетняя война, несмотря на потери и печальные последствия, считалась противостоянием сил прогресса, антигабсбургской коалиции и феодальной реакции во главе с Мадридом и Венной. Король шведов был захватчиком, но объективно содействовавшим победе над Габсбургами. К тому же не следует забывать: идеологически руководство ГДР по многим пунктам наследовало принципы прежней прусской государственности. Сохранение мемориала было и жестом дружбы по отношению к скандинавским соседям. С тех пор подле «шведского камня» с решеткой Ф. Шинкеля на флагштоках развеваются немецкие, финские и шведские государственные флаги в знак солидарности и дружбы. Поодаль находятся «блокгаузы» — музейный блок и кемпинг одновременно. В самом Лютцене в старом замке ныне располагается внушительная экспозиция: диорама битвы в полдень 16 ноября, представленная почти пятью тысячами оловянных фигурок нюрнбергского стандарта. Своего рода сколок лютценского музея имеется и неподалеку в Вайс-



6 ноября 1932 г., Лютцен. Представитель Финляндии генерал Маннергейм, наследный принц Швеции Густав Адольф и генерал рейхсвера Хаммерштайн приветствуют солдат 11-го Саксонского пехотного полка на пути к «шведскому камню».

сенфельсе, с небольшой экспозицией, посвященной Тридцатилетней войне.

Большая часть памятных знаков на полях битв и скульптурных монументов появится в XIX в., на волне государственной инструментализации памяти, замешанной на монархической идеологии. Каменные генералы императора займут место на Аллее славы австрийских Габсбургов в Вене, статуя Тилли — в Зале баварских полководцев в Мюнхене. Монументы украсят поля давних битв — в Пфальце, Саксонии, Вюртемберге. Память о войне сегодня в Германии лучше всего представлена музейными собраниями. Отдельные, весьма внушительные, части посвящены ей в Берлине (Исторический музей), Нюрнберге (Национальный музей) и региональных центрах, где ве-

душую роль по праву должен занимать Музей баварской армии в Ингольштадте. В Австрии весьма богатыми фондами может похвастаться Военно-исторический музей в Вене. Среди региональных центров отметим Виттшток, где в конце минувшего века развернулась обстоятельная экспозиция, посвященная битве 1636 г. Под Прагой, в замке Звезда, стараниями чешских историков функционирует музей белогорской битвы. В последние годы работе краеведов успешно помогают археологи: раскопки массовых захоронений под Виттштоком и Лютценом помогают детализировать ход сражений. Но живая память ушла. Ее своеобразным эрзацем выступает деятельность военных реконструкторов, объединяющих сегодня в своих рядах многочисленных энтузиастов из Германии и других стран-участниц Тридцатилетней войны.

Что осталось еще? Очевидно, национальная память: по неоднократным опросам населения различных немецких земель, уже в послевоенные годы, Тридцатилетняя война все еще оказывается на первом месте среди главных трагедий немецкой истории, оставляя позади даже катастрофу двух мировых войн. Сохраняется она и на генетическом уровне. Сегодня, говоря о прошлом своих семей, селяне и горожане часто обозначают рубеж, делят свою историю на «до» и «после» 1648 г. Такова ниточка поколений, разрезанная кровавым прошлым четырехвековой давности. Пять миллионов загубленных жизней, пепел которых стучит в сердца живых.

Петергофский «Нептун». Есть и единственный памятник войне на территории сегодняшней России. В Верхнем парке Петергофского ансамбля расположен фонтан «Нептун», резко выделяющийся непривычными раннебарочными чертами. Появился он близ столицы Российской империи не случайно, и у него удивительная судьба. Еще осенью 1649 г. по случаю торжеств, связанных с уходом шведских войск, город Нюрнберг посетил будущий король Швеции пфальцграф Карл Густав. В ознаменование давней дружбы достойного города с шведской короной, особенно с покойным королем, он предложил городскому совету воздвигнуть конную статую Густава Адольфа, причем на шведские деньги. Почтенные отцы, польщенные предложением, не хотели, однако, ссориться с императором — жи-



Фонтан «Нептун» в Верхнем парке Петергофа. Нюрнберг, вторая половина XVII в. Единственный памятник Вестфальскому миру на территории России.

тели Нюрнберга считались непосредственными подданными государя. Вместо монумента храброму полководцу представили проект «фонтана мира» со скульптурной композицией Нептуна в бронзе и символикой города. Очевидно, идея уже на тот момент витала в умах, и можно лишь догадываться, была ли она рождена памятью о вестфальских трактатах или же завистью к соседу Аугсбургу, уже гордившемуся великолепным фонтанным ансамблем. Как бы то ни было, Карл Густав согласился на предложение горожан, вновь обещая денежную помощь. Работа по созданию фонтана, однако, изрядно затянулась, авторам задолжали, а потом и вовсе прекратили сооружение за неимением денег и отсутствием должного напора воды: фонтан попросту не мог функционировать. Так в разобранном виде этот шедевр пролежал до конца XVIII в., пока новый русский государь Павел Петрович не распорядился приобрести его у города и тем избавил нюрнбергцев от неприятного долгостроя. Фонтан

с Нептуном разместили напротив нового Большого дворца Растрелли — правда, с немалыми изменениями: высокий цоколь, годившийся для городской площади, не подходил под классический прямоугольник петергофского бассейна. Его пришлось укоротить. Позже немецкие энтузиасты просили Александра III позволить им выкупить памятник, но государь разрешил лишь снять гипсовый слепок для создания копии. Так появился двойник, занявший место на главной рыночной площади Нюрнберга. Казалось бы, истории конец. Но в 1941 г. в Петергоф пришли войска вермахта. Бригада немецких искусствоведов, занимавшаяся осмотром трофейных памятников, рекомендовала вернуть фонтан обратно на историческую родину. Фонтан разобрали и вывезли в Нюрнберг. Но там он вновь упокоился в бункере до 1945 г. Причем нацистам оказалась негодна уже имевшаяся копия: под предлогом устранения помех для партийных шествий младшего брата петергофского «Нептуна» демонтировали еще в конце 1930-х гг. Оригинал вернулся в Петергоф уже после окончания войны, в 1947 г. Нюрнбергский же его брат до сих пор пребывает на задворках исторического центра.⁹

Странствие «Нептуна» уподобилось странствию по лабиринтам нашей памяти. Воистину он стал жертвой ее инструментализации! Хочется надеяться, что все же нынешние места «мемории» 1618 г. навсегда останутся лишь местами прошлого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все дальше в историю уходит октябрь 1648 г. Во имя чего было принесено в жертву почти пять миллионов жизней?

Война началась не по причине извержения южно-американских и индонезийских вулканов, затмивших Солнце и лишивших Европу тепла, и не вследствие летних дождей, заморзков и морских приливов. Виновниками были люди — как, впрочем, всегда, — ответственные за принятие решений. Точнее — логика их поступков, вытекавшая из мировоззрения и ценностных категорий. Парадокс, но войны не хотел никто из сильных мира сего. Начавшееся восстание в Богемии лишь много позже стало точкой отсчета большой трагедии. И даже громадная комета на осеннем небосводе 1618 г. еще долго объявлялась началом земной катастрофы, тесня память о майской «дефенестрации».

Вся последующая борьба виделась современникам схваткой за «справедливость», за восстановление и «сатисфакцию» оскорбленной «чести» — во имя Империи, от имени Империи, короны и имперских сословий. Здесь в недрах громадного организма, в немецких землях, коренился источник драмы. Здесь же она получила развитие и здесь же разрешилась вестфальскими мирными статьями. Тридцатилетняя война была прежде всего имперско-немецкой войной. Вмешательство иноземных держав, особенно сильное после 1635 г., едва ли могло состояться со столь трагичным размахом, не будь давних болезней самого немецкого общества. Временами казалось, что большая часть сословий сплотилась вокруг престола и может выдавить иноземных «агрессоров». Так рухнул датский проект в 1625—1629 гг., а Швеция, руководимая Оксенштирной, готова была уйти из Германии после 1635 г. И даже в 1641 г. политики

в Стокгольме рассматривали возможности одностороннего прекращения войны. Но для внешнего умиротворения недоставало мира внутреннего. На каждой критической фазе решающий толчок следовал изнутри. Загнанные в безвыходную ситуацию, подданные Габсбургов искали союзников вовне. Современные авторы, публицисты Империи, прекрасно осознавали корень продолжавшейся смуты: невозможность соотечественников договориться. Слишком сильной оказалась инерция раскола и односторонних ожиданий. Они, эти надежды, постоянно вращались между двумя полюсами: династией Габсбургов и эшелонами сословий. Все время меняющийся баланс между ними выстраивал и иную периодизацию, на которую лишь условно накладываются известные четыре этапа.

На первом этапе, вплоть до эдикта о реституции и съезда в Регенсбурге, император, меняя рычаги и опираясь то на Лигу, то на армию Валленштейна, сумел сдвинуть сословную пирамиду к податливой для себя конфигурации, причем исключительно за счет протестантской половины. Но реалии еще сильнее обозначили силу курфюршеской олигархии и породили проблем больше, чем смогли разрешить. Съезд в Регенсбурге 1630 г. указал императору на границы возможного и стал точкой перелома. Затем последовал стремительный обвал всего добытого престолом. Новый кризис достиг кульминации в создании Гейльброннского альянса, уже после гибели шведского короля. Замаячили перспективы переустройства Империи под патронажем Швеции и даже распада вековой системы сателлитов Габсбургов. Кризис будет преодолен лишь Пражским соглашением 1635 г., вновь консолидировавшим олигархию и восстановившим до некоторой степени компромисс кануна 1629 г.

Новый компромисс достиг апогея на регенсбургском съезде 1636—1637 гг. Но уже тогда обозначились первые признаки распада. Они становились лишь явственней по мере роста военных неудач, спустя несколько лет свершился настоящий демонтаж Пражской системы. Точкой отсчета новой, и последней, фазы можно полагать созыв первого за долгие годы рейхстага в 1640 г. и выход из войны курфюрстов Бранденбурга и Саксонии. Инициатива перешла к сословиям, поддержанным «союзными коронами», а олигархическая опора престола, по су-

ти, распалась. Так был взят курс на реставрацию довоенных порядков.

Оснабрюкское соглашение реанимировало то, что было утрачено в 1608 и 1613 гг., хотя и с важными поправками. Восстанавливался уклад, порожденный «реформами» конца XV в. и Аугсбургским миром 1555 г. Собственно, риторика и аргументы споривших сословий прекрасно отражали этот аспект: реституционный эдикт и Пражский мир, с точки зрения императора, были лишь вновь фиксированным и «улучшенным» вариантом Аугсбургского соглашения. Но сословия не разделяли этого мнения: они отказывали эдикту о реституции быть аутентичной моделью 1555 г. и с трудом признавали таковой лишь условия 1635 г.

Перед нами — вновь четыре фазы конфликта, но они едва ли накладываются на классическое деление. Внешний фактор, вмешательство извне лишь оттеняют здесь внутреннюю логику развития. Разумеется, интернационализацию войны отрицать невозможно, особенно после 1635 г. Но она не меняла ее природу, не подменяла корни. Причина ее продолжения в 1635 г. была той же, что и в 1621 или 1625 г.: нерешенный узел имперско-немецких проблем. «Возлюбленное отечество немецкой нации» оставалось от начала и до конца источником и знаменем борьбы. Она окончилась тогда, когда высокие сословные чины Империи, созвездие ведущих семейств, сами Габсбурги не уяснили необходимость взаимной «сатисфакции» и восстановления попорченной «чести» всех участников путем коллективного пакта.

Иноземные суверены, союзные короны и Испания играли роль важнейших опорных точек, внешних катализаторов, но они лишь пользовались внутренним расколом. Не заговор иноземцев, не тайная дипломатия Ришелье или «бургундская война» между Габсбургами и Валуа послужили первопричиной и продолжением кровавой смуты. Ответственность за развязку принимали в конце концов те, кто почитал себя «столпами» Империи: курфюрсты и сословия. Тридцатилетняя война на всех этапах оставалась имперско-немецкой.

«Глобализация» войны, столь свойственная реалиям современного дня, едва ли подходит к немецкой трагедии четырехвековой давности. Еще меньше она поддается грубым клише

современной политологии и государственного права. Война не была ни «религиозной», ни «политической», ни «экономической». Ее совершенно невозможно разложить на составляющие причины и тем более, как иногда пишут, на противоположные полюса: замешанное на религиозном фундаменте начало якобы обернулось чисто политическим и прагматичным концом. Религиозный пыл первых лет сменился голым расчетом 1648 г. Можно подумать, за тридцать лет свершился чудесный антропологический кулбит! Утверждение, достойное крупного открытия: в Германии родился homo novus с новым мировоззрением, почти наш современник!

Так может утверждать лишь тот, кто совершенно незнаком с голосами прошлого. Они меж тем звучат со страниц частных писем, официальной корреспонденции, дневниковых записок, церемониальных актов, служебных бумаг — уже изданных и еще нет, коими полны архивные собрания. И пять миллионов загубленных жизней все еще требуют понимания их точки зрения.

Человек сословного мира 1648 г. мало чем отличался от современника пражской «дефестрации». Для знати вера всегда выступала интегралом всех добродетелей, ее бессмысленно отрывать от зримых, материальных образующих статуса. Общей структурой они формировали понятие «чести». Измерялась она владетельным правом столь же, сколь и правом выбора веры. И покоилась на обычаях громоздкой имперской системы. Чтобы прекратить давние споры между протестантской и католической элитой, необходим был компромисс, восстанавливавший бы оскорбленную «честь» всех участников драмы в рамках всей Империи. Дабы «прирожденные немецкие свободы» впредь не подвергались опасности. Одинаковое восприятие, симметрия ценностных систем исключали третий, «внесистемный» путь. Отсюда жесткость, подчас беспощадность противостояния. И здесь невозможны никакие параллели с современностью. Причины тридцатилетней войны принадлежат прошлому и навсегда остались в прошлом.

Столь же спорным видится желание распространить типологическую модель войны на современные конфликты, особенно на Ближнем Востоке. Сегодня они провоцируются не толь-

ко межэтническим, но и цивилизационным противостоянием. В 1648 г. договоры заключались на почве ценностей одной цивилизации.

Прекращение долгого кровопролития стало возможным отнюдь не по причине победы нового мышления в кабинетах Парижа, Стокгольма или Вены. Потери всех участников оказались слишком большими, обрели невиданные и неслыханные масштабы. Сословное общество столкнулось со слишком большими лишениями. Борьба за «честь» и «сатисфакцию» угрожала уничтожить зримые составляющие самой «чести», покончить с «репутацией». Курфюрсты не могли защитить свои земли и подданных, высшая и низшая знать — вернуть утраченные права, император не мог поддержать союзников и сохранить васалов, и все они не располагали достойными финансами. Уродовалась, искажалась повседневность, исчезали возможности к поддержанию «репутации». Желание мира с начала 1640-х гг. не стало выдумкой пропаганды, оно становилось общим и хорошо отражало мотивы. Иноземные державы подталкивали и обязывали, но нити разрешения по-прежнему находились в руках сословий и императора.

Вестфальский мир не породил нового права. В отношении Империи он лишь откорректировал статьи 1555 г., выработал механизмы разрешения споров, но оставил их замкнутыми традициями и ценностями сословного общества. Лишь в очень большой перспективе его можно считать предтечей нового европейского порядка и тем более секулярных идей.

Уроки войны? Искать их историку — дело неблагодарное и сомнительное. История — это непрерывный поток перемен. Потомки черпают из него потребное для себя, кажущееся понятным и полезным. В этом смысле прошлое всегда остается лишь мифом. И все же: пять миллионов жертв наложили колоссальную печать на генетическую память последующих поколений немцев. Больше в Германии внутренних смут, подобных тридцатилетней, не повторится. Будут внешние войны, будут колоссальные утраты 1914 и 1939 гг., но раскола масштабов четырехвековой давности не произойдет. Спустя полтора века после 1648 г. Франция захлебнется потоками крови своей революции, многочисленные ее вариации волной прокатятся по со-

седам. В XX в. большевицкий эксперимент погубит Россию, погрузив ее в пучину беспощадного самоистребления, имевшего лишь условные хронологические контуры. Германия окажется в стороне от потрясений подобного размаха.

Большинству из пяти миллионов не воздвигли помпезных монументов в граните и мраморе, давно исчезли безвестные могилы. Но урок их гибели не прошел даром. Он привил иммунитет, разрушить который оказалось невозможно даже столетия спустя.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ *Barudio G.* Der Teutsche Krieg. 1618—1648. Frankfurt a. M., 1985.

² *Barudio G.* Gustav Adolf — der Große. Eine politische Biographie. Frankfurt a. M., 1982.

³ *Münkler H.* Der Dreißigjährige Krieg. Europäische Katastrophe, Deutsches Trauma 1618—1648. Berlin, 2017; Подробный анализ этой работы см.: *Прокопьев А. Ю.* Тридцатилетняя война под взглядом политолога // *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени.* 2018. Вып. 4 (1). С. 139—168.

Глава 1

¹ *Reppen K.* 1) Über die Geschichtsschreibung des Dreißigjährigen Krieges: Begriff und Konzeption // *Krieg und Politik 1618—1648. Europäische Probleme und Perspektiven / Hrsg. von K. Reppen, E. Müller-Lückner.* Oldenbourg; München, 1988. S. 1—34; 2) Die Entstehung und Verwendung des Terminus „Dreißigjähriger Krieg“ von 1620 bis 1695 // *Ibid.* S. 35—79; 3) Seit wann gibt es den Begriff „Dreißigjähriger Krieg“? // *Weltpolitik, Europagedanke, Regionalismus. Festschrift für Heinz Gollwitzer.* Aschendorf; Münster, 1982. S. 59—70.

² *Reppen K.* Die Entstehung und Verwendung des Terminus... S. 62 ff. Определение «тридцатилетняя война» постоянно комбинировалось со словом «немецкая»: «тридцатилетняя немецкая война».

³ *Hortleder Fr.* Der römischen Keyser- und königlichen Maiesteten <...> Handlungen und Ausschreiben: Von den Ursachen des teutschen Kriegs Kaiser Carl V, wider die Schmalkaldische Bundesoberste. Bd. 1—2. Gotha, 1645; О нем и его творчестве см.: *Ritter M.* Hortleder als Lehrer der Herzöge Johann Ernst und Friedrich von Sachsen-Weimar // *Neues Archiv für sächsische Geschichte.* 1880. Bd. 1. S. 188—208.

⁴ «Эпоха войн», «время великих потрясений», «глобальный кризис раннего Нового времени». Из сравнительно новых работ см.: *Parker G.*

Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century. New Haven; London, 2017. P. 24 f.; *Tallett Fr.* War and Society in Early Modern Europe 1495—1715. New York; London, 1997. P. 13 f.; *Sandberg B.* War and Conflict in the Early Modern World 1500—1700. Cambridge, 2016; *Black J.* Introduction // War in the Early Modern World 1450—1815. New York; London, 2005. P. 1—24.

⁵ *Reppen K.* Über die Geschichtsschreibung... S. 24—26.

Глава 2

¹ Прежде всего у Филиппа Богуслава Хемнитца (1605—1678), внука знаменитого богослова Мартина Хемнитца, одного из отцов Формулы согласия 1577 г. Он часто писал под псевдонимом *Philippo a lapide*. Итоговой и главной его работой следует считать многотомный труд «Война, ведущаяся в Германии королем Швеции», изданный в год заключения Вестфальского мира (*Chemnitz Ph. B. Königlich Schwedischer in Teutschland geführter Krieg*. Bd. 1—4. Stettin, 1648). В этом труде подчеркивалась абсолютная законность вооруженного сопротивления императору со стороны протестантских сословий по причине ущемления Габсбургами «естественных» и «прирожденных» прав подданных и разрушения, таким образом, всего фундамента Священной империи, построенного изначально на добровольном партнерстве короны и сословий. Вмешательство Швеции восстанавливало разрушенный баланс, спасало сословные свободы и наносило удар по тираническим устремлениям Габсбургов. Близкую точку зрения разделял и поздний современник Хемнитца Самюэль Пуффендорф (1632—1694) — лютеранин, с 1677 г. ставший официальным историографом шведской короны. См.: *Puffendorf S.* 1) *Commentariorum De Rebus Suecicis ab Expeditione Gustavi Adolphi in Germaniam ad Abdicationem usque Christinae*. 1686; 2) *De statu imperii germanici ad Laelium fratrem, dominum Trezolani, liber unus*. Genf, 1667. Его труды наложили заметную печать на воззрения «малогерманских» историков XIX в.

² Из работ, увидевших свет под занавес войны, отметим прежде всего пышный компендиум Николауса Хельвига: *Helwig N.* *Caesar victoriosus, sive theatrum historiae universalis catholico-protestantium, das ist, glaubenswürdige historische Beschreibung aller gedenckwürdigen Sachen, vnd Händel, welche sich in Religion, vnd Politischen Wesen... zugetragen...* O. L. 1641. Здесь излагается ход всех религиозных войн с начала Реформации, причем императоры, особенно оба Фердинанда, предстают не только защитниками правого дела, но и победителями по итогам всех противостояний. Книгу можно считать настоящим панегириком Фердинанду III, до 1647 г. вышло еще четыре ее продолжения. Среди прочих авторов отметим Генриха Бройера или Генриха из Пуффендорфа (1640—1713) — ка-

толического богослова и публициста, ректора Назаретского монастыря под Кельном и приходского священника собора Св. Иакова в Ахене. См.: *Breuer H.* Tractatus Historico-Politicus Qui hic ceu in universali Belli Pacisque Theatro proponuntur, Enarrantes Leges S. Rom. Imperii Fundamentales, praecipuorum Europae Dynastiarum Foedera offensiva & defensiva, Tractatus Pacis Generalis & speciales, zusammen mit Johann Adolf Brahel, Christian Adolf Thulden. Bd. 1—3. Köln, 1659, 1674, 1679.

³Таковы были преимущественно биографические очерки Галеаццо Гвальдо Приорато (1606—1678), отпрыска известной итальянской семьи, служившего по очереди протестантским и католическим государям и оставившего, между прочим, один из ранних и в теплых тонах написанный портрет Валленштейна. См.: *Priorato G.* 1) *Historia della vita d'Alberto Valstein duca di Fridlanda.* Lyon, 1643; 2) *Historia delle guerre di Ferdinando Secondo e Ferdinando Terzo Imperatori, e del Rè Filippo Quarto di Spagna.* Contro Gostavo Adolfo Rè di Suetia, e Luigi XIII. Rè di Francia. T. 1—4. Bertani; Venedig, 1640—1651; 3) *Historia di Ferdinando terzo Imperatore.* Cosmeruvius; Wien, 1672.

⁴Общая проблематика исторических воззрений Шиллера в кн.: *Schiller als Historiker / Hrsg. von O. Dann, N. Oellers, E. Osterkamp.* Stuttgart; Weimar, 1995; *Hofmann M.* Schiller: Epoche — Werke — Wirkung. München, 2003. S. 74 f. В контексте Тридцатилетней войны и Валленштейна: *Schmidt G.* Schiller und seine Geschichte des Dreißigjährigen Kriegs // *Schiller im Gespräch der Wissenschaften / Hrsg. von K. Manger, G. Willems.* Heidelberg, 2005. S. 79—105; *Davies S.* The Wallenstein Figure in German Literature and Historiography 1790—1920. London, 2009. P. 27—57; *Mannigel H.* 1) Entstehung und Wandel des Wallensteinbilds Schillers in der „Geschichte des Dreißigjährigen Kriegs“ // *Wallensteinbild im Wiederstreit / Hrsg. von J. Bahlcke, Ch. Kampmann.* Stuttgart, 2011. S. 107—132; 2) *Wallenstein in Weimar, Wien, Berlin.* Das Urteil über Albrecht von Wallenstein in der deutschen Historiographie von Friedrich von Schiller bis Leopold von Ranke. Husum, 2003.

⁵Из общих работ: *Brechenmacher Th.* Die Großdeutsche Geschichtsschreibung im neunzehnten Jahrhundert. Die erste Generation. Berlin, 1996; *Cramer K.* The Thirty Years' War and German Memory in the Nineteenth Century. Lincoln; London, 2007; труды указанных авторов: *Hurter Fr.* Geschichte Ferdinands II. und seiner Eltern. Bd. 1—11. Schaffhausen, 1850—1864; *Klopp O.* Tilly im Dreißigjährigen Krieg. Bd. 1—2. Stuttgart, 1861; позиция великогерманских историков в отношении их протестантских прусских коллег ярко отражал памфлет О. Клоппа 1863 г.: *Klopp O.* Klein-deutsche Geschichtsbaumeister. Freiburg im Breisgau, 1863.

⁶Новейшие изыскания: *Nippel W.* Johann Gustav Droysen. Ein Leben zwischen Wissenschaft und Politik. München, 2008; *Southard R.* Droysen and the Prussian School of History. Lexington, 1995.

⁷ *Ritter M.* Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation und des Dreißigjährigen Krieg. Bd. 1—3. Stuttgart, 1889—1908.

⁸ *Franz G.* Der Dreißigjährige Krieg und das deutsche Volk. Untersuchungen zur Bevölkerungs- und Agrargeschichte. Jena, 1940; автор, убежденный сторонник идей национал-социализма, стал тем не менее крупным историком, без которого трудно представить сегодня немецкую аграрную историографию. См.: *Müller L.* Diktatur und Revolution. Reformation und Bauernkrieg in der Geschichtsschreibung des „Dritten Reiches“ und der DDR. Stuttgart, 2004. S. 288—320; *Behringer W.* Von Krieg zu Krieg. Neue Perspektiven auf das Buch von Günther Franz „Der Dreißigjährige Krieg und das deutsche Volk“ (1940) // *Zwischen Alltag und Katastrophe. Der Dreißigjährige Krieg aus der Nähe* / Hrsg. von B. Krusenstierna, H. Medick. Göttingen, 1999. S. 543—591.

⁹ «Скандинавский» вклад обстоятельно представлен в книге русского историка И. С. Кана: *Кан И. С.* Историк Г. В. Форстен и наука его времени. М., 1979. Разумеется, некоторым особняком стоит известная книга С. В. Веджвуд. Она прекрасно отражает страхи и политические аллюзии кануна Второй мировой войны и уже может рассматриваться своего рода предтечей будущего переворота во взглядах на 1618 г.: *Wedgwood. C. V.* The Thirty Years War. London, 1938. С огромным опозданием вышел наконец и русский перевод: *Веджвуд С. В.* Тридцатилетняя война / Пер. с англ. И. В. Лобанова. М., 2012.

¹⁰ *Dickmann F.* Der Westfälische Friede. Münster, 1959.

¹¹ *Steinberg S. H.* 1) The Thirty Years War: A New Interpretation // *History*. 1947. N 32. P. 89—102; 2) The Thirty Years War and the Conflict for European Hegemony 1600—1660. New York, 1966 (нем. пер.: *Der Dreißigjährige Krieg und der Kampf um die Vorherrschaft in Europa 1600—1660*. Göttingen, 1967).

¹² См. вышеуказанные работы К. Репгена.

¹³ *Kuczynski J.* Geschichte des Alltags des deutschen Volkes. Bd. 1: 1600—1650. Berlin, 1980.

¹⁴ *Поршнев Б. Ф.* 1) Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1970; 2) Тридцатилетняя война 1618—1648 // Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973. Современная оценка: *Ивоин Ю. Е.* Размышления о том, что такое Тридцатилетняя война // Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война (1618—1648) в событиях и коллективной памяти Европы / Под ред. Ю. Е. Ивоина, Л. И. Ивоиной. М., 2015. С. 7. Точка зрения чехословацких марксистских историков: *Polisensky J.* Krieg und Gesellschaft in Europa 1618—1648. Prag, 1971.

¹⁵ *Вайнштейн О. Л.* Тридцатилетняя война. Л., 1947; особенно Б. Ф. Поршнев в цикле работ, содержащих «диахронистический» анализ; в частности, в изданной уже посмертно: *Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление...

¹⁶ *Ивонин Ю. Е.* 1) Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время 1495—1806. Т. 1—2. М., 2009; 2) Размышления о том, что такое Тридцатилетняя война. С. 6—10; 3) Тридцатилетняя война или переплетение конфликтов? // *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени.* 2018. Вып. 2 (4). С. 142—157; *Лазарева А. В.* 1) Религиозный раскол и «германский патриотизм». К вопросу о роли конфессионального противостояния в немецких княжествах в годы Тридцатилетней войны // *Исторический журнал: научные исследования.* 2014. № 4 (22). С. 441—448; 2) «Безумный меч войны»: немецкая интеллектуальная элита в формировании представлений о Тридцатилетней войне в немецком обществе // *Кризис и трагедия континента.* С. 465—512.

¹⁷ Кризис и трагедия континента.

¹⁸ Отметим лишь итоговый его труд: *Press V. Kriege und Krise. Deutschland 1600—1715.* München, 1991; подробнее см.: *Прокопьев А. Ю.* Тридцатилетняя война в современной немецкой историографии // *Университетский историк.* 2002. № 2. С. 126—147.

¹⁹ Свою позицию Г. Шмидт последовательно защищал во множестве своих публикаций, из которых отметим три: *Schmidt G.* 1) *Der Dreißigjährige Krieg.* München, 1997; 2) *Geschichte des Alten Reichs. Staat und Nation 1495—1806.* München, 1999; 3) *Reiter der Apokalypse. Geschichte des Dreißigjährigen Krieges.* München, 2018.

²⁰ Самыми яркими представителями этого направления стали, безусловно, В. Райнхард и Х. Шиллинг. Здесь укажем лишь главную работу, освещающую нашу тему: *Schilling H. Aufbruch und Krise. Deutschland 1517—1648.* Berlin, 1998. Интернациональный аспект конфессионализации оказался гораздо более аттрактивным; см.: *Schilling H.* 1) *Weltgeschichte eines Jahres.* München, 2017; 2) *Early Modern European Civilization and its Political and Cultural Dynamism.* Hannover; London, 2008; 3) *Konfessionalisierung und Staatsinteressen. Internationale Beziehungen 1559—1660.* Paderborn, 2007; 4) *Gab es in Europa um 1600 einen Konfessionsfundamentalismus? Die Geburt des internationalen Systems in der Krise des konfessionellen Zeitalters // Jahrbuch des historischen Kollegs.* 2005. S. 69—93.

²¹ Общее представление: *Parker G. Global Crisis.* P. 3—67; *Fagan B. The Little Ice Age: How Climate Made History, 1300—1850.* New York, 2001; *Behringer W. Kulturgeschichte des Klimas. Von der Eiszeit bis zur globalen Erwärmung.* München, 2010. Ср.: *Ивонин Ю. Е.* Глобальный кризис и начало Тридцатилетней войны // *Кризис и трагедия континента.* С. 44—61, здесь: с. 46—48; общий обзор немецкой историографии конца XX в.: *Прокопьев А. Ю.* Тридцатилетняя война в современной немецкой историографии. С. 126—147.

²² *Mann G.* Wallenstein. Sein Leben erzählt von Golo Mann. Frankfurt a. M., 1971.

²³ В силу большого объема литературы ограничимся здесь лишь самыми общими отсылками: *Dülmen R. van.* Historische Anthropologie. Entwicklung — Probleme — Aufgaben. Köln; Weimar; Wien, 2000; *Kocka J.* Historisch-anthropologische Fragestellung — ein Defizit der historischen Sozialwissenschaft? // *Historische Anthropologie. Der Mensch in der Geschichte* / Hrsg. von H. Süssmuth. Göttingen, 1984. S. 73—83; опыт изучения Тридцатилетней войны под историко-антропологическим углом: *Roek B.* Diskurse über den Dreißigjährigen Krieg. Zum Stand der Forschung und zu einigen offenen Problemen // *Krieg und Frieden im Übergang vom Mittelalter zum Modern* / Hrsg. von H. Duchhardt. Mainz, 2000. S. 181—190; *Peters J.* Nachwort zur Neuauflage // *Peter Hagendorf: Tagebuch eines Söldners aus dem Dreißigjährigen Krieg* / Hrsg. von J. Peters. Göttingen, 2012. S. 185—210; в контексте «война — человек — общество»: *Klio in Uniform? Probleme und Perspektive der modernen Militärgeschichte der frühen Neuzeit* / Hrsg. von R. Pröve. Weimar; Köln; Wien, 1997; *Kroener B. R.* Kriegerische Gewalt und militärische Präsenz. Ausgewählte Schriften / Hrsg. von R. Pröve, B. Thoß. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2008; *Gewalt in der frühen Neuzeit* / Hrsg. von C. Ulbrich, C. Jarzebowski, M. Hochkamp. Berlin, 2005; *Kroener B.* Kriegswesen, Herrschaft und Gesellschaft 1300—1800. München, 2013. S. 32—35, 95—130.

²⁴ *Peter Hagendorf: Tagebuch eines Söldners aus dem Dreißigjährigen Krieg.*

²⁵ Речь идет о «Среднемецких авторских свидетельствах времен Тридцатилетней войны». Электронный ресурс: <http://www.mdsz.thulb.uni-jena.de/sz/index.php> (10.03.2019).

Глава 3

¹ Тезис о «беллицизме» раннего Нового времени, уже ранее обозначенный, ныне предстает на страницах множества работ. С точки зрения развития «протосовременного» государства наиболее развернутым представляется взгляд Йоханнеса Буркхардта: *Burkhardt J.* 1) *Der Dreißigjährige Krieg.* Frankfurt a. M., 1992; 2) *Der Krieg der Kriege. Eine neue Geschichte.* Klett/Cotta; Stuttgart, 2017. Там же содержится обзор всех указанных ниже конфликтных зон. Ср.: *Kampmann Chr.* *Europa und das Reich im Dreißigjährigen Krieg. Geschichte des europäischen Konflikts.* Stuttgart, 2008. S. 7—16.

² Общие очерки: *Greengrass M.* *France in the Age of Henri IV: The Struggle for Stability.* London; New York, 1995; *Heyden J. M.* *Continuity in the France of Henri IV and Louis XIII. French Foreign Policy 1598—1615* //

The Journal of Modern History. 1973. N. 45. P. 1—23; *Elliot J. H.* Foreign Policy and Domestic Crisis: Spain 1598—1659 // *Krieg und Politik*. S. 185—202; *Straub E.* Pax et Imperium. Spaniens Kampf um seine Friedensordnung in Europa zwischen 1617 und 1635. Paderborn; München; Zürich, 1980.

³ *Израэль Д. И.* Голландская республика. Ее подъем, величие и падение 1477—1806. Т. 1: 1477—1650. М., 2018. С. 172—277.

⁴ Из классических русскоязычных исследований сошлемся на известный труд Г. В. Форстена: *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI—XVII вв. Т. 1. СПб., 1893. Из новых работ: *Филюшкин А. И.* 1) Первое противостояние России и Европы. Ливонская война Ивана Грозного. М., 2018; 2) Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. СПб., 2013; *Вебер Д. И., Филюшкин А. И.* От ордена осталось только имя... Судьба и смерть немецких рыцарей в Прибалтике. СПб., 2018; *Findeisen J. P.* Das Ringen um die Ostseeherrschaft. Schwedens Könige der Großmachtzeit. Berlin, 1992; *Buchholz W.* Schweden mit Finnland // Dänemark, Norwegen und Schweden im Zeitalter der Reformation und der Konfessionalisierung. Nordische Königreiche und Konfession 1500—1650. Münster, 2002.

⁵ См.: *Niederkorn J. P.* Die europäischen Mächte und der „Lange Türkenkrieg“ Kaiser Rudolfs II (1593—1606). Wien, 1993; *Heppner H.* Der lange Türkenkrieg (1593—1606) — ein Wendepunkt im habsburgisch-osmanischen Gegensatz // *Osmanlı Araştırmaları*. 1981. Bd. 2. S. 133—146.

⁶ основополагающие исследования: *Bosbach Fr.* 1) *Monarchia universalis*. Ein politischer Leitbegriff der frühen Neuzeit. Göttingen, 1988; 2) *Angst und Universalmonarchie // Angst und Politik in der europäischen Geschichte / Hrsg. von Fr. Bosbach*. Dettelbach, 2000. S. 151—166.

⁷ *Hirschi C.* Wettkampf der Nationen. Konstruktion einer deutschen Ehrgemeinschaft an der Wende vom Mittelalter zur Neuzeit. Göttingen, 2005. S. 205 f.; *Schmidt A.* Vaterlandsliebe und Religionskonflikt. Politische Diskurse im Alten Reich (1555—1648). Leiden; Boston, 2007. S. 174 f.; „Patria“ und „Patrioten“ vor dem Patriotismus. Pflichten, Rechten, Glaube und die Rekonfigurierung des europäischen Gemeinwesens im 17. Jahrhundert / Hrsg. von R. von Friedeburg. Wiesbaden, 2005. S. 1—55; *Greengrass M.* Passions and the Patria: Michel de L'Hospital and the Reformation of the French Polity in the Wars of Religion // „Patria“ und „Patrioten“. P. 287—308; *Gil X.* One King, One Faith and Many Nations. Patria and Nation in Spain in 16th and 17th Centuries // *Ibid.* P. 105—138.

⁸ Постановка проблемы: *Schindling A.* Das Strafgericht Gottes. Kriegserfahrungen und Religion im heiligen tāmischen Reich deutscher Nation im Zeitalter des Dreißigjährigen Krieg // *Das Strafgericht Gottes. Kriegserfahrungen und Religion im heiligen tāmischen Reich deutscher Nation im Zeitalter des Dreißigjährigen Krieg / Hrsg. von A. Schindling, M. Asche*. Münster, 2001. S. 11—51.

⁹ См.: *Tischler A.* Offizielle Kriegsbegründungen in der frühen Neuzeit. Herrschaftskommunikation in Europa zwischen Souveranität und korporativen Selbstverständnis. Berlin, 2012. S. 132 f.

¹⁰ Основополагающими работами все еще остаются труды М. Робертса и Д. Паркера: *Roberts M.* The Military Revolution, 1560—1660 // The Military Revolution Debate. Readings on the Military Transformation of the Early Modern Europe / Ed. by G. J. Rogerts. Avalon, 1995. P. 13—36; *Parker G.* 1) Military Revolution, 1560—1660 — A Myth? // The Journal of Modern History. 1976. Vol. 48. N 2; 2) The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500—1800. Cambridge, 1996; 3) The Army of Flanders and the Spanish Road, 1567—1659. The Logistics of Spanish Victory and Defeat in the Low Countries' Wars. Cambridge, 2004; 4) The Dutch Revolt. London, 1977; 5) Spain and the Netherlands, 1559—1659. Ten Studies. Fontana, 1990.

¹¹ См.: *Oestreich G.* 1) Der römische Stoizismus und die oranische Heeresreform // Oestreich G. Geist und Gestalt des frühmodernen Staates. Berlin, 1969. S. 11—34; 2) Graf Johanns VII. Verteidigungsbuch für Nassau-Dillenburg // Ibid. S. 311—355.

Глава 4

¹ Обзор старой и новой литературы, равно как и обзор концепций, см.: *Neuhaus H.* Das Reich in der frühen Neuzeit. München, 2003.

² Проблему подробно освещает в своих работах Г. Шмидт: *Schmidt G.* 1) Die Idee „deutsche Freiheit“. Eine Leitvorstellung der politischen Kultur des Alten Reiches // Kollektive Freiheitsvorstellungen in frühneuzeitlichen Europa (1400—1850) / Hrsg. von G. Schmidt, M. van Gelderen, Chr. Snigula. Frankfurt a. M., 2006. S. 159—189; 2) Luther und Freiheit seiner „lieben Deutschen“ // Der Reformator Martin Luther 2017. Eine wissenschaftliche und gedenkpolitische Bestandesaufnahme / Hrsg. H. Schilling. Berlin, 2014. S. 173—194.

³ Из новых работ по Аугсбургскому миру: *Gotthardt A.* Der Augsburger Religionsfrieden. Münster, 2004; Der Augsburger Religionsfrieden 1555. Wissenschaftliches Symposium aus Anlass des 450. Jahrestages des Friedensschlusses, Augsburg 21. bis 25. September 2005 / Hrsg. von H. Schilling, H. Smolinsky. Münster, 2007.

⁴ Общие работы: *Schilling H.* Die Konfessionalisierung im Reich. Religiöser und gesellschaftlicher Wandel in Deutschland zwischen 1555 und 1620 // Historische Zeitschrift. 1988. Bd. 246. S. 1—45; Die lutherische Konfessionalisierung. Wissenschaftliches Symposium des Vereins für Reformationsgeschichte 1988 / Hrsg. von H.-Chr. Rublack. Gütersloh, 1992; Die katholische Konfessionalisierung. Wissenschaftliches Symposium der Gesellschaft zur

Herausgabe des Corpus Catholicorum und des Vereins für Reformationsgeschichte / Hrsg. von W. Reinhard, H. Schilling. Münster, 1995.

⁵ *Прокопьев А. Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола 1555—1648. СПб., 2008.

⁶ Из старых работ см.: *Lossen M. von.* Reichsstadt Donauwört und Herzog Maximilian. Ein Beitrag zur Vorgeschichte des Dreißigjährigen Krieges. München, 1866; *Egloffstein H.* Der Reichstag zu Regensburg 1608. Ein Beitrag zur Vorgeschichte des Dreißigjährigen Krieges. München, 1889. Ср.: *Heckel M.* Die Krise der Religionsverfassung des Reiches und die Anfang des Dreißigjährigen Krieges // Krieg und Politik. S. 107—131; *Schmidt G.* Die Ritter des Apokalypse. S. 113—115.

⁷ Из относительно новых биографий Тилли см.: *Rill B.* Tilly. Feldherr für Kaiser und Reich. München, 1984; *Kaiser M.* Politik und Kriegführung. Maximilian von Bayern, Tilly und die Katholische Liga im Dreißigjährigen Krieg. Münster, 1999.

⁸ Ein Bruderzwist im Hause Habsburg (1608—1611) / Hrsg. von V. Bužek. České Budějovice, 2010; *Evans R. J.* Rudolf II. Ohnmacht und Einsamkeit. Graz, 1980; *Vocelka K.* Rudolf II. und seine Zeit. Wien; Köln; Graz, 1985; *Press V.* Rudolf II // Die Kaiser der Neuzeit. 1519—1918. Heiliges römisches Reich, Österreich, Deutschland / Hrsg. von A. Schindling, W. Ziegler. München, 1990. S. 99—112.

⁹ *Burkhardt J.* Der Dreißigjährige Krieg. О значении юбилея 1617 г. см.: *Schönstadt H. J.* Antichrist, Welttheilgeschehen und Gotteswerkzeug. Römische Kirche, Reformation und Luther im Spiegel des Reformationsjubiläums 1617. Wiesbaden, 1978; *Pohlig M.* Zwischen Gelehrsamkeit und konfessioneller Identitätsstiftung. Lutherische Kirchen- und Universalgeschichtsschreibung 1546—1617. Tübingen, 2007. S. 119 f.

¹⁰ *Gotthardt A.* Johann Georg I // Die Herrscher Sachsens: Markgrafen, Kurfürsten, Könige 1089—1918 / Hrsg. von F.-L. Kroll. München, 2007. S. 137—147; *Прокопьев А. Ю.* Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1585—1656). Власть и элита в конфессиональной Германии. СПб., 2011.

¹¹ *Gotthardt A.* Zwischen Luthertum und Calvinismus 1598—1640 // Preußens Herrscher. Von den ersten Hohenzollern bis Wilhelm II / Hrsg. von F.-L. Kroll. München, 2006. S. 87 f.

¹² *Angermeier H.* Politik, Religion und Reich bei Kardinal Melchior Khlesl // Zeitschrift für Rechtsgeschichte. 1993. Bd. 110. S. 249—330; *Gordon R. J.* Melchior Klesl und der konfessionelle Hintergrund der kaiserlichen Politik nach 1610 // Dimensionen der europäischen Außenpolitik zur Zeit der Wende vom 16. Bis 17. Jahrhundert / Hrsg. von F. Beiderbeck, F. Horstkemper, W. Schulze. Berlin, 2003. S. 199—222.

¹³ *Gotthardt A.* Der deutsche Konfessionskrieg seit 1619: Ein Resultat gestörter politischer Kommunikation // Historisches Jahrbuch. 2002. Bd. 122. S. 141—172.

¹⁴ Например: *Kaiser M. Angstgetrieben Politik. Maximilian von Bayern und Katholische Liga // 1618. Der Beginn des Dreißigjährigen Krieges / Hrsg. von R. Rebitsch. Wien; Köln; Weimar, 2017. S. 101; Gotthard A. Norm und Kalkül. Über Württemberg, Baden und die Union von Ahausen // Union und Liga 1608/09. Konfessionelle Bündnisse im Reich — Weichenstellung zum Religionskrieg? / Hrsg. von A. Ernst, A. Schindling. Stuttgart, 2010. S. 29—30; Schmidt G. Die Reiter der Apokalypse. S. 106—107, 130—151.*

¹⁵ Кампманн К. Фердинанд II и роль императора в Тридцатилетней войне // Кризис и трагедия континента. С. 331.

Глава 5

¹ *Kilian J. Religiös-politische Unruhen in Böhmen und der (dritte) Prager Fenstersturz // 1618. Der Beginn des Dreißigjährigen Krieges. S. 147—168.*

² Немецкий перевод фрагментов воспоминаний Славаты см.: Graf Wilhelm Slawata 1572—1652 // Wolf A. Geschichtliche Bilder aus Österreich. Bd. 1. Wien, 1878. S. 324—327.

³ *Bähr A. Der grausame Komet. Himmelzeichen und Weltgeschehen im Dreißigjährigen Krieg. Reinbeck bei Hamburg, 2017. S. 13 f.*

⁴ См.: *Bahlke J.* 1) Regionalismus und Staatsintegration im Widerstreit. Die Länder der böhmischen Krone im ersten Jahrhundert der Habsburgerherrschaft (1526—1619). München, 1994; 2) „Corona, corpus, constitutio, confoederatio“. Verfassungsideen und Politikmodelle im spätmittelalterlich-frühneuzeitlichen Böhmen // Gegenkräfte. Studien zur politischen Kultur und Gesellschaftsstruktur Ostmitteleuropas in der Frühen Neuzeit / Hrsg. von J. Bahlke. Marburg, 2015. S. 33—55; 3) Religionsfreiheit und Reichsbewußtsein. Deutungen des Augsburger Religionsfriedens im böhmisch-schlesischen Raum // Gegenkräfte. S. 190—214; 4) *Theatrum bohemicum. Reformpläne, Verfassungsideen und Bedrohungsperzeptionen am Vorabend des Dreißigjährigen Krieges // Friedriche Intentionen — kriegerische Effekt. War der Dreißigjährige Krieg unvermeidlich? / Hrsg. von W. Schultze. Scripta mercaturae Verlag, St. Katharinen, 2002. S. 1—20.*

⁵ Новый взгляд: *Rebitsch R. Der militärische Beginn des Dreißigjährigen Krieges // 1618. Der Beginn des Dreißigjährigen Krieges. S. 168—199; О Мансфельде см. новейшую биографию В. Крюссманна: Krüssmann W. Ernst von Mansfeld (1580—1626). Grafensohn, Söldnerführer, Kriegsunternehmer gegen Habsburg im Dreißigjährigen Krieg. Berlin, 2010.*

⁶ Подробнее см.: *Müller F. Kursachsen und der Aufstand im Böhmen 1618—1620. Münster, 1997.*

⁷ *Schmidt G. Die Reiter der Apokalypse. S. 181.*

⁸ *Höbel L.* „Schlimmer noch als die Böhmer“. Der Putz 20. Juli 1618 als letzter Akt des Bruderzwists // 1618. Der Beginn des Dreissigjährigen Krieges. S. 129—148.

⁹ С появлением Турна под Веной обычно связывают и известное выступление горожан 5 июня, явившихся в Хофбург с прошением императору избавить город от мучений осады и вступить в переговоры с протестантами. Дампьер успел заблаговременно перебросить в резиденцию несколько эскадронов, обеспечив надежную охрану своему государю. Обстоятельства этой так называемой «боевой петиции» (*Sturmpetition*) позже обросли всевозможными легендами. Фердинанд будто еще утром того дня в горячей молитве получил от распятия знак утешения и перед лицом возбужденных депутатов-протестантов, грозно обступивших его со всех сторон и требовавших немедленной сдачи города, выказал негибаемую стойкость. В самую тяжелую минуту пребыла конница Дампьера — как исполнение обещанного свыше. С 1888 г. до конца монархии командир 8-го драгунского полка («полк Монтекуколи») имел почетное право присутствовать на высочайших аудиенциях при оружии.

¹⁰ *Krebs J.* Die Schlacht am Weißen Berge (8 November 1620) im Zusammenhang der kriegerischen Ereignisse. Breslau, 1879.

¹¹ Der Dreißigjährige Krieg in Augenzeugenberichten / Hrsg. von H. Jesen. Stuttgart, 2012. S. 107—108.

¹² *Ibid.* S. 109.

¹³ *Roth M.* Die Abdankung Markgraf Georg Friedrichs von Baden-Durlach. Ein Fürst im Unruhestand // Thronverzicht. Die Abdankung in Monarchien vom Mittelalter bis in die Neuzeit / Hrsg. S. Richter, D. Dirbach. Köln; Weimar; Wien, 2010. S. 191—212.

¹⁴ О Христиане см.: *Wertheim H.* Der tolle Halberstädter. Bd. 1—2. Berlin, 1929; *Xylander H. von.* Herzog Christian der Jüngere von Braunschweig und Lüneburg (1599—1626). Das Leben eines protestantischen Führers aus dem Beginn des Dreißigjährigen Krieges. Vollständige Ausgabe / Hrsg. T. Thalmaier. Willebadessen, 2014; *Issmer V.* Der tolle Christian. Münster, 2006.

¹⁵ Здесь и далее реконструкция кампании дана по: *Gmelin M.* Beiträge zur Geschichte der Schlacht bei Wimpfen. Karlsruhe, 1880; *Pfister A. von.* Herzog Magnus von Württemberg. Ein Lebensbild aus dem Anfang des 17. Jahrhunderts. Stuttgart, 1891; *Reitzenstein K. F. von.* Der Feldzug des Jahres 1622 am Oberrhein und in Westfalen bis zur Schlacht bei Wimpfen. Hefte 1—2. München, 1891—1893.

¹⁶ Обстоятельства его гибели см.: *Gmelin M.* Beiträge... S. 135—139; *Pfister A. von.* Herzog Magnus... S. 171—175. Важнейшим источником остается протокол допроса личных слуг герцога, бывших с ним на поле боя, датированный 18 мая и учиненный по распоряжению герцога Иоганна Фридриха: Главный государственный архив Штутгарта. (Hauptstaats-

archiv Stuttgart, далее: HStAS. G 82. Bü 2. Den in der Schlacht bei Wimpfen erfolgten Tod und das Begräbniss des Prinzen Magnus betr. Без пагинации.)

¹⁷ Pfister A. von. Herzog Magnus. S. 179 f.

¹⁸ Xylander H. von. Herzog Christian der Jüngere... S. 110—115.

¹⁹ Wacker H. Das Heidelberger Schloss als befestigte Residenz. MS. Diss. Heidelberg, 2010 (экземпляр Исторического семинара университета Гейдельберга). S. 185—188.

²⁰ Подробнее см.: Messinger S. Die Übertragung der kurpfälzischer Kurwürde auf das Herzogtum Bayern. Rechtliche, zeremonielle und politische Probleme. München, 2014. S. 75 f.

²¹ HSAS, G 82 Bü 2. Документы без пагинации. Письмо консистории герцогу Иоганну Фридриху от 1 (10) мая 1622 г.

²² Там же. Письмо «присутствующих прелатов и сословий» герцогства Вюртемберг Иоганну Фридриху от 3 (13) мая 1622 г.

²³ Там же. Письмо маркграфа Иоахима Эрнста герцогу Иоганну Фридриху от 11 мая 1622 г.

²⁴ Там же. Письмо маркграфа Христиана Бранденбург-Кульмбахского герцогу Иоганну Фридриху.

²⁵ О портрете Христиана и обстоятельствах его вмешательства в войну см.: Douglas P. Lockhart: Denmark in the Thirty Years' War 1618—1648. King Christian IV and the Decline of the Oldenburg State. London, 1996; Reumann K. Kirchenregiment und Großmachtpolitik. Das Eingreifen Christian IV. als Herzog von Holstein und König von Dänemark in den Dreißigjährigen Krieg // Der Westfälische Frieden 1648 und der deutsche Protestantismus / Hrsg. von B. Hey. Bielefeld, 1998. S. 41—63; Christiansen Th. Die Stellung Königs Christian IV. von Dänemark zu den Kriegsereignissen im deutschen Reich und zu den Plänen einer evangelischen Allianz 1618—1625. [Phil. Diss.]. Kiel, 1937.

²⁶ Kampmann Chr. Europa und das Reich... S. 54—56.

²⁷ Opel J. O. Der niedersächsisch-dänische Krieg. Bd. 1—4. Halle; Magdeburg, 1872—1894.

²⁸ Kampmann Chr. Europa und das Reich... S. 55.

²⁹ Подробнее см.: Davies S. The Wallenstein Figure in the German Literature and Historiography 1790—1920. London, 2010; Wallensteinbilder im Wiederstreit. Eine historische Symbolfigur in Geschichtsschreibung und Literatur vom 17. bis zum 20. Jahrhundert / Hrsg. von J. Bahlke, Chr. Kampmann. Köln, 2011.

³⁰ Diwald H. Wallenstein. Eine Biographie. München; Esslingen, 1969; Mann G. Wallenstein. Sein Leben erzählt von Golo Mann. Frankfurt a. M., 1972.

³¹ Opel J. O. Der niedersächsisch-dänische Krieg. Bd. 2. Magdeburg, 1878. S. 450—463; Krüssmann W. Ernst von Mansfeld (1580—1626). S. 588—595.

³² Общая картина сражения и его итогов выглядит весьма противоречивой, чему виной во многом обильная публицистика обоих враждебных лагерей, выдвигавшая успехи и доблесть своих войск и содержавшая много неточностей: *Lichtenstein G.* Die Schlacht bei Lutter am Barenberge. Ein Beitrag zur vaterländischen Geschichte. Braunschweig, 1850; *Opel J. O.* Der niedersächsisch-dänische Krieg. Bd. 2. S. 558—569; *Voges H.* Die Schlacht bei Lutter am Barenberge am 27. August 1626. Leipzig, 1922; *Rill B.* Tilly. S. 181—185; *Wagner A. W.* The Battle of Lutter am Bahrenberg // *Military and Naval History Journal.* 1999. Vol. 10. P. 15—35.

³³ Текст сообщения отца Валериано см.: *Quellen zur Geschichte Wallensteins* / Hrsg. von G. Lorenz. Darmstadt, 1987. N 19. S. 114—117. Ср.: *Ritter M.* Untersuchungen zur Geschichte Wallenstein's, 1625—1629 // *Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.* 1890. Bd. 4. S. 36 f.; *Mann G.* Wallenstein. S. 369 f.; *Diewald H.* Wallenstein. S. 362 f.

³⁴ Основные исследования по вмешательству Габсбургов в схватку за Балтику: *Mares Fr.* Die maritime Politik der Habsburger in den Jahren 1625—1628 // *Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichte.* 1881. Bd. 2. S. 49—82; *Gindely A.* Die maritimen Pläne der Habsburger und die Antheilnahme Kaisers Ferdinand II. am polnisch-schwedischen Kriege während der Jahre 1627—1629: ein Beitrag zur Geschichte des Dreißigjährigen Krieges. Wien, 1891; *Messow C.-Chr.* Die Hansestädte und die Habsburgische Ostseepolitik im Dreißigjährige Kriege (1627/28). Berlin, 1935.

³⁵ Текст опубликован в: *Quellen.* N 44. S. 158—159.

³⁶ *Schmidt G.* Integration und Konfessionalisierung // *Zeitschrift für historische Forschung.* 1994. Bd. 21. S. 1—36.

³⁷ См.: *Bireley R.* 1) Maximilian von Bayern, Adam Contzen S. J. und die Gegenreformation in Deutschland, 1624—1635. Göttingen, 1975; 2) *Politics and Religion in the Age of the Counterreformation: Emperor Ferdinand II, William Lamormaini, SJ, and the Formation of Imperial Policy.* University of North Carolina Press, 1981.

³⁸ *Sturmberger H.* Kaiser Ferdinand II und das Problem des Absolutismus. München, 1957; *Haan H.* Kaiser Ferdinand II und das Problem des Reichsabsolutismus. Der Prager Heeresreform von 1635 // *Historische Zeitschrift.* 1968. Bd. 207. S. 297—345. Современные исследования заметно релятивизируют проблему: *Bireley R.* Ferdinand II, Counter-Reformation Emperor, 1578—1637. Cambridge, 2014; *Brockmann Th.* Dynastie, Kaiseramt und Konfession. Politik und Ordnungsvorstellungen Ferdinands II. im Dreißigjährigen Krieg. Paderborn, 2011.

³⁹ Современная оценка эдикта: *Michael F.* Das Restitutionsedikt Kaiser Ferdinands II. vom 6. März 1629. Eine rechtsgeschichtliche Untersuchung. Tübingen, 1993; *Urban H.* Das Restitutionsedikt. Versuch einer Interpretation. München, 1968.

⁴⁰ О размерах ответственности Фердинанда и его окружения за кризис 1629—1630 гг. см.: *Brockmann Th.* *Dynastie, Kaiseramt und Konfession.* Paderborn et al., 2008. Kap. V, 6.

Глава 6

¹ Общий обзор Регенбургского съезда: *Albrecht D.* *Der Regensburger Kurfürstentag und die Entlassung Wallensteins // Regensburg — Stadt der Reichstage / Hrsg. von D. Albrecht.* Regensburg, 1980. S. 51—71. О проблеме Валленштейна на этом съезде см.: *Mann G.* *Wallenstein.* S. 589—610; о позиции Баварии и католических курфюрстов см.: *Krauß A.* *Maximilian I, Bayerns Großer Kurfürst.* Köln; Wien; 1990. S. 175—178; *Albrecht D.* *Die auswärtige Politik Maximilians von Bayern 1618—1635.* Göttingen, 1962. S. 263—302.

² *Mann G.* *Wallenstein.* S. 577—584.

³ *Quazza R.* *La guerra per la succession di Mantova e del Monferrato (1628—1631) (Da documenti inediti).* Vol. 1—2. Mantova, 1926.

⁴ Новые исследования подобного направления: *Findeisen J.-P.* *Gustav Adolf von Schweden: der Eroberer aus dem Norden.* Gernsbach, 2005; *Junkelmann M.* *Gustav Adolf (1594—1632): Schwedens Aufstieg zur Großmacht.* Regensburg, 1993; *Gustav Adolf, König von Schweden. Kraft der Erinnerung 1632—2007 / Hrsg. von M. Reichel, I. Schuberth.* Dössel, 2007.

⁵ Об организации, структуре и воздействии пропаганды см.: *Bötther D.* 1) *Die schwedische Propaganda im protestantischen Deutschland 1628—1636.* Diss. Wien, 1951; 2) *Propaganda und öffentliche Meinung im protestantischen Deutschland 1628—1636 // Der Dreißigjährige Krieg. Perspektiven und Strukturen / Hrsg. von H.-U. Wehler.* Darmstadt, 1977. S. 325—367; *Tschopp S.* *Heilsgeschichtliche Deutungsmuster in der Publizistik des Dreißigjährigen Krieg. Pro- und Antischwedische Propaganda in Deutschland 1628—1635.* Frankfurt a. M., 1991; *Harms W.* *Gustaf Adolf als christlicher Alexander und Judas Maccabaeus. Zu Formen des Wertens von Zeitgeschichte in Flugschrift und illustriertem Flugblatt um 1632 // Wirkendes Wort.* 1985. Heft 4. S. 168—183; *Piirimäe P.* *Just war in theory and practice: Legitimation of Swedish intervention in the 30 Years War // The Historical Journal.* 2002. Vol. 45. S. 499—523; по вопросу «штральзундского манифеста» из новой литературы см.: *Schilling H.* *Das schwedische Kriegsmanifest vom Juli 1630 und die Frage nach dem Charakter des Dreißigjährigen Krieges // Themenportal Europäische Geschichte.* Электронный ресурс: <https://www.europa.clio-online.de/essay/id/artikel-3201> (13.04.2019).

⁶ Обзор работы конвента с указанием старой и новой литературы: *Frisch V.* *Das Restitutionsedikt.* S. 160 f.; ср.: *Schmidt G.* *Die Ritter der Apokalypse.* S. 356—361.

⁷ Религиозный аспект исчерпывающе изложен у Т. Кауфманна: *Kaufmann T. Dreißigjähriger Krieg und Westfälischer Friede. Kirchengeschichtliche Studien zur lutherischen Konfessionskultur*. Tübingen, 1998. S. 36 f.

⁸ *Kampmann Chr.* Europa und das Reich. S. 77—76; *Albrecht D.* Die auswärtige Politik Maximilians. S. 256 f.

⁹ *Kampmann Chr.* Das Reich und Europa. S. 74.

¹⁰ *Warlich B.* Butler, Walter Graf von // *Der Dreißigjährige Krieg in Selbsteugnissen, Chronicken und Berichten*. Электронный ресурс: <http://www.30jaehrigerkrieg.de/butler-buttler-buttler-puttler-budler-budtler-walter-graf-von/> (14.04.2019).

¹¹ *Kaiser M.* „Excidium Magdeburgense.“ Beobachtungen zur Wahrnehmung und Darstellung von Gewalt im Dreißigjährigen Krieg // *Ein Schauplatz herber Angst. Wahrnehmung und Darstellung von Gewalt im 17. Jahrhundert* / Hrsg. von M. Meumann, D. Niefanger. Göttingen. 1997. S. 43—64; 2) *Die „Magdeburgische“ Hochzeit (1631). Gewaltphänomene im Dreißigjährigen Krieg // Leben in der Stadt. Eine Kultur- und Geschlechtergeschichte Magdeburgs* / Hrsg. von E. Labouvie. Köln; Weimar; Wien, 2004. S. 195—213.

¹² См.: *Wittich K.* 1) *Magdeburg. Gustav Adolf und Tilly. Kritische Untersuchungen zur Geschichte des Dreißigjährigen Krieges mit Benutzung meistens ungedruckter Quellen*. Bd. 1. Berlin, 1874; 2) *Dietrich von Falkenberg, Oberst und Hofmarschall Gustav Adolfs. Ein Beitrag zur Geschichte des dreißigjährigen Krieges*. Magdeburg, 1892; 3) *Pappenheim und Falkenberg. Ein Beitrag zur Kennzeichnung der lokalpatriotischen Geschichtsschreibung Magdeburgs*. Berlin, 1894.

¹³ *Guericke O. von.* Die Belagerung, Eroberung und Zerstörung der Stadt Magdeburg am 10./20. Mai 1631 / Hrsg. von H. Kohl. Leipzig, 1912.

¹⁴ Лучшим исследованием о сражении до сих пор считается труд В. Опитца: *Opitz W.* Die Schlacht bei Breitenfeld am 17. IX. 1631. Leipzig, 1892.

¹⁵ *Rill B.* Tilly. S. 308—311; *Mann H. J.* Die Stadt Rain und der Dreißigjährige Krieg — Die Schlacht bei Rain im historischen Zusammenhang. 2. Auflage. Rain, 2007.

¹⁶ См.: *Mahr H.* 1) *Wallensteins Lager. Die Schlacht an der Alten Veste. Nürnberg, 1980*; 2) *Wallenstein vor Nürnberg 1632. Sein Lager bei Zirndorf und die Schlacht an der Alten Veste, dargestellt durch den Plan der Gebrüder Trexel 1634*. Neustadt an der Aisch, 1982.

¹⁷ Споры о хронологии, ходе и итогах сражения не окончены до сих пор. Из старых работ см.: *Droysen G.* Die Schlacht bei Lützen. Dietrich. Göttingen, 1862; *Diemar H.* Untersuchungen über die Schlacht bei Lützen. Marburg, 1890; *Deuticke H.* Die Schlacht bei Lützen. Giessen, 1917. Вызвавшая в свое время широкий резонанс попытка синтеза — между агностицизмом Г. Дройзена и методологической реконструкцией у Х. Димара: *Seidler J.* Untersuchungen über die Schlacht bei Lützen 1632.

Memmingen, 1954; Археологические раскопки 2006—2011 гг., особенно вскрытие массового захоронения «желтой» бригады, едва ли проясняют общую картину, скорее, усложняя ее деталями, см.: Krieg — eine archäologische Spurensuche. Begleitband zur Sonderausstellung im Landesmuseum für Vorgeschichte Halle (Saale) 6. November 2015 bis 22. Mai 2016 / Hrsg. von H. Meller, M. Schefzik. Halle (Saale), 2015; *Schürger A.* 1) Bleikugeln vom Schlachtfeld Lützen 1632 — Überlegungen zu Bewaffnung und Schlachtverlauf // Gustav Adolf. König von Schweden. Die Kraft der Erinnerung / Hrsg. von M. Reichel und I. Schuberth. Döbel, 2007. S. 71—80; 2) Die ersten Minuten der Schlacht von Lützen (16.11.1632): Isolatis Kroatien und Stalhandskes finnische Reiter aus archäologischer Sicht // Lützener Gespräche. Bd. 3. Lützen; Göteborg, 2011. S. 103—120. Из новых обзорных работ: *Eriksson B.* Lützen 1632: Ett ödesdigert beslut. Stockholm, 2006; *Wolke L. E.* Die Schlacht bei Lützen // Gustav Adolf. S. 61—70; с сильными акцентами на роль религиозной идентичности и исторической памяти см.: *Wilson P.* Lützen. Oxford, 2018.

¹⁸ История создания Гейльброннского альянса и его судьба подробно освещены в капитальном исследовании Й. Кречмара: *Kretzschmar J.* Der Heilbronner Bund. Bd. 1—3. Lübeck, 1922; из новых работ: Herbert Langer: Der Heilbronner Bund (1633—35) // Alternativen zur Reichsverfassung in der Frühen Neuzeit? / Hrsg. von D. Stievermann. München, 1995. S. 113—122.

¹⁹ *Sirbik H. von.* Wallensteins Ende. Ursachen, Verlauf und Folgen der Katastrophe. Salzburg, 1947; в отечественной литературе вопроса касался Ю. Е. Ивонин: *Ивонин Ю. Е.* Альбрехт Валленштейн // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 48—77.

²⁰ *Leo E.* Die Schlacht bei Nördlingen im Jahre 1634. Halle, 1900. Из новых работ: Frieden ernährt, Krieg und Unfrieden zerstört. 14 Beiträge zur Schlacht bei Nördlingen 1634 / Hrsg. von Historischen Vereins für Nördlingen und das Ries. Nördlingen, 1985; *Engerisser P., Hrnčířik P.* Nördlingen 1634. Die Schlacht bei Nördlingen — Wendepunkt des Dreißigjährigen Krieges. Weissenstadt, 2009; *Hrnčířik P.* Spanier auf dem Albuch. Ein Beitrag zur Geschichte der Schlacht bei Nördlingen im Jahre 1634. Aachen, 2007; *Stolch A., Wöllper J.* Die Schweden auf dem Breitwang. Ein Beitrag zur Geschichte der Stadt Bopfingen und der Schlacht bei Nördlingen im Jahre 1634. Nördlingen, 2009.

²¹ *Bumiller C.* Hohentwiel. Die Geschichte einer Burg zwischen Festungsalltag und großer Politik. Konstanz, 1990; *Fritz E.* Konrad Widerholt, Kommandant der Festung Hohentwiel (1634—1650). Ein Kriegsunternehmer im europäischen Machtgefüge // Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte. 2017. Jg. 76. S. 217—268.

²² Подробно о положении Вюртемберга в те дни см.: *Zizelmann S.* Um Land und Konfession. Die Außer — und Reichspolitik Württembergs

(1628—1638). Frankfurt a. M., 2002; *Прокопьев А. Ю.* Поражение, бегство и реванш. Судьбы Эбергарда III Вюртембергского в Тридцатилетнюю войну // *Universitas historiae*. Сборник в честь П. Ю. Уварова / Под ред. А. О. Чубарьяна. М., 2015. С. 409—418.

²³ Новые публикации документального материала: *Der Prager Frieden von 1635*. in der Reihe: *Die Politik Maximilians I. von Bayern und seiner Verbündeten 1618—1651. Briefe und Akten zur Geschichte des Dreißigjährigen Krieges*. Neue Folge / Bearb. von K. Bierther. 2. Teil. Bd. 10. Teilbände 1—4. München, 1997. Ср.: *Bierther K.* Zur Edition von Quellen zum Prager Frieden vom 30. Mai 1635 zwischen Kaiser Ferdinand II. und Kurfürst Johann Georg I. von Sachsen // *Forschungen und Quellen zur Geschichte des Dreißigjährigen Krieges* / Hrsg. von K. Reppen. Münster, 1981. S. 1—30; *Kaiser M.* Der Prager Frieden von 1635. Anmerkungen zu einer Aktenedition // *Zeitschrift für Historische Forschung*. 2001. Bd. 28. S. 277—297.

²⁴ *Schmidt G.* Die Reiter der Apokalypse. S. 467—477.

Глава 7

¹ Из новых работ см.: *Jendre A.* Diplomatie und Feldherrnkunst im Dreißigjährigen Krieg: Herzog Bernhard von Weimar im Spannungsfeld der französischen Reichspolitik 1633—1639. Diss. Berlin, 1998.

² Об организации французской армии под углом зрения взаимодействия административных и финансовых сфер, особенно после 1635 г., см.: *Parrott D.* Richelieu's Army: War, Government and Society in France, 1624—1642. Cambridge, 2001. P. 110—163, 399 f.; *Thion S.* French Armies of the Thirty Years War. Singapour, 2008.

³ *Kampmann Chr.* Das Reich und Europa. S. 120.

⁴ Об общем ходе шведской кампании после 1635 г. см.: *Englund P.* Die Verwüstung Deutschlands. Eine Geschichte des Dreißigjährigen Krieges. Berlin, 2013. S. 164 f. Об организации, тактике и операции саксонской армии после 1635 г. см.: *Kunath Chr.* Kursachsen im Dreißigjährigen Krieg. 2010. S. 203 f.; *Sennewald R.* Die Kursachsen im Dreißigjährigen Krieg. Bd. 1. Das kursächsische Heer im Dreißigjährigen Krieg: 1618—1648. Berlin, 2013. S. 237 f. О стратегии и тактике императорских сил см.: *Höbelt L.* Von Nördlingen bis Jankau: kaiserliche Strategie und Kriegführung 1634—1645. Wien, 2016.

⁵ *Wandruszka A.* Reichspatriotismus und Reichspolitik zur Zeit des Prager Friedens von 1635. Eine Studie zur Geschichte des deutschen Nationalbewusstseins. Graz u. a., 1955.

⁶ Реконструкцию сражения см.: *Schmidt R.* Die Schlacht bei Wittstock. Ein Beitrag zur Geschichte des Dreißigjährigen Krieges. Halle, 1876; *Murdoch S., Zickermann K., Marks A.* The Battle of Wittstock 1636: Conflict-

ing Reports on a Swedish Victory in Germany // *Northern Studies*. 2012. 43. P. 71—109; *Sennewald R.* Die Kursachsen. S. 269—294. Открытие в 2007 г. массового захоронения на поле битвы (125 останков) вызвало серию публикаций и исследований, отчасти обобщенных в издании 2012 г.: 1636 — ihre letzte Schlacht: Leben im Dreißigjährigen Krieg // Hrsg. von Brandenburgisches Landesamt für Denkmalpflege. Darmstadt, 2012.

⁷ *Wiegand M.* Wismar im Dreißigjährigen Krieg // *Jahrbücher des Vereins für Mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde*. 1918. Bd. 82. S. 115; *Tober Ph.* Wismar im Dreißigjährigen Krieg 1627—1648. Untersuchungen zur Wirtschafts-, Bau- und Sozialgeschichte. Berlin, 2007. S. 31—34.

⁸ Оценка съезда: *Albrecht D.* Maximilian I. von Bayern 1573—1651. München, 1998. S. 952—961; *Haan H.* Der Regensburger Kurfürstentag von 1636/37. Münster, 1967; *Schmidt G.* Die Reiter der Apokalypse. S. 498—502; *Kampmann Chr.* Europa und das Reich. S. 121—123; *Ивонин Ю. Е.* Рейхстаги и имперские чины во время Тридцатилетней войны // Кризис и трагедия континента. С. 76—77.

⁹ Новые биографии Фердинанда: *Reppen K.* Ferdinand III // *Die Kaiser der Neuzeit. 1519—1918. Heiliges Römisches Reich, Österreich, Deutschland* / Hrsg. von A. Schindling, W. Ziegler. München, 1990. S. 142—168; *Hengerer M.* Kaiser Ferdinand III (1608—1657). Eine Biographie. Wien u. a., 2012; *Höbelt L.* Ferdinand III. Friedenskaiser wider Willen. Graz, 2008.

Глава 8

¹ До сих пор лучший рассказ о последних месяцах осады Брайзаха содержится в исследовании Г. Дройзена: *Droysen G.* Bernhard von Weimar. Bd. 2. Leipzig, 1885. S. 427—492.

² *Ibid.* S. 567—575.

³ Фигура Амалии Елизаветы сегодня все больше притягивает внимание в связи с гендерными аспектами власти; см. о ней: *Buckreus S.* Die Körper einer Regentin. Amalia Elizabeth von Hessen-Kassel (1602—1651). Köln, 2008; *Helferich T.* The Iron Princess: Amalia Elisabeth and the Thirty Years War. Cambridge, 2013. Важнейшим источником являются ее семейные бумаги: *Familienbriefe der Landgräfin Amelie Elisabeth von Hessen-Kassel und Ihrer Kinder* / Hrsg. von E. Bettenhäuser. Marburg, 1994.

⁴ Новой биографии герцога до сих пор нет. См.: *Von der Decken Fr.* Herzog Georg von Braunschweig und Lüneburg. Beiträge zur Geschichte des dreißigjährigen Krieges, nach Originalquellen des Königlichlichen Archivs zu Hannover. Bd. 1—4. Hannover, 1833—1834.

⁵ За отсутствием новой биографии курфюрста см.: *Gotthard A.* Zwischen Luthertum und Calvinismus // *Preußens Herrscher. Von den ersten Hohenzollern bis Wilhelm II* / Hrsg. von F.-L. Kroll. München, 2006. S. 87—94.

⁶ Из новых работ о Шварценберге: *Kober U.* 1) *Der Favorit als „Factotum“: Graf Adam von Schwarzenberg als Oberkämmerer und Direktor des Geheimen Rates unter Kurfürst Georg Wilhelm von Brandenburg // Der zweite Mann im Staat: oberste Amtsträger und Favoriten im Umkreis der Reichsfürsten in der Frühen Neuzeit / Hrsg. von M. Kaiser, A. Pecar. Berlin, 2003. S. 231—252; 2) Eine Karriere im Krieg, Graf Adam von Schwarzenberg und die kurbrandenburgische Politik von 1619 bis 1641. Berlin, 2004.*

⁷ *Duchhard H.* Friedrich Wilhelm der Große Kurfürst (1640—1688) // *Preußens Herrscher. S. 102—103.*

⁸ *Kampmann Chr.* Europa und das Reich. S. 126—128.

⁹ Основополагающее исследование о рейхстаге: *Bierther K.* Der Regensburger Reichstag von 1640/1641. Kallmünz, 1971; *Schmidt G.* Die Reiter der Apokalypse. S. 524—527; *Ивонин Ю. Е.* Рейхстаги и имперские сословные совещания... С. 76.

Глава 9

¹ *Прокопьев А. Ю.* Иоганн Георг I (1585—1656), курфюрст Саксонии. Власть и элита в конфессиональной Германии. СПб., 2011. С. 579—639.

² Литература по указанным аспектам весьма обширна, укажем лишь на важнейшие работы: *Elliot J.* The Revolt of the Catalans. London, 1984; *Ernst H.* Spanische Subsidien für den Kaiser 1632—1642 // *Krieg und Politik 1618—1648. S. 299—302; Israel J.* The Road to Rocroi. Olivares, the Cardinal-Infante and Spain's Strategy in the Low Countries (1635—1643) // *Spain, Europe and the Atlantic World. Essays in Honour of John H. Elliot / Ed. by R. K. Kagan, G. Parker. Cambridge, 1995. P. 267—295; Pietschmann H.* Spanien im Dreissigjährigen Krieg: der Niedergang Spaniens in der Historiographie nach Nachkriegszeit // *Siglo de Orto — Decadencia. Spaniens Kultur und Politik in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts / Hrsg. von H. Duchhardt, Chr. Strosetzki. Köln; Weimar; Wien, 1996. S. 167—188; Stradling R.* Catastrophe and Recovery: the Defeat of Spain, 1639—1643 // *History. 1979. Vol. 64. N 211. P. 205—219.*

³ *Höbelt L.* Von Nördlingen bis Jankau: kaiserliche Strategie und Kriegführung 1634—1645. Wien, 2016.

⁴ *Прокопьев А. Ю.* Саксония и ее курфюрст Иоганн Георг I на завершающем этапе Тридцатилетней войны // *Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 193—194.*

⁵ *Прокопьев А. Ю.* Иоганн Георг I... С. 600.

⁶ Новый обзор «торстенсоновой войны» обстоятельно представлен у Р. Ребича в его биографии Галласа: *Rebitsch R.* Matthias Gallas (1588—1647). Generalleutnant des Kaisers zur Zeit des Dreißigjährigen Krieges. Eine militärische Biographie. Münster, 2006. S. 251—298.

⁷ До сих пор единственным обстоятельным исследованием этой битвы остается очерк Э. Шаумбурга: *Schaumburg E. Von die Schlacht auf der St. Tönis-Haide (17. Januar 1642) und die Einnahme von Oedt, Neuß, Kempen und Linn // Annalen des Historischen Vereins für den Niederrhein. 1882. Bd. 38. S. 50—86.*

⁸ О ходе кампании 1644 г. и битве под Фрайбургом см.: *Heilmann J. Die Feldzüge der Bayern in den Jahren 1643, 1644 und 1645 unter den Befehlen des Feldmarschalls Franz Freiherr von Mercy. Leipzig; Meißen, 1851. S. 134 f.; Fischer-Treuenfeld Ph. Von die Rückeroberung Freiburgs durch die kurbaierische Reichsarmee im Sommer 1644. Freiburg im Breisgau, 1895; Gaede H. Der Feldzug um Freiburg 1644. Freiburg im Breisgau, 1910; Schauf-ler H.-H. Die Schlacht bei Freiburg im Breisgau 1644. Freiburg, 1979; Guthrie W. The Later Thirty Years War. From the Battle of Wittstock to the Treaty of Westphalia. Westport, 2003. P. 203 f. Отчеты и воспоминания частично опубликованы в кн.: *Thion Fr. French Army of the Thirty Years War. Auziell, 2008. P. 148 f.**

⁹ Самой обстоятельной реконструкцией битвы, всецело построенной на первоисточниках, все еще может считаться: *Gantzer P. Torstensions Einfall und Feldzug in Böhmen 1645 bis zur Schlacht bei Jankau. Prag, 1905.*

¹⁰ *Niklaus S. Der Frühjahrsfeldzug 1645 in Süddeutschland (Schlacht bei Herbsthausen) // Württembergisch Franken. 1976. Bd. 60. S. 121—180; Gräter C. Die Schlacht von Herbsthausen. Vor 400 Jahren erlitt Turenne seine einzige Niederlage gegen Baiern // Frankenland. 1995. Bd. 47. S. 174—176.*

¹¹ См.: *Scheible K. Die Schlacht von Alerheim. Ein Beitrag zur Geschichte des Dreißigjährigen Krieges Alerheim, 2004; Heilmann J. Die Feldzüge der Bayern in den Jahren 1643, 1644 und 1645. S. 261 f.; Riezler S. Geschichte Baierns. Bd. 5. Gotha, 1903. S. 583—589.*

¹² *Helbig K. G. Die sächsisch-schwedischen Verhandlungen zu Kötzschenbroda und Eilenburg 1645 und 1646 // Archiv für die sächsische Geschichte. 1867. Bd. 5. S. 264—288; Прокопьев А. Ю. 1) Саксония и ее курфюрст Иоганн Георг I. С. 195—197; 2) Иоганн Георг I... С. 639—640.*

Глава 10

¹ *Schmidt G. Die Reiter der Apokalypse. S. 533 f.; Kampmann Chr. Europa und das Reich. S. 148—151.*

² *Schmidt G. Die Reiter der Apokalypse. S. 552.*

³ О Траутманнсдорфе и его деятельности на переговорах см.: *Ferber M. Graf Maximilian von Trautmannsdorf und Dr. Isaak Volmar. Handlungsmöglichkeiten adliger und bürgerlicher Diplomaten im Vergleich // Diplomatie, Medien, Rezeption. Aus der editorischen Arbeit an den Akten Pacis Westphalica / Hrsg. von M.-E. Brunnert, M. Lanzinner. Münster, 2010.*

S. 231—252; *Reppen K.* Maximilian Graf Trauttmansdorff — Chefunterhändler des Kaisers beim Prager und beim Westfälischen Frieden // *Frieden und Friedenssicherung in der Frühen Neuzeit. Das Heilige Römische Reich und Europa. Festschrift für Maximilian Lanzinner zum 65. Geburtstag / Hrsg. von G. Braun, A. Strohmeyer.* Münster, 2013. S. 211—228.

⁴ Здесь едва ли верным будет мнение Херффрида Мюнклера, считающего, что сегодня Ближнему Востоку необходим мир, подобный Вестфальскому, с участием европейских держав и Америки (*Münkler W.* *Der Dreißigjährige Krieg.* S. 825 f.; *Прокопьев А. Ю.* Тридцатилетняя война под взглядом политолога // *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени.* 2018. Вып. 4 (1). С. 161—162). Как раз Вестфальский мир стал возможен по причине согласия между элитами, примерно одинаковыми по своему социокультурному коду. Сегодня подобная модель совершенно неприменима к ситуации на Ближнем Востоке: конфликт там замешан на интересах совершенно различных цивилизационных моделей.

⁵ Дискуссия относительно характеристики конгресса: *Schilling H.* *Der Westfälische Friede und das frühneuzeitliche Profil Europas Duchhardt // Der Westfälische Friede: Diplomatie — politische Zäsur — kulturelles Umfeld — Rezeptionsgeschichte / Hrsg. von H. Duchhardt.* München, 1998. S. 1—32; *Duchhardt H.* *Der Westfälische Friede — ein europäischer Friede.* Münster, 2014. S. 1—19 (рус. пер.: *Духхардт Х.* 1) Вестфальский мир — европейский мир // *Кризис и трагедия континента.* С. 538—549; 2) *Россия и вестфальский мир / Там же.* С. 549—556); *Schmidt G.* *Die Reiter der Apokalypse.* S. 549 f.

⁶ О дипломатии Нидерландов на конгрессе см.: *Lademacher H.* „Ein letzter Schritt in die Unabhängigkeit“. Die Niederländer in Münster 1648 // *Der Westfälische Friede.* S. 335—348; *Rohrshneider M.* Die beargwöhnte Republik. Die politische Kultur der vereinigten Niederlanden in den Gesandtschaftsberichten des französischen Diplomaten Abel Servien (1647) // *Diplomatie, Medien, Rezeption.* S. 183—210; *Fraedrich-Nowag S.* Kaiserlich-niederländische Bundesverhandlungen am Rande des westfälischen Friedenskongresses // *Ibid.* S. 211—230; *Manzano Baena L.* *Conflicting Words: The Peace Treaty of Münster (1648) and the Political Culture of the Dutch Republic and the Spanish Monarchy.* Leuven, 2011.

⁷ О тактике и стратегии имперской делегации Траутманнсдорфа см.: *Ruppert K.* Die kaiserliche Politik auf dem Westfälischen Friedenskongreß 1643—1648. Münster, 1979; *Auer L.* Die Ziele der kaiserlichen Politik bei den westfälischen Friedensverhandlungen und ihre Umsetzung // *Der Westfälische Friede.* S. 143—173.

⁸ О позиции Швеции на переговорах и ее «реструктуризации» см.: *Lundkvist S.* Die schwedische Friedenskonzeptionen und ihre Umsetzung in Osnabrück // *Der Westfälische Friede.* S. 349—360.

⁹ *Reppen K.* Die kaiserlich-französischen Satisfaktionsartikel vom 13. September 1646 — ein befristet Agreement // *Der Westfälische Friede.* S. 175—215; *Kampmann Chr.* Europa und das Reich. S. 160.

¹⁰ *Baumgart P.* Kurbrandenburgische Kongreßdiplomatie und ihre Ergebnisse // *Der Westfälische Friede.* S. 469—484.

¹¹ *Helferich T.* The Iron Princess. P. 206 f.

¹² *Albrecht D.* Maximilian I. von Bayern, 1573—1651. München, 1998. S. 1056—1064.

¹³ Ход так называемой гессенской войны в 1645—1648 гг., равно как и ее дипломатическая подоплека, весьма обстоятельно освещен в немецкой историографии: *Weber H. H.* Der Hessenkrieg. Selbstverlag, 1935; *Engelbert G.* Der Hessenkrieg am Niederrhein (1. Teil) // *Annalen des Historischen Vereins für den Niederrhein.* 1959. Bd. 161. S. 65—113; *Maletke K.* Frankreich und Hessen-Kassel zur Zeit des Dreißigjährigen Krieges und des Westfälischen Friedens. Bd. 46. Teil 5. Elwert, 1999; *Weiland K.* Hessen-Kassel und die Reichsverfassung. Ziele und Prioritäten landgräflicher Politik im Dreißigjährigen Krieg. Marburg, 2009; *Helferich T.* The Iron Princess. P. 216 f.

¹⁴ *Schmidt G.* Die Reiter der Apokalypse. S. 589.

¹⁵ *Kampmann Chr.* Europa und das Reich. S. 160—161.

¹⁶ *Ibid.* S. 167—169.

¹⁷ *Auer L.* Die Ziele der kaiserlichen Politik. S. 167—169.

¹⁸ *Albrecht D.* Maximilian. S. 1073—1078.

¹⁹ *Ibid.* S. 1079 f.

²⁰ Биографию Одовальски, его «Апологию», равно как и детали пражской экспедиции, см.: *Warlich B.* Odowalsky... genannt von Streitberg, Ernst. Электронный ресурс: <http://www.30jaehrigerkrieg.de/?s=Odowalsky> (22.04.2019).

²¹ *Öhmann J.* 1) Die Kriegsbeute der Prager Kleinseite // 1648: Kriegführung und Friedensverhandlungen: Prag und das Ende des Dreißigjährigen Krieges / Rebitsch R., Öhman J., Kilián J., Innsbruck, 2018. S. 295—318. 2) Die Plünderung von Prag 1648: eine schwedische Perspektive. Электронный ресурс: <https://fnzinfo.hypotheses.org/627> (22.04.2019). Общие аспекты, связанные с войной: *Tauss S.* „...Daß die Räuberei das alleradeligste Exercitium ist...“ — Kunstschätze als Beute im Dreißigjährigen Krieg // 1648: Krieg und Frieden in Europa / Hrsg. von H. Schilling, K. Bußmann. T. 2. Münster, 1998. S. 281—288.

²² Реконструкция осады и боев под Прагой: *Kilian J.* Der Kampf um Prag // 1648: Kriegführung und Friedensverhandlungen. S. 179—244; *Hojda Z.* Der Kampf um Prag 1648 und das Ende des Dreißigjährigen Krieges // 1648: Krieg und Frieden. T. 1. S. 403—412.

²³ *Kampmann Chr.* Europa und das Reich. S. 167—168.

²⁴ *Auer L.* Die Ziele der kaiserlichen Politik. S. 171 f.

Глава II

¹ Современная точка зрения относительно потерь: *Theibault J.* The Demography of the Thirty Years War Revisited: Günther Franz and His Critics // *German History*. 1997. 15. P. 1—22; *Vasold M.* Die deutschen Bevölkerungsverluste während des Dreißigjährigen Krieges // *Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte*. 1993. Bd. 56. S. 147—160; *Schmidt G.* Die Reiter der Apokalypse. S. 620—623.

² Дискуссию о роли короля и военной реформе XVII в. в середине прошлого века весьма сильно спровоцировали работы М. Робертса: *Roberts M.* The Military Revolution, 1560—1660 / The Military Revolution Debate: Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe / Ed. by Clifford J. Rogers. New York, 1995. P. 13—36. Литература весьма обширна: Warfare in Europe, 1650—1792 / Ed. by J. Black. New York, 2017; *Weigely R.* The Age of the Battles. The Quest for the Decisive Warfare from Breitenfeld to Waterloo. Bloomington, 1991. P. 3 f.; *Parrot D.* The Business of the War. Military Enterprises and Military Revolution in Early Modern Europe. Cambridge, 2012. P. 139 f.; *Rothenberg G.* Maurice of Nassau, Gustavus Adolphus, Reimondo Montecuccol, and the “Military Revolution” of the Seventeenth Century // *Makers of Modern Strategy from Machiavelly to the Nuclear Age* / Ed. by P. Paret. Oxford, 1986. P. 36 f.; *The Dynamics of Military Revolution, 1300—2050* / Ed. by M. Knox, W. Murrey. Cambridge, 2001; *Lunde H. O.* A Warrior Dynasty. The Rise and Fall of Sweden as a Military Superpower, 1611—1721. Oxford, 2014; *Brzezinski R., Hook R.* Die Armee Gustav Adolfs: Infanterie und Kavallerie. Berlin, 2006.

³ О важнейших социальных аспектах литературных обществ, их представителях и их творчестве см.: *Karl F. Otto, jr.* Die Sprachgesellschaften des 17. Jahrhunderts. Stuttgart, 1972; *Herz A.* 1) Der edle Palmenbaum und die kritische Mühle. Die Fruchtbringende Gesellschaft als Netzwerk höfisch-adeliger Wissenskultur der frühen Neuzeit // *Denkströme*. 2009. Heft 2. S. 152—191; 2) Aufrichtigkeit, Vertrauen, Frieden. Eine historische Spurensuche im Umkreis der Fruchtbringenden Gesellschaft // *Euphorion*. 2011. Heft 105. S. 317—359; *Conermann C., Herz A., Schmidt-Glintzer H.* Die Fruchtbringende Gesellschaft. Gesellschaftsgedanke und Akademiebewegung // *Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philol.-histor. Kl.* 2000. Bd. 76. Heft 2. S. 19—38; *Conermann C.* Akademie, Kritik und Geschmack. Zur Spracharbeit der Fruchtbringenden Gesellschaft des 17. Jahrhunderts // *Unsere Sprache. Beiträge zur Geschichte und Gegenwart der deutschen Sprache. Schriftenreihe der Neuen Fruchtbringenden Gesellschaft zu Köthen / Anhalt*. 2008. Bd. 1. S. 17—52; *Schmidt G.* Die Anfänge der Fruchtbringenden Gesellschaft als polirisch motivierte Sammlungsbewegung und höfische Akademie // *Die Fruchtbringer — eine Teutschhertzige Gesellschaft*. Heidelberg, 2001. S. 5—37. Из новых отечественных

исследований см.: *Лазарева А. В.* «Безумный меч войны»: немецкая интеллектуальная элита и формирование представлений о Тридцатилетней войне в немецком обществе // Кризис и трагедия. С. 465—512.

⁴Основополагающие биографические исследования и публикации источников о жизни и творчестве Шютца: *Moser H. J.* Heinrich Schütz. Sein Leben und sein Werk. Kassel, 1936; *Müller H.* Heinrich Schütz — Gesammelte Briefe und Schriften. Regensburg, 1931. Социальный аспект в контексте войны и придворной жизни: *Wade M. R.* Heinrich Schütz as Artistic Director of the Great Wedding // German Court Culture and Denmark. Wiesbaden, 1997. P. 221—278; *Gregor-Dellin M.* Heinrich Schütz. Sein Leben, sein Werk, seine Zeit. München, 1987; *Heinemann M.* Heinrich Schütz. Hamburg, 1994.

⁵*Fuss U. V.* Matthaeus Merian der Ältere. Von der lieblichen Landschaft zum Kriegsschauplatz — Landschaft als Kulisse des 30jährigen Krieges. Frankfurt a. M., 2000; *Götz J. Pfeiffer.* Bild-Zeitung und Moral-Büchlein — der Dreissigjährige Krieg in Druckgraphiken von Matthäus Merian und Abraham Hogenberg, Jacques Callot und Hans Ulrich Franck // Der Dreissigjährige Krieg in Hanau und Umgebung / Hrsg. von Hanauer Geschichtsverein. Hanau, 2011. S. 255—275.

⁶Общие аспекты художественной жизни во время войны: *Thuillier J.* Der Dreißigjährige Krieg und die Künste // 1648: Krieg und Frieden. Bd. 2. S. 15—28; *Lavalle D.* Der Dreißigjährige Krieg, die Künstler und die religiöse Historienmalerei // Ibid. S. 153—159; *Costa Kaufmann Th.* Krieg und Frieden, Kunst und Zerstörung, Mythos und Wirklichkeit: Überlegungen zur Lage der Kunst Mitteleuropas im Dreißigjährigen Krieg // Ibid. S. 163—172.

⁷*Holt E.* The Jesuit Battle-Painter: Jacques Courtois (le Bourguignon) // Apollo. 1969. Vol. 85. P. 212—223; *Lallemant-Buysens N.* Jacques Courtois et Salvator Rosa // Salvator Rosa e il suo tempo, 1615—1673. Roma, 2010. P. 357—371. Концептуальный аспект, жанровая классификация: *Chiarini M.* Der Dreißigjährige Krieg und seine Auswirkungen auf die Schlachtenmalerei in Italien im 17. und 18. Jahrhundert // 1648: Krieg und Frieden. Bd. 2. S. 485—491; *Pfaffenbichler M.* Das frühbarocke Schlachtenbild — vom historischen Ereignisbild zur militärischen Genremalerei // Ibid. S. 493—500.

⁸Подробнее см.: *Schuberth J.* Die Schlacht und die Erinnerung. Lützen, 1632. Döbel, 2018. S. 153—160.

⁹Об истории создания памятника см.: *Wanderer Fr.* Die Geschichte des Nürnberger Peuntbrunnens // Mitteilungen des Vereins zur Geschichte Nürnbergs. 1881. Heft 3. S. 169—264.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Основной массив документов о предыстории и истории войны рассредоточен по четырем крупнейшим архивохранилищам Германии и Австрии: 1) Вена, Австрийский государственный архив (Österreichisches Staatsarchiv): архив надворного военного совета 1557—1847 гг.; дворцовый, домашний и государственный архив Габсбургов, архив Имперского надворного совета, архив Имперской канцелярии; 2) Мюнхен, Баварский государственный архив (Bayerisches Hauptstaatsarchiv): семейный архив Виттельсбахов, военный архив, главным образом Старый фонд (Altbestand), охватывающий период Тридцатилетней войны; 3) Дрезден, Саксонский государственный архив (Sächsisches Hauptstaatsarchiv): архив наследственных земель дрезденских Веттинов, военный архив (Militär); 4) Штутгарт, Государственный архив земли Баден-Вюртемберг (Stuttgart Hauptstaatsarchiv): домашний архив герцогов Вюртемберга, военные дела (актовый материал за 1557—1704 г. (Kriegsakta)). Венские архивы важны по всем периодам, они отражают дипломатическую и военную позицию Габсбургов, равно как и состояние имперских структур в целом. Мюнхенское собрание подробно освещает борьбу за Пфальц и ход военных операций после 1632 г., дипломатию и состояние наследственных земель Максимилиана I, историю Католической лиги. Дрезденский архив содержит важнейший материал по имперскому курсу курфюрста Иоганна Георга I, его вмешательству в богемские дела 1618—1621 гг., отношениям со шведской короной, ходу военных действий после 1631 г., подготовке заключения Пражского мира 1635 г. и вестфальским переговорам, равно как по состоянию

наследственных земель. Архив Штутгарта служит подспорьем при исследовании эльзасского и швабского театра военных действий, особенно в 1631—1635 гг., истории Гейльброннского союза, вмешательству Франции и положению дел в различных районах Швабии и верхнем Рейне в 1629—1648 гг. и особенно по истории Евангелической Унии в 1608—1621 гг.

Опубликованные источники

1. *Abelin J. P.* Theatrum Europaeum, oder Ausführliche und Wahrhaftige Beschreibung aller und jeder denkwürdiger Geschehen. Bd. 1. Frankfurt a. M., 1635.
2. *Abelin J. P., Flittner J.* Theatri Europaei. Historischer Chronik oder Wahrhafteste Beschreibung aller fürnehmen und denkwürdigen Geschichten: so sich hin und wider in der Welt / von Anno Christi 1629 biß auff das Jahr 1633. Frankfurt a. M., 1636.
3. *Acta Pacis Westphalicae* / Hrsg. von M. Braubach, K. Reppen. Bd. 1—44. Münster, 1962—2007.
4. Briefe und Akten zur Geschichte des Dreißigjährigen Krieg in den Zeiten des vorwaltenden Einfluss von Wittelsbacher / Hrsg. von M. Ritter, F. Stieve et al. Bd. 1—12. München.
5. Briefe und Akten zur Geschichte des Dreißigjährigen Krieg. Neue Folge. Die Politik Maximilians von Bayern und seiner Verbündeten / Hrsg. G. Franz, A. Dach, D. Albrecht, K. Bierther. Bd. 1—10. München, 1907—1999.
6. Briefe und Akten zur Geschichte Wallensteins / Bearb. von H. Hallwich. Bd. 1—4. Wien, 1912.
7. Der Dreißigjährige Krieg in Augenzeugenberichten / Hrsg. von H. Jessen. Stuttgart, 2012.
8. Der Dreißigjährige Krieg in Selbstzeugnissen, Chroniken und Berichten / Bearb. von B. Warlich (Электронный ресурс: <https://www.30jaehrigerkrieg.de/> (11.05.2019)).
9. *Frisenegger M.* Tagebuch aus dem 30. jährigen Krieg. München, 1996.
10. *Hagendorf P.* Tagebuch eines Söldners aus dem Dreißigjährigen Krieg. Göttingen, 2012
11. *Lotichius J. P.* Theatri Europaei Fünffter Theil. Frankfurt a. M., 1657.
12. Mitteldeutsche Selbstzeugnisse der Zeit des Dreißigjährigen Krieges / Hrsg. von H. Medick, N. Winnige (Электронный ресурс: <http://www.mdsz.thulb.uni-jena.de/sz/index.php> (11.05.2019)).
13. *Oraeus H.* Theatri Europaei. Continuatio III. Das ist: Historischer Chroniken. Dritter Theil. Frankfurt a. M., 1639.

14. *Oraeus H.* Theatri Europaei. Vierdter Theil. Frankfurt a. M., 1643.
15. Quellen zur Geschichte des Dreißigjährigen Krieges. Zwischen Prager Frieden und Westfälischen Frieden / Hrsg. von J. J. Schmidt. Darmstadt, 2008.
16. Quellen zur Geschichte Wallensteins / Hrsg. von G. Lorenz. Darmstadt, 1987.
17. Quellen zur Vorgeschichte und zu den Anfängen des Dreißigjährigen Krieges / Hrsg. von G. Lorenz. Darmstadt, 1991.
18. *Schleder J. G.* Theatri Europaei. Sechster und letzter Theil. Frankfurt a. M., 1663.
19. *Zillhardt G.* Der Dreißigjährige Krieg in zeitgenössischer Darstellung. Hans Haberles „Zeytregister“ (1618—1672). Aufzeichnungen aus dem Ulmer Territorien. Ein Beitrag zur Geschichtsschreibung und Geschichtsverständnis der Unterschichten. Ulm, 1975.

Литература

Общие работы

1. *Алексеев В. М.* Тридцатилетняя война. Л., 1961.
2. *Веджвуд С. В.* Тридцатилетняя война / Пер. с англ. И. В. Лобанова. М., 2012.
3. Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война (1618—1648) в событиях и коллективной памяти Европы / Под ред. Ю. Е. Ивонина и Л. И. Ивониной. М., 2015.
4. *Прокопьев А. Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола 1555—1648 гг. СПб., 2008.
5. *6. Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI—XVII вв. (1544—1648). Т. 2: Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом. СПб., 1894.
6. 1648. Krieg und Frieden in Europa / Hrsg. von K. Bußmann, H. Schilling Bd. 1—3. Münster, 1998.
7. The Ashgate Research Companion to the Thirty Years' War / Ed. von O. Asbach, P. Schröder. Dorchester, 2014.
8. *Barudio G.* Der teutsche Krieg. 1618—1648. Frankfurt a. M., 1985.
9. *Burkhardt J.* Der Dreißigjährige Krieg. Frankfurt a. M., 1992.
10. *Burkhardt J.* Der Krieg der Kriege: eine neue Geschichte des Dreißigjährigen Krieges. Stuttgart, 2018.
11. *Duchhardt H.* Der Weg in die Katastrophe des Dreißigjährigen Krieges. Die Kriesendekade 1608—1618. Berlin, 2017.
12. *Gotthard A.* Der Dreißigjährige Krieg: eine Einführung. Köln; Weimar; Wien, 2016.

13. *Kampmann Chr.* Europa und das Reich im Dreißigjährigen Krieg. Geschichte des europäischen Konflikts. Stuttgart, 2008.
14. *Münkler H.* Der Dreißigjährige Krieg. Europäische Katastrophe, Deutsches Trauma 1618—1648. Berlin, 2017.
15. *Parker G.* The Thirty Years War. London; New York, 1997.
16. *Press V.* Kriege und Krisen. Deutschland 1600—1715. München, 1991.
17. *Reppen K.* Über die Geschichtsschreibung des Dreißigjährigen Krieges: Begriff und Konzeption // Krieg und Politik 1618—1648. Europäische Probleme und Perspektiven / Hrsg. von K. Reppen, E. Müller-Lückner. Oldenbourg; München, 1988. S. 1—34.
18. *Ritter M.* Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation und des Dreißigjährigen Krieges. Bd. 1—3. Stuttgart, 1888—1892.
19. *Schilling H.* Aufbruch und Krise. Deutschland 1517—1648. Berlin, 1998.
20. *Schmidt G.* Der Dreißigjährige Krieg. München, 1997.
21. *Schmidt G.* Geschichte des Alten Reichs. Staat und Nation 1495—1806. München, 1999.
22. *Schmidt G.* Die Ritter der Apokalypse. Geschichte des Dreißigjährigen Krieges. München, 2018.
23. *Wilson P.* Europe's Tragedy: A History of the Thirty Years War. London, 2009.

От восстания в Праге до съезда в Регенсбурге в 1630 г.

1. *Котов Г. Б.* Антигабсбургская оппозиция в Чехии в начале XVII века и восстание сословий 1618—1620 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук (специальность ВАК РФ 07.00.03). СПб., 2012.
2. *Левченко А. С.* Последний бой чешского льва: политический кризис в Чехии и начало Тридцатилетней войны. М., 2007.
3. *Медведева К. Т.* Австрийские Габсбурги и сословия в начале XVII века. М., 2004.
4. *Bahlke J.* Regionalismus und Staatsintegration im Widerstreit. Die Länder der böhmischen Krone im ersten Jahrhundert der Habsburgerherrschaft (1526—1619). München, 1994.
5. *Frisch M.* Das Restitutionsedikt Kaiser Ferdinands II. vom 6. März 1629. Eine rechtsgeschichtliche Untersuchung. Tübingen, 1993.
6. *Gindely A.* Dějiny českého povstání léta 1618. Bd. 1—4. Prag, 1869—1880
7. *Gindely A.* Geschichte des dreißigjährigen Krieges in drey Abtheilungen. Bd. 1—3. Leipzig, 1882.
8. *Müller F.* Kursachsen und der Aufstand in Böhmen. Münster, 1997.
9. *Opel J. O.* Der niedersächsisch-dänische Krieg. Bd. 1—4. Halle; Magdeburg, 1872—1894.

10. *Sturmberger H.* Aufstand in Böhmen. Der Beginn des Dreißigjährigen Krieges. München, 1959.
11. 1618. Der Beginn des Dreißigjährigen Krieges / Hrsg. von R. Rebitsch. Wien; Köln; Weimar, 2017.

От съезда в Регенсбурге до Пражского мира 1630—1635 гг.

1. *Englund P.* Die Verwüstung Deutschlands: Eine Geschichte des Dreißigjährigen Krieges. Berlin, 2013.
2. *Kretzschmar J.* Der Heilbronner Bund. Bd. 1—3. Lübeck, 1922.
3. *Roberts M.* The Political Objectives of Gustav Adolf in Germany, 1630—32 // Roberts M. Essays in Swedish History. London, 1967.
4. *Tschopp S. S.* Heilsgeschichtliche Deutungsmuster in der Publizistik des Dreißigjährigen Krieges Pro- und antischwedische Propaganda in Deutschland 1628 bis 1635. Frankfurt a. M.; Bern; New York; Paris, 1991.
5. *Weber H.* Frankreich, Kurtrier, der Rhein und das Reich 1623—1635. Bonn, 1969.

От Пражского мира до 1648 г.

1. *Прокопьев А. Ю.* Саксония и ее курфюрст Иоганн Георг I на завершающем этапе Тридцатилетней войны // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 179—197.
2. *Bierther K.* Der Regensburger Reichstag von 1640/1641. Kallmünz, 1971.
3. *Bierther K.* Der Prager Frieden von 1635 // Die Politik Maximilians I. von Bayern und seiner Verbündeten 1618—1651. Briefe und Akten zur Geschichte des Dreißigjährigen Krieges. Neue Folge. Teil 2. Bd. 10. Teilbände 1—4. München, 1997.
4. *Elliot J.* The Revolt of the Catalans. London, 1984.
5. *Goetze S. W.* Die Politik des schwedischen Reichskanzlers Axel Oxenstierna gegenüber Kaiser und Reich. Kiel, 1971.
6. *Haan H.* Der Regensburger Kurfürstentag von 1636/1637. Münster, 1967.
7. *Israel J.* Olivares, the Cardinal-Infante and Spain's Strategy in the Low Countries (1635—1643). The Road to Rocroi // Spain, Europe and the Atlantic World. Essays in honour of John H. Elliot / Ed. by R. K. Kagan, G. Parker. Cambridge, 1995. P. 267—295.
8. *Öhman J.* Der Kampf um den Frieden. Schweden und der Kaiser im Dreißigjährigen Krieg. Wien, 2005.
9. *Pietschmann H.* Spanien im Dreißigjährigen Krieg: der Niedergang Spaniens in der Historiographie nach Nachkriegszeit // Siglo de Oro — Decadencia. Spaniens Kultur und Politik in der ersten Hälfte des 17. Jahr-

- hundreds / Hrsg. von H. Duchhardt, Chr. Strosetzki. Köln; Weimar; Wien, 1996. S. 167—188.
10. *Stradling R.* Catastrophe and Recovery: the Defeat of Spain 1639—1643 // *History*. 1979. № 64. P. 205—219.
 11. *Wandruszka A.* Reichspatriotismus und Reichspolitik zur Zeit des Prager Friedens von 1635. Graz; Köln, 1955.

Вестфальский мир

1. *Duchhardt H.* Der Westfälische Friede. Diplomatie — politische Zäsur — kulturelles Umfeld — Rezeptionsgeschichte. München, 1998.
2. *Dickmann F.* Der Westfälische Frieden. Auflage. Münster, 1998.
3. *Duchhardt H.* Der Westfälische Friede im Focus der Nachwelt. Münster, 2014.
4. *Duchhardt H.* 1648 — das Jahr der Schlagzeilen. Europa zwischen Krise und Aufbruch. Wien; Köln; Weimar, 2015.
5. *Westphal S.* Der Westfälische Frieden. München, 2015.

Армия, стратегия и финансы

1. *Ernst H.* Spanische Subsidien für den Kaiser 1632—1642 // *Krieg und Politik 1618—1648*. S. 299—302.
2. *Guthrie W. P.* Battles of the Thirty Years War. From White Mountain to Nördlingen. 1618—1635. London, 2002.
3. *Guthrie W. P.* The Later Thirty Years War: From the Battle of Wittstock to the Treaty of Westphalia. London, 2003.
4. *Höbelt L.* Von Nördlingen bis Jankau: kaiserliche Strategie und Kriegführung 1634—1645. Wien, 2016.
5. *Höfer E.* Das Ende des Dreißigjährigen Krieges. Strategie und Kriegsbild. Köln, 1998.
6. *Kaiser M.* Politik und Kriegführung. Maximilian von Bayern, Tilly und katholische Liga im Dreißigjährigen Krieg. Münster, 1999.
7. *Kasper C.* Die bayerische Kriegsorganisation in der zweiten Hälfte des Dreißigjährigen Krieges. 1635—1648. Münster, 1997.
8. *Lucht A., Lucht J.* Fahnen und Standarten aus der Zeit des Dreißigjährigen Krieges. Bd. 1—4. Großschirma, 2015—2016.
9. *Martin F. R.* Las finanzas de la Monarquía Hispanica en tiempos de Felipe IV (1621—1665). Madrid, 1990.
10. *Parker G.* The Army of Flanders and the Spanish Road, 1567—1659. Cambridge, 1984.

11. *Parrott D.* Richelieu's Army. War, Government and Society in France, 1624—1642. Cambridge, 2001.
12. *Salm H.* Armeefinanzierung im Dreißigjährigen Krieg. Der Niederreinish-Westfälische Reichskreis 1635—1650. Münster, 1990.
13. *Sennewald R.* Die Kursachsen im Dreißigjährigen Krieg. Bd. 1: Das kursächsische Heer im Dreißigjährigen Krieg: 1618—1648. Bd. 2: Die kursächsischen Feldzeichen im Dreißigjährigen Krieg: 1618—1648. Berlin, 2013.

Персоналии

1. *Прокопьев А. Ю.* Герцог Бернгард Саксен-Веймарский: мотивы и модель поведения дворянина в Тридцатилетней войне // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2001. С. 230—250.
2. *Прокопьев А. Ю.* Иоганн Георг I (1585—1656), курфюрст Саксонии: власть и элита в конфессиональной Германии. СПб., 2011.
3. *Albrecht D.* Maximilian I von Bayern, 1573—1651. München, 1998.
4. *Droysen G.* Bernhardt von Weimar. Bd. 1—2. Leipzig, 1885.
5. *Elliott J.* Richelieu and Olivares. London, 1984.
6. *Findeisen J. P.* Der Dreißigjährige Krieg. Eine Epoche in Lebensbildern. Graz, 1998.
7. *Kraus A.* Maximilian I — Bayerns Großer Kurfürst. Wien; Graz, 1990.
8. *Krüssmann W.* Ernst von Mansfeld (1580—1626). Grafensohn, Söldnerführer, Kriegsunternehmer gegen Habsburg im Dreißigjährigen Krieg. Berlin, 2010.
9. *Rebitsch R.* Matthias Gallas (1588—1647). Generalleutnant des Kaisers zur Zeit des Dreißigjährigen Krieges. Eine militärische Biographie. Münster, 2006.
10. *Rill B.* Tilly. Feldherr für Kaiser und Reich. München, 1984.
11. Um Glauben und Reich. Kurfürst Maximilian I. Beiträge zur Bayerischen Geschichte und Kunst 1573—1657 / Hrsg. von H. Glaser. Bd. 1—2. München, 1980.

Фердинанд II

1. *Ивонин Ю. Е., Ходин А. А.* Фердинанд II Габсбург // Вопросы истории. 2016. № 9. С. 21—45.
2. *Bireley R.* Religion and Politics in the Age of the Counterreformation. Emperor Ferdinand II, William Lamormaini S. J. and the Formation of Imperial Policy. Chapel Hill, 1981.

3. *Brockmann T.* Dynastie, Kaiseramt und Konfession. Politik und Ordnungsvorstellungen Ferdinands II im Dreißigjährigen Krieg. Paderborn, 2008.
4. *Hengerer M.* Kaiser Ferdinand III (1608—1657). Eine Biographie. Wien; Köln; Weimar, 2012.
5. *Höbelt L.* Ferdinand III. Friedenskaiser wider Willen. Graz, 2008.
6. *Sturmberger H.* Kaiser Ferdinand II und das Problem des Absolutismus. München, 1956.

Валленштейн

1. *Ивонин Ю. Е.* Альбрехт Валленштейн // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 48—87.
2. *Diwald H.* Wallenstein. Eine Biographie. München; Esslingen, 1969.
3. *Mann G.* Wallenstein. Sein Leben erzählt von Golo Mann. Frankfurt a. M., 1997.
4. *Pekar J.* Wallenstein 1630—1634. Tragödie der Verschwörung. Berlin, 1937.
5. *Rebitsch R.* Wallenstein — Biographie eines Machtmenschen. Wien; Köln; Weimar, 2010.
6. *Srbik H. von.* Wallensteins Ende: Ursachen, Verlauf und Folgen der Katastrophe. Salzburg, 1947.

Густав Адольф

1. *Barudio G.* Gustav Adolf — der Große. Eine politische Biographie. Frankfurt a. M., 1982.
2. *Droysen G.* Gustav Adolf. Bd. 1—2. Leipzig, 1882.
3. *Findeisen F.* Gustav II. Adolf von Schweden. „Der Eroberer aus dem Norden“. Graz, 1996.
4. Gustav Adolf, König von Schweden — die Kraft der Erinnerung / Hrsg. von M. Reichel. Lützen, 2007.
5. *Roberts M.* Gustavus Adolfus. Vol. 1—2. Oxford, 1956.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абелин Иоганн Филипп (1600—1634), немецкий историк и публицист 100, 313
- Абель Вильгельм (1904—1985), историк 20, 297
- Август (1614—1680), герцог Саксонский, администратор архиепископства Магдебург, сын курфюрста Иоганна Георга I Саксонского 263, 291
- Аво Клод де Мем (1595—1650), граф д', французский дипломат 236, 272, 274, 288
- Адеркас Юрген (Георг) (1590 или 1603—1631), шведский полковник 304
- Адольф Фридрих (1588—1658), герцог Мекленбург-Шверинский 130, 291
- Алаччи Леон (1586—1669), хранитель Ватиканской библиотеки 102
- Александр III (1845—1894), российский император 322
- Альдобрандини Карл (1593—1634), великий приор Мальтийского ордена, полковник императорской службы 189
- Альтрингер Иоганн фон (1588—1634), императорский фельдмаршал 121, 122, 128, 160, 162, 186
- Амалия Елизавета (1602—1651), ландграфиня Гессен-Кассельская 224, 227—231, 266, 276, 277, 251, 281, 283, 291
- Ангальт-Бернбург, династия 51, 75
- Арним Иоганн Георг фон (1583—1641), императорский военачальник, фельдмаршал 148, 154, 158, 160, 165, 167, 168, 173, 178, 179, 187
- Ауэршперг Иоганн Вейкхард фон (1615—1677), барон 216
- Банер Иоганн (1596—1641), шведский фельдмаршал 178, 194, 203, 204, 207, 211, 224—227, 229, 231, 241—243, 260, 309
- Барудио Гюнтер (род. в 1942), историк 6
- Баудиссен Вольф Генрих фон (1579—1646), фельдмаршал саксонской службы 203
- Бек Иероним, в 1622 г. офицер пфальцской службы 91
- Бекан Мартин (1563—1624), духовник императора Фердинанда II 133
- Беннингхаузен Лотар Дитрих фон (1598—1657), полковник императорской службы, фельдмаршал 171

- Бергиус Иоганн (1587—1658), надворный проповедник курфюрста Бранденбургского, реформатский теолог 147
- Бернгард, герцог Саксен-Веймарский (1604—1639), протестантский военачальник 90, 128, 145, 147, 158, 159, 170, 171, 175, 178, 179, 182, 186—188, 190—192, 199—201, 207, 217—224, 227, 228, 249, 252, 261, 307
- Бет Леннарт Нильсон (?—1632), шведский военачальник, майор «остготского» полка 170
- Бетлен Габор (или Габриэль) (ок. 1580—1629), трансильванский князь 72, 74, 75, 111, 115, 259
- Бимбах (Фукс фон Бимбмах) Иоганн Филипп (ок. 1567—1626), генерал датской службы 113
- Бисмарк Оттон фон (1815—1898), немецкий политический деятель, канцлер Германской империи 317
- Богуслав XIV (1580—1637), герцог Померанский 147, 231
- Браге Нильс (1604—1634), генерал шведской службы 169
- Брезе Юрбен де Майе (1598—1650), маркиз де, французский маршал 201
- Брюи, военачальник 245
- Бувингхаузен-Вальмероде Бенджамин фон (1571—1635), советник герцога Иоганна Фридриха Вюртембергского 51
- Будовец из Будовца Вацлав (1551—1621), член чешской «директории» 84
- Бурбоны, французская королевская династия 27, 28, 38, 140, 142
- Бургсдорф Конрад фон (1595—1652), советник и оберкеммерер Фридриха Вильгельма Бранденбургского 232
- Буркхардт Иоганн, суконщик из Браунау 63
- Буркхардт Йоханнес (род. в 1943), историк 54, 56,
- Буркхардт Андреас (1594—1651), советник Эбергарда III Вюртембергского 234
- Буркхардт Якоб (1818—1897) историк 33
- Бутлер Вальтер (1600—1634), полковник императорской службы 151, 182, 183
- Бюкуа Шарль Бонаventura (1571—1621), фельдмаршал императорской службы 71, 76, 78, 79, 81, 105
- Ваза, королевская династия 74
- Вакерлинг, горожанин Нордлингена 188
- Валленштейн Альбрехт Эузелий Венцель фон (1583—1634), императорский военачальник, «генералиссимус» 14, 15, 24, 116—131, 133—135, 138, 139, 141, 146, 148, 160, 161, 163, 165—173, 177—185, 190, 195, 207, 224, 225, 243, 250, 267, 300—302, 309, 324,
- Валуа, французская королевская династия 27, 38, 325
- Вальдштайн Адам фон (1570—1638), ландгофмейстер Богемии, граф Священной Римской Империи 65
- Вандруцка Адам (1914—1997), австрийский историк 204
- Вартенберг Франц Вильгельм фон (1593—1661), граф, епископ Оснабрюкский 275, 278, 289
- Ватвиль, маркиз де, полковник испанской службы 314

- Веджвуд, Сесили Вероника (1910—1997), историк 19
- Вельзеры, банкирский дом 299
- Вельфы, династия 90, 110, 228, 232, 236, 266
- Венгерски Альбрехт фон (1590—1648), управляющий Валленштейна 121
- Венцель Феликс 83
- Верт Иоганн фон (1591—1652), военачальник баварской и императорской службы 185, 186, 190, 206, 217, 219, 220, 225, 253, 254, 256, 258, 259, 261—263, 276, 302, 309
- Веттины, династия 45, 46, 55, 87, 115, 291, 298, 317
- Видерхольт Конрад (1598—1667), комендант Гогентвиля 193
- Вильгельм (1592—1642), граф Нассау-Зиген 222
- Вильгельм (1598—1662), герцог Саксен-Веймарский 87, 90, 146
- Вильгельм II (1859—1941), германский император 317
- Вильгельм V (1602—1637), ландграф Гессен-Кассельский 106, 145—146, 158, 159, 178, 207, 227
- Вильгельм VI (1629—1663), ландграф Гессен-Кассельский 228, 251, 261
- Винченцо II Гонзага (1594—1627), герцог Мантуанский 140
- Вир Горацио барон де (1565—1635), английский военачальник в Пфальце, комендант Маннгейма 101
- Витте Ганс (Ян) де (1580—1630), финансист Валленштейна 121, 300
- Виттельсбахи, династия 45, 101, 104, 105, 163, 234, 291
- Виттенберг Арвид (1606—1657), граф, шведский фельдмаршал 244, 256, 257, 258, 286
- Виттих Карл (1840—1916), историк 153
- Вольфганг Вильгельм, пфальцграф Нойбургский (1578—1642) 105
- Врангель, Карл Густав (1613—1676), шведский военачальник и адмирал 260, 244, 248, 249, 260, 264, 275, 276, 282
- Вурмбранд Мельхиор (?—после 1637), барон, военный предприниматель 306
- Вурмзер фон Венденгейм, Николай Эрхард (ок. 1610—1634), полковник испанской службы 190, 191
- Габсбурги, династия 7, 12—15, 20, 26, 28—31, 34—38, 42, 45, 46, 50, 51, 54, 56, 58, 60, 70, 71, 73—75, 79—81, 85, 116, 117, 119, 123, 131, 135, 140, 149, 153, 157, 158, 160, 173, 177, 181, 183, 185, 187, 188, 194, 195, 197, 201, 204, 217, 218, 226—228, 242, 256, 259, 260, 263, 264, 270, 271, 273, 277, 280, 287, 301, 314, 316, 318, 319, 324, 325
- Галлас Матфей (1584—1647), граф, генерал-лейтенант и фельдмаршал императорской армии 141, 168, 182, 185, 186, 188, 190, 192, 206, 207, 210, 211, 233, 246—250, 256, 276
- Галласы, семейство 81
- Гарди Якоб де Ла (1583—1652), граф, шведский военачальник 302
- Гаррах Эрнст Адальберт (1598—1667), архиепископ Праги 285

- Гаррах Карл (1570—1628), надворный советник, тесть Валленштейна 119, 126
- Гаррахи, семейство 126
- Гацфельд Мельхиор фон (1593—1658), граф, императорский фельдмаршал 168, 208, 210, 251, 252, 256, 257, 258
- Гебриан Жан Батист Бюд де (1602—1643), французский маршал 221, 222, 224, 226, 228, 251—254
- Гейзо Иоганн (1593—1661), барон, генерал гессен-кассельской службы 262, 276, 283
- Гелеен, Готтфрид Гейн (1595—1657), баварский и императорский военачальник 262
- Генриетта Мария (1609—1669), английская королева 110
- Генрих IV (1553—1610), король Франции 26, 28, 34, 51, 57, 110
- Георг (1582—1641), герцог Брауншвейг-Люнебургский 229, 231
- Георг II (1605—1661), ландграф Гессен-Дармштадский 228, 276, 291
- Георг Вильгельм (1595—1640), курфюрст Бранденбургский 55, 105, 138, 153, 174, 231
- Георг Фридрих (1573—1638), маркграф Баден-Дурлахский 89, 90, 93, 95, 104, 239, 307
- Гер Луис де (1587—1652), нидерландский предприниматель 247
- Герике Отто фон (1602—1686), бургомистр Магдебурга 152, 153
- Гётц Иоганн (1599—1645), граф, императорский военачальник 170, 218, 220—223, 233, 256—258, 259
- Гинденбург Пауль фон (1847—1934), немецкий политический и военный деятель, президент Веймарской республики 318
- Гогенлоз Георг Фридрих (1569—1645), граф, военачальник на службе Фридриха V 71, 76
- Гогенцоллерн-Зигмаринген Эйтель Фридрих (1582—1625), епископ Оснабрюка 109
- Гогенцоллерны, династия 15, 47, 78, 87, 143, 291
- Гольк Генрих фон (1599—1633), граф, военачальник на датской и императорской службе 128, 167, 169, 170, 243
- Гонзага Ганнибал (1602—1668), герцог, военачальник императорской службы 244
- Гордон Иоганн (?—1642), полковник, комендант Эгера 182, 183
- Горн Густав (1592—1657), граф, шведский фельдмаршал 155, 158, 159, 161, 175, 178, 186—188, 191, 192, 220
- Готтхард, Аксель (род. в 1959), историк 56
- Гофкирхен Альбрехт фон (1600—1633), полковник императорской службы 171
- Гоэнногг Гоэ фон, Матфей (1583—1645), духовник курфюрста Саксонии, богослов 147
- Грайфены, династия 144, 231
- Григорий XV (1554—1624), папа Римский 102
- Гриммельсгаузен Ганс Якоб Кристоф фон (ок. 1622—1676), немецкий писатель 312
- Грифиус Андреас (1616—1664), немецкий поэт и драматург 311, 312
- Гронсфельд (Бронкхорст-Гронсфельд) Йост Максимилиан (1598—1662), граф, императорский военачальник 178, 283

- Густав Адольф (1593—1632), шведский король 7, 13—16, 109, 112, 116, 138, 142—144, 149, 150, 154—158, 160—163, 166—170, 173, 174, 176, 231, 286, 302—304, 306, 308, 316, 317
- Густав Адольф (1882—1973), кронпринц и король Швеции 318, 319
- Дампьер Анри Дюваль (1580—1620), граф, императорский фельдмаршал 71, 105
- Даубиц Эрхард Иоганн (ок. 1594—1658), полковник, комендант Нордлингена 188
- Деверу Вальтер (?—1639), капитан, убийца Валленштейна 183
- Девис Николай, городской секретарь 83
- Ден-Ротфельсер Мориц Адольф фон (ок. 1580—1639), генерал-вахмистр саксонской службы 203, 204
- Дефур Николая (1590—1651), барон, полковник императорской службы 123, 124, 125
- Дивальд Хельмут (1924—1993), историк 117
- Дикманн Фриц (1906—1969), историк 19
- Дитрихштейн Карл фон (1569—1627), князь, наместник Богемии 84
- Дитрихштейны, княжеский род 81
- Доротея Мария (1574—1617), княгиня Ангальт-Кётенская 309
- Дройзен-младший Густав (1838—1908), историк 15, 142
- Дройзен-старший, Иоганн Густав (1808—1884), историк 15, 16
- Дуглас Роберт (1611—1662), генерал-майор шведской службы, фельдмаршал 258
- Дюваль Якоб (1589—1634), барон, генерал шведской службы 158, 187
- Елизавета Стюарт (1596—1662), супруга Фридриха V Пфальцского 51, 74
- Ессенский Ян (1566—1621), ректор Пражского университета 82
- Жоан IV, герцог Браганский (1604—1656), король Португалии 240
- Зальм (Зальм-Райффершайд-Дик) Вильгельм Салентин (1580—1634), граф, полковник императорской службы 190, 191, 227
- Зеботтендорф Абрахам фон (1585—1664), глава тайного совета курфюрста Саксонии 263, 264
- Зеттерн Филипп Христофор фон (1567—1652), архиепископ-курфюрст Трирский 199, 212, 236, 265
- Зирбик Генрих (1878—1951), историк 183
- Зольмс (Зольмс-Гогензольмс-Лих) Филипп Рейнгард (1593—1635), граф, протестантский военачальник 145, 219
- Зольмс (Зольмс-Гогензольмс) Германн Адольф (?—1626), граф, полковник датской службы 125, 135
- Изабелла Клара Евгения (1566—1633), испанская инфанта, эрцгерцогиня 100
- Илло Кристиан фон (1585—1634), фельдмаршал императорской службы, соратник Валленштейна 181, 182, 183

- Иоахим Эрнст (1583—1625), маркграф Бранденбург-Ансбахский 108
- Иоганн (1584—1635), пфальцграф Цвайбрюккенский 108
- Иоганн Альбрехт (1590—1636), герцог Мекленбург-Гюстровский 130, 173, 174
- Иоганн Георг I (1585—1656), курфюрст Саксонии 55, 72, 105, 114, 135, 138, 146, 147, 148, 154, 156, 161, 167, 175, 187, 194, 203, 204, 205, 210, 238, 243, 256, 263, 264, 278, 280, 291, 307
- Иоганн Фридрих (1582—1628), герцог Вюртембергский 97
- Иоганн Эрнст (1594—1626), герцог Саксен-Веймарский 113, 135
- Йонас Юлиус Эрнст (1878—1965), берлинский архитектор 183
- Каас Моргенс (1570—1656), полковник датской службы 124
- Кагге Ларс (1595—1661), комендант Регенсбурга 186
- Казы-Гирей (1551—1607), крымский хан 29
- Калло Жак (1592—1635), французский гравер и рисовальщик 314
- Кальвин Жан (1509—1564), реформатор Церкви 41, 43
- Кампманн Кристоф (род. в 1961), историк 59, 233
- Каплерж из Сулевиц, Каспар (1541—1621), советник короля Богемии, юрист 82
- Карл (1598—1625), маркграф Баден-Дурлахский, сын Георга Фридриха 91, 96, 95—96
- Карл I (1600—1649), английский король 110
- Карл I Гонзага (1580—1637), герцог Неверский, герцог Мантуанский 141
- Карл IV (1604—1675), герцог Лотарингский 190, 192, 217, 221
- Карл IV Люксембург (1316—1378), император Священной Римской Империи 63
- Карл V (1500—1558), испанский король и император Священной Римской Империи 36, 38, 42, 141
- Карл XII (1682—1718), шведский король 317
- Карл Великий (742—814), франкский император 30
- Карл Густав (Карл X) (1622—1660), пфальцграф Биркенфельдский, шведский король 286, 292, 320, 321
- Карл Людвиг (1617—1680), пфальцграф рейнский, сын курфюрста Фридриха V 212, 281, 292
- Карл Смелый (1433—1477), герцог Бургундии 26
- Карл Эммануил (1562—1630), герцог Савойской 140
- Каролинги, династия 6
- Кафка Вацлав Августин, королевский судья в Праге 285
- Квацца Ромоло (1884—1961) историк 140
- Кверфурт Август (1696—1761), немецкий художник 315
- Кенигсмарк Ганс Кристоф (1600—1663), граф, шведский военачальник 255, 283—286
- Киджи Фабио (1599—1667), папский нунций 289
- Кинг Джеймс (1589—1652), генерал шведской службы 208
- Кински Вильгельм (1574—1634), граф 182, 183

- Клавдия, эрцгерцогиня Тирольская (1604—1648) 193, 233, 234, 292
- Клезль Мельхиор (1552—1630), архиепископ Венский, кардинал 55, 73
- Клопп Онно (1822—1903), историк 15
- Книппгаузен-Иннгаузен Додо цу (1583—1636), генерал шведской службы 169—171
- Колаальто Ромбальдо (1579—1630), граф, императорский военачальник 141,
- Коллоредо (Коллоредо-Вальдзее) Рудольф (1585—1657), граф, имперский тайный советник, фельдмаршал, губернатор Праги 123, 124, 168, 284—286
- Колонна фон Фельс, Леонард (1565—1622), фельдмаршал войск богемской короны 60, 61, 68, 71
- Конти Торквато (1591—1636), герцог ди Пола, фельдмаршал императорской службы 145
- Концен Адам (1571—1635), иезуит, духовник курфюрста Баварии 132, 134
- Кордова Гонсало Фернандес де (1585—1635), испанский военачальник 90, 93—96, 99, 100
- Кратц фон Шарффенштейн Иоганн Филипп (1591—1635), граф цу, барон фон Ризенбург, фельдмаршал шведской службы 188, 189, 192
- Кребс Юлиус, историк 80
- Кронберг Адам Филипп (?—1634), граф, полковник на службе Лиги 124
- Кронберг Иоганн Швайкхард (1553—1626), граф, архиепископ-курфюрст Майнцкий 55, 58
- Крюссманн Вальтер, историк 111
- Куртуа Жак (1621—1676), художник и гравер 314, 315
- Курц Фердинанд Зигмунд (1592—1659), граф, императорский резидент 203
- Кучински Юрген (1904—1997), историк 20
- Ла Форс Жак Гаспар де Комон (1558—1652), герцог, французский маршал 199
- Ламбуа Гийом (1590 или 1600—1658), граф, императорский военачальник 220—222, 252, 283
- Ламормен, Вильгельм (1570—1648), иезуит, духовник Фердинанда II 132, 216
- Лассо Орландо ди (1532—1594), фламандский композитор 312
- Леганес Диего Мексия Фелипес де Гусман (1580—1655), маркиз, испанский военачальник 190
- Лейбельфинг Август фон (1612—1632), паж короля Густава Адольфа 173
- Лейбер Иоганн (1588—1652), советник Иоганна Георга Саксонского 278
- Лейзер Вильгельм (1592—1649), саксонский богослов 147
- Лео Эрих, историк 192
- Леопольд Тирольский (1586—1632), епископ Пассау и Страсбурга, эрцгерцог Верхней Австрии 53, 193
- Леопольд Вильгельм (1614—1662), младший сын Фердинанда II, эрцгерцог 136, 224, 233, 244—246, 273, 276, 314,
- Лерма Франсиско Гомес де Сандоваль-и-Рохас (1552 или 1553—1625), герцог, фаворит испанского короля Филиппа III 74

- Лесли Александр (ок. 1580—1661), граф Ливен, фельдмаршал шведской службы 208
- Лесли Вальтер (1607—1667), полковник 182
- Леффлер Якоб (1582—1638), правовед, канцлер герцога Вюртембергского, член Consilium formatum 194
- Лилиенхек Иоганн Нильссон (?—1642), шведский генерал 245
- Линдсдау Иоганн, барон, полковник датской службы 124
- Линк Отто (1884—1955), председатель шведско-немецкого общества города Лютцена 318
- Линстов (Линстов-Беллин) Николаус (Клаус) фон, полковник пфальцской службы 91
- Лобкович Матфей Диппольд фон (1564—1619), великий приор ордена Св. Иоанна 65
- Лобкович Поликсена фон (1566—1642) 66
- Лобкович Венцель Эузелий фон (1609—1677), князь 257
- Лобкович Вильгельм Попель фон (?—1637), оберландгофмейстер короля Чехии 83
- Логелиус Иоганн (1549—1622), архиепископ Праги 63
- Ломницкий Симон (1552—1622), чешский литератор
- Лонгвиль Анри д'Орлеан (1595—1663), герцог де 222
- Лохаузен (собственно Калькум) Вильгельм фон (1584—1640), полковник датской службы 124
- Людвиг (1579—1650), князь Ангальт-Кётенский 309—311
- Людвиг V (1566—1626), ландграф Гессен-Дармштадтский 106, 114
- Людовик XIII (1601—1643), король Франции 34, 51, 110, 200, 218, 241, 265
- Людовик II де Бурбон (1621—1686), герцог Энгиенский, герцог Конде 241, 254, 255, 261, 262, 263, 309
- Лютер Мартин (1483—1546), немецкий реформатор 10, 22, 40, 41
- Лютцов Курт фон (ум. в 1670), императорский дипломат 236
- Магдалена Сибилла (1586—1659), курфюрстина Саксонская, супруга Иоганна Георга I 263
- Магнус (1594—1622), герцог Вюртембергский 94—99, 107, 108, 131
- Мадло Ганс Георг (ум. в 1643), полковник императорской службы 244
- Мазарини Джулио ди Пешина (1602—1661), кардинал 16, 142, 247, 254, 261, 272, 275, 279, 282, 288—289, 290
- Макдэниэл (Макдоннелль) Денис (Дионисий), капитан 183
- Максимилиан (1573—1651), герцог и курфюрст Баварский 48—51, 54, 57, 58, 74, 77, 86, 104, 106, 107, 109, 115, 119, 120, 127, 130—133, 138, 149, 161—163, 165, 179, 180, 186, 187, 193, 195, 238, 273, 279
- Манн Голо (1909—1904), историк 117, 183
- Маннергейм Карл Густав (1867—1951), политический и военный деятель Финляндии, президент 318, 319
- Мансфельд Вольф (1575—1638), граф, егермейстер Фердинанда II 213

- Мансфельд Петер II Эрнст (1580—1626), граф, протестантский военачальник 87, 72, 75, 76, 87—95, 99, 100, 102, 103, 113, 114, 121—123, 125, 128, 143, 307
- Мансфельд Филипп (1589—1657), граф, императорский военачальник 223
- Маньи, Валериано (1586—1661), капуцин, дипломат, писатель 126—127
- Марадас, Бальтазар (1560—1638), императорский военачальник, фельдмаршал, наместник Богемии 77, 85
- Марадасы, семейство 81
- Мария Анна Австрийская (1634—1696), королева Испании 274
- Мария Леопольдина (1632—1649), эрцгерцогиня Тирольская, императрица 284
- Мария Медичи (1575—1642), королева Франции 34, 51
- Мария Элеонора (1599—1655), королева Швеции 173
- Мартиниц Ярослав Боржита (1582—1649), бургграф Карлштейна и наместник короля Богемии в Праге 61, 62, 65, 66, 67
- Масарик Ян (1886—1948), министр иностранных дел Чехословакии 66
- Матфей (1557—1619), император Священной Римской Империи 52, 53, 55, 60, 61, 63, 64, 73, 138
- Медичи, династия 38
- Меландер Отто (1571—1640), правовед и дипломат на службе Фердинанда II 82
- Меландер Петер (1589—1648), граф фон Хольцапфель, генерал императорской службы 227, 276, 277, 282, 283
- Меланхтон Филипп (1497—1560), лютеранский богослов 41, 43
- Мело Франсиско де (1597—1651), граф Ассумар, маркиз де Торделагуна, капитан-генерал испанской службы 241
- Мервен Генрих ван дер, полковник, комендант Гейдельберга 101
- Мериан Матфей (1593—1650), гравер и художник 243, 313
- Мерси Франц фон (1597—1645), барон, командующий имперско-баварской армии 251—256, 261—263, 302, 308
- Меттерних (Меттерних цу Броль), Генрих фон (ум. в 1654), декан в Вимпфене, наместник курфюрста Баварии в Пфальце 104
- Мидларж (Мыдларж), Ян (Иоганн Зайфенмахер) (1572—1664), пражский палач 83, 84
- Мидларж (Мыдларж), Ян Вацлав, пражский палач 84
- Мислик Иоганн (Ян) Зигмунд (1606—1666), барон, полковник императорской службы, фельдмаршал-лейтенант 244
- Монро Роберт (ум. в 1680), шотландец на шведской службе, полковник 150
- Монтекукколи, Раймондо (1609—1680), граф, генерал-лейтенант императорской службы 339
- Мориц V Ученый (1572—1632), ландграф Гессен-Кассельский 106, 107, 115
- Мориц, герцог Саксонский (1619—1681) сын курфюрста Иоганна Георга I 263
- Мориц, князь Нассау-Оранский (1567—1625) штатгальтер Нидерландов 33, 100, 113

- Мортень Левин фон (ум. в 1626), полковник баварской службы 101
- Морцин (Мараццини, Марацин), Камилл (1585 или 1600—1646), граф, полковник и генерал-вахмистр саксонской и императорской службы 204
- Мошерош Иоганн Михаэль (1601—1669), немецкий писатель 311, 312
- Мюнклер Херфрид (род. в 1951), политолог 7
- Наполеон Бонапарт (1769—1821), император Франции 317
- Нассау-Гадамар Иоганн Людвиг (1590—1653), князь, императорский дипломат 287
- Нойманн Иоахим (ум. в 1634), ротмистр, секретарь в канцелярии Валленштейна 183
- Обернтраут Иоганн Михаэль, в 1622 г. полковник пфальцской службы 91
- Одовальски (Оттовальдо, Отто Вальски) Эрнст (1592—1672), ротмистр императорской службы 283, 284
- Оксенштирна Аксель (1583—1654), граф Сёдермере, канцлер Швеции 144, 149, 166, 174, 175, 177, 187, 192, 194, 201, 204, 209, 229, 232, 233, 246, 272, 274, 323
- Оксенштирна Иоганн Аксельсон (1611—1657), граф, шведский дипломат и военачальник 289
- Опитц Мартин (1597—1639), немецкий поэт 311, 312
- Ортенбург Генрих VIII (1594—1622), граф, полковник на службе Мансфельда 100
- Отто Людвиг (1597—1634), рейнграф Зальм-Кирбург-Мерхинген, генерал шведской службы 124, 188, 193, 200
- Павел I (1754—1801), российский император 321
- Павел из Ржичан, участник восстания 1618 г., член директории 65, 83
- Палфи Стефан II (ум. в 1646), граф, генерал легкой венгерской конницы на императорской службе 192
- Паппенгейм Готфрид Генрих (1594—1632), граф цу, генерал на службе католической Лиги и императора 152, 153, 155—157, 168, 169—173, 302, 309
- Пахельбель Вольф Адам (1599—1649), бургомистр Эгера 183
- Петерс Ян (1932—2011), историк 24
- Петр I Великий (1672—1725), российский император 231
- Пикколомини Оттавио (1599—1656), герцог Амальфи, князь Священной Римской Империи рыцарь Мальтийского ордена, генерал-лейтенант и фельдмаршал императорской армии 169, 170, 171, 176, 181, 185, 190—192, 206, 211, 224—226, 233, 243, 244, 246, 250, 259, 311, 314
- Писториус Иоганн Эрнст (1605—1680), советник и дипломат Иоганна Георга I Саксонского 278
- Полишенский Йозеф (1915—2011), историк 116
- Помпеи (Помпео) Тони (Томмазо) (1610 или 1611—1654), граф д'Иласси, полковник и фельдмаршал-лейтенант императорской службы 244

- Поршнев Борис Федорович (1905—1972), историк 140
- Пресс Фолькер (1939—1993), историк 22
- Пухгейм (Бухгейм) Ганс Кристоф III (1605—1657), граф фон, тайный советник и фельдмаршал императорской службы 285, 286
- Равальяк Франсуа (1578—1610), убийца французского короля Генриха IV Бурбона 34, 51
- Райнак Ганс Генрих IX (1589—1645), барон фон, комендант Брайзаха 124, 222
- Райнхард Вольфганг (род. в 1937), историк 22
- Ракоци Дьёрдь I (Георгий) (1593—1648), князь Трансильвании 255, 259, 260
- Ранке Леопольд фон (1795—1886), историк 15, 117
- Ранцау Иосиас (1609—1650), военачальник датской службы, маршал Франции 253, 254,
- Рат Арнольд (1599—1671), профессор университета в Ингольштадте 163
- Рейтц Роберт Франц (род. в 1968), историк 250
- Репген Конрад (1923—2017), историк 232
- Риттер Мориц (1840—1923), историк 16
- Ришелье Арман Жан дю Плесси (1585—1642), герцог де, кардинал, первый министр короля Людовика XIII 14, 17, 110, 114, 116, 140—142, 149, 159, 199, 200, 202, 206, 213, 214, 218, 223, 228, 232, 234, 236, 240, 241, 251, 325
- Робертс Майкл (1908—1997), историк 143
- Роган Генрих (1579—1638), герцог, французский военачальник, лидер гугенотов 114, 219
- Роган Бенжамен де, герцог Субиз (1580 или 1583—1642) 114
- Роза Сальватор (1615—1673), итальянский художник 315
- Розен Рейнгольд фон (1605—1667), полковник и генерал шведской и французской службы 224, 252, 261
- Розенталь (Турек фон Розенталь) Николай Франц (ум. в 1672), бургомистр Старого города Праги 285
- Ройшенберг (Ройшенберг цу Зеттерих), Иоганн Эрнст (1603—1660), барон фон, рыцарь Немецкого Ордена, фельдмаршал баварской и императорской службы 256
- Ромплер (Ромплер фон Левенхальт) Исая (1605—1672), немецкий поэт 310
- Ростопчин Федор Васильевич (1763—1826), московский губернатор 153
- Роткирх Венцель фон (1597—1655), шталмейстер короля Христиана IV Датского 125
- Ругендас, семья немецких художников 315
- Рудегар (Радюю) де Суш Жан Луи (1608—1682), барон, полковник шведской и императорской службы, защитник Брно от шведов, позже фельдмаршал-лейтенант 260
- Рудольф II (1552—1612), император Священной Римской Империи 28, 34, 47, 49, 52, 53, 55, 138, 302
- Рупрехт, пфальцграф Рейнский (1619—1682), герцог Кэмбер-

- лендский, сын курфюрста Фридриха V 78
- Рутвен Патрик (Петер) (1582—1651), шотландец, генерал-лейтенант шведской службы 204
- Савелли Федерико (ум в 1649), герцог, фельдмаршал императорской службы 217, 219, 220, 221, 222, 233
- Сальвиус Иоганн Адлер (1590—1652), шведский дипломат 236, 265, 266, 267, 272
- Селендер (Селендер из Проссо-виту) Вольфганг, аббат в Браунау 62, 63
- Сербони (Цербони) Томаззо (ум. в 1629), полковник императорской службы 123, 125
- Сикст из Оттердсдорфа Ян Теодор (ум. в 1653), член чешской директории 83
- Скультет Абрахам (1566—1624), профессор богословия и надворный проповедник курфюрста Фридриха V Пфальцкого 75
- Славата Вильгельм (1572—1652), земский судья и бургграф Карлштейна, королевский наместник в Праге, позже старший канцлер богемской короны и граф Священной Римской Империи 62, 66, 67
- Смержицкие, чешский дворянский род 64, 117, 119
- Снайерс Питер (1592—1667), фламандский художник 314
- Спинола Амброджо (1569—1630), маркиз Лос-Балбасес, испанский военачальник, командуемый армией во Фландрии 88, 100, 141, 142, 240
- Стадион Иоганн Каспар (1567—1641), граф фон, глава Немецкого Ордена, президент имперского тайного и военного совета 193
- Стюарты, английская королевская династия 27, 110
- Суи Эрнст Роланд (1606—1645), барон де Гризар, граф фон, генерал-фельдцейгмейстер императорской службы 245
- Суньига Бальтазар де (1561—1622), посол Испании при дворе Фердинанда II, председатель государственного совета при Филиппе IV Испанском 74
- Таупадель Георг Кристоф (1600—1647), генерал шведской и французской службы 219, 220
- Таупадель, саксонский дворянский род 227
- Терцки (собственно Трчка из Липы) Адам Эрдманн (1599—1634), граф, фельдмаршал императорской службы, свояк и приближенный Валленштейна 181—183
- Тилли Иоганн Черккласс фон (1557—1632), граф, генерал-лейтенант баварской и императорской службы 50, 76, 77, 79, 91—97, 99, 101, 103, 105, 107, 109, 112, 113, 121—127, 135, 139, 150—152, 154—158, 160—164, 243, 301, 302, 306, 307, 319
- Тилли Вернер Черккласс фон (ок. 1595—1651), граф, племянник Иоганна Тилли
- Тиффенбах Рудольф фон (1582—1653), барон, надворный военный советник императора, фельдмаршал императорской службы 145

- Томмазо, герцог Савойский (1596—1656), князь Кариньяно, генерал испанской службы 206
- Торальто де Арагон, маркиз де Тола, Каспаро (1587—1641) испанский полковник 190
- Торстенсон Леннарт (1603—1651), граф Ортала, фельдмаршал-генералиссимус шведских войск 155, 156, 208, 224, 241—250, 255—260, 307, 309
- Тотт (Тодт) Аке (Ахаций) (1598—1640), полковник шведской службы, позже генерал-майор и фельдмаршал 304
- Трандорф Кристоф фон (ум. в 1650), подполковник саксонской службы 245
- Траутмансдорф Максимилиан (1584—1650), барон фон и цу, граф, императорский дипломат и глава тайного совета 193, 216, 228, 268, 269, 271—275, 277—279, 281, 282, 287, 288
- Трост (ум. в 1631), подполковник на службе Христиана Вильгельма маркграфа Бранденбургского, защитник Магдебурга 152
- Трукмюллер (Друкмюллер, Трукмюллер фон Мюльберг) Георг (1595—1659), барон цу Прунн, сеньор Роггенштейн, полковник баварской и императорской службы, фельдмаршал-лейтенант 253
- Туара Жан де Кейлар де Сен-Бонне (1585—1636), маркиз де, маршал Франции 141
- Тумбскхирн Вольфганг Конрад (1604—1667) фон, советник герцога Саксен-Альтенбургского, участник вестфальских переговоров 278
- Турн (Турн-Вальсассина) Генрих Маттиас (1567—1640), граф фон, барон цу Вальсассина, командующий войсками чешской директории, генерал-лейтенант шведской службы 60—62, 64, 65, 68, 71, 74—78, 81, 179
- Турн Иоганн Якоб (ум. в 1643), граф фон, полковник шведской службы 191
- Тюдоры, английская королевская династия 27
- Тюренин Анри де ла Тур д'Овернь (1611—1675), виконт де, маршал Франции 254, 255, 261, 262, 275, 276, 282, 283
- Урбан VIII (Маффео Барберини) (1568—1644), папа Римский 214, 289
- Уффано Диего (ум. в 1613), испанский военный инженер, автор трактата об артиллерии 306
- Фабриций Якоб (1593—1654), надворный проповедник герцога Померанского, духовник и войсковой суперинтендант короля Густава Адольфа 169, 170
- Фабрициус Филипп (перед 1608—1628), секретарь богемской королевской канцелярии 65, 66
- Фалькенберг Мориц (ум. в 1632), подполковник императорской службы 170
- Фалькенберг Дитрих фон (1580—1631), полковник шведской службы, комендант Магдебурга 150, 151, 152, 153
- Фёкьер Манассе де Па (1590—1643), маркиз де, французский дипломат и военачальник 212

- Фердинанд (1577—1650), архиепископ и курфюрст Кельнский 251, 279
- Фердинанд I (1503—1564), император Священной Римской Империи 42
- Фердинанд II (1578 — 1637), король Богемии и Венгрии, император Священной Римской Империи 54, 60—62, 64, 68—70, 73, 74, 80, 81, 83, 85—88, 103—107, 109, 111, 112, 114, 115, 119—121, 126, 130, 132—141, 144, 146—148, 152, 154, 157, 159, 160, 163, 165, 181, 182, 185—187, 194, 198, 211—213, 216, 312, 314
- Фердинанд III (1608—1657), король Венгрии и Богемии, император Священной Римской Империи 185, 201, 212—216, 225, 228, 232—237, 239, 251, 259, 260, 263, 265—268, 274, 276, 279, 282, 284, 287—289, 292, 312
- Фердинанд Австрийский (1609—1641), испанский инфант, кардинал и наместник Нидерландов 185, 187, 200, 206, 240, 267, 276, 314
- Фериа Гомес Суарес де Фигероа и Кордова (1587—1634), герцог, наместник Милана 185
- Филипп (1604—1626), сын Морица Гессен-Кассельского 115, 125, 135
- Филипп II (1527—1598), король Испании 38,
- Филипп III (1578—1621), король Испании 34, 74
- Филипп IV (1605—1665), король Испании 110, 200
- Финд Йорг (1593—1644), датский адмирал 248
- Фицтум (Фицтум фон Экштедт) Иоганн (Ганс) (1595—1648), генерал-майор шведской службы 189
- Фицтум (Фицтум фон Экштедт) Дам (Там) (1595—1638), генерал-майор саксонской службы 203, 204
- Фицтум, саксонский дворянский род 227
- Фольмар Исаак (1582—1662), барон фон Риден, императорский дипломат 287
- Франк Ганс Ульрих (1603—1675), немецкий художник 314
- Франц Гюнтер (1902—1992), историк 18
- Фридрих (1594—1626), пфальцграф Биркенфельдский 96
- Фридрих (1594—1659), маркграф Баден-Дурлахский, сын Георга Фридриха 89
- Фридрих (Фредерик) III (1609—1670), датский кронпринц и король 249
- Фридрих II Великий (1712—1786), прусский король 149
- Фридрих III (1515—1576), курфюрст Пфальца 43
- Фридрих V (1596—1632), курфюрст Пфальца 51, 57, 72—75, 78, 80, 82, 83, 85—88, 91—94, 99, 101—103, 105, 111, 159, 163, 195, 197, 212
- Фридрих (1596—1622), герцог Саксен-Веймарский 100
- Фридрих Вильгельм (1620—1688), курфюрст Бранденбургский 231, 232, 238, 274
- Фридрих Генрих (1584—1647), принц Оранский, штатгальтер Нидерландов 113, 231

- Фриз Адриан де (1556—1626), голландский скульптор 285
- Фрювайн (Фробений) Мартин (ум. в 1621), участник восстания сословий, член чешской директории, прокуратор 81
- Фуггер Якоб (1606—1632), граф, сеньор Бабенхаузен, полковник императорской службы 167
- Фукс (Фукс фон Бимбах) Иоганн Филипп (1567—1626), барон фон, генерал датской службы 113, 121, 124—126
- Фуэнклар Энрике д' Алагон и Пиментель Колонна (1602—1651), граф, испанский военачальник 191
- Фюрстенберг (Фюрстенберг-Хайлигенберг) Эгон (1588—1635), граф фон, генерал-фельдцейгмейстер баварской службы 91, 156
- Хаан Хайнер (1936—2015), историк 132
- Хагендорф Петер, солдат 24
- Хаммерштайн (Хаммерштайн-Экворд) Курт фон (1878—1943), генерал рейхсвера 319
- Хебарн (Хеброн) Джон (1598—1636), шотландец, полковник датской, шведской и французской службы 150
- Хельмштадт Плейкхард (Блейкард) фон (ум. в 1636), полковник баденской службы 95, 97
- Хемнитц Филипп Богуслав (1605—1678), историк и правовед 208
- Херберсторф Адам фон (1585—1629), граф фон, полковник баварской службы 95
- Хильтер Асфер фон, генерал-аудитор баварской службы 92
- Хортледер Фридрих (1579—1649), надворный советник герцогства Саксен-Веймар, историк и литератор 132
- Христиан IV (1577—1648), король Дании 108, 109, 111, 112, 115, 121, 125—128, 246—248, 307
- Христиан I Ангальт-Бернбург Старший (1568—1630), наместник Верхнего Пфальца, советник и дипломат курфюрста Фридриха V 51, 75, 76, 77, 87
- Христиан Ангальт-Бернбург Младший (1599—1656), младший сын Христиана I 76, 77
- Христиан, герцог Брауншвейгский (Брауншвейг-Вольфенбюттель) (1599—1626) 89, 90, 99, 100, 101, 102, 103, 107, 109, 114
- Христиан, герцог Саксонский (Саксен-Мерзебург) (1615—1691), сын курфюрста Иоганна Георга I Саксонского 263
- Христиан, маркграф Бранденбург-Кульмбахский 108
- Христина (1626—1686), королева Швеции 144, 285
- Христофор, маркграф Баден-Дурлахский (1603—1630), сын Георга Фридриха, маркграфа Баден-Дурлахского 91
- Хуртер Фридрих Эммануэль (1787—1865), историк и теолог 15
- Цееден Эрнст Вальтер (1916—2011), историк 22
- Цезен Филипп фон (1619—1689), немецкий поэт и писатель 310, 311
- Червелони (Сербеллони) Джованни Мария (1590—1638), граф ди

- Кастильоне д'Адда, генерал испанской службы 190
- Черквоцци Микеланджело (1602—1660), итальянский художник 315
- Черчилль Уинстон (1874—1965), премьер-министр Великобритании 18
- Шафгоч Ганс Ульрих (1595—1635), граф фон, генерал императорской службы 185
- Шаффелички (Шаффелички фон Мюкадель) Бурхард (Бернгард) фон (1591—1641), советник герцога Вюртембергского, генерал-майор шведской службы 221
- Швайнсберг Иоганн Бернгард Шенк фон и цу (1584—1632), аббат Фульдский 170
- Шварценберг Адам (1583—1641), граф фон, советник Георга Вильгельма Бранденбургского 231, 232
- Шварценберг Георг Людвиг (1586—1646), граф фон, императорский дипломат 128
- Шенберг (Шенбург) Отто Фридрих (1589—1631), барон фон, полковник баварской службы 124
- Шенберг Каспар фон (1570—1629), глава тайного совета курфюрста Саксонии 231
- Шенберг, саксонский дворянский род 227
- Шёнборн Иоганн Филипп фон (1605—1673), курфюрст и архиепископ Майнцский 288
- Шиллер Фридрих (1759—1805), немецкий литератор, философ и историк 12—14
- Шиллинг Хайнц (род. в 1942), историк 22
- Шинкель Карл Фридрих (1781—1841), архитектор 317, 318
- Шланген (Сланг, Сланге) Эрик (1600—1642), генерал-майор шведской службы 245
- Шлейниц Иоахим фон (ум. в 1644), полковник и генерал саксонской службы, комендант Лейпцига 245
- Шлик Андрей (Иоахим Андреас) (1569—1621), граф, член чешской директории 60, 76, 78, 82—84
- Шлик (Шлик цу Бассано и Вайсензее) Генрих (1580—1650), граф фон, полковник и фельдмаршал императорской службы, президент Военного совета 122, 165
- Шмидт (ум. в 1631), капитан на службе маркграфа Бранденбургского Христиана Вильгельма, защитник Магдебурга 152
- Шмидт (ум. в 1648), подполковник императорской службы, защитник Праги 284
- Шмидт Бартоломей, кальвинист из Седана, полковник пфальцской службы, комендант Дильсберга 91
- Шмидт Георг (род в. 1951), историк 22, 197, 277
- Шмидт (Шмидт фон Велленштейн) Ганс Георг (ум. в 1634), капитан баварской службы 92
- Шомберг Анри де (1575—1632), граф Нантейль, маршал Франции 142
- Штаршедель, саксонский дворянский род 227
- Штауфены, императорская династия 140, 175
- Штейнберг Зигфрид Генрих (1899—1969), историк 19, 20, 297
- Штельганс Торстен (1593—1644), полковник шведской службы 244

- Штенбок Фредрик (1607—1652), полковник смоландского полка 170
- Штернберг Франчишек (Франц) Матфей Карл (1612—1648), граф 284
- Штернберг Адам фон (1553—1633), старший бургграф чешской короны 65
- Штурмбергер Ганс (1914—1999), историк 106, 132
- Шуленбург Альбрехт фон дер (1609—1642), шталмейстер короля Густава Адольфа 170
- Шютц Генрих (1585—1672), немецкий композитор 312
- Эбергард III (1614—1674), герцог Вюртембергский 175, 193, 195, 197, 213, 227, 234, 239, 292, 296
- Эберштейн Эрнст Альбрехт фон (1605—1676), генерал-фельдмаршал гессен-кассельской службы 252
- Эггенберг Ганс Ульрих фон (1568—1634), граф, президент имперского тайного совета 119, 160, 163, 169, 181
- Эмден Кристоф (1569—1636), граф Восточной Фрисландии, полковник баварской службы 96
- Эрлах Ганс Людвиг (1595—1650), генерал-майор, соратник Бернгарда Саксен-Веймарского 219, 221, 223,
- Эрнестины, династия 223
- Эскобар, в 1634 г. майор испанской службы 189
- Яков I Стюарт (1566—1625), английский король 51, 74, 88, 103, 110
- Ян из Востровиц, участник чешского восстания 1618 г. 83

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. От национального мифа к мифу глобализации	5
Глава 1. Термин	8
Глава 2. Война после войны: этапы осмысления	12
Барокко и Пиетизм	12
Шиллер и Просвещение	13
Пробуждение и XIX в.	14
1648 г. как мотив и призыв к реваншу	17
Перелом. Война перестает быть немецкой	18
Дискуссии 50—60-х гг. З. Г. Штейнберг и К. Репген	19
Война сквозь призму структурализма	21
Война и конфессионализация	22
Историко-антропологическая альтернатива? Взгляд из космоса и с земли	23
Глава 3. Новые войны по старым правилам?	26
Европа охвачена войной	26
Честь, репутация, гегемония и патриотизм	29
Влияние религиозного раскола?	31
Старая кухня войны?	32
Империя вне войны?	34
Глава 4. Причины: Империя и в Империи?	36
Империя как иерархия	36
Германия «отечество немецкой нации»	38
Наследие Реформации. Условия Аугсбургского мира	39

Религиозное развитие после 1555 г. Успехи кальвинизма . . .	43
Конфессионализация	43
Кризис согласия	45
Паралич институтов	47
Спор вокруг Донауверта. Уния и Лига (1608—1609)	48
«Распря братьев» и династический кризис Габсбургов	51
Рост напряженности и слабость «умеренных» сил	54
Война неизбежна?	56
Глава 5. От Праги до Регенсбурга: 1618—1630 гг.	60
I. Восстание в Богемии	60
Истоки движения 1618 г. Фердинанд — король Богемии . . .	60
Браунау и Клостерграб	62
«Дефенестрация» 23 мая	64
Характер движения и реакция в Германии	68
Первые шаги «директории». Акт конфедерации 1619 г.	70
Равновесие сил и поиск союзников	70
Фридрих Пфальцкий — король Богемии. Мятеж становится имперским конфликтом	73
Начало конца. Турн под Веной. Заблат (1619 г.)	75
Кампания 1620 г. Белая гора (8 ноябрь 1620 г.)	76
Белая гора и историческая память	78
Саксонцы в Лауцице. Взятие Бауцена	80
Богемия под властью Фердинанда: реставрация католицизма, репрессии и перестройка	80
Казнь 21 июня 1621 г.	81
Значение 1620 г. для чешских земель	84
II. Битва за Пфальц и крушение Унии	85
Неизбежность продолжения борьбы?	85
Раскол элиты	87
Опала Фридриха и паралич Унии. Судьба Пфальца predetermined	87

Кампания 1621 г. Мансфельд и Христиан Брауншвейгский	89
Весенняя кампания 1622. Вислох — Мингольсхайм (27 апреля)	90
Вимпфен (6 мая). Гибель Магнуса Вюртембергского.	94
Летняя кампания. Гехст (20 июня)	99
Мансфельд и Христиан покидают Пфальц. Флерюс (29 августа 1622 г.)	99
Борьба за крепости. Капитуляция Гейдельберга и Франкентала (октябрь 1622—март 1623 г.)	100
Мансфельд во Фрисландии. Штадлон (август 1623 г.) ...	102
Конец борьбы? Условность хронологии	103
Промежуточный итог и изменение баланса сил	104
Регенбургский съезд 1623 г. — зеркало раскола	105
Гессенский вопрос	106
Умонастроения протестантской знати	107
III. Датская война и кульминация успехов императора и Лиги	108
Христиан IV Датский	108
Европейский аспект: Франция, Англия, Нидерланды	110
Толчок со стороны побежденных: Мансфельд	111
Христиан IV и нижнесаксонский округ. Разрыв с Фердинандом	111
Гаагский альянс. Слабость внешнего фактора.	113
Вопрос императорской армии	115
Валленштейн	116
Создание новой армии	119
Валленштейн и Тилли. Подготовка кампании	121
На востоке: Дессауский мост (26 апреля)	121
Силезия, Трансильвания, Далмация. Завершение восточной кампании	122
На западе: Луттер (27 августа 1626 г.)	123

Свидание в Бруке-на-Лейте. Валленштейн — генералиссимус	126
Окончание датской кампании и Любекский мир	127
Валленштейн и Балтика	128
Итоги кампании. Валленштейн — генералиссимус и герцог Мекленбургский	130
Абсолютизм императора?	131
Эдикт о реституции (март 1629 г.): крушение иллюзий и начало нового кризиса	133
Глава 6. От Регенсбурга до Праги: 1630—1635 гг.	137
Съезд в Регенсбурге и перелом	137
Мантуанское наследство (1627—1631 гг.)	140
Причины шведского вторжения	142
Шведы в Штеттине. Силы вторжения и реакция сословий. Возобновление внутренней войны.	144
Лейпцигский конвент (февраль—апрель 1631 г.)	146
Договор в Бервальде	148
От Одера до Эльбы: Гарц, Нойбранденбург, Франкфурт (январь—апрель 1631 г.)	149
Магдебург (10 мая 1631 г.)	151
От Магдебурга до Коссвига (май—сентябрь 1631 г.)	153
Брейтенфельд (17 сентября 1631 г.)	155
От Брейтенфельда до Майнца (сентябрь—декабрь 1631 г.)	157
От Майнца до Леха: судьба рейнских епископств и позиция Франции	159
Возвращение Валленштейна. Саксонцы оставляют Богемию (зима и весна 1632 г.)	160
Переход через Лех (14—15 апреля 1632 г.). Шведы в Баварии	161
Второй генералат Валленштейна	163
Летние бои во Франконии: Нюрнберг, Фюрт, Альте Фесте	165
Рейд Голька (август—октябрь 1632 г.)	167

Лютцен (16 ноября 1632 г.)	168
Консолидация протестантской Германии. Гейльброннский союз	173
Размеры угрозы.	177
Кампания 1633 г. Гессиш-Ольдендорф, Швейдниц, Штейнау, падение Регенсбурга	178
Отстранение Валленштейна	180
Эгерское убийство (25 февраля 1634 г.)	182
Испанская помощь, кардинал-инфант, взятие Регенсбурга	185
Нордлинген (5—6 сентября 1634 г.)	188
Размеры катастрофы и последствия	192
Пражский мир (май 1635 г.)	194
Вопрос с кальвинистами и олигархизация Империи	197
Глава 7. Консолидация и кризис Пражской системы: 1635—1641 гг.	199
Франко-испанский разрыв и позиция Империи	199
Поведение Швеции. Висмарский договор (март 1636 г.) ..	201
Возобновление военных действий на севере. Банер на Эльбе, Демитц и Киритц (октябрь—декабрь 1635 г.) ..	203
«Патриотизм» имперских сословий	204
Кампания 1636 г. Сражения во Франции, Бургундии, Эльзасе	204
Северо-запад: Витшток (4 октября 1636 г.)	207
Торгау, обратный отход Банера в Померанию, кризис 1638 г.	209
Возвращение Банера в Саксонию, Хемниц (14 апреля 1639 г.)	210
Последние успехи Пражской системы. Съезд в Регенсбурге, кончина Фердинанда II	211
Фердинанд III	214
Глава 8. Кризис и начало распада Пражской системы 1638—1641 гг.	217

Перелом на юго-западе. Бернгард на Рейне. Двойная битва под Рейнфельденом (февраль—март 1638 г.)	217
Битва за Брайзах: Виттенвейер, Танн, Вальдсгут (август—ноябрь 1638 г.)	220
Капитуляция Брайзаха (декабрь 1638 г.)	222
Шведско-французское партнерство	224
Банер под Регенсбургом, Пресснитц (март 1641 г.)	224
Начало распада имперской коалиции	226
Амалия Елизавета и брауншвейгские герцоги	227
Фридрих Вильгельм Бранденбургский	231
Союзники сплачивают ряды: франко-шведский договор 1638 г.	232
Реакция Вены и реституция Вюртемберга	233
Рейхстаг в Регенсбурге	235
Гамбургский «прелиминарий» (декабрь 1641 г.)	236
Глава 9. Долгий путь к миру: 1641—1648 гг.	238
Разорение и кризис сословных ценностей	238
Поражение Испании: Нидерланды, Лиссабон, Каталония, Рокруа	239
Прибытие Торстенсона, кампания в Силезии и Моравии. Ольмюц	241
Осада Лейпцига	243
«Второй Брейтенфельд» (1642 г.)	244
Датская кампания. Торстенсон в Ютландии (1643—1644 гг.)	245
Гибель армии Галласа. Киль, Магдебург, Ютербог	248
Сражения на нижнем Рейне и в Гессене. Кемпен (январь 1642 г.)	250
Битва за Швабию. Туттлинген и Фрайбург (1643—1644 гг.)	253
Кампания 1645 г. на востоке. Янков (6 марта)	255
Шведы под Веной, выступление Ракоци, Брно (лето и осень 1645 г.)	259

Кампания 1645 г. на юге. Мергентгейм и второй Нордлинген	260
Выход из войны Саксонии, перемирие в Кетченброде (октябрь 1645 г.)	263
Глава 10. Путь переговоров: 1645—1648 гг.	265
Подготовка к мирным переговорам. Франкфуртский съезд, приглашение Сальвиуса, позиции сословий	265
Начало переговоров, позиции сторон	268
Для чего нужен мир? Вопросы чести, репутации и сатисфакции	270
Переговоры Траутманнсдорфа с коронами (сентябрь 1645—февраль 1647 г.)	272
Кампания 1646—1647 гг. Врангель и Тюренн в Баварии, перемирие в Ульме (март 1647 г.)	275
Проекты решения религиозных вопросов в 1645—1647 гг. Отъезд Траутманнсдорфа	277
Прекращение перемирия, Цузмарсгаузен, завершение гессенской войны	282
Кенигсмарк под Прагой (июль—октябрь 1648 гг.)	283
Конгресс преодолевает кризис. Консолидация «умеренных» и подписание мира (июль 1647—октябрь 1648 г.)	287
Вестфальский мир	289
Глава 11. Итоги войны. Общество и память.	294
Что принесла война Германии?	294
Людские и материальные потери	296
Последствия в хозяйственной сфере	298
Война для войны: вооружение, тактика и стратегия	300
Война и литература	309
Музыка	312
Гравюра и живопись	313
Война и память	315
Петергофский «Нептун»	320
Заключение	323

Примечания	329
Избранная библиография	353
Указатель имен	361

Научное издание

Андрей Юрьевич Прокопьев

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Редактор издательства *Т. Л. Ломакина*

Художник *П. Палей*

Компьютерная верстка *А. Л. Селяниновой*

Корректор *Л. Д. Колосова*

Подписано к печати 17.02.2020. Формат 60 × 88 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24.5. Уч.-изд. л. 21.6.
Тираж 1000 экз. Тип. зак. 1051

ФГУП «Издательство «Наука»
117997 г. Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел.: +7(495)276-77-35, e-mail: info@naukaran.com
<https://naukapublishers.ru>
<https://naukabooks.ru>

Санкт-Петербургский филиал
ФГУП «Издательство «Наука»
199034 г. Санкт-Петербург, 9 линия В.О., д. 12/28
тел.: +7(812)323-65-69, e-mail: secretspb@naukaran.com

Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

БИБЛИОТЕКА
ВСЕМИРНОЙ
ИСТОРИИ



ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

1618 год стал началом самой кровавой войны раннего Нового времени. В бою сошлись крупнейшие державы Западной и Восточной Европы — Германская империя и германские княжества, Франция, Испания, Швеция, воевавшие за веру и политическое первенство. На полях сражений проявили себя виднейшие полководцы той эпохи — шведский король Густав-Адольф, Валленштейн и Тилли, в своих кабинетах исхода баталий ждали знаменитые государственные деятели XVII века — кардинал Ришелье и канцлер Оксенштирна. Но почему эпицентром ее стали земли Германии и Империи, и что заставило принести в жертву почти шесть миллионов жизней? Почему столетия спустя так неохотно вспоминают ее немецкие корни, а война перестала быть «немецкой»? Можно ли найти альтернативу старым трактовкам, рожденным под влиянием мировоззренческой конъюнктуры и политических постулатов? Можно ли, наконец, попытаться заглянуть на события из их гущи и объяснить трагедию мнением и логикой ее современников? Книга А. Ю. Прокопьева (Институт истории СПбГУ) отвечает на эти и другие вопросы.